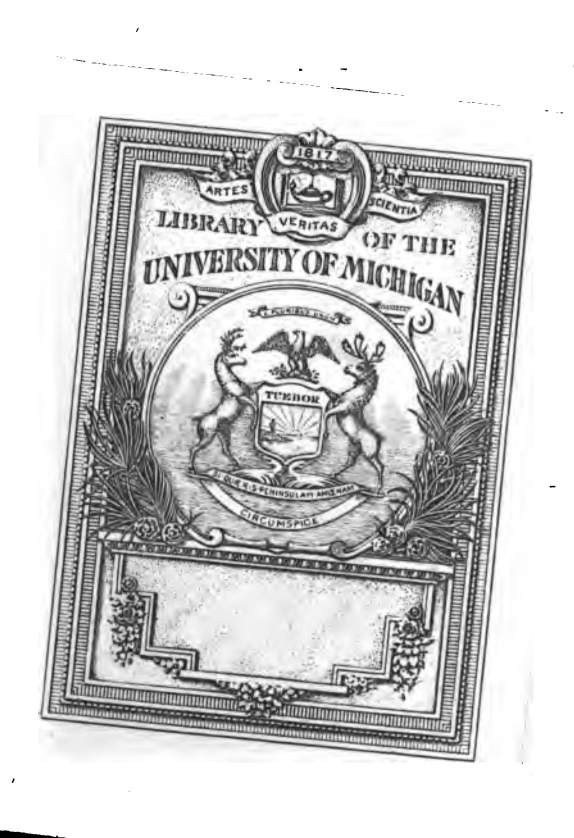

1817
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
CIRCUMSPICE

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Марта 20 1848 года.

Цензоръ *Никитенко.*

СОЧИНЕНІЯ

Dolgorukoi, Ivan Mikhailovich.

ДОЛГОРУКАГО

(Князя Ивана Михайловича.)

Угоденъ — пусть меня читаютъ,
Противенъ — пусть въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не ищу.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

Цѣна за два тома два р. сер.

СУМЕРКИ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Лучше десять разъ горѣть,
Чѣмъ однажды овдовѣть.

Русская пословица.

ГЕНІЮ.

Кому, кромѣ тебя, милый другъ мой, могу я посвятить весь этотъ плодъ мрачнаго моего воображенія и печальнѣйшихъ дней жизни? Ты былъ мой Геній; тебѣ принадлежатъ всѣ мои горестныя вдохновенія! Доколѣ ты украшала свѣтъ собою, я тебѣ не приносилъ въ жертву стиховъ; нѣтъ! Когда я ими дарилъ весь твой полъ, тогда я посвящалъ тебѣ мою душу, мое сердце, каждую минуту моего бытія, и этимъ только возможнымъ смертному приношеніемъ хотѣлъ столько отличить чувства мои къ тебѣ отъ всѣхъ общихъ мнѣ съ другими пристрастій, сколько отличали тебя отъ прочихъ твой рѣдкій нравъ и свойство. Твоему разсудку, твоей кротости, твоимъ пріятнымъ внушеніямъ я обязанъ былъ всѣми драгоцѣнными минутами моего существованія. Ты научила меня быть добрымъ и полезнымъ и заставила меня чувствовать всѣ тѣ прелести жизни, какія ощущаемъ мы, когда благонравная и любезная женщина обладаетъ нами. Сердце мое кружилось, не умѣло быть постоянно, не стоило тебя; — это правда; но когда я входилъ во внутренность его, когда могъ его находить свободнымъ отъ паровъ пламеннаго во-

ображенія, я всегда зрѣлъ въ немъ образъ *Евгеніи* выше всѣхъ въ свѣтѣ, и никакой иной предметъ не силенъ былъ въ этомъ чистилищѣ прямой любви выдержать сравненія съ тобою; послѣ бурныхъ волненій страстей, послѣ порывистыхъ желаній обольщеннаго взора и ума, ты всегда находила мѣсто свое въ моемъ сердцѣ, и тебѣ, какъ Богу, курилъ я жертву истинной любви. Когда изображенья многихъ стиралисъ въ душѣ моей и не оставляли даже малѣйшаго о себѣ напоминанія, одинъ твой образъ въ немъ день отъ дня врѣзывался глубже, и слова твои были для меня закономъ. О, безподобное преимущество добродѣтели! священныя права непорочности! вы были сокровище моей *Евгеніи* и неотъемлемая ея собственность! Съ восторгомъ исповѣдую я публично сіи сокрытыя въ глубинѣ сердца моего истины; и чѣмъ инымъ могу я воздать милому праху безподобной жены за всѣ ея благодѣянія, за ту блаженную судьбу, которою, наслаждаясь 17 лѣтъ, обязанъ былъ одной ей, ея наставленіямъ, ея любви?—Она занимала мой разумъ, украшала мое воображеніе, просвѣщала мое понятіе и, останавливая нерѣдко на скользкомъ пути заблужденія, предупреждала пагубныя его послѣдствія; раздѣляя съ терпѣливостью стоическою иго моей бѣдности, она безъ ропота сносила мои недостатки, плакала со мною о тѣхъ бѣдствіяхъ, кои навлекалъ я на себя собственною своею неосторожностью. Вотъ ея жертвы, — а мои,.. увы! состоятъ только въ стихахъ.

Я же могу ни чѣмъ возвысить ея жребія: титло; одно титло громче другаго въ свѣтѣ, есть — бѣдное пріобрѣтеніе для добродѣтели. Какъ зодчій зиждетъ зданіе, такъ она приготовляла меня постепенно быть способнымъ доставить ей въ старости дней ея то спокойствіе, какого вправѣ была она ожидать отъ Безсмертныхъ; но рокъ похитилъ ее у меня, какъ бы къ усугубленію потери моей, въ то время, когда, свойственно существамъ нашего пола, теряя мечты обманутыхъ чувствъ, начинать пріучаться къ счастію имѣть нѣжную подругу и беречь сей даръ боговъ неоцѣненный. Она меня не слышитъ уже, не видитъ, и я только на бездушный смотрю истуканъ ея. Если перо мое когда-либо испорчено могло быть лестью (если, говорю я потому, что; будучи простодушенъ, я никогда не обманывалъ другихъ иначе, какъ обманываясь прежде самъ, слѣдовательно внушалъ какъ истину то, что мнѣ ею подлинно казалось) — то никогда не было ея менѣе въ устахъ моихъ, какъ нынѣ. — Сердце мое изливаетъ на бумагу весь сосудъ печали своей въ память одной *Евгеніи*, которую еще дерзаю назвать *моею*, хотя душа ея Небу одному уже принадлежитъ. Міръ, это пространное эхо безчисленныхъ языковъ, судитъ о движеніяхъ сердца по внѣшнимъ однимъ чертамъ нашихъ лицъ и поступковъ; онъ не знаетъ тайны сердца моего, и я на судъ его не отдамъ ее вовѣки; но ты, *Евгенія*, ты знала мою душу, и съ неба взирая на мою печаль, отдашь справедливость тѣмъ

чувствамъ моимъ къ тебѣ, новый памятникъ твой вѣковѣчный украшаю! Но, ахъ! вмѣстѣ съ симъ я тѣнь твою драгайшую не обольщаю; я сынъ Природы, и не смотря на всеедневный источникъ слезъ моихъ, проливаемыхъ надъ каждой бездѣлкой, послѣ тебя у меня сохранившейся, хотя также, какъ одинъ писатель, тужу всякой часъ о томъ, для чего время похищаетъ самыя наши печали о смерти милаго предмета, и часъ-отъ-часу дѣлаетъ ихъ слабѣе, — не смотря на всю чрезвычайность мучительной тоски, — можетъ быть, я судьбою выставленъ буду на-показъ міру, дабы послужить новымъ примѣромъ человѣческому роду, что нѣтъ постояннаго сокрушенія, и что Натура тверда въ своихъ законахъ, независимо отъ положенія нашего сердца. — Пусть собраніе сихъ стиховъ, именемъ твоимъ одушевляемыхъ, будетъ послѣдній видимый даръ мой на твоемъ гробѣ! Я не тщетно назвалъ его *Сумерками*, — ты была солнце лучшихъ лѣтъ моей жизни! Музы и пріязнь поддерживали сирые дни мои; имъ я обязанъ былъ роздыхами отъ убійственной моей печали, которая если скоро послѣ послѣдняго твоего вздоха не извлекла и моего, то для того единственно, чтобъ оправдать сію ужасную истину, что нѣтъ той бѣды на свѣтѣ, которой бы человѣкъ не пережилъ.

1806 года Декабря 20 дня.

СУМЕРКИ МОЕЙ ЖИЗНИ.

24 Декабря, въ день ея имянинъ.

Pour l'aimer c'est trop peu d'une âme, je le sens;
Et pour la regretter, c'est trop peu de la vie.

Тебѣ, Евгенія, приносимъ
Любимый твой Адажіо въ даръ!
Природу, мать всѣхъ тварей, просимъ,
Да уврачуетъ нашъ ударъ!
Въ ея ты нѣдра возвратилась;
Тебя не слышимъ мы — не зримъ,
И гдѣ душа твоя сокрылась,
Увы! вотще познать хотимъ.

Приникни къ намъ съ высотъ священныхъ!
Услыши сей печальный хоръ
Супруга, чадъ преогорченныхъ,
И кинь на домъ, сей домъ, — твой взоръ!
Твоихъ пріятствъ изображенье
Изъ глазъ не выйдетъ никогда;
Любезныхъ свойствъ воображенье
Въ умахъ осталось навсегда.

Къ тебѣ мы руки воздѣваемъ,
Изъ сердца вздохъ унылый шлемъ;
Тебѣ всю нашу скорбь вѣщаемъ,
Блажимъ, боготворимъ, поемъ:

Въ странѣ, гдѣ всѣхъ существъ Зиждитель
Для правыхъ душъ устроилъ рай,
Ты будь въ ней ангелъ нашъ хранитель,
И сирыхъ насъ не забывай!

О, Боже! насъ всего лишившій,
Отнявшій друга, мать, жену,
И мглой отчаянья покрывшій
Дней нашихъ осень и весну —
Реки, судьбу мою свершая,
Реки мнѣ, Господи: — умри!
И, съ ней меня вновь съединяя,
Намъ вѣчну память сотвори!

Въ день ея рожденія, 25 Декабря.

Возьми меня, мой другъ сердечной!
Возьми къ себѣ въ небесный край!
Съ тобой отрады жизни вѣчной,
Съ тобой вкушать тамъ буду рай.
Увы! что въ жизни сей мятежной,
Гдѣ тишины нельзя найтить,
Гдѣ рокъ всѣмъ общій, неизбѣжной —
Грустить, вздыхать и слезы лить?

Ни что меня не утѣшаетъ
Въ разлукѣ вѣчной здѣсь съ тобой,
И каждый мигъ лишь удаляетъ
Отъ чувствъ растроганныхъ покой.

Что прежде мысли занимало,
Исчезло все, какъ легкій сонъ;
И сердце нѣжное спознало
Тоски ужасный тяжкій стонъ.

Въ моей уединенной долѣ
Какой отрадой духъ польстишь?
Блаженства нѣтъ и на престолѣ,
Когда на немъ одинъ сидишь.
Самъ-другъ велитъ намъ жить Природа;
Душа въ другой душѣ живетъ:
Несноснѣй смерти та свобода,
Котора цѣпь любезну рветъ.

Я эту цѣпь безъ принужденья
Носилъ семьнадцать слишкомъ лѣтъ;
А смерть, ея разсыпавъ звенья,
Тюрьмой назначила мнѣ свѣтъ.
Пора, пора мнѣ съ нимъ разстаться;
Искать въ той вѣчности угла,
Гдѣ бъ можно было не терзаться,
И съ милымъ другомъ жить безъ зла!

Печаль, болѣзнь оставя смертнымъ,
Какъ ихъ естественный удѣлъ,
Я жажду къ существамъ безсмертнымъ
Проникнуть смерти за предѣлъ,
И тамъ, во области священной,
Въ прохладѣ вѣчно-ясныхъ дней,
Съ женой единственной, безцѣнной,
Жить сердцемъ, мыслью и душей!

РОМАНСЪ.

31 Января, въ день, въ который я на ней женился.

—

Потерявши все на свѣтѣ
Съ безпримѣрною женой,
Что жъ осталось мнѣ въ предметѣ,
Кромѣ смерти лишь одной?

Всякій день мое несчастье
Множитъ пропасть мыслей злыхъ;
Все вокругъ меня ненастье,
А дни ясны для другихъ.

Ахъ! кому теперь открою
Тайны чувства моего?
Съ кѣмъ дѣлиться мнѣ душою,
Сердцу биться для кого?

Въ безконечной сей громадѣ,
Что̀ вселенною зовутъ,
Гдѣ найду я путь къ отрадѣ?
Мила друга нѣтъ ужъ тутъ!...

Онъ отъ глазъ моихъ сокрылся,
Не на часъ — а навсегда!
Съ нимъ я жизнью веселился;
Безъ него мнѣ жизнь — бѣда!

Всѣ душевны восхищенья,
Все вниманіе друзей,
Ласки нѣжной услажденья
Находилъ въ женѣ моей:

Она рай мнѣ созидала
Безподобный при себѣ,
Цѣну жизни придавала
И красу моей судьбѣ;

Я не зналъ тогда печали,
Не страдалъ уединенъ;
Всюду радости встрѣчали;
Дома вдвое былъ блаженъ;

Я любилъ, и быть любезнымъ
Искалъ другу моему, —
И страданьемъ безполезнымъ
Не былъ въ тягость никому;

А теперь мнѣ все несносно!
Что ни дѣлай, нѣтъ ее!
Для чего жъ не смертоносно
Мнѣ отчаянье мое?

Для чего вы продолжили,
Боги, тщетну жизнь мою?
Для чего вы растворили
Токи слезны, кои лью?

Я дышу еще къ мученью,
Не желая ничего,

И враждуя утѣшенью,
Жду отъ времени того,

Чтобъ свою явило силу
Не цѣлить мою печаль,
Но вселить въ одну могилу
Съ той, кого до смерти жаль!

Тоска.

—

Все на свѣтѣ заблужденье,
Видимъ ясно всякій день;
Гдѣ жъ прямое утѣшенье?
Иль вездѣ его лишь тѣнь?

Насъ природа обольщаетъ,
Пустяками все манитъ;
Тѣмъ поутру восхищаетъ,
Чѣмъ на вечеръ погубитъ.

Для чего тотъ садъ, тѣ воды,
Гдѣ мнѣ годъ казался мигъ,
Гдѣ дурной не зналъ погоды,
Нынче хуже всѣхъ другихъ?

Ахъ! вся жизнь ни что̀ какъ мука,
Злыхъ путей горчайшій слѣдъ;
Съ ней мгновенная разлука
Легче всѣхъ на свѣтѣ бѣдъ.

Каждый день, какъ солнце встало,
Нову шлетъ судьба печаль;
Солнце къ западу лишь пало,
Все чего-нибудь да жаль!

Долго ль будемъ мы шататься
Какъ тростникъ въ юдоли сей?
Долго ль будемъ обольщаться
Измѣненіемъ страстей?

Лучше ввѣкъ бы не родиться,
Въ пустотѣ хаоса быть,
Чѣмъ съ разсудкомъ все браниться,
Или съ сердцемъ все тужить.

Жизни входы отверзая,
Тяжко всякой день страдать;
Тяжко, пепелъ въ хлѣбъ вмѣняя,
Питье съ плачемъ растворять.

И сію судьбу блаженствомъ
Иногда еще зовемъ!
Все творимъ съ несовершенствомъ,
А премудрыми слывемъ;

Мы вселенной обладаемъ,
Мы гордимся красотой;

Мы богатство расточаемъ:
Что жъ мы сами? — Прахъ земной.

Смерть! тебя пусть тотъ страшится,
Кто печали не позналъ,
Кто лишь въ радостяхъ слезится
И въ недугахъ не вздыхалъ.

Для меня здѣсь нѣтъ покою,
Я во гробъ къ нему сойду:
Разлучася самъ съ собою —
Всѣмъ бѣдамъ конецъ найду!

Жизнь.

Qu' est ce que la vie? — une guerre —
Une guerre eternelle avec le malheur.

Посмотришь на себя, посмотришь на людей:
То скука, то печаль—нѣтъ дня безъ приключенья,
Минуты безъ досадъ, часа безъ огорченья;
И вся-то наша жизнь не стоитъ двухъ грошей.

Родимся — закричимъ, въ пеленки завернемся
И въ нихъ уже болѣзнь присутствовать начнетъ:
То вырѣжется зубъ, то колика пройметъ,
А съ оспой наконецъ порядочно набьемся.

Лишь станетъ разумѣть ребенокъ что-нибудь,
То въ школу; тутъ онъ книгъ полсотни прочитаетъ,
На прописи, на цифирь стопъ десять измараетъ.
Всему гораздъ дитя; каковъ-то будетъ путь?

Изъ школы молодецъ на службу покатилъ;
Хотя законовъ онъ своихъ еще не знаетъ,
Но такъ какъ гражданинъ, родъ жизни избираетъ:
Про то ему старикъ отецъ уже внушилъ.

Куда же молодца запишемъ, для примѣра? —
Въ солдаты? Хорошо — ружье ему, тесакъ.
Капралъ кричитъ въ сердцахъ за все про все не такъ;
Тотъ слово — онъ туза, — а фухтель не химера.

Игрушкою такой — (легко повѣрить мнѣ)
За Логикой убивъ всю молодость исправно,
Не всякому, я чай, потѣшиться забавно,
И фухтелемъ рѣшить проблемы на спинѣ.

Куда же молодца? — Ужъ ли пойти въ отставку?
Зачѣмъ? — Пускай его идетъ въ приказный чинъ;
Тамъ будетъ дѣйствіямъ онъ изыскивать причинъ,
И станетъ брать къ себѣ изъ всѣхъ кармановъ справку.

А Логика? — Нельзя; она вѣдь говоритъ,
Что кто безъ всякихъ правъ польстится взять чужое,
Безчестно поступя, тотъ сдѣлаетъ худое;
Отъ мысли сей одной ужъ онъ съ стыда горитъ.

Онъ очень честенъ, добръ и судитъ безпри-
страстно,
Да сверхъ того еще курсъ Физики прошолъ,
Виргилій въ головѣ, Алгебру всю смололъ,
На глобусѣ весь свѣтъ межуетъ распрекрасно.

Острякъ — а хлѣба нѣтъ, и даромъ не дадутъ.
Тѣ мимо его чинъ, тѣ пенсію хватаютъ;
Онъ нудится — а рай другіе восхищаютъ,
И трудъ его цѣнитъ весьма нерѣдко шутъ.

Какъ въ случаѣ такомъ прикажете рѣшиться?
Хоть *Канта* въ микроскопъ какъ мошку разбери
И древнихъ мудрецовъ всѣ строчки разсмотри;
Взять стыдно, а не взять — такъ воздухомъ пи-
таться.

Инъ лучше кинуть все, — взялъ абшитъ и домой.
Прекрасно! право такъ; почувствуй тамъ сво-
боду,
Не будутъ ни тебѣ, ни ты скучать народу;
Въ блаженной простотѣ узнаешь ты покой.

Геснера вѣдь читалъ; — прекрасныя овечки
Съ прекраснымъ пастушкомъ пасутся тамъ
всегда,
Лазурный сводъ небесъ, прозрачная вода,
Тамъ мѣсяцъ вмѣсто свѣчъ, а солнце вмѣсто
печки.

Пріѣхалъ? что нашелъ? — Пастухъ мой какъ
пастухъ,
Арапникомъ овецъ претолстыхъ погоняетъ,

Стрижетъ ихъ безъ пощадъ, и грамотѣ не знаетъ,
И вмѣсто миртовъ, ахъ! какой прескверный духъ!

Тамъ осень — вечера — зимой пошли морозы;
Подай-ка, малый, свѣчъ—внеси-ка, Фомка, дровъ.
Ахти, какой климатъ! не весь ль онъ такъ суровъ?
Бесѣды никакой — лишь тянутся обозы.

Семъ въ городъ? — Въ лучшій свѣтъ—и, вѣдомо, ступай;
Тутъ молодости всѣ пріятности явятся,
Нѣжнѣйши страсти въ духъ тихохонько вселятся;
Рѣзвись,—играй — люби: — вотъ счастье гдѣ — вотъ рай!

И подлинно раекъ — любовная досада,
Вражда большихъ господъ—коварство, гордость, лесть,
Насиліе сердецъ, обманчивая честь,
За правду — гнѣвъ и зло, за происки — награда.

Друзей ни одного — враговъ и счету нѣтъ;
Снаружи видъ небесъ — въ душѣ весь дымъ геенны;
Корысть единый Богъ — ей всѣ порабощенны:
Не правда ль, какъ хорошъ повсюду лучшій свѣтъ?

Женился? — трепещи — предупреждай измѣны;
Дѣтей далъ Богъ? — ищи, чѣмъ юныхъ пропитать;
Кому помолвить дочь, — куда сынка дѣвать;
Почувствуй ихъ судьбы внезапныя премѣны.

А между тѣмъ вѣдь ты въ надеждѣ, что твое
Имѣнье отъ обидъ заочно охранится,
Твой пахарь, домъ, земля отнюдь не разорится;
Провѣдай, господинъ помѣщикъ — сгибло все.

Но можно, чай, просить, чтобъ слѣдовать велѣли.
Конечно — о! тогда все въ ценость приведутъ!
Изъ тяжбы въ тяжбу такъ тебя жъ заволокутъ,
Что будешь радъ тому, что самаго не съѣли.

Вотъ всѣхъ суетъ успѣхъ и жизни общей мзда.
О славѣ уже здѣсь не говорю ни слова;
Спросите на ушко изъ знатныхъ баръ любова,
Не жметъ ли ихъ подчасъ алмазная звѣзда?

А молодость едва промчитъ на крыльяхъ время,
Не взвидишь, какъ тотчасъ морщины посѣтятъ;
Тутъ новыя совсѣмъ потѣхи взвеселятъ,
Природа на тѣла злосчастій кинетъ бремя.

Зачнешь похоронять родителей, друзей,
Нерѣдко милыхъ чадъ оплакивать кончину,
Терять послѣднихъ благъ единственну причину—
Любовницу, жену, того, кто всѣхъ милѣй.

Останешься одинъ — одинъ въ пространствѣ міра,
Во всѣхъ семействахъ гость, во всѣхъ странахъ чужой,
О, мысль, ужасный адъ влекущая съ собой!
Среди милльоновъ душъ — себя увидишь сира!

Въ добавокъ геморой съ подагрою самъ-другъ,
Одышка, параличъ, безъ зву:нахаломъ грянутъ,
Служители души откланиваться станутъ,
Смеркаться быстрый взоръ и глохнуть тонкій слухъ.

А прежде всѣхъ Амуръ — о, дитятко любезно!
Какъ нѣжный къ ночи цвѣтъ завянетъ, опадетъ,
Сосудъ земныхъ отрадъ до-суха изведетъ,
И вѣчно поминать себя научитъ слезно.

Потомъ еще годокъ — и мать сыра земля,
Объемля насъ въ своихъ могилахъ безконечныхъ,
Свершитъ натуры долгъ и цѣль Судебъ предвѣчныхъ, —
Царя съ рабомъ равно пригоршней надѣля.

Таковъ-то нашъ животъ! — Ахъ! еслибъ человѣки
Могли такую смѣсь заранѣе познать,
Не чаю, чтобы кто замешкался сказать:
О, Господи! не дай родитися вовѣки!

Старинка.

Des simples jeux de son enfance
Heureux, qui se souvient longtems.

Пріятно вспомнить старину,
Задумавшись остановиться,
И мысленно поворотиться
Минутъ протекшихъ въ глубину!
Въ такомъ уныломъ размышленьи,
Питаясь милою мечтой,
Какъ часто сердца утѣшеньи
Съ душевной смѣшены тоской!

Уже далеко отъ меня
Моя ты, юность драгоцѣнна,
Эпоха жизни преблаженна!
Тебя возобновить нельзя.
Ты скоро бѣгъ свой совершила,
Едва твои примѣтилъ дни;
Но, ахъ! ихъ память не простыла,
И въ ней присутствуютъ они.

Куда вы дѣлися, часы,
Когда, не вѣдая, что скучно,
Смотрѣлъ на роскошь равнодушно
И презиралъ ея красы?
Печаль какъ аспидъ не сосала
Души незлобивой моей,

Хандра *) ума не посѣщала;
О! — я и незнакомъ былъ съ ней.

Какъ часто въ клобы я тогда
Пріѣхать прежде всѣхъ старался,
Домой послѣдній возвращался;
И не забуду никогда
Тѣхъ польскихъ, въ коихъ столь прекрасно
Весь вечеръ съ милой проведя,
Твердилъ о страсти ей всечасно,
Очей горящихъ не сводя!

Восторгомъ нѣжнымъ увлеченъ,
Бывало, мнѣ не до фигуры;
Проворно строю только куры,
И, въ полной мѣрѣ ставъ блаженъ,
Я мнилъ, разставшися съ дражайшей,
Ее какъ бога полюбя,
Что ужъ достигъ до величайшей
Блаженства мѣры для себя!

Воксалы, пикники, редутъ
Въ систему мы не приводили;
Но тмы забавъ тамъ находили,
Не видя, какъ часы бѣгутъ.
Причудъ жеманства не знавали,
Рѣзвились просто, безъ чиновъ;
Ума въ карманахъ не искали,
На случай былъ всегда готовъ.

---

*) Въ моемъ лексиконѣ такъ называется ипохондрія.

Спасибо памяти моей;
Еще она не такъ ветшаетъ:
Нерѣдко мнѣ воображаетъ
Пріятство тѣхъ прекрасныхъ дней;
Я въ ней сокровище имѣю
Неисчерпаемыхъ утѣхъ,
Отъ грусти нынѣшней умѣю
Прошедшихъ лѣтъ припомнить смѣхъ.

Какъ-будто лавка, гдѣ нарядъ
Различныхъ вкусовъ продается,
Гдѣ алый съ чернымъ цвѣтъ столкнется,
Бери, что̀ встрѣтится на взглядъ:
Такъ точно память запасаетъ
Печаль и радость прежнихъ лѣтъ,
А мысль тотъ случай избираетъ,
Который ей на вкусъ придетъ.

Скажите, сверстники мои!
Подъ общимъ небомъ вы судьбою,
Въ Москвѣ родившися со мною,
Ужъ ли вы, радости свои
Равняя съ прежними годами,
Когда все возлѣ васъ цвѣло,
Какъ я, не чувствуете сами,
Что нынѣ все не такъ пошло?

Сему причина, скажутъ, та:
По мѣрѣ, какъ проходятъ годы,
Должна исчезнуть отъ природы
Живой веселости черта.

А свѣтъ таковъ же постоянно,
Какъ брошенъ былъ изъ рукъ Творца:
Горятъ въ немъ астры безпрестанно,
Но стынутъ только лишь сердца.

Не свѣтъ, а духъ намъ измѣнилъ;
Природа хочетъ неотступно,
Чтобъ съ юностію совокупно
Терялся быстрый подвигъ силъ,
А съ нимъ терялось вмѣстѣ свойство
Надежности въ самихъ себѣ:
Итакъ почтимъ Боговъ устройство,
И покоримся ихъ судьбѣ.

Ахъ, нѣтъ! мои друзья! не такъ
На этотъ счетъ я разсуждаю;
Робятъ и нынѣче я встрѣчаю,
Но лицъ веселыхъ ужъ никакъ:
Всѣ стали томны, скучны, вялы,
Никто не радъ здѣсь ни чему;
Давай, какіе хочешь, балы —
Въ нихъ нѣтъ отрады никому.

А мы-такъ въ прежніе года
Китайской тѣнью восхищались,
И фокусъ-покусомъ прельщались;
А коль на званный балъ когда
Поѣхать счастье насъ поищетъ,
То всякой, право я не лгу,
Противъ того числа запишетъ
Въ карманной книжкѣ крестъ въ кругу.

Теперь потѣху Богъ послалъ
Одну — но долго ль то продлится —
Большой и малый, все стремится
Въ пыли подъ самый зной на валъ;
Да и туда всѣ пріѣзжаютъ,
Когда зги Божьей не видать;
А день-деньской куда дѣваютъ,
По чести трудно отгадать.

Итакъ, коль хочетъ человѣкъ
Съ примѣрами сообразиться,
Сравнять отъ скуки потрудиться
Съ прошедшимъ настоящій вѣкъ,
Онъ тотчасъ въ самомъ ихъ сложеньи
Большую разницу найдетъ:
Не даромъ рѣчь въ употребленьи:
Всегда вѣкъ на вѣкъ не придетъ.

О, память дней, которыхъ нѣтъ!
Живи въ моемъ воображеньи,
Храни кратчайшія мгновенья
Моихъ благополучныхъ лѣтъ!
Готовь пріятное мнѣ средство
Мою украсить сѣдину,
Чтобъ могъ смягчить недуговъ бѣдство,
Съ улыбкой вспомня старину!

Великимъ.

Великъ, кто противъ всѣхъ превратностей судь-
бины
Терпѣніе какъ щитъ поставилъ предъ собой!
Его не потрясутъ земные исполины,
Владыки не плѣнятъ ума его мечтой.

Дѣлить огромный пиръ съ роскошными сынами,
Есть дѣло нашихъ чувствъ, обычное для всѣхъ;
Но слезу чтобъ пролить надъ смертнаго бѣдами
Умѣлъ ли ставить, кто въ ряду своихъ утѣхъ?

Быть въ славѣ, въ торжествѣ, внимать народну
клику
Кто всякой день изъ насъ стократъ не возже-
ларъ?
Кому нейдетъ на мысль въ народѣ слыть велику?
А вправду стать такимъ едва ль кто достигалъ.

Пусть всякой, кто сердецъ изгибы разумѣетъ,
Кто съ Ноевыхъ временъ исторію прочелъ,
Пусть скажетъ, коль сказать онъ правды не
робѣетъ,
Кого, когда и гдѣ великаго нашелъ?

Историкъ! дай отвѣтъ на всѣ мои вопросы,
Доводы собери изъ кучи древнихъ книгъ,

Людскихъ затѣй и дѣлъ изслѣдуй всѣ хаосы,
И перстомъ укажи, кто былъ великъ хоть мигъ!

Въ волненіи страстей владѣлъ ли кто собою?
Прощалъ ли кто врага, когда онъ могъ терзать?
Гнушаясь хитрыхъ устъ коварною хвалою,
Кто правды грубый гласъ ей зналъ предпочитать?

Кто въ жизни всякой шагъ размѣрилъ такъ пристойно,
Что могъ, не устрашась, внезапно умереть,
И славы почиталъ лишь то одно достойно,
Чтобъ ближнему помочь, о немъ душой радѣть?

Кто, малой свой удѣлъ достаточнымъ считая,
Чужое могъ бы взять, но правомъ тѣмъ мерзилъ,
Или, трудомъ ума сокровища сбирая,
На встрѣчу бѣднымъ текъ и нищаго снабдилъ?

Кто въ воѣ при полкахъ, щадя враговъ безумство,
Багряной крови токъ стремился удержать,
Согласья и любви питая нѣжно чувство,
Не веси и града — сердца умѣлъ плѣнять?

Кто, краткой жизни сей исчисля дни и годы,
Не тратилъ въ суетахъ на пользу данный вѣкъ,
Безъ общаго добра не зрѣлъ своей выгоды,
И помнилъ каждый часъ, что онъ лишь человѣкъ?

Се мой Великій мужъ! кажи его вселенна,
Вѣщай его дѣла, труби ихъ въ полный рогъ!

Да будетъ въ родъ и родъ ихъ память незабвенна!
Восхвалятъ сихъ Мужей и рабъ, и царь, и Богъ,

Кто сей? гдѣ онъ? реки... паду я ницъ на землю,
И края ризъ его со трепетомъ коснусь;
Въ восторгѣ паче мѣръ стопы его объемлю,
Воздвигну ему храмъ, подъ кровъ его вселюсь!

Явитесь мнѣ на мысль владыкъ воспѣтыхъ роды!
Въ единствѣ видя васъ, я дивныхъ зрю вождей;
Но рядомъ разсмотря подвластны вамъ народы:
Тирановъ, тонкихъ тма, великихъ нѣтъ мужей.

Доколь въ васъ кровь течетъ и разумъ суетится,
Великъ! кричитъ соборъ поверженныхъ гражданъ;
Изыдетъ только духъ, личина съ васъ валится,
Ходули затрещатъ — сталъ карлой великанъ.

Примѣровъ ли искать?—Увы! ихъ такъ же много,
Колико при краяхъ морскихъ песочныхъ зернъ!
Природа лишь одна хранитъ уставъ свой строго:
И знатный трупъ, и мой одинъ покроетъ дернъ.

Почувствуемъ убо, разсудокъ очищая,
Что, сколько мы себя великими ни чтимъ,
И сколь ни выситъ насъ льстецовъ молва гнилая,
Мы немощей сосудъ и мудрость наша дымъ.

Ни громкой подвигъ нашъ насъ въ гробъ не провождаетъ,
Ни мыслей быстрый сонмъ за нами не летитъ;

Желанья, волю, мочь, все вѣчность поглощаетъ:
Вчера за нами все — севодни прочь бѣжитъ.

Познаемъ внутрь себя свои несовершенства,
Навыкнемъ разумѣть, что Богъ одинъ великъ;
Что нѣтъ безъ дѣлъ благихъ ни здѣсь, ни тамъ
блаженства;
Что ихъ не замѣнитъ порабощенныхъ крикъ.

О, Боже! Ты великъ и твердъ въ своихъ мѣри-
лахъ!
Тебѣ лишь одному хвала принадлежитъ
Въ эѳирѣ, на землѣ, въ моряхъ и во свѣтилахъ!
Природа вся Тебѣ со страхомъ предстоитъ.

Спасай, щади, люби, возвысь Свое созданье;
Гордыню яко прахъ людскихъ умовъ развѣй!
Ко истинѣ, къ Тебѣ направь сердецъ желанье,
И духъ вражды убивъ, любовью ихъ согрѣй!

Тобою человѣкъ стезю всѣхъ благъ находитъ,
Ты въ образѣ его съ Собою сравнилъ;
Твоя рука его и гнетъ и вверхъ возводитъ.
Но что мы безъ Тебя? Ничто, какъ только. . . . *илъ.*

Другу.

Il est cent amis pour nous plaindre
Et pas un pour nous secourir.

Для дружбы созданъ тотъ, кто съ нѣжною душою
Разсудкомъ проложить умѣетъ путь къ покою;
Горячность юныхъ лѣтъ и молодости жаръ
Препятствуютъ вкушать блаженной дружбы даръ.
Противно сердца ей малѣйшее волненье;
Любезны скромный взоръ и тихое движенье.
Простое я люблю, безъ всякихъ лишнихъ строкъ,
Въ которыхъ затвердилъ любовникъ свой урокъ;
Довольно для нея; и даже очень много,
Затѣмъ, что разумъ словъ берется въ дружбѣ строго.
Другъ спѣшитъ души всѣ сгибы развернуть,
Спокойный миръ продлить, въ тоскѣ самъ-другъ вздохнуть;
И дружба хоть нѣжна, однако же не льстива,
Тверда въ своихъ связяхъ, въ совѣтахъ справедлива;
Проступковъ не спѣшитъ съ восторгомъ извинять,
Ни слабости причинъ похвальныхъ вымышлять:
Прямая дружба все разсматриваетъ ясно,
И судитъ о любви оттѣнкахъ безпристрастно.
Вотъ дружбы, коей міръ объемлетъ лишь мечты,

Небесной дщери сей, божественны черты!
Она ли, я прошу, чтобъ вы мнѣ то сказали,
Вы, кои духъ ея въ несчастьяхъ испытали?
Мнѣ кажется, ужъ вы сказать готовы — *да;*
Иною дружба быть не можетъ никогда.
Но всѣ ли мы ее такъ точно изъявляемъ,
Какъ чувствуетъ душа, какъ въ мысляхъ понимаемъ?
Наполненъ свѣтъ друзей; въ немъ даже и злодѣй
Мнитъ другомъ чьимъ-нибудь быть въ совѣсти своей.
Ахъ! истина сама велитъ намъ здѣсь признаться,
Что въ дружбѣ мастера всѣ люди ошибаться:
Красивое словцо и тоненькой обманъ
Тамъ дружбы кажутъ видъ, гдѣ пагубный тиранъ,
Умовъ незрѣлыхъ царь, владыко безразсудной,
Воюя надъ душой въ борьбѣ толико трудной,
Умѣетъ изъ нея исторгнуть наконецъ
Дань бѣдну естества и слабости сердецъ.
Какъ часто тонкій ядъ въ политикѣ лукавой
Изъ устъ, въ которыхъ рѣчь напитана отравой,
Достигнувши души, во всю польется кровь! —
Подумаешь тотчасъ, что тутъ-то и любовь.
Какъ часто изъ одной корысти человѣки
(Я чаю, было то въ златые даже вѣки)
Въ приманкахъ дружбы сѣть закинутъ напередъ!
Послушай словъ — горятъ, пощупай сердце — ледъ!
Какъ часто, для того, чтобъ случая добиться,
Скорѣй достать чинокъ, повыгоднѣй жениться,
Иные, не стыдясь ни чести, ни людей,
Богъ знаетъ гдѣ, себѣ промыслятъ тму друзей!

О томъ теперь уже никто не разсуждаетъ,
Что разумъ, сердце, нравъ, связь дружества
скрѣпляетъ;
Довольно небольшихъ пріятельскихъ услугъ, —
И тотчасъ кто-нибудь зоветъ тебя: мой другъ!
Возможно ли не взять и то во уваженье,
Что нынѣ завелось такое обращенье,
Которому почти нельзя противостать,
И юности пришлось невольно погибать.
Не всякой одаренъ столь чистымъ проницаньемъ,
Чтобъ истинну любовь съ ея очарованьемъ
Умѣя различить, отвергнулъ сладку лесть
И правду безъ чиновъ могъ ласкамъ предпочесть;
Подъ общей нынѣ всѣ скрываются личиной:
За правду, побоясь досады быть причиной,
Мужъ дакаетъ женѣ, родитель дѣтямъ льститъ; —
По совѣсти никто двухъ словъ не говоритъ.
Какъ бронза золотцомъ немножечко прикрыта,
Такъ внутренность у всѣхъ подъ нѣжнымъ взо-
ромъ скрыта:
Повсюду похвалы, объятія, восторгъ,
Со словомъ: ты мой другъ! летитъ — свидѣтель
Богъ.
Ищи пожалуй въ нихъ той дружбы безподобной,
Врачующей печаль, смягчить бѣды способной,
Которой въ старину плѣнялись и цари,
Предъ коей, говорятъ, курились алтари.
О, нѣтъ! никакъ нельзя симъ чувствомъ насла-
диться
Тому, въ комъ съ сердцемъ умъ не можетъ со-
гласиться,

Кто любитъ еще быть подвластенъ всѣмъ стра-
стямъ,
Кто мечется вездѣ, какъ лодка по волнамъ
Тому, кто цѣлый день бѣжитъ уединенья,
Страшится краткой мигъ прожить безъ восхи-
щенья.
Для дружбы тотъ одинъ на свѣтѣ семъ готовъ,
Кто опытностью старъ и лѣтами не новъ.
Премудрое и съ тѣмъ благое Провидѣнье,
Чтобъ смертнымъ ниспославъ подъ старость утѣ-
шенье,
Когда къ закату дней приближатся своихъ,
Способность имъ даетъ цѣнить друзей прямыхъ;
Въ замѣну пылкихъ чувствъ, восторговъ без-
примѣрныхъ,
Тѣхъ сладостныхъ надеждъ, и вмѣстѣ столь не-
вѣрныхъ,
Которыми сердца во младости манимъ,
И сонъ ума продлить до позднихъ лѣтъ хотимъ,
Чтобъ память заглушить неопытнаго дѣтства,
Къ блаженной тишинѣ назначить путь и средства,
Творецъ безсмертныхъ благъ, Источникъ нашихъ
силъ,
Раскаянья во слѣдъ къ намъ дружбу проводилъ:
Одна самихъ съ собой миритъ и исправляетъ,
Другая отъ тоски, отчаянья спасаетъ,
Надежды связью насъ между собой крѣпитъ,
Картины юныхъ лѣтъ при старости живитъ,
И какъ бы мы могли въ послѣднія минуты
Надеждъ и страха вдругъ сносить волненья люты,
Когда бы не она щадила нашъ покой,

Печали отводя спасительной рукой?
Изъ всѣхъ доводовъ сихъ довольно, чаю, ясно,
Что въ среднихъ лишь годахъ дружиться без-
опасно.
И я, доживъ до нихъ, могу за счастье счесть,
Что званья друга мнѣ присвоили вы честь.
Умѣю я её цѣнить въ высокой мѣрѣ,
Затѣмъ, что, при моей несноснѣйшей потерѣ,
Ни что не можетъ такъ спокоить скорбный духъ,
Какъ искренній, прямой и вмѣстѣ нѣжный другъ.
Ужъ ли не дастъ мнѣ Богъ и дружбой насладиться,
Когда самъ Онъ, сей Богъ — привелъ всего
лишиться?
О, нѣтъ! друзьями мы пребудемъ межъ собой,
Доколѣ смерть велитъ расчесться мнѣ съ судьбой.

Посланіе ко мнѣ.

Si vous voulez, que j'aime encore,
Rendez-moi l'âge des amours,
Au crepuscule de mes jours
Joignez-y, s'il ce peut, l'aurore.

Въ слѣдующихъ стихахъ только риѳмы мнѣ принадлежатъ; впрочемъ, содержаніе ихъ помѣщено въ одномъ ко мнѣ письмѣ отъ неизвѣстнаго. Спустя нѣкоторое время послѣ кончины же-

ны моей, я гулялъ въ довольно большомъ обществѣ за городомъ, и обходя кладбище, отгороженное въ мелкомъ лѣсу, увидѣлъ я сухое дерево. Мысль о ничтожествѣ человѣческомъ соединилась съ воспоминаніемъ о моей Евгеніи въ разстроенномъ воображеніи, и я велѣлъ вязъ сухой срубить, потому что онъ портилъ видъ прочихъ богато одѣтыхъ деревьевъ. Въ минуту онъ упалъ въ глазахъ моихъ, и это была минута меланхолическая, въ которую я не могъ дать никакой причины движеніямъ моего сердца; они были свободны и не дожидались разсудка. Нѣсколько дней потомъ, я получилъ письмо, чаятельно отъ кого-нибудь изъ гулявшихъ со мною въ томъ же мѣстѣ. Содержаніе его обратило на себя мое вниманіе; оно было написано безъ всякихъ правилъ, стихами немѣрными и обезображено. Я въ досужный часъ привелъ его въ то состояніе, въ которомъ оно здѣсь напечатано, а неизвѣстному отвѣчалъ поставленными въ заглавіи стихами г. Вольтера. Увѣренъ будучи, что если особа, почтившая меня своимъ письмомъ, не разумѣетъ по-французски, то, вѣрно, имѣетъ знакомыхъ, кои ей перевести содержаніе ихъ могутъ.

Вдовецъ! какъ можешь ты сей вязъ сухой рубить,
Когда ты хочешь самъ подобенъ ему быть?
Когда ты, посвятивъ женѣ умершей душу,
Вездѣ вещаешь всѣмъ: «я клятвы не нарушу;
Евгеньѣ вѣренъ я пребуду навсегда!

Другая чувствъ моихъ не тронетъ никогда! . . .»
И ты ли рубишь вязъ за то, что онъ безплоденъ,
И портитъ лишь красу другихъ деревьевъ годенъ?
Онъ тѣни не даетъ, ни пищи, ничего;
Велѣлъ — топоръ махнулъ — свалился — нѣтъ его!
Спокойся; онъ твой взоръ уже не поражаетъ,
И крикъ совы на немъ пернатыхъ не пужаетъ.
Такъ бѣдствуетъ и мужъ безъ милыя жены:
Всѣ радости отъ чувствъ его удалены;
Онъ ноетъ, и въ его семействѣ всѣ унылы;
Хоть дѣти для него любви залоги милы,
Но имъ души его наполнить всей нельзя:
Онъ видитъ въ нихъ свое, но не всего себя, —
Не-то, что зритъ супругъ въ супругѣ драгоцѣнной,
Любовію святой съ нимъ тѣсно сопряженной, —
Съ дѣтьми — влечется къ нимъ изъ сердца вонъ любовь;
Съ женою — отъ нее втекаешь паки въ кровь:
Не внѣ, но въ насъ самихъ тогда любовь пылаетъ
И перстной жизни дни въ дни неба превращаетъ. —
Съ любовію дѣтей — всегда въ связи печаль:
Отецъ пристроитъ дочь — разстаться съ нею жаль!
Ушлетъ ли сына въ полкъ — съ тоски по немъ крушится:
Какихъ для сына бѣдъ родитель не боится!
Но гдѣ въ супругахъ миръ — жена тамъ я другой.

Все дѣлитъ пополамъ — вездѣ она со мной;
Она мой другъ, совѣтъ, отрада, наслажденье;
Жена всѣхъ нѣжныхъ чувствъ есть точка при-
вленения!

Среди судьбиныхъ золъ семейственный отецъ
Въ объятiяхъ жены находитъ слезъ конецъ;
Въ болѣзни — кто жены надежнѣе въ услугахъ?
И въ старости самой, по обычкѣ ихъ другъ съ
другомъ,
Такъ нечувствительно достигнутъ до нея,
Что ставятъ ни во что всѣ ужасы ея.
Но ты рѣшился быть одинъ въ пространномъ
мірѣ,
Влюбляться внѣ себя въ Евгенію въ эөирѣ —
Мечтать объ ней — искать ее на небесахъ —
Дѣлиться сердцемъ съ ней въ архангельскихъ
странахъ;
Прекрасенъ твой восторгъ! но ты живешь въ
Природѣ;
Отъ склонности ея не можешь быть въ свободѣ.
Уже ли кто возмнитъ безстрастнымъ быть тебя?
Кого увѣришь въ томъ? — всѣхъ менѣе себя! —
Разсудокъ наложилъ вотще на сердце бремя;
Оно еще горитъ — хладѣть ему не время
Усилiе твое противу нѣжныхъ чувствъ
Есть дѣйствiе ума и плодъ его искусствъ;
Но сердце въ нихъ совсѣмъ участья не имѣетъ:
Оно его затѣй отнюдь не разумѣетъ;
И сколько ты его подъ гнетомъ ни дави,
Повѣрь, что для людей, разнѣженныхъ въ
любви —

Людей такихъ, какъ ты, томящихся всечасно,
Которыхъ движетъ все, что чуть-чуть лишь прекрасно —
Творецъ міровъ еще не создалъ тѣхъ преградъ,
За кои бъ не давалъ закона милой взглядъ.
Ты страждешь, потерявъ супругу добру, милу;
Ей нѣтъ замѣны, такъ — почти ея могилу,
Печальный гробъ ея слезами ороси,
Душевну жертву ей вседневно возноси,
Боготвори ее — но все не заблуждайся,
И въ мірѣ жить одинъ весь вѣкъ не покушайся;
Не нуженъ подвигъ сей ни мертвымъ, ни Творцу;
Смягчи колючій путь, ведущій насъ къ концу.
Кто во время его успѣлъ убрать цвѣтами,
Тотъ шествуетъ по немъ отважными шагами,
И бросивъ взоръ назадъ, не тужитъ онъ о томъ,
Что мертвенный его останется здѣсь домъ.
Дождись минуты сей — ея ты не минуешь,
И такъ какъ ты теперь въ лѣсу здѣсь негодуешь
На вязъ сухой, къ твоимъ поверженный ногамъ,
Наступятъ тѣ часы, въ которые Богамъ
Угодно будетъ смерть, воззвавъ изъ странъ полночныхъ,
Велѣть тебя среди людей здоровыхъ, мочныхъ,
За то, что ты и старъ, и сѣдъ, и портишь видъ,
Скосить, какъ вязъ сухой — и смерть тебя сразитъ!
Дождись! а между тѣмъ живи, вамъ жить возможно;
Любезное любя, не прячься осторожно,
И сердцу своему пылать лишь не давай,
А вовсе у него тепла не отнимай.—

ТАЛЬША.

Деревня А—о В—ой.

Какая мудрость въ пышномъ градѣ
Душевны раны врачевать,
Въ шуму, въ разсѣяньи, въ прохладѣ
Печаль изъ сердца выживать?
Тамъ знатный свѣтъ, тамъ просвѣщенье,
Искусство, промыслы найдешь:
Въ Москвѣ что шагъ, то развлеченье;
Двухъ мыслей мрачныхъ не сведешь.

Но въ полѣ, въ полѣ утолиться
Чѣмъ можетъ сильная печаль?
Куда несчастный ни стремится,
Вездѣ потери милой жаль.
И какъ пріятны тутъ бываютъ
Гостепріимство и любовь!
Онѣ сѣдины оживляютъ
И грѣютъ въ насъ студену кровь.

Вчера въ пути мы наслаждались
Мгновеньемъ древнихъ дней златыхъ,
Усердной лаской угощались —
Сей собственностью душъ простыхъ.
Стихи прекрасные читали,
Не занимались суетой:
И гдѣ жъ такъ время провождали?
На Тальшѣ, рѣчкѣ небольшой.

Ее въ ландкартахъ не рисуютъ;
Въ ея струяхъ нѣтъ стерлядей;
Суда на парусахъ не дуютъ,
Индійскій грузъ не тонетъ въ ней;
Но люди добры и любезны
При ней спокойно дни ведутъ;
Ихъ жизнь скромна, труды полезны:
Они читаютъ, сѣютъ, жнутъ.

Да будетъ счастья солнце вѣчно
Надъ ихъ убѣжищемъ сіять!
Тотъ счастливъ долженъ быть, конечно,
Кто любитъ горесть обласкать.
Увы! еще въ прошедшемъ лѣтѣ
Моя судьба какъ рай цвѣла:
Кому завидовалъ я въ свѣтѣ,
Когда Евгенія жила?...

Ночная поѣздка.

Пріятно, говорятъ, въ дорогѣ быть тогда,
Какъ полный зракъ луны всю землю озаряетъ.
У всякаго свой вкусъ; меня такъ никогда
Ночной порою путь отнюдь не забавляетъ.

Я въ мѣсячную ночь готовъ совсѣмъ не спать,
И вплоть до бѣла дня торчать одинъ въ окошкахъ:
Всё лучше, чѣмъ съ самой Венерой разъѣзжать
Въ каретѣ ли — въ возкѣ — въ саняхъ, или на дрожкахъ.

Мнѣ всё равно, на чемъ — и въ чемъ — и какъ — и съ кѣмъ;
Я ночью не ѣздокъ, хоть дай почтовыхъ даромъ:
Охотнѣе сухарь въ своемъ домишкѣ съѣмъ,
Чѣмъ за сто верстъ скакать въ дормезѣ за нектаромъ.

День созданъ для суетъ, а ночь для тишины;
Все кстати въ естествѣ Творецъ натуры строитъ;
Онъ знаетъ для какой насъ именно вины
Поутру будитъ день, а къ ночи сонъ покоитъ.

Мы сами своему спокойствiю враги:
Намъ хочется вездѣ затѣять суматоху,
Хоть сами жъ видимъ сплошь, что наши всѣ шаги
Намъ стоютъ или слезъ, или, конечно, вздоху.

Сколь часто мы себѣ воображаемъ рай,
Составивъ изъ идей картины распрекрасны;
И тотчасъ лошадей курьерскихъ подавай!
За чѣмъ? — куда? — Скакать во пропасти ужасны.

Родится человѣкъ съ способностью ступать;
И пусть бы вѣкъ ходилъ — земли на свѣтѣ много!
Но встрѣтилась вода; по ней нельзя шагать:
Тотчасъ поспѣлъ корабль — и на морѣ дорога.

Казалось бы, затѣмъ чего еще хотѣть?
Весь свѣтъ (а свѣтъ великъ!) объѣздать научился;
Нѣтъ, мало, — дай еще за облако летѣть:
Надулъ тафтяный шаръ — и въ воздухѣ явился.

Что после? — Пустяки. — О, жалкій человѣкъ!
Покоя не щадя, чтобъ быть впередъ спокойнымъ,
Летаешь ты, плывешь и скачешь весь свой вѣкъ;
А смерть вдругъ ставитъ грань твоимъ мечтамъ нестройнымъ!

Пріятель мой *Глассонъ* давно бы мнѣ сказалъ,
Что Гуфландъ или Галль на нервы въ этомъ шлются;
А я такъ и безъ нихъ давно ужъ отгадалъ,
Что люди вкругъ бѣды какъ мухи къ свѣчкѣ жмутся.

Блаженъ, кому далъ Богъ жить дома безъ тоски,
Съ пріятною женой союзъ любви вкушая!
Хоть какъ его судьба ни жметъ въ свои тиски,
Онъ счастливъ, сноситъ все, Безсмертныхъ ублажая.

Жить дома, быть въ семьѣ, безъ распри, безъ клеветъ,
Имѣть насущный хлѣбъ, кафтанъ, огонь въ каминѣ, —
Вотъ счастье, вотъ покой, — иного въ свѣтѣ нѣтъ!
Тотъ подлинно во всемъ съ Богами въ половинѣ!

За что жъ отъ благъ такихъ хотѣть еще кому
Для мнимаго добра изъ края въ край шататься?
Какъ Пирру нѣкто рекъ, и я бъ сказалъ ему:
«Да что жъ тебѣ претитъ и дома всё смѣяться?»

Мой домъ, увы! хотя могилой сталъ съ тѣхъ поръ,
Какъ я лишенъ жены, съ женами несравненной,
При всемъ томъ изъ него, луной чтобъ тѣшить взоръ,
Не двинусь ни въ какой прелестный край вселенной.

УСПЕНСКОЕ.

Деревня И. И. Му—ва.

Согласенъ съ вами я: Успенское село
Наполнено красотъ, влекущихъ къ восхищенью;
Но время отъ меня далеко увело
Тѣ годы, въ кои мы готовы къ изумленью.

Живемъ мы два мига: одинъ сначала тотъ,
Въ который духъ любви всѣ чувства обнимаетъ;
Другой, когда нашъ умъ, подъ бременемъ заботъ,
Оплакавъ красны дни, ночь вѣчну предвѣщаетъ.

Что можетъ быть милѣй Успенскаго села:
Въ томъ видѣ, какъ мы въ немъ день цѣлый проводили?
Родство, пріязнь, любовь, нечаянность свела;
Другъ другу всякъ былъ радъ, и непогодь забыли.

Прелестный павильонъ казался милый рай;
Но вечеръ лишь одинъ въ немъ брошенъ былъ судьбою:
На завтра раздалось унылое прощай,
И я свою печаль повезъ опять съ собою.

Она одна моя сопутница вездѣ;
Я ею наученъ питать въ себѣ безстрастье:
Когда лишенныхъ благъ сыскать нельзя нигдѣ,
То пусть меня мое переживетъ несчастье!

РАЗМЫШЛЕНІЕ НА БЕРЕГУ РѢКИ КЛЯЗЬМЫ,

при погостѣ Архидіакона Стефана, между Гороховцемъ и Вязниками.

Oh! que la Nature est grande!

Руссо, на небо взоръ послѣдній обращая,
Природу восхвалилъ съ восторгомъ, умирая,
И мнилъ, что духъ его, очищенъ отъ страстей,
Оставя персть навѣкъ, вселится въ нѣдра къ ней,

О, какъ велика ты! — Руссо такъ восклицаетъ;
Сказавъ, постигъ ее, и въ ней ужъ пребываетъ!

Ученіе сего философа любя,
Природа! здѣсь и я почувствовалъ тебя.
Съ горы среди могилъ у ногъ дубовъ вѣтви-
стыхъ
Я въ Клязьмѣ вижу токъ то мрачныхъ струй,
то чистыхъ;
Естественное зря движеніе воды,
Смотрю большихъ судовъ на скромные слѣды,
И думаю: — вотъ такъ судьба дни смертныхъ
коситъ;
Вода несетъ суда, а время жизнь уноситъ;
За каплей капля водъ въ моря бѣжитъ изъ рѣкъ, —
Живой примѣръ, какъ мы день за днемъ гонимъ
вѣкъ.

Взгляните у вершинъ на ключъ воды про-
зрачной;
Въ пологихъ берегахъ бѣжитъ средь нивы злач-
ной;
Источникъ его чистъ, на днѣ каменьевъ нѣтъ,
Тѣнь горъ крутыхъ ему не застилаетъ свѣтъ;
Рѣзвясь, онъ не шумитъ, народа не тревожитъ,
Едва лишь челночекъ спустить порожній можетъ.

Такъ точно человѣкъ въ младенчествѣ своемъ,
Когда еще страстей не видимъ вредныхъ въ немъ,
Невинный, — онъ свой мячъ туда, сюда швыряетъ,
Ни хитраго сѣтей, ни злобныхъ зла не знаетъ.

Подалѣе ручей постелю расширилъ,
Волненія позналъ, и омуты сокрылъ;
Насупили надъ нимъ древа верхи густые;
Въ излучинахъ ладьи плывутъ ужъ не пустыя;
Плотинами рѣку механики крѣпятъ,
Огромны шестерни трудиться ей велятъ.

Такъ отрокъ, ощутивъ робячьи наслажденья,
Силъ мѣру испытавъ и страхъ сопротивленья,
Искусствомъ норовитъ вожатыхъ обмануть:
То рѣзвится, шалитъ, то плачетъ, чтобъ тро-
нуть;
Но тѣ, уловокъ сихъ изслѣдовавъ причины,
Готовятъ для него моральныя плотины,
И льстятся, дикій нравъ неволею смиря,
Что жизни его тѣмъ очистится заря.

Потомъ, прервавши всѣ художества преграды,
Чрезъ многи сотни верстъ, сквозь разны села,
грады,
Вдругъ Волга, Донъ, Ока являются глазамъ;
Гордясь богатствомъ водъ, несутъ ихъ въ дань
морямъ;
Тамъ тысячи людей, съ имъ свойственной от-
вагой,
Безъ коней, безъ колесъ и движимы лишь влагой,
О каршу зацѣпясь подъ брызгами волны,
Летятъ ложиться въ гробъ свирѣпой глубины.

Какъ часто видимъ мы въ печальной той же
долѣ

И юношу, когда своей добившись воли,
Наполненъ остроты, спѣшитъ восхитить свѣтъ.—
Несчастный! — ужъ бѣда, когда разсудка нѣтъ!
Безъ опытовъ одинъ великодушный пламень:
Въ сообществѣ людей есть тотъ подводный камень,
Который на бѣгу порывистомъ суда
Наждавши не щадитъ, и сокрушитъ всегда.

Изъ рѣкъ мое туда летитъ воображенье,
Куда влечетъ всѣхъ ихъ природное склоненье!
Въ туманѣ посреди дымящихся валовъ
Огромный вижу строй купеческихъ судовъ;
Для нихъ всѣ страхи тамъ Природа соединила,
И пользѣ и бѣдамъ путь жидкій проложила.
Стяжатель грузъ на грузъ мечтаетъ промѣнять,
За страхъ, за трудъ, за потъ сокровища достать,
И жаждетъ мысъ узрѣть земли Обѣтованной,
Пятою хищника доселѣ непопранной.
Твердыни кажетъ видъ обманчивая зыбь,
Штиль царствуетъ, — матросъ вонзаетъ якорь въ глыбь;
Торговля, разочтя надежные успѣхи,
Воскликнула: барышъ! — повсюду игры, смѣхи,
Всѣ пьютъ, поютъ, курятъ, — летятъ изъ бочекъ дны:
Какъ вдругъ, разсвирѣпѣвъ Эоловы сыны,
Предтечи грозныхъ тучъ и вѣстники ненастья,
Воздвигнувъ море, вмигъ надули всѣ несчастья.
А ты, космополитъ! куда свой правишь бѣгъ?
Вернись! — еще въ виду твоей отчизны брегъ;

Иль смѣлости своей прославить хочешь чувство,
И въ странствіяхъ морскихъ усовершивъ искус-
ство,
Невѣдомость открыть? — Такъ плылъ безсмерт-
ный Кукъ
Предѣлы расширять и міра и наукъ; —
Дерзай! — но вкругъ тебя изъ облакъ тмятся
тучи,
На мачтахъ, зря бѣду, висятъ матросовъ кучи;
Ты самъ бѣжишь смущенъ испытывать Атласъ:
Все поздно! не спасутъ ни флаги, ни компасъ.
Что парусы твои? — дрянная паутина! —
Останься на мели, доколь пожретъ пучина.
Судьба черкнула твой на камнѣ приговоръ;
Къ родительскимъ странамъ простри послѣдній
взоръ,
И новый, сокрушась, яви примѣръ вселенной,
Что пользы нѣтъ въ одной теоріи надменной.
Ужъ въ ярости струи на части судно рвутъ,
И признаковъ его однѣ щепы плывутъ.

Вотъ молодости здѣсь плачевная картина,
Когда въ страстяхъ ея запутана судьбина!
Доколь не перешелъ за возрастъ твой нашъ вѣкъ,
Моральнымъ бурямъ злымъ подверженъ человѣкъ:
Обманы вкругъ его какъ вихри въ уши дуютъ;
То ропщетъ пылкій умъ, то чувства негодуютъ,
Какъ тяжко въ свѣтѣ жить и прать противу зла!
Конечно! — Но ужъ ли Природа создала
Всѣхъ насъ на тотъ конецъ, чтобъ быть сча-
стливымъ даромъ?

Ахъ, нѣтъ! — Творецъ людей поставилъ въ цѣль ударамъ
Разительнѣй стократъ, чѣмъ ужасы тѣхъ тучь,
Которы въ мигъ одинъ разсыплетъ солнца лучь:
Любовь — сердченый червь, и ревность — врагъ ужасный;
Воинскій рьяный духъ — припадокъ столь опасный, —
Довольно сихъ страстей, когда разсудокъ палъ,
И должный перевѣсъ надъ сердцемъ потерялъ,
Довольно, чтобъ потрясть всѣхъ правилъ основанье,
И жертвой сдѣлать насъ безумнаго желанья!

А тамъ, гдѣ горизонтъ теряется всѣхъ странъ,
Какъ вѣчность вижу я бездонный Океанъ,
Сей поясъ всѣхъ міровъ, всѣхъ водъ совокупленье,
Безчисленныхъ твердынь живое раздѣленье.
Въ пространномъ безъ границъ сліяніи морей
Плывучія тѣ зрю хранилища смертей,
Которыхъ славы страсть и ярость посылаетъ,
И громъ мѣдяныхъ жерлъ врагамъ уготовляетъ:
Духъ Божій надъ водой дни смертнаго блюдетъ, —
Еще ему, еще опомниться даетъ!
Тамъ китъ, морей деспотъ, тамъ хищны крокодилы,
Для тмы несчастныхъ тѣлъ готовыя могилы,
Ныряя подъ водой, пучину шевелятъ,
И бездну изъ ноздрей фонтанами родятъ.
Все смертный одолѣлъ! — Но вдругъ средь бурь ужасныхъ

Колеблется, трещитъ громада стѣнъ опасныхъ;
Въ Природѣ начался междоусобный бой,
И воздухъ и огонь смѣшалися съ водой,
Чтобъ ужасъ естества сильнѣй изобразился,
И стройный міръ на часъ въ хаосы превратился.
Натура! — гдѣ твоя дѣвалася краса?
Сражайтеся со мной! вѣщаютъ небеса,
Кидайте вашъ чугунъ въ мои разжены своды!
Тебѣ ли, сынъ земли, стоять противъ При-
роды?
Ступайте флоты всѣ, несите въ алчный зѣвъ
Чудовищамъ морскимъ богатства вашихъ чревъ!
Всесильный дхнулъ на нихъ, и молніи небесны
Во преисподнія низвергли безъизвѣстны.
О, бездна! кто бъ твою свирѣпость укротилъ,
Когда бы Богъ не самъ предѣлъ ей положилъ,
Предѣлъ, какого нѣтъ въ затѣяхъ человѣка?
Сей, дерзкій отъ началъ и до скончанья вѣка,
Подобно духу въ немъ живуща божества,
Превыше самаго стать хочетъ естества.
Богъ рекъ — и паки все въ порядокъ прежній
входитъ,
Вода свои брега и небо кругъ находитъ.
Послѣдній жизни часъ не всѣхъ еще постигъ;
Со смертію въ борьбѣ тамъ множество другихъ:
Отчаянный пловецъ, хватаясь за обломки,
Въ смятеніи забылъ намѣренія громки,
Душевно радъ тому, что на берегъ пустой
Причаленъ кое-какъ спасительной десной;
Но тамъ его, но тамъ природа не оставитъ,
И пищу и покровъ она ему доставитъ,

Явитъ ужасныхъ бѣдъ желаемый конецъ,
И паки солнце зритъ заблуждшійся пловецъ.

Сей міръ есть Океанъ, въ которомъ повсечасно
Изъ замысла въ другой, безъ пользы, хоть опасно,
Мы ищемъ въ суетѣ дни старости убить,
И молодость свою при смерти позабыть...
Въ насъ душу Богъ вложилъ столь страстнаго
составá,
Что если не любовь, то въ ней пылаетъ слава;
Какъ первый гаснетъ жаръ,—послѣдній закипитъ
И куревомъ его разсудокъ угоритъ,
Тутъ гордости пустой появится начало:
Что смертному ни дай, ему всё будетъ мало;
Превыше всѣхъ боговъ свой идолъ ставя—честь,
Въ спокойной тишинѣ не можетъ дней провесть;
На сушѣ, на моряхъ, вездѣ владѣть стремится!
Дай на небѣ престолъ,— и тамъ не умѣстится!
Что зиждешь, какъ гигантъ, подмостки въ обла-
камъ?
Чего тебѣ, чего? Не вѣдаешь и самъ.
Безсмертная душа такъ въ узахъ плоти страж-
детъ,
И вѣчность предъ собой отверзту видѣть жа-
ждетъ.
Опомнись, старичокъ! — близъ гроба отдохни,
Съ раскаяньемъ на жизнь прошедшую взгляни:
Во что ты тратилъ умъ и всѣ душевны силы?
Ушелъ ли на крылахъ фортуны отъ могилы?
Нимало! — точно такъ, какъ бѣдный нашъ
пловецъ,

Который, видя свой безвременный конецъ,
Отчаянъ, безъ ума, за доску ухватился,
На верхъ воды съ ней всплылъ, и къ берегу
прибился.
И ты, мятежный свой почти проживши вѣкъ,
Не спасся отъ судьбы и къ пристани притекъ!

О, вѣчность, пристань всѣхъ носившихъ жизни
бремя,
Куда и твари всѣ скрываются и время!
Блаженъ, кому твои отверзлися врата!
Его ужъ не плѣнитъ земная красота.
Здѣсь грѣютъ насъ одни вещественны свѣтила;
На часъ всё хорошо, — и на секунду мило:
Но тамъ нѣтъ ни часовъ, ни мѣсяцовъ, ни лѣтъ,
Безъ мрачности весна и безконечный свѣтъ!

ХИЖИНА НА РѢКИ.

Las de boire la lie
De ce calice amer, que l'on nômmé la vie.
. . . .
Je regarde la tombe azyle souhaité.

—

1.

Здѣсь миръ, свобода, тишина
Со мной въ согласьи обитаютъ,
Моихъ досуговъ здѣсь и сна
Некстати люди не смущаютъ;

Живу съ Натурой за одно,
И съ ней ни въ чемъ не разбиваюсь,
Ея богатствомъ наслаждаюсь,
Всѣ дни мои текутъ равно.

2.

Со всходомъ солнца Богу я
Во храмѣ сердца жертву дѣю;
Дѣла Зиждителевы зря,
Молчу — дивлюсь — благоговѣю!
Мнѣ все вѣщаетъ здѣсь объ Немъ:
И сводъ небесъ нерукотворный,
И водъ источникъ благотворный —
Моимъ все создано Творцемъ!

3.

И всё въ связи между собой:
Земля насъ кормитъ, солнце грѣетъ,
Луна, сдружившися съ тоской,
Сердца печальныя лелѣетъ,
Вода всѣмъ прихотямъ слуга,
Крестьяне, праздные умами,
На насъ работаютъ хребтами,
А бабы ставятъ имъ рога.

4.

Я здѣсь вонзаю въ землю плугъ,
Завѣтъ Адамовъ исполняя;
Или кошу свой чистый лугъ,
Лошадкамъ корму добывая;

Вокругъ меня косцы поютъ,
И всякъ, убравъ свою дѣлянку, —
Тащитъ свой хлѣбъ, тащитъ и стклянку,
На лугъ садятся всѣ и пьютъ.

5.

О! вѣрно, вѣрно ни одинъ,
Въ Москвѣ живущій на досугѣ,
Роскошный, знатный господинъ
Ни въ день родинъ своей супруги
Такъ сладко въ горлышко не льетъ
Покалъ напитка выписнаго,
Какъ здѣсь крючекъ вина простаго
Крестьянинъ мой, вспотѣвши, пьетъ!

6.

Неволи свѣтской весь обрядъ
Не терпитъ здѣсь употребленья;
Халатъ опрятный — вотъ нарядъ,
Вотъ мой мундиръ уединенья.
Меня не чешутъ три часа,
Духовъ не носятъ орошаться;
Мнѣ Рпѣнь *) готовитъ умываться;
Въ лаханѣ вижу небеса.

7.

Вездѣ со мной моя *Дуддеръ* **),
Швейцаръ угрюмый, осторожный,

---

*) Названіе рѣки, протекающей подъ Владиміромъ и впадающей въ Клязьму.

**) Имя моей собаки.

Въ догадкѣ скоръ, рѣзовъ, остеръ,
И словомъ — другъ всегда неложный.
Такое имя отъ меня
Дано ему и не напраено,
За то, что онъ со мной всечасно
Такъ точно, какъ и скорбь моя.

8.

Когда Левиты въ городахъ,
Бѣгомъ съ базаровъ устилая,
Поднимутъ шумъ въ колоколахъ,
Къ себѣ своихъ овецъ скликая,
То есть, какъ десять бьетъ часовъ,
Ко мнѣ тогда несутъ обѣдать,
И мной воспитанныхъ отвѣдать
Безвредныхъ здравію плодовъ.

9.

Плыву на лодкѣ въ мой намётъ
Изъ хижины уединенной;
Тамъ мой желудокъ скромно ждётъ
Насущный хлѣбъ обыкновенный;
Приправъ всѣхъ лучше — аппетитъ;
Я ѣмъ, я пью, я насыщаюсь,
Ума въ шампанскомъ не лишаюсь,
Минутъ десятка два — и сытъ.

10.

Люблю однако жъ за столомъ
Обычай пить друзей здоровье;
Всѣхъ вамъ желаю благъ виномъ,
Души безсмертное Сословье! —

Друзья! мечтайтесь мнѣ вездѣ —
Въ столицѣ, въ хижинѣ, въ дубравахъ,
Питайте духъ въ тоскѣ, въ забавахъ;
Безъ дружбы счастья нѣтъ нигдѣ!

11.

Тѣмъ пиръ мой конченъ, и Морфей
Меня къ подушкамъ преклоняетъ,
Межъ тѣмъ какъ тысячу идей
Намётъ мой пестрый пораждаетъ. —
Таковъ же, помню, былъ шатеръ
И тотъ, гдѣ шведскій побѣдитель,
Хрущовъ, Ангальтовъ отомститель,
У Савитайскихъ жилъ озеръ *).

12.

Набойка та жъ и тотъ же шовъ,
Но сходства впрочемъ нѣтъ ни мало:
Тамъ день и ночь между штыковъ,
Войной и гнѣвомъ всё дышало,
Текла со шведской наша кровь;
А здѣсь, въ пріятностяхъ свободы,
Крестьянки водятъ хороводы,
Въ кругу ихъ царствуетъ любовь!

13.

Имъ нѣтъ запрету никогда
Ходить толпой въ мою палатку.

---

*) Во время послѣдней шведской войны г. генералъ-маіоръ Хрущовъ подъ Савитайполемъ разбилъ барона Армфельда 24 Мая, спустя немного времени послѣ пардакойскаго дѣла, на которомъ принцъ Ангальтъ потерялъ ногу и умеръ.

О! какъ смѣюсь я иногда,
Смотря на робкую ухватку,
Съ какой, увидя телескопъ,
Къ нему на цыпочкахъ подходятъ,
Кругомъ вертятъ — потомъ наводятъ,
И скачутъ, свой увидя снопъ.

14.

Иная, жмуряся въ стекло,
Кричитъ своей подругѣ съ жаромъ:
Вонъ наше Доброе село *)!
Какъ-тутъ, взгляни, нашъ хлѣвъ съ анбаромъ.
По мѣрѣ, какъ очамъ предметъ
Лучъ солнца близитъ, отражаетъ,
Ихъ все дивитъ и поражаетъ;
Для нихъ окрестность — цѣлый свѣтъ!

15.

Не хочетъ ли кто взять труда
Внушить имъ Оптики законы?
Пожалуйте ко мнѣ сюда
Лаланды, Эйлеры, Невтоны —
Скажите имъ, коль вамъ досугъ,
Какъ солнце движется въ эѳирѣ,
Какъ лучъ его дробится въ мірѣ;
А я пойду соснуть на лугъ.

16.

Какъ, чаю, душно вамъ въ Москвѣ
Теперь, богатые вельможи!

---

*) Такъ называется село, смежное съ городомъ.

Я, лежа здѣсь на муравѣ,
Быть въ вашей не желаю кожи. —
Въ столицѣ стукъ одинъ каретъ
И пыль несносная замучитъ;
Опричь того, что такъ наскучитъ
Театръ вседневныхъ тамъ суетъ.

17.

Во снѣ пригрезился мнѣ валъ,
Безъ тѣни, безъ воды гулянье,
Театръ, клобъ англійскій, воксалъ
И Благородное Собранье;
Проснусь — и очень, право, радъ,
Что все то было сновидѣнье! —
Скорѣй въ мое уединенье
Плыву на лодочкѣ назадъ.

18.

Нѣтъ! здѣсь нельзя съ тобой во всемъ,
Піитъ *) любезный, согласиться; —
Хотя въ письмѣ ко мнѣ своемъ
Мечтами любишь веселиться
И чтишь существенность бѣдой, —
Приди сюда, взгляни на ивы,
На долы, горы и заливы,
Будь счастливъ истиной одной!

*) Въ посланіи ко мнѣ князя Шаликова, помѣщенномъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Московскаго Зрителя, напечатанъ слѣдующій стихъ:

Дни смертнаго въ мечтахъ лишь только хороши!

19.

Пока гулять мѣшаетъ жаръ,
Пускай на ложахъ сибариты,
Вина почувствовавъ угаръ,
Храпятъ, сномъ тягостнымъ убиты;
Пускай закройщики стиховъ
Въ мурьѣ тачаютъ мадригалы,
Готовятъ милымъ ихъ на балы,
Чтобъ въ спискѣ стать полубоговъ;

20.

Мое занятіе одно:
Читать, писать и упражняться!
Подчасъ люблю смотрѣть въ окно
И мыслью мрачною питаться:
Для свойствъ унылыхъ пища все,
Делиль, когда тебя читаю;
Задумавшись — вездѣ кидаю
Воображеніе мое.

21.

Отсюда вижу я тотъ градъ,
Гдѣ былъ престолъ князей россійскихъ.
Что̀ нынѣ сталъ Владиміръ? — Садъ.
Подобно такъ въ предѣлахъ римскихъ
Потомки Ромула поютъ;
И здѣсь граждане не воюютъ,
Въ Москвѣ лишь вишнями торгуютъ
И бердышей ужъ не куютъ.

22.

Отсель прекрасну гору зрю,
Студеною *) здѣсь нареченну
За то, что нѣкогда тутъ прю,
Ревнивой страстію возжженну,
Двѣ князя Невскаго жены
При встрѣчѣ радостной рѣшили,
Въ объятьяхъ гордый духъ смирили,
Презрѣвъ мірскія суеты. —

23.

Вотъ тутъ шелъ царь Иванъ въ Казань —
Сей, правъ не пощадя народа,
Хотѣлъ собрать насильно дань;
Отпоръ ему дала свобода! —
Вотъ дворъ, гдѣ низкій Глѣбъ княжилъ —
Батый пришелъ, и въ гнѣвѣ яромъ,
Какъ волкъ ягнятъ, однимъ ударомъ
Владиміръ весь испепелилъ!

24.

Мой взоръ, отъ сихъ печальныхъ сценъ
Другихъ искать стремяся видовъ,
Новѣйшихъ памятникъ временъ,
Встрѣчаетъ замокъ Инвалидовъ:
Тутъ состраданье и любовь
Даютъ убѣжище заслугамъ,
Голоднымъ хлѣбъ, врача недугамъ,
И юную питаютъ кровь.

---

*) Анекдотъ владимірскаго края, преданіемъ сдѣлавшійся достопамятнымъ.

25.

Тутъ воинъ, всѣхъ лишенный силъ,
Вкушаетъ въ первый разъ спокойство;
Онъ весь свой вѣкъ стрѣлялъ, палилъ —
Стяжалъ увѣчьями геройство.
Ужъ ли бъ изъ нихъ здѣсь не нашлось,
Съ Римникскимъ кои бы сравнились,
Когда бъ со службой съединились
Порода, счастье *и авось?*

26.

А тамъ, гдѣ вѣтеръ вѣетъ прахъ, —
Что вижу? смерть, кресты, могилы!
Ничтожества ужасный страхъ
Объялъ вдругъ духъ, проникъ всѣ жилы.
О, Боже! что есть человѣкъ?
На что велѣлъ ему родиться,
Когда, какъ тѣнь, какъ сонъ, промчится
И самый длинный его вѣкъ?

27.

Ищу паросскихъ тамъ гробницъ,
Колоннъ, уписанныхъ стихами;
Оставимъ гордость для столицъ:
Въ землѣ чѣмъ хвастать передъ нами!
Для входа въ вѣчну жизнь билетъ
Не по чинамъ даютъ намъ Боги;
Судьи безсмертные тамъ строги:
Ни лицъ, ни мзды въ вѣсахъ ихъ нѣтъ.

28.

Покойтесь вы до тѣхъ же поръ,
О, тѣни, въ сей странѣ любезны!
Надъ вами здѣсь вседневный хоръ
Во храмѣ Божьемъ капли слезны
При вздохахъ дружескихъ поетъ
Служитель Вышняго небрежный,
Куря онимiамъ благоуханный,
О васъ молитвы къ небу шлетъ.

29.

Такъ точно нѣкогда и я
Умру и гдѣ-нибудь истлѣю;
Но смерти сонъ вездѣ меня
Съ Евгеньей съединитъ моею —
Когда же Твой услышу гласъ,
Живыхъ и мертвыхъ Царь небесный!
Разрушь скорѣй мой домъ тѣлесный,
Кинь въ гробъ ее меня сей часъ! —

30.

Но что за шумъ, какой голосъ
Мои тамъ подняли крестьяне? —
Ахъ! я забылъ, что сѣнокосъ!
Пусть пляшутъ добрые поселяне;
Они не знаютъ, что печаль,
Чума чувствительнаго мiра;
Что вѣкъ иной потерпѣвалъ,
Что безъ подруги сердце сира.

31.

Но выйти къ вамъ уже пора;
Они меня отъ скуки лечутъ:
При мнѣ живѣй у нихъ игра.
Сперва въ стога всѣ копна смечутъ,
А тамъ пойдетъ: плести плетень,
Горѣлки, жмурки, хороводы
Вотъ тутъ-то радость, плодъ свободы!
Въ стѣнахъ ея лишь только тѣнь.

32.

За пивомъ сидя пастушки
Тирсисы, въ русскомъ лишь уборѣ;
Дудятъ въ рожокъ, тамъ пастушки
Считаютъ звѣзды на просторѣ;
Тутъ дѣвки машутъ безъ затѣй:
Хотя онѣ и не Бабетты,
На нихъ не шляпки, не корсеты;
Но чѣмъ повязки ихъ дурнѣй?

33.

Была бъ уловка, взглядъ и шагъ;
До платья, впрочемъ, что за дѣло?
Надъ ними также шутитъ врагъ
И ихъ повертываетъ смѣло.
Когда любовь, слѣпой тиранъ,
Утрафитъ въ сердце къ намъ прямехонько,
Гдѣ тутъ примѣтишь хорошенько,
На комъ тюникъ, гдѣ сарафанъ?

34.

Вотъ такъ, съ трудомъ смѣшавъ игру,
Крестьяне въ селахъ день проводятъ.
Устанутъ — спятъ, и въ вечеру,
Влюбясь въ луну, за ней не бродятъ.
О, вы, краса чужихъ отчизнъ,
Радклифъ, Жанлисъ и Сталь съ соборомъ!
Какъ много сладкимъ вашимъ вздоромъ
Разстроили вы нашу жизнь!

35.

Какъ скоро сильный жаръ свалитъ,
До Клязьмы шагъ — иду купаться,
Нырять и дна рѣки касаться,
Гдѣ стерлядь безъ боязни спитъ,
Не чувствуя, что вмигъ рыбакъ
Ее тамъ неводомъ достанетъ
И съ ней въ Москву на почтѣ грянетъ;
А тамъ въ котелъ и — на очагъ.

36.

Воды прохлада лѣтомъ рай!
Изъ Клязьмы вонъ, сажусь на лодку,
Самъ правлю бѣгъ ея въ тотъ край,
Гдѣ Богъ мнѣ далъ мою находку, —
Гдѣ мой шалашъ, унынья храмъ;
Тянусь угрюмыми скалами,
И тихими приплывъ струями,
Лѣнюсь и отдыхаю тамъ.

37.

Атласъ раскинулъ и гляжу: —
Какой пожаръ во всей вселенной!
Вездѣ раздоры нахожу.
Въ Европѣ, будто, просвѣщенной —
Бѣжала изъ нея любовь!
Изъ кроткихъ перьевъ Кабинеты
Подѣлали себѣ ланцеты;
Союзовъ нѣтъ — всё кровь да кровь!

38.

Еще свѣтло, и рано сѣсть;
Иду кустовъ искать границы;
Еще могу въ очкахъ прочесть
Изъ Юнга двѣ и три страницы. —
Усталъ — пора назадъ идти;
Пришéлъ, и на берегъ присѣвши,
Червей на удочку надѣвши,
Зачну гольцовъ тутъ шевелить.

39.

Пловокъ дрожитъ — и дернулъ вдругъ,
Попалъ одинъ неосторожный;
Ступай домой! — Но впредь, мой другъ,
Не вѣрь приманкѣ всякой ложной.
Урокъ полезный для людей! —
Не всѣ ли мы гольцу подобны?
Какъ часто мы въ страстяхъ способны
Клевать обманъ, какъ онъ червей!

40.

Ужъ вечеръ [illegible] день
И солнце въ сумерки сокрылось,
Луна свою простерла тѣнь,
Въ порфирѣ блѣдныхъ звѣздъ явилась
И смотрится въ кристаллѣ рѣкъ;
Не слышанъ гулъ глухой въ народѣ;
Вся тварь покоится въ Природѣ,
Не спитъ лишь зло — и человѣкъ!

41.

Тутъ вспомня *Сердца Бытіе* *),
Весенню пѣснь въ саду песчаномъ,
И счастье прежнее мое,
Хотѣлъ бы льстить себя обманомъ; —
Вотще! — что было, то прошло!
Бренчу еще въ печальну лиру;
Но, ахъ! тѣхъ дней, какъ пѣлъ Глафиру,
Во гробъ ужъ солнышко зашло!

42.

Евгеньи нѣтъ! — унылъ и я;
Съ тѣхъ поръ любовь, восторгъ, блаженства —
Слова пустыя для меня;
Не зрю ни въ чемъ ихъ совершенства;
Съ тѣхъ поръ въ бесѣдахъ не найду
Искусства нравиться, какъ прежде:
И такъ, сказавъ прости надеждѣ,
Ушелъ сюда — и смерти жду.

---

*) Книга моихъ сочиненій.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ!
На мѣстѣ семъ меня разбудитъ
Одинъ гласъ трубный въ небесахъ:
Тогда со всѣхъ концевъ вселенной
На страшный судъ, нелицемѣрной,
Стекутся люди всякихъ вѣръ;
Цари смѣшаются съ рабами,
Безумцы станутъ съ мудрецами,
Съ ханжой столкнется изувѣръ.

Въ пространномъ царствѣ всей Природы
Ударитъ вѣчный жизни часъ,
Увидимъ разные народы,
Колико ни было до насъ,
И тѣхъ, въ которыхъ мы живали,
Которыхъ вовсе не знавали,
Потомковъ тмы явятся тутъ;
Сердецъ познаются движенья,
Умовъ сокрыты помышленья
Тогда въ явленіе придутъ.

Всѣхъ вѣръ изыщется начало;
Какъ пчелы, секты зашумятъ;
Соблазновъ ядовито жало
Стрѣлами правды притупятъ.
Не спросятъ тамъ, въ какомъ кто гробѣ.

Лежалъ дотоль въ земной утробѣ,
И былъ ли онъ парчой одѣтъ?
Съ пальбой ли въ землю опустили?
Иль просто въ саванѣ свалили?
Вопросъ: какъ жилъ? — давай отвѣтъ!

И я, проснувшись на кладбищѣ,
Что подъ Филями за Москвой,
Предстану также на судище,
Гдѣ станетъ земнородныхъ строй;
Съ друзьями тамъ соединюся,
Съ отцемъ, съ сестрой, съ дѣтьми сойдуся,
И вѣрю, Богомъ духъ плѣня,
Что радости сей освященной,
Ни съ чѣмъ на свѣтѣ несравненной,
Никто не возьметъ отъ меня.

О, вы, друзья мои любезны!
Не ставьте камня надо мной!
Всѣ ваши бронзы безполѣзны:
Онѣ души не скрасятъ злой.
Среди могилъ, на взглядъ негодныхъ,
И въ кучѣ тѣлъ простонародныхъ
Пускай истлѣетъ мой составъ!
Повѣрьте, съ кѣмъ ни схоронится,
Земля все въ землю обратится:
Се равенство природныхъ правъ!

Добро, какое я имѣю,
Даю женѣ и дѣтямъ все:
Давать могу — доколь владѣю;
Умру — ничто ужъ не мое.

Печальныхъ картъ не посылайте,
И черныхъ платьевъ не издирайте
Пустой убытокъ, пышный вздоръ.
Ни въ дождь, ниже во время ясно,
Не мучьте вкругъ меня напрасно
Богатыхъ пастырей соборъ.

Молитесь лучше Богу вѣчну,
Созвавъ убогихъ и сиротъ,
Чтобъ Онъ пучину безконечну
Явилъ бы мнѣ Своихъ щедротъ;
Чтобъ Онъ, врагамъ моимъ прощая
И клятвы ихъ съ меня слагая,
Въ эдемской рай мой духъ вселилъ.
Предъ Богомъ словъ не надо много;
Душевный вздохъ къ Нему дорога;
Онъ самъ ее намъ проложилъ.

Не славьте вы меня стихами,
Они не нужны мертвецамъ;
Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,
Какъ онымъ жертвовалъ я вамъ.
Стихи отъ ада не избавятъ,
Въ раю блаженства не прибавятъ;
Въ нихъ только гордость и тщета.
Протокъ воды, двѣ три березы,
Да ближнихъ искреннія слезы —
Вотъ монументовъ красота!

Таковъ его здѣсь воздвигаю
Тебѣ, любезная сестра!

Твой гробъ сердечно лобызаю.
Придетъ и наша всѣхъ пора.
Ты дань Природѣ заплатила,
Конецъ съ началомъ съединила,
Достигла цѣли естества;
Твой трупъ въ покоѣ безмятежномъ
И въ ложѣ смерти неизбѣжномъ
Познaлъ измѣну вещества.

А я еще живу и маюсь,
И міру всячески служу;
Нерѣдко вздоромъ утѣшаюсь,
Нерѣдко о пустомъ тужу;
Подчасъ вселенну ненавижу;
И хоть изъ опытовъ и вижу,
Что въ ней нельзя спокойну быть:
Но, ахъ! какъ смертный слабъ бываетъ!
Лишь чуть Раида приласкаетъ, —
Готовъ еще сто лѣтъ прожить.

МОИ СУББОТЫ. *)

*) Такъ назвалъ я разныя мои стихотворенія, которыя, по условію съ однимъ пріятельскимъ обществомъ, читывалъ я въ своемъ домѣ на субботнихъ вечеринкахъ.

Слава.

Когда звукъ пушечнаго грома
Сзываетъ всѣхъ торжествовать,
Ужъ ли преступникъ я, коль дома
Съ собой останусь размышлять?
Чѣмъ случай праздника важнѣе,
Тѣмъ больше жребій свой хвалю;
Я имъ доволенъ, тѣмъ сильнѣе
И наслаждаться имъ люблю.

Чего же мнѣ въ уединеньи
Моемъ осталося желать?
Не всѣ ли сердца утѣшеньи
Природа въ немъ даетъ вкушать?
Любовью нѣжной награждаюсь,
Спокойство царствуетъ во мнѣ;
Богатствъ? — я ими не плѣняюсь;
А слава — тягость въ тишинѣ.

Видалъ я славой обольщенныхъ,
Бѣгущихъ роскоши во слѣдъ,
Дарами счастія надменныхъ,
Превознесенныхъ тмой побѣдъ;
И видѣлъ, какъ всесильной властью
Творецъ, равняя всѣхъ людей

Различной каждаго напастью,
Разитъ и ихъ средь ясныхъ дней.

Любовь невинная лишь можетъ
Нашъ духъ животворить всегда;
Она во младости тревожитъ,
Но въ зрѣлыхъ лѣтахъ никогда;
Ее почувствовать пріятно
И въ тишинѣ и подъ вѣнцомъ;
Съ ней счастье множится стократно,
Судьбы сноснѣе переломъ.

Другія чувства, внѣ природы,
Въ воображеніи живутъ,
Лишаютъ разумъ нашъ свободы
И часто къ пагубамъ влекутъ.
Честолюбивыхъ путь опасенъ:
На немъ кровавы ихъ слѣды;
Предметъ его всегда ужасенъ, —
Вездѣ сцѣпляются бѣды.

Я здѣсь ту славу разумѣю,
Для коей алчный властелинъ,
Дыша лишь гордостью своею,
Пылаетъ міръ обнять одинъ;
Его вся жизнь — завоеванье,
Обиды, слезы — каждый шагъ,
Его забава — стрѣлъ сверканье;
Народовъ бичъ и мира врагъ!

Перо изъ рукъ моихъ валится
Отъ мысли только сей одной,

Какъ вся вселенная дымится,
Вездѣ зажженная войной!
Тамъ флоты море воздвизаютъ,
Съ насущной пищи дань берутъ;
Тутъ сушу войска раздираютъ
И смертныхъ смертные жъ гнетутъ.

Но, ахъ! когда межъ розовъ вьется
Запутанная славы сѣть,
Какой несчастный тутъ найдется
Ея узлы предусмотрѣть?
Толпой въ восторгѣ увлеченный,
Какъ щепка, что̀ волна снесла,
Летитъ, тщеславьемъ заблужденный,
И падаетъ въ пучину зла.

О, слава, духъ умовъ жестокихъ!
Не для меня твой пышный храмъ;
Во алтаряхъ твоихъ высокихъ
Не воскурится мой ѳимьямъ.
Любви мою настроя лиру,
Еще въ ней пылокъ и ревнивъ,
Пою дражайшую Глаѳиру —
И буду пѣть, доколѣ живъ.

Любви пріятствомъ украшая
Моей блаженной жизни дни,
Ея внушеньемъ избирая
Во свѣтѣ радости одни,
Теку прохладными путями
Свершить всеобщій тотъ конецъ,

Куда побѣды съ знаменами
Летитъ носящій и вѣнецъ.

За чувство дружбы безподобно
Чѣмъ, кромѣ дружбы, заплатить?
Какою страсть любви удобно
Иною страстью замѣнить?
Любовь пребудетъ безконечно
Виной восторга моего;
Съ сей клятвы не подвигнусь вѣчно
До дня, какъ буду — ничего!

Къ Амуру.

Когда любви пріятный пламень
Проникнетъ сердце, тронувъ слухъ,
То сердце будь хоть дикій камень,
Любви воздѣйствуетъ въ немъ духъ.

Когда любви огонь сверкаетъ
Въ очахъ любезной красоты,
Какой безстрастный не растаетъ,
Узря небесныя черты?

Амуръ, сокровище природы,
Дитя любимое небесъ,
Символъ блаженства, богъ свободы!
Тобою сохнутъ капли слезъ.

Какъ солнца яркій лучъ веселою,
Прогнавъ жестокости зимы,
Живитъ всѣ твари теплотою
И свѣтъ раждаетъ вдругъ изъ тмы:

Такъ сей Венеринъ сынъ прекрасный,
Когда явитъ пріятный взоръ,
Въ твердѣйше сердце духъ свой страстный
И райскихъ чувствъ вселитъ соборъ.

Я здѣсь вседневно созерцаю
Его улыбку, милый видъ;
Его лобжу, его ласкаю:
Онъ мнѣ не дѣлаетъ обидъ.

Всмотритесь вы въ него прилежно,
Коснитесь крылышекъ его!
Что̀ можетъ быть толико нѣжно?
Ахъ! нѣтъ на свѣтѣ ничего! —

Амуръ! въ моемъ уединеньи
Будь вѣкъ красой судьбы моей,
И сердца сладкія біеньи
Душою оживи твоей!

Тебѣ я жертву непорочну
Готовъ вседневно возсылать,

Тебѣ, властителю всемочну,
Готовъ всю душу я отдать.

Готовъ; — но ты давно имѣешь
И клятвы и дары мои:
Ты мной съ рожденія владѣешь,
И мысли всѣ мои — твои.

Не покидай меня вовѣки;
И чтобъ потомъ противъ меня
Не возмечтали человѣки,
Благополученъ буду я!

На шутку жены моей.

Такъ, согласенъ я съ тобою,
Моя милая жена!
Что любовь я пѣвши, вою,
Съ правдой мысль твоя сходна.
Что же дѣлать, — не умѣю
Нѣжнымъ голосомъ тронуть;
Радъ бы очень, да не смѣю
Къ соловьямъ я подтянуть.

Если бъ могъ я такъ прекрасно,
Какъ соловушки, свистать,
Сталъ бы я тогда всечасно
Тебя пѣсньми забавлять;
Съ нѣжнымъ чувства изъясненьемъ
Я бъ веселость съединилъ,
Я бы новымъ легкимъ пѣньемъ
Слухъ твой тонкій усладилъ.

Всѣ бъ предметы оживились
Отъ напѣва моего,
Грусть и скука бы сокрылись
Отъ чертога твоего;
И тогда, любви въ немъ сладость
Ты почувствовавъ сильнѣй,
Находить бы стала радость
Въ простой пѣсенкѣ моей.

Но я пѣть не обучился
Благоденствія любви;
Голосъ мой всегда дичился,
Ее чувствуя въ крови:
Отъ того-то я и вою,
Когда пѣть любовь начну;
Знать, мнѣ голосъ данъ судьбою
На кручину лишь одну.

Мало ль кто, настроя лиру,
Всѣхъ красотъ къ себѣ манитъ;
Звукъ раздастся по эѳиру,
Прямо въ сердце онъ летитъ:

А я вѣчно безъ успѣха!
Лишь запѣлъ, то досадилъ;
Такъ ужъ мнѣ тутъ не до смѣха,
Дудку о земь — и завылъ.

Кн. Ш а л.

Давно въ долгу передъ тобою,
Любезный князь! моимъ перомъ,
И неоплатною цѣною
Обязанъ я твоимъ добромъ. —
Стихи писать есть дарованье,
Принадлежащее тебѣ;
Отъ всѣхъ снискалъ рукоплесканье
Своимъ и лирѣ и трубѣ.
Когда царей ты ублажаешь,
Сіянье Скипетра поешь,
Не дымомъ лести заражаешь,
Но скромной правды даръ несешь;
И съ той же ловкостью на лирѣ,
Въ пріятный роздыхъ отъ трудовъ,
Поешь въ избыткѣ чувствъ Темирѣ
Блаженство дружескихъ оковъ.
Такъ! такъ! они достойны

Твоихъ похвалъ предметомъ быть;
Они легки, не безпокойны,
И самъ люблю я ихъ носить.
Но ты еще, мой князь! имѣешь
Поверхность ту передомной,
Что всѣмъ внушить любовь умѣешь;
Кто слышитъ нѣжный голосъ твой.
Скажи, изъ чьихъ ты глазъ учился
Такимъ восторгомъ духъ плѣнять?
Ахъ! какъ ты счастливо родился,
И какъ тебѣ не ревновать?
Умножь, умножь стократъ успѣхи,
Плѣняй и самъ плѣняемъ будь!
Дѣли съ Темирой игры, смѣхи,
Но въ нихъ вовѣки не забудь
Того, кто благъ тебѣ желаетъ
Въ богатомъ изобильи всѣхъ,
Пустыхъ привѣтствій не считаетъ
Отнюдь въ числѣ своихъ утѣхъ!
А ты хотѣлъ весьма напрасно,
Чтобъ въ грудь я райску сладость лилъ;
Тружусь дойти туда всечасно, —
Но ты весь путь ужъ захватилъ.

Къ нему же.

На что богатство, коль природа
Съ нимъ вмѣстѣ свойства не дала
Разсыпать злато для народа,
Спасти убожество отъ зла?
Его сокровища безбожно
На вазы, люстры расточать;
Ужъ ли въ игрушкахъ сихъ возможно
Руду блаженства ископать?

Ахъ, нѣтъ, мой князь! ахъ, нѣтъ! конечно,
Сіи бездушны красоты
Не сильны тронуть насъ сердечно;
Онѣ лишь роскоши мечты,
Которы сплошь уничтожаетъ
Обычай, случай. — Все на часъ!
Что̀ взоры нынѣ восхищаетъ,
То завтра мертвенно для насъ.

Душа чувствительная жаждетъ
Другой отрады въ свѣтѣ семъ:
Она болитъ, тѣснится, страждетъ,
Когда несчастныхъ видитъ въ немъ;
Со всей дѣятельности силой,
Услышавъ нужды звонкій крикъ,
Летитъ туда, гдѣ вопль унылой
До глубины ее проникъ.

Ужасенъ тотъ, кто неспособенъ
Дѣлить избытковъ съ нищетой;
Кто сотней тысячъ душъ удобенъ
Заняться меньше, чѣмъ собой;
Кто плодъ трудовъ ихъ утонченныхъ
Спѣшитъ на то употребить,
Чтобъ кучу куколъ драгоцѣнныхъ
Достать, разставить, и — забыть!

Напрасно думаютъ, что боги,
Для наслажденья жизнью сей,
Въ одни вмѣщаютъ лишь чертоги
Дары всѣ благости своей;
Ошибка! — Часто въ средней долѣ
Любовь такіе дни даритъ,
Какихъ въ златой своей неволѣ
Во снѣ не грезитъ сибаритъ.

Повѣрь, что тамъ, гдѣ такъ надменно
Фортуны баловень живетъ,
Гдѣ все намъ кажется блаженно, —
Эхидна кровь его сосетъ;
Тамъ идолъ сей, для чувства мертвый,
Глаза лишь хочетъ соблазнить;
А умиленны сердца жертвы
Его ль холодному цѣнить?

О, нѣтъ! — твой духъ не уживется;
И самъ тѣхъ мѣстъ я не терплю,
Гдѣ отголосковъ не дается
Пріятну слову: я люблю.

Итакъ престанемъ восхищаться
Вельможи суетнымъ добромъ;
Пріязнью лучше наслаждаться:
Съ ней, право, милъ и тѣсный домъ!

Любовь.

Безъ сердца жить тоска смертельна,
А съ сердцемъ жить бѣда, напасть!
Его желанье безпредѣльно;
Но рѣдко можетъ въ цѣль попасть.
Въ любви бездѣлицы боимся,
Чужія чувства стережемъ;
А безъ любви какъ прахъ вертимся,
Нигдѣ покоя не найдемъ.

Съ любовью ревность и досада
Печалью мысли облекутъ,
И гдѣ мечтается отрада,
Тамъ насъ однѣ печали ждутъ;
Напротивъ, если равнодушно
Бываетъ сердце ко всему,
Ахъ! какъ тогда жить въ мірѣ скучно,
И пищи вовсе нѣтъ уму!

Любовь нерѣдко обольщаетъ
Пустою прелестью весь свѣтъ,
Во взглядахъ, въ словѣ обѣщаетъ
Блаженство, коего въ нихъ нѣтъ;
Но ею также и живится
Обширный мыслей нашихъ кругъ,
И въ самой среднiй умъ вмѣстится,
Что пылкiй спасть не схватитъ вдругъ.

Когда бы смертнымъ было можно
Середню точку отыскать,
И нѣжнымъ чувствамъ осторожно
Умѣли волю мы давать, —
Тогда любовь (я въ томъ согласенъ)
Была бы край земныхъ утѣхъ,
И для спокойства безопасенъ
Содѣлался бъ ея успѣхъ.

Но коль безчисленны примѣры
Имѣетъ юноша въ глазахъ,
Что слабы всѣ разсудка мѣры
Къ спасенью нашему въ страстяхъ!
Въ такомъ случаѣ неизбѣжномъ
Движенья чувствъ предупреждай,
Дабы любовь во сердцѣ нѣжномъ
Не полилася черезъ край.

Совѣтъ хорошъ, — но кто умѣетъ
Его на дѣлѣ совершить?
Кто силу умственну имѣетъ
Пожары сердца потушить?

На сей вопросъ вездѣ встрѣчаю
Одинъ отвѣтъ: не я! не я!
И это также твердо знаю,
Что не поклеплютъ и меня.

Итакъ всѣ наши заключенья
И многихъ опытовъ урокъ
Лишь множатъ только затрудненья
Отъ мукъ любви спасти свой рокъ,
И въ нихъ познать даютъ не ложно,
Что какъ мораль ни будь строга,
Противу сердца не возможно
Прожить на свѣтѣ полмига.

. . . . . .

На мысли сей остановиться
Уничижительно весьма;
Но должно, должно согласиться,
Что сводитъ всѣхъ любовь съ ума.
Какіе хочешь ей законы
Пиши и вздумай человѣкъ:
Она разрушитъ всѣ препоны,
И будетъ царь его вовѣкъ.

Пристрастіе.

Пристрастье! сколь несправедливо
Ты кажешь всякій намъ предметъ!
Тобой воображаемъ диво,
Въ чемъ удивительнаго нѣтъ;
Спокойству смертнаго преграда,
Ошибокъ всяческихъ вина!
Увы! какая намъ отрада,
Весь вѣкъ прожить во грезахъ сна?

Пристрастье очи ослѣпляетъ
У прозорливѣйшихъ людей;
Оно разсудки умерщвляетъ
Отравой сладкою своей;
Въ личинѣ истины прекрасной
Неправду мерзкую явитъ;
Цвѣтами кроетъ путь опасный
И порчу сердца извинитъ.

Пристрастный мужъ всегда способенъ
Безъ произволу погубить,
Подобно какъ слѣпой удобенъ
И ненарочно съ ногъ свалить;
Онъ чернымъ видя то, что бѣло,
Своей обманутъ слѣпотой,
Летитъ надежно, быстро, смѣло
Съ прямой дороги въ ровъ большой.

Совѣтъ пристрастнаго не вѣренъ
Затѣмъ, что взоръ его фальшивъ;
Коль самъ съ собою лицемѣренъ,
То съ кѣмъ онъ будетъ справедливъ?
Трони пристрастія пружину,
Воспламенятся въ немъ черты;
Онъ тотчасъ выищетъ причину
Оправить всѣ свои мечты.

Пристрастье есть начало страсти
И малодушья первый плодъ,
Предвѣстникъ вздоховъ, слезъ, напасти,
Сигналъ сердечныхъ непогодъ;
Какъ моль, въ чертогъ отъ небреженья
Прокравшись, портитъ ихъ уборъ,
Такъ въ самы здравы размышленья
Пристрастье бредъ несетъ и вздоръ.

Гдѣ мысль пристрастная вселится,
Ума померкнетъ чистота,
Въ путляву хитрость обратится
Доводовъ ясныхъ простота;
И очень часто отъ пристрастья
Такія сумерки въ душѣ,
Что самый опытъ злой несчастья
Надъ ней бы дѣйствовалъ вотще.

Когда судья въ строкахъ закона
Пристрастью ищетъ сноровить
И благосклонный взоръ отъ трона
Къ своимъ уловкамъ обратить, —

Онъ сѣть свою искуснѣй вяжетъ,
Чѣмъ паутину вьетъ паукъ;
И всякой, слыша его, скажетъ:
Вотъ злобы врагъ и мира другъ!

Но вы, цари! остерегайтесь:
Пристрастья очень тонокъ ядъ!
На складъ одинъ не полагайтесь;
Внутрь сердца вашъ простриге взглядъ!
Во всѣхъ пристрастіе опасно, —
А подъ вѣнцомъ вреднѣй всего;
Къ нему малѣйшее ужасно
Прикосновеніе его.

Что̀ можетъ истины быть краше!
Она возноситъ къ небу духъ;
Въ ней слава, честь, безсмертье ваше!
Цари! приближьте къ ней свой слухъ!
Она жестка, — пристрастье нѣжно;
Но не забудьте каждый часъ,
Что съ нимъ несчастье неизбѣжно,
А съ той — народъ и Богъ за васъ!

Мой кабинетъ.

Вотъ мое уединенье;
Въ немъ все мило простотой,
Все приноситъ утѣщенье. —
Здѣсь съ покойною душой
На прекрасную природу
Въ ясный день въ окно смотрю;
Вижу лѣсъ, луга и воду.—
О! какъ все я здѣсь люблю!

Вотъ тотъ столъ, гдѣ я прилежно
Иногда съ перомъ сижу,
Изливая чувство нѣжно,
На Купиду погляжу;
Онъ въ кумирѣ ободряетъ,
Мысль мою животворитъ,
Онъ мой трудъ благословляетъ
И успѣхъ ему сулитъ.

Здѣсь я время провождаю
Безъ досады въ тишинѣ,
Умъ и сердце занимаю,
Духъ покоится во мнѣ;
Здѣсь по утру покланяюсь
Первымъ солнечнымъ лучамъ;
Здѣсь съ восторгомъ удивляюсь
Я Діанѣ и звѣздамъ.

Вотъ диванъ, гдѣ я ночую,
Гдѣ люблю я размышлять,
И къ своей судьбѣ чужую
Безпристрастно примѣнять.
Чѣмъ могу быть недоволенъ?
Меня любятъ — я люблю.
Я въ моихъ поступкахъ воленъ,
И насильства не терплю.

Ни отъ скуки, ни съ печали
На часы я не гляжу;
Хоть идутъ они, хоть стали,
Нужды въ нихъ не нахожу.
Для меня здѣсь дни не длятся, —
Они сплошь бѣгутъ, какъ мигъ;
Чѣмъ быстрѣй къ концу стремятся,
Тѣмъ сильнѣе жаль мнѣ ихъ.

Вы, большого свѣта люди,
Коихъ вздоръ такъ веселитъ!
Ахъ! какъ часто въ ваши груди
Стрѣла горести летитъ! —
А я здѣсь (хвала вамъ, боги!),
Давъ разсудку полну власть,
Удалилъ страстей тревоги,
Кои насъ влекутъ въ напасть.

Коль хотите быть блаженны,
Цѣну радостей познать,
Будьте вы уединенны
И престаньте воздыхать.

Вамъ, какъ мнѣ, сама природа
Способъ дастъ пріятно жить,
Вашъ восхититъ духъ свобода;
Что жъ дороже можетъ быть?

Ропотъ на дорогѣ.

Летитъ Октябрь и посылаетъ
Всю непогодь свою впередъ:
Борей деревья раздѣваетъ,
А снѣгъ подъ спудъ траву кладетъ;
Межъ тѣмъ я, въ полѣ разсуждая,
Въ путь дальній лѣто провождая,
Верстъ за сто отъ Москвы съ женой
Ворчу, закутавшись въ колясҡѣ,
При всякой на мосточкѣ тряскѣ:
Пора, мой другъ-жена! домой. —

Пора въ Никольской воротиться,
Дѣтей, родныхъ своихъ обнять,
Отъ стужи къ печи прислониться,
И милыхъ впредь не покидать.
Каминъ разложимъ хорошенько,
Къ огню присядемъ всѣ близенько,

Обычай вспомнимъ стариковъ:
Молоть другъ другу станемъ сказки,
И въ шумѣ дружеской побаски
Не взвидимъ длинныхъ вечеровъ.

. . . .

О, духъ проклятый любопытства!
Совсѣмъ замыкалъ ты меня.
Едва отъ женъ и волокитства
Подъ старость излечился я,
Какъ вдругъ припала страсть другая,
Неугомонная лихая, —
Иногородныхъ странъ смотрѣть.
Минуты дома не сидится,
Разсудокъ боленъ и крушится
Въ желаньяхъ міръ весь обозрѣть.

. . . .

Пріятно странствовать, гдѣ можно
(Коль книги правду говорятъ)
Достать, платя за все, какъ должно,
Чего пять чувствъ ни захотятъ,
Гдѣ солнца лучъ во весь день грѣетъ,
А въ ночь зефиръ прохладный вѣетъ,
И гладокъ путь, какъ штучный полъ,
Гдѣ всѣ природы прозябенья
Трактирщики для наслажденья
На станціяхъ несутъ на столъ!

. . . .

А здѣсь ѣзда — бѣда ужасна,
На почтовыхъ ли, на своихъ!
Земля, кормилица несчастна,
Плодовъ не носитъ никакихъ;

Дороги нѣтъ, мосты поганы,
Въ избахъ — вонь, чадъ и тараканы,
Путемъ нельзя ни лечь, ни сѣсть;
Вездѣ велитъ неволя драться,
Во всякой всячинѣ нуждаться, —
Не сыщешь булки мягкой съѣсть.

Уже ли кто не согласится
По смыслу здравому признать,
Что между тѣмъ, чтобъ прокатиться,
Или во весь опоръ скакать,
Должна быть розница большая?
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но путешественникъ свободный,
Изъ прихоти собравшись въ путь,
Не любитъ на стезѣ негодной
Ломать бока себѣ и грудь,
Коней, взбѣсясь, не погоняетъ;
Онъ ночью спитъ, а днемъ гуляетъ,
Любуясь міра красотой,
Людей разсматривая нравы,
И въ самой пустынѣ забавы
Найти на вкусъ умѣетъ свой.

Итакъ въ послѣдній разъ, конечно,
Я путешествую теперь;

Готовъ сидѣть въ покояхъ вѣчно,
Какъ робкій подъ кустами звѣрь
Увы! — чего искать иного,
Куда ни кинься, какъ худого? —
Когда подыметъ вѣтеръ вой,
За слякоть всякую въ награду
Терпѣть убытки и досаду; —
Пускай же пробуетъ другой!

А я, уставши въ полномъ смыслѣ,
Въ Москвѣ присяду на гнѣздѣ,
И такъ свои настрою мысли,
Чтобъ было любо имъ вездѣ.
Насущный хлѣбъ есть корень счастья
Во время ведра и ненастья.
Математической декретъ!
Я это очень твердо знаю,
И вѣрить самъ ужъ начинаю,
Что тамъ прекрасно — гдѣ насъ нѣтъ... —

Возвращеніе домой.

Еще солнышко не сѣло,
Поспѣшай, мой быстрый конь;
Мчи меня съ собою смѣло,
На скаку чуть землю тронь!

Мена ждутъ жена и дѣти,
Дома радость и покой;
Ахъ! что можетъ быть на свѣтѣ
Веселѣй семьи родной!

Всѣ меня бѣгомъ встрѣчаютъ,
Груша прежде всѣхъ летитъ,
Ея ласки изъясняютъ
Все, что сердце говоритъ; —
Дѣти съ нѣжнымъ восхищеньемъ
Обнимать меня спѣшатъ,
И малютки съ изумленьемъ
Въ слѣдъ за мной — папà! кричатъ.

Тутъ сберу я круговеньку,
Жонку рядомъ посажу;
Отдохну — и помаленьку
Имъ весь путь мой разскажу:
Гдѣ я былъ, кого я видѣлъ,
Какъ по нихъ я тосковалъ,
Какъ разлуки часъ обидѣлъ,
Мигъ свиданья грусть промчалъ.

О, веселыя минуты!
Вы лишь красите нашъ вѣкъ!
Вами всѣ печали люты
Забываетъ человѣкъ.
Такъ, конечно, средь домашнихъ,
Въ кругу ближнихъ и родныхъ,
Мы вкушаемъ плодъ всегдашнихъ
Наслажденій здѣсь прямыхъ.

Они совѣсти не мучатъ,
Сердцу язвой не грозятъ,
Чувствамъ нѣжнымъ не наскучатъ
И ума не тяготятъ.
Тотъ блаженъ, кто научился
Хоть подъ старость ихъ цѣнить,
И съ страстями распростился,
Чтобъ для пользы жизнь дожить.

Мы такъ много колобродимъ,
Угождая суетамъ,
Мы такъ часто въ нихъ находимъ
Длинный путь къ большимъ бѣдамъ,
Что когда-нибудь да надо
Образумиться на часъ.
Шумъ для юности — отрада;
А безъ пользы что же въ насъ?

Небо! дай мнѣ неразлучно
Быть вездѣ съ моей семьёй!
Какъ тотъ жалокъ, кому скучно
Безъ чужого, безъ чужой!
Благъ прошедшихъ совершенства
Если я не заслужилъ,
О, хотя бъ въ тѣни блаженства
Старость мирну совершилъ!

Гдѣ лучше, какъ дома.

Тужить о прошломъ — безполезно,
Мечтать о будущемъ — обманъ;
Коль настоящее любезно,
Къ чему искать заморскихъ странъ?
Отъ чувствъ своихъ мы не ускачемъ
Ни моремъ, ни сухимъ путемъ;
Вездѣ отъ мрачныхъ думъ заплачемъ,
Въ веселомъ духѣ рай найдемъ. —

Повсюду горьки вспоминанья
Въ повозкѣ съ нами полетятъ;
Повсюду новыя желанья
Климаты новые родятъ;
По виду внѣшнему предмета
И вкусъ привыкнувши мѣнять,
Вокругъ всего объѣздимъ свѣта,
А совершенства не сыскать. —

Изъ края въ край переселяться,
Чтобъ грусть лечить, пустой расчетъ;
Съ печалью стоитъ лишь спознаться,
Она замучитъ какъ деспотъ.
Ее не грунтъ земли раждаетъ,
Не воздухъ грѣетъ, иль студитъ;
Душа сама въ себѣ питаетъ,
Воображенie раститъ.

Ошибка въ томъ, что мы мечтаемъ
И жить все въ будущемъ хотимъ.
Сегодни день прошелъ — скучаемъ,
Пришелъ и завтрашній — грустимъ.
Химера первый врагъ спокойства;
Съ начала міра до конца
Вездѣ все тѣ же неустройства
Умы смущаютъ и сердца!

Людей лихихъ не перемножешь, —
А въ свѣтѣ гдѣ жъ ихъ не найдешь?
Скорѣй слона въ хомутъ заложешь,
Чѣмъ злоязычника уймешь. —
Не внѣ, но въ насъ рука веселья;
Умѣй ее лишь очищать:
Ищи забавы, утѣшенья —
И будешь чаще хохотать.

Итакъ, о чемъ же мнѣ крушиться,
Минуты вздохами считать?
Хочу теперь же веселиться,
Впередъ пустого не гадать. —
Мой часъ летитъ — моя и воля,
А чей за нимъ, — вѣстимъ лишь Богъ
Когда меня не жметъ неволя,
Тогда вездѣ я Гогъ-Магогъ!

Одежа есть, хлѣбъ-соль готова,
Вина бутылку *Негри* далъ,
Въ семьѣ не вижу сердца злова,
И крышу вихорь не сорвалъ;

Гроза ль придетъ — окно закрою,
Сквозного вѣтра не пущу,
И громъ услышавъ надъ собою,
Какъ робкій звѣрь не трепещу.

Кто сей системой вѣкъ свой прожилъ,
Тотъ меньше всякаго тужилъ,
Догадкой бѣдъ своихъ не множилъ,
Забавы всякой день троилъ,
Въ лѣтописяхъ не добивался
Наполнить цѣлый листъ собой,
И въ землю, ту жъ когда скончался,
Подъ царской прахъ присыпалъ свой.

Мой театръ.

Пускай все строится на свѣтѣ,
Какъ рокъ упрямый приказалъ,
Лишь только бъ жить мнѣ въ кабинетѣ
Никто на вкусъ мой не мѣшалъ.
Съ утра до вечера я въ руки
Газетъ, ни книги не беру,
И день-деньской съ дѣтьми отъ скуки
Твержу мимическу игру.

Тарифъ меня не безпокоитъ,
Въ сукнѣ я толку не знавалъ;
Иной безъ сахару все поитъ,
Я чай и съ патокой пивалъ.
Въ карманѣ рубль коль залежится,
Поставлю въ мигъ его ребромъ:
Моя забава — суетиться,
Мой рай — людьми набитый домъ.

Мнѣ нужды нѣтъ, гдѣ миръ, гдѣ драка,
Куда полки бѣгутъ солдатъ,
Который баринъ скушалъ рака,
Какому данъ вельможѣ матъ;
Въ моемъ углу храня свободы
Благонамѣренный законъ,
Лѣнюсь, и радъ, что воеводы
Уже не грезится мнѣ сонъ.

Въ сараѣ 6 кулисъ поставилъ,
Широкой завѣсъ распустилъ,
Огарки всѣ домашни сплавилъ,
Во тмѣ свѣтъ плошекъ сотворилъ;—
И тутъ въ обманѣ восхищаюсь,
Воспоминая вѣкъ златой,
Въ стихахъ и въ прозѣ отличаюсь,
То царь, то молодъ я мечтой!

Меня поносятъ, слышу, строго,
Зачѣмъ такъ тѣшу я себя;
Кричатъ: онъ, видно, нажилъ много,
И честь и совѣсть погубя!

Прошу покорно всѣхъ нахаловъ
[illegible] прійти ревизовать,
Моихъ завидныхъ капиталовъ
Наличность [illegible] осязать! —

Найдутъ дестей бумажныхъ кучу,
Куда чернилъ потоки лью,
На коихъ лѣтъ ужъ 30 мучу
Я руку правую мою. —
И сдѣлавъ обыскъ самый вѣрный,
Увидятъ ясно безъ очковъ,
Что мой достатокъ безпримѣрный —
Нарость на языкѣ льстецовъ.

Молва страшитъ душонки мелки;
Онѣ боятся иногда
Затѣять сущія бездѣлки.
Ахти! что скажутъ? Ну, бѣда!
Безъ апробаціи собранья,
Не справясь въ клобѣ, тамъ и сямъ,
Онѣ свободнаго дыханья
Не смѣютъ дать своимъ ноздрямъ.

Но тотъ, кто въ креслахъ и на стулѣ,
Въ палатѣ царской и въ избѣ
Имѣлъ всегда на караулѣ
Какъ стража совѣсть при себѣ,
Ума кто пуншемъ не туманилъ,
Чужого сердца не скоблилъ,
За бѣдность нищихъ не тиранилъ,
За злато знатныхъ не курилъ, —

Предъ тѣмъ — изъ терема ли вьется,
Иль стелется на площади
Молва, какъ вихорь разнесется
И ляжетъ прахомъ назади! —
Предъ тѣмъ молва — лишь свистъ народный,
Которымъ можетъ человѣкъ,
Въ поступкахъ, въ чувствѣ благородный,
Гнушаться смѣло весь свой вѣкъ!

Когда почіешь ты въ покоѣ,
Молва! уставши, хоть на часъ?
Души съ умомъ, въ согласномъ строѣ,
Тебѣ, вѣдь, рѣдко внятенъ гласъ!
А ты жужжаньемъ надоѣла,
И съ клеветою сдѣлавъ связь,
Чернишь нерѣдко то, что бѣло,
И бѣлой — называешь грязь.

Играйте, пойте, веселитесь,
Два вѣка намъ не подарятъ;
Чужого толку не страшитесь,
Будь всякъ умомъ своимъ богатъ!
Но знай держать его въ границахъ:
Шути съ пріятелемъ остро;
А при великолѣпныхъ лицахъ
Кусай языкъ — и прячь перо.

Весь міръ вотще хотятъ исправить;
А я давно ужъ знаю то,
Что лучше, чѣмъ онъ есть, составить
Не смыслитъ новаго никто.

Пускай кружится свѣтъ, какъ знаетъ,
Я снисходительнѣе всѣхъ:
Кто самъ меня не задѣваетъ,
Тому и я прощаю грѣхъ.

Такъ полно ссориться, ребята,
И милости прошу ко мнѣ!
Моя трапеза не богата,
Но правда чистая въ винѣ.
Летитъ весна, придетъ Святая,
И солнца станетъ лучъ сіять,
А мы здѣсь долу, всѣхъ лобзая,
Начнемъ комедію играть.

Ужаснѣй чорта, кто порочитъ
Забавъ невинныхъ простоту;
Злодѣй шипитъ и не хохочетъ,
А добрый любитъ суету. —
Ко счастью взявъ мечты дорогу,
Я благодаренъ Небесамъ! —
Мой духъ принадлежитъ лишь Богу,
А сердце все — моимъ друзьямъ!!!

Вольное подражаніе Французск. сочиненію г-на St. Eyremond.

Дуняша! ты собой прекрасна;
Но чтобъ любовью сердца страстна
Твой нравъ забавы запрещалъ,
Сему повѣрить не возможно;
Ты любишь, знаю я, не ложно!
Мнѣ мой мизинецъ то сказалъ.

Когда я въ Нѣжинку влюбился,
Я чуть-было не застрѣлился;
Но тщетно духъ ея прельщалъ.
А кто тебя любить затѣетъ,
Хоть долго терпитъ, да успѣетъ;
Мнѣ мой мизинецъ то сказалъ.

Когда на цитрѣ ты играла
Вчера въ гостяхъ, я чай, почитала,
Тебя никто не разгадалъ;
Анъ нѣтъ! за кѣмъ твой взоръ стремился
И съ чьимъ онъ встрѣтиться тамъ льстился,
Мезинецъ тотчасъ мнѣ сказалъ.

Намнясь, когда мы всѣ на балѣ
Въ большой твоей плясали залѣ,
Межъ насъ и Вася танцовалъ;
Но что онъ сдѣлалъ поплясавши,
Тебя въ boucloir съ собой зазвавши,
Мнѣ мой мизинецъ то сказалъ.

А помнишь ли еще, какъ въ полѣ
Тебя, любя всѣхъ женщинъ болѣ,
Въ горѣлки Сеня догонялъ?
Отъ многихъ глазъ ты съ нимъ сокрылась,
Но отъ меня не утаилась:
Мизинецъ все мнѣ разсказалъ.

Такъ полно клясться намъ по модѣ,
Что лишь тебя одну въ природѣ
Огни любовные не жгутъ;
Обманъ такой ужъ не пужаетъ:
Что свѣдалъ я, то всякъ спознаетъ —
У всѣхъ мужчинъ мизинецъ плутъ.

Мила, коль изподтиха любишь;
Еще милѣй стократно будешь,
Когда, жеманство удаля,
Ты сердцу вольный путь откроешь:
Свое блаженство тѣмъ устроишь;
Уймешь всеобщаго враля.

СМѢСЬ.

1.

Елисаветъ-градъ.

Прекрасно жить въ *Елисаветѣ*:
Тутъ черви намъ шелки дарятъ;
Такихъ арбузовъ въ цѣломъ свѣтѣ,
Какъ здѣсь, я слышалъ, не ѣдятъ.

Подъ властью быть Елисаветы
Прекраснѣй было во сто кратъ,
Когда Ея благи совѣты
Творили счастье здѣшнихъ чадъ.

О градъ, Царицѣ соименный!
Хоть многихъ меньше ты градовъ,
По званью будешь незабвенный
Въ сердцахъ Россіи всѣхъ сыновъ!

2.

Развалины серпуховской крѣпости.

Свидѣтели побѣдъ великаго Царя!
Съ восторгомъ вижу васъ, руины той ограды,
Съ которыхъ не смогли татарскихъ силъ громады,
Движеніе вѣковъ, ниже стихіевъ пря! —

Достигли вы до насъ, и мы — гигантовъ племя,
Привыкшіе во прахъ колоссы превращать,
Дерзнули-было съ васъ печать временъ сорвать;
Но намъ ли сокрушить, что чтитъ и само время?

Въ развалинахъ своихъ еще премного лѣтъ
Прославитъ замокъ сей десницу Іоанна; —
Такъ зиждется хвала того вождя избранна,
Которымъ изумить судили Боги свѣтъ!

3.

На имянины,

К. . Е. . П. . Щ. . .

Бездѣлицу — цвѣтокъ, съ стыдомъ тебѣ вручаю,
Вниманія сей даръ не стоитъ твоего;
Но тщетно лучшихъ я даровъ найти желаю:
Достойнаго тебя нѣтъ въ свѣтѣ ничего. —

Природа предъ тобой красу свою теряетъ;
Твой милый видъ — всему пріятности даетъ;
Пускай ихъ отъ тебя цвѣтокъ сей получаетъ:
Родяся для тебя, пусть при тебѣ умретъ!

Онъ, въ счастіи меня стократно превышая,
Примѣръ явитъ тебѣ и сердца моего,
Которое, къ тебѣ любовію пылая,
Не выйдетъ никогда изъ плѣна твоего. . . .

4.

На 1-й отъѣздъ въ Кіевъ

К. . Н. . . Нарышкиной.

Рѣшился твой отъѣздъ, — да будетъ Богъ съ тобой!
Да промысломъ Его стопы твои хранятся,
Успѣхомъ всѣ твои шаги благословятся,
И паки привези намъ дружество съ собой!

Когда жъ днѣпровскихъ струй увидишь ты волненья,
Когда услышишь тамъ Анахаретовъ гласъ,
Заочныхъ вспомни ты друзей своихъ въ тотъ часъ,
Представь ихъ о тебѣ душевны сожалѣнья.

Не требуютъ они, съ тобою разлучась,
Чтобъ ты дарами ихъ тѣхъ странъ обогащала;
Дороже имъ всего, чтобъ ты ихъ награждала
Заочно памятью, и сердцемъ — возвратясь.

5.

На 2-й отъѣздъ ея же.

Увидѣли тебя — и только на минуту!
Какъ молнія съ небесъ блеснула между насъ;
Свиданія съ тобой за самый краткій часъ
Разлуки многихъ дней готовишь муку люту.

Забавъ московскихъ шумъ тебя не услаждаетъ,
Ни роскошь съ нами въ ней остаться не влечетъ;
Пріятная весна тебя съ собой зоветъ
Туда, гдѣ льдовъ ужъ нѣтъ, гдѣ рѣзвый Днѣпръ играетъ.

Лети природы тамъ вкушать благотворенья!
Зима не для тебя въ уставѣ естества;
Пускай живетъ въ ней тотъ по волѣ Божества,
Кто слабостію чтитъ сердечны обольщенья.

Прельщенные твоей пріятной красотою
Поляковъ, Кіевлянъ толпы вокругъ тебя
Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ забудутъ и себя:
Ахъ! можно все забыть тогда, когда съ тобою. —

Но ты насъ не забудь, люби чистосердечно,
Увидѣть насъ желай, пиши къ намъ иногда,
И буди въ правдѣ сей увѣрена всегда,
Что я друзей своихъ любить умѣю вѣчно.

6.

Желаніе ей же.

Желалъ бы я съ тобою вѣчно
Въ любомъ краю на свѣтѣ жить,
Желалъ бы искренно, сердечно
Одинъ любимъ тобою быть;
    Но ты твердишь на то безбожно;
    Что о томъ думать, что невозможно *).

Тебѣ принесть готовъ бы въ жертву
Богатство, славу, честь и все, —
Ты бъ оживила душу мертву;
Отдавъ сердечко мнѣ свое;
    Но, ахъ! ты мнѣ поешь безбожно
    Что о томъ думать, что не возможно. —

О! какъ бы счастливъ былъ судьбою,
Весь годъ днемъ праздничнымъ считалъ,
Съ одной дружился бы тобою,
Тебя одну бы обожалъ;
    Но ты смѣешься лишь безбожно,
    Что о томъ думать, что невозможно. —

Вездѣ съ тобою бы я рядомъ
И дома и въ гостяхъ сидѣлъ,

---

*) Этотъ стихъ былъ данъ и долженъ былъ составлять конецъ каждаго куплета.

И нà-смѣхъ свѣтскимъ всѣмъ обрядамъ
Одной тебѣ въ глаза смотрѣлъ; —
Но слышу то же все, безбожно,
Что о томъ думать, что невозможно. —

— —

Внималъ съ восторгомъ силъ небесныхъ
Твой милый голосъ, сладку рѣчь,
Ловилъ бы взоръ очей прелестныхъ,
Которымъ кровь умѣешь жечь;
Но ты заладила безбожно,
Что о томъ думать, что невозможно.

Москвы, Парижа, Испагана
Съ тобой не надо ничего;
Въ твоей свѣтелочкѣ съ дивана
Не тронулся бъ ни для кого;
Но ты шесть разъ твердишь безбожно,
— Что о томъ думать, что невозможно.

Какое тяжкое мученье,
Какой Боговъ несносный гнѣвъ,
Когда за пламень въ награжденье
Не только слушать сей припѣвъ,
Но, ахъ! еще и вторить должно:
— Что о томъ думать, что невозможно.

7.

Эпиталама

Е. П. У.

Въ супружество вступя, вы тайну ту познали,
Которая сердецъ вѣнчаетъ нѣжну страсть;
Вкушайте безъ помѣхъ пріятнѣйшую часть,
И миръ да гонитъ прочь отъ вашихъ дней печали!

Супругъ! люби жену, коль счастливъ быть желаешь,
И свято сохраняй къ ней вѣрности уставъ;
Да будетъ ей во всемъ всегда открытъ твой нравъ,
Чтобъ знала прежде всѣхъ, о чемъ ты воздыхаешь.

Супруга! будь равно и ты съ нимъ откровенна,
Покорна—какъ жена, приверженна—какъ другъ;
Прибѣжищемъ твоимъ чтобъ милый былъ супругъ:
Симъ способомъ однимъ ты можешь быть блаженна.

Нѣтъ счастья на земли, коль нѣтъ благоустройства!
Старайтеся его въ семьѣ своей хранить;
Учитесь иногда другъ другу сноровить:
Смиреньемъ мы людей плѣняемъ всякаго свойства!

Живите, словомъ, такъ между собою вѣчно,
Чтобъ истинно узнать, что тамъ не нуженъ
кладъ,
Гдѣ (такъ какъ говорятъ) съ женой у мужа ладъ:
Сего пріятель вашъ желаетъ вамъ сердечно.

8.

Сонюшкѣ.

Видалъ я Сонюшку въ нарядѣ,
Когда въ каретѣ золотой
Катитъ въ обширномъ нашемъ градѣ
На званный балъ плѣнять собой.

Видалъ ее и въ амазонѣ
Одну, безъ чванства и безъ слугъ,
На борзомъ ей подвластномъ конѣ
Летящу въ поле во весь духъ.

Видалъ съ большими господами;
Тамъ, всѣхъ на свой настроивъ ладъ,
Вертитъ какъ чуркой ихъ умами,
И всякой мѣтитъ ей впопадъ.

Въ кругу людей простыхъ, незнатныхъ
Нерѣдко также я видалъ,

Какъ много тамъ минутъ пріятныхъ
Послѣдній съ ней бѣднякъ вкушалъ:

Всегда равна, всегда пригожа,
Въ какомъ бы духѣ ни была;
Объ ней повсюду слышу то же:
Куда, какъ Сонюшка мила!

О, вы, правители вселенной,
Цари, подобные Богамъ!
Сложите дома видъ надменной,
Падите всѣ къ ея ногамъ!

Несите въ жертву ей вседневно
Вашъ тронъ — алтарь земныхъ суетъ!
Смягчите сердце слишкомъ гнѣвно!
Что вамъ за прибыль отъ побѣдъ?

На что подъ власть свою стараться
Востокъ съ полуднемъ съединить?
Чтобъ вѣчно въ радости сіяться,
Довольно съ Сонюшкою жить.

9.

Ей же.

Когда Сонюшка ея игрою
И когда она поетъ,
Надъ моей тогда душою
Полну власть она беретъ.
Съ нею время провождая,
Не ищу я никого;
Ея голосу внимая,
Не желаю ничего.

Здѣсь пѣвицы у насъ не мало,
Поютъ пѣсни хороши;
Но природы не бывало:
Все метода безъ души.
Что̀ захочетъ, то внушаетъ
Голосъ Сонюшкинъ одинъ;
Онъ и разумъ обольщаетъ;
Онъ надъ сердцемъ властелинъ.

Лишь она его настроитъ
И захочетъ прослезить,
Вмигъ сердечушко заноетъ,
Слезы градомъ станешь лить;
Въ ту же самую минуту,
Коль веселый тонъ возьметъ,
Позабудешь горесть люту
И тотчасъ печаль пройдетъ.

Пой всегда однимъ манеромъ,
Сердце нѣжно поощряй;
Всѣмъ служи своимъ примѣромъ,
А сама не подражай!
Пусть другая еще взводитъ
Громкій голосъ до небесъ;
А твой съ неба къ намъ нисходитъ
И влечетъ токъ сладкихъ слезъ.

Онъ во всѣхъ его извивахъ
Строенъ, нѣженъ, тихъ и милъ;
Во всѣхъ тона перемѣнахъ
Не теряетъ своихъ силъ.
Словомъ, онъ таковъ, конечно,
Для моихъ, для всѣхъ ушей,
Что другая пой хоть вѣчно,
Не споетъ тебя милѣй.

10.

П. И. Мятлевой, въ Кіевѣ.

Давно, весьма давно призналъ ученый свѣтъ,
Что Римъ есть тронъ науки, изящнаго искусства;
Нигдѣ, какъ говорятъ, такихъ диковинъ нѣтъ;
И такъ рѣзецъ и кисть не дѣйствуютъ на чувства

Я вѣрилъ; но чтобъ быть увѣрену не можно,
Я опыта для глазъ и для души желалъ;
Сомнѣнію сему продлиться невозможно —
Я въ *Сумеркахъ* моихъ нашелъ, чего искалъ.

Искуснаго пера прекрасныя черты,
Какъ солнца яркій лучъ, въ листахъ моихъ яви-
лись;
Откуда, думалъ я, такія красоты
Волшебнымъ слогомъ вдругъ въ тѣни изобрази-
лись?

Желая пошутить, попробовать перо,
Изъ Рима на пути пригожая Московка
Черкнула строчекъ пять и нѣжно и остро:—
Нечаянно плѣнять знакома ей уловка.

О! вѣрьте, я теперь и возгласить готовъ,
Что точно Римъ одинъ изяществомъ владѣетъ;
Нѣтъ, скажемъ, что владѣлъ, благодаря Боговъ:
Ужъ Мятлеву не Римъ — Москва въ себѣ имѣетъ.

11.

Графиня Брол.

Пускай проходятъ наши годы
И гибнетъ молодости цвѣтъ,
Мой пылкій духъ среди свободы
Повсюду зиждетъ новый свѣтъ.

Питать любовью свойство страстно
Какой намъ возрастъ запретитъ?
Люблю вездѣ, люблю всечасно,
И сердце все еще горитъ. —

Всѣ ищутъ счастія въ химерѣ
И славы любятъ нюхать чадъ;
Я изжилъ вѣкъ въ той доброй вѣрѣ,
Что безъ любви — все намъ въ накладъ. —
Что состоянье то ужасно,
Въ которомъ чувство замолчитъ. —
И такъ люблю вездѣ, всечасно,
И сердце все еще горитъ.

Съ восторгомъ дни тѣ вспоминаю,
Какъ очарованъ былъ тобой;
И снова нынѣ ощущаю
Твое волшебство надъ собой.
Въ тебѣ все мило, все прекрасно!
Кого твой взоръ не обольститъ?
Люблю тебя вездѣ, всечасно,
И сердце все еще горитъ.

Оставимъ мы предубѣжденья
Въ удѣлъ холоднымъ тѣмъ умамъ,
Которы живость наслажденья,
Нахмурясь, запрещаютъ намъ,
И предадимся безопасно,
Доколѣ смерть насъ не сразитъ,
Мечтамъ любви вездѣ, всечасно;
Пусть вѣчно сердце въ насъ горитъ.

12.

Переводъ стиховъ Визанига

Е. . С. . . О. . .

Быть чувствительной, любезной,
Всѣхъ плѣнять во всѣхъ странахъ,
Пылкій умъ съ душею нѣжной,
Видъ Боговъ носить въ чертахъ —
Вотъ что цѣлый свѣтъ почитаетъ
Невозможнымъ отыскать;
Но тому ль тебя, кто знаетъ,
Это чудомъ почитать?

13.

На имянины милой.

Ищу — и не могу найтить,
Чѣмъ мнѣ въ твой день тезоименный,
Для чувствъ моихъ столь драгоцѣнный,
Тебя, другъ милый, подарить.
Душой! — ты ею ужъ владѣешь,
Умомъ! — на что его тебѣ?
А сердце! — ахъ! давно имѣешь.
Итакъ ты все взяла себѣ.

14.

На дѣтскій балъ Стефани.

Рѣзвитесь, дѣти! ваше время
Вкругъ свѣта бабочекъ ловить;
Пока васъ лѣтъ не мучитъ бремя,
Спѣшите молодость прожить.
Подобно вамъ, богачъ роскошной,
Мильоны превратившій въ пыль,
О жизни тужитъ столь оплошной,
Какъ сонъ воспоминая быль.

Въ мой вѣкъ, и я, какъ былъ моложе,
Страстей не смысля унимать,
Я дѣлалъ самъ все точно то же,
Старался время убивать;
А время на крылахъ летѣло
Отъ настиженья моего,
И чѣмъ же кончилося дѣло? —
Меня пришибло самого.

Оставьте цензоры природу
Идти своимъ прямымъ путемъ;
Стѣсня естественну свободу,
Вы не успѣете ни въ чемъ.
Равно, повѣрьте, досаждаетъ
Душистый старый селадонъ,
Какъ и посмѣшищемъ бываетъ
Угрюмый въ двадцать лѣтъ Катонъ.

Брюзжать педанты какъ ни будутъ,
Дадутъ ли новый видъ вещамъ?
О, нѣтъ! — урокъ прочтутъ — забудутъ,
А время стукнетъ по плечамъ;
Сильнѣй его нравоученье
Театра, школъ, проповѣдей;
Придетъ въ свой часъ и умозрѣнье,
Какъ выйдетъ трупъ сухихъ костей.

Пускай прыгунчики грохочутъ;
Ихъ дѣло, — дай Богъ въ добрый часъ! —
Взаимно пусть о томъ хлопочутъ,
Чтобъ на любимый трафить глазъ;
Еще лѣтъ двадцать вмигъ промчатся,
Тогда хоть плачь — не виноватъ
Имъ всѣмъ по нашему смиряться,
А намъ — ложиться въ землю спать.

15.

На долину Мишинскую, въ Бѣлевѣ,

А... П... Ю...

Нѣтъ средства не сказать: прекрасная долина!
Прелестнѣй во сто кратъ, чѣмъ мертвая руина,
Какія сохранилъ отъ Генуэзцевъ Крымъ,
Какихъ мы посмотрѣть во весь духъ скачемъ въ Римъ!

Живой натуры тронъ! — Дыханіе зефира
Не стонетъ взаперти подъ сводами порфира;
Въ свободѣ полной мысль, — волшебныя мечты
Повсюду вкругъ меня раждаютъ красоты.

Безсонный чародѣй — мое воображенье,
При каждомъ шагѣ духъ приводитъ въ восхищенье.
Зрю западъ солнца здѣсь, — тамъ вижу всходъ луны,
И слышу вдалекѣ Бѣлевскіе звоны.

О, родина моя, Москва, въ которой таю,
Котору въ жизни я подобилъ часто раю,
Которая по смерть пребудетъ мнѣ мила!
Мнѣ слышатся уже твои колокола! —

Природа! предъ тобой что наши милліоны?
Люблю твои дары, блажу твои законы!
Божественны мѣста! — еще побудемъ здѣсь;
Пусть врѣжутся въ умѣ лѣса, рѣка, вся весь. —
Дай память, вѣчну кисть! — рисуйся въ ней картина!
Дай сердце имя ей: блаженная долина!

16.

На картину

ЕЙ ЖЕ.

Люблю твое произведенье,
Искусства рѣдкій образецъ; —
Оно живитъ воображенье.
Мила картина, — милъ творецъ.
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно съединила. —
Апель (слыхалъ я) очень сходно
Съ натуры все живописалъ;
Но онъ и самъ такъ превосходно
Едва ль бы жизнь картинѣ далъ.
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно съединила.
Здѣсь вижу я смиренну дѣву,
Взоръ ангельскій, и небо въ немъ,
Ликъ Божій, непричастный гнѣву,
Сіяющъ благости лучемъ.
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно съединила.

Чья кисть такое совершенство
Въ цвѣтныхъ оттѣнкахъ сохранитъ?
Миръ совѣсти, души блаженство,
Такъ живо кто изобразитъ?
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно съединила.
Одна лишь ты — тебя кто знаетъ
И кто увидитъ образъ сей, —
Тотъ, вѣрно, тотчасъ отгадаетъ,
Что онъ черта руки твоей!
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно съединила.
Чему дивиться? Кто подобенъ
Безсмертнымъ такъ, какъ ты, душой,
Одинъ лишь только тотъ способенъ
Представить съ нихъ сей видъ прямой.
Итакъ, твой даръ я въ рамку вставлю,
Во всѣ пути съ собой возьму,
Въ кругу своемъ вездѣ прославлю,
И глазъ съ Мадоны не сниму.

17.

На хижину красавицы.

Затѣмъ ли звать меня велѣла
На хижину свою взглянуть,
Что непремѣнно захотѣла
Заставить съ горя въ ней вздохнуть?
Твой уголъ тѣсный, но опрятный,
Всѣмъ краше кажется дворца;
Твой голосъ нѣжный, взоръ пріятный
На всѣ подѣйствуетъ сердца.

Пѣвалъ я хижины нерѣдко,
И проводилъ въ нихъ жизнь свою;
Но ни въ одной еще такъ мѣтко
Никто не трафилъ въ грудь мою.
Влюбляться поздно мнѣ, — я знаю,
Смѣяться будутъ надо мной; —
Таить нѣтъ мочи — открываю,
Что я съ ума сведенъ тобой.

Тебѣ въ привычку обратилось
Пригожихъ рыцарей томить;
Но, вѣрно, въ первый разъ случилось
Сѣдую голову вскружить.
Хотя для рѣдкости толь странной
Взгляни съ улыбкой на меня,
И мигъ свиданія желанной
Почту блаженствомъ полнымъ я.

Приду съ тобой имъ наслаждаться,
Тоску свою позабывать;
Не стѣнъ богатствомъ любоваться,
Не свѣту яркаго искать, —
Волшебной силою прельщенья,
Подъ кровомъ хижины твоей,
Сердечны юныхъ лѣтъ біенья
Я вновь почувствую сильнѣй.

Когда я хижину на Рцени
Къ твоей убогой примѣню,
И всѣ возлюбленныя тѣни
Съ одной чертой твоей сравню, —
Я вижу призракъ лишь прелестный
Тогдашней сладостной мечты;
Но ты — ты та, въ комъ Царь небесный
Намъ отлилъ образъ красоты!

Пускай въ чертогахъ, вкусомъ славныхъ,
Дѣвицъ летаетъ хороводъ,
Огнями ламповъ, солнцу равныхъ,
Пускай горитъ надъ ними сводъ, —
Въ перкалѣ скромномъ на диванѣ
Владыкъ порфиру ты затмишь,
И въ хижинѣ, какъ въ Испаганѣ,
Я шахъ, коль на меня глядишь.

16.

В... И...

Кошелевой.

Всю жизнь мою въ Варваръ влюблялся,
Любилъ для нихъ стихи писать,
И долго смолоду старался
Прямого счастья въ нихъ искать.
Прелестнѣй имени не знаю
Я въ христіанскихъ именахъ;
И что-то милое встрѣчаю
У всѣхъ Варваръ въ умѣ, въ чертахъ.

Въ иной — съ Венерой вижу сходство,
Дары природы всѣ — въ другой,
У третьей — нрава превосходство,
Въ четвертой — пылкій умъ, живой;
Воображенье мнѣ казало
Въ кругу Варваръ небесный рай;
И сердце, гдѣ бы ни летало,
Прильнетъ къ Варварѣ невзначай.

Пока былъ молодъ — сердце билось,
Никто его не унималъ;
Уже ли ты угомонилось?
Состарѣвшися я сказалъ.
Пустое! — Только-что Варвару
Увидѣлъ *Кошелеву* я,
Опять какъ съ сильнаго угару
Вскружился разумъ у меня.

Мила Варвара чрезвычайно
Лицомъ, душою и умомъ;
Одна бѣда! — непостоянна,
Рѣзва — и ставитъ все вверхъ дномъ.
Увы! гдѣ жъ въ свѣтѣ совершенство! —
Оно дано лишь небесамъ; —
А здѣсь и царское блаженство
Всегда съ отравой пополамъ.

19.

ЖЕНѢ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Слыхалъ я, говорятъ, что менѣе тоскуютъ
Тѣ, кои пополамъ другъ съ дружкою горюютъ;
По мнѣ — какъ ни мала тоска моихъ друзей,
Все больше во сто кратъ мнѣ кажется моей!
Чтобъ лучше уравнять для насъ двухъ жизни бремя,
Вотъ какъ желалъ бы я дѣлить съ тобою время:
Веселые часы откладывать тебѣ,
А пасмурные дни присвоивать себѣ.

20.

Темиръ.

Т.. А.. Л..

Не вѣрь пустой молвѣ, любезная Темира,
Что будто я тогда, когда явилась ты
Въ торжественномъ лицѣ славнѣйшей части міра,
Осмѣивалъ твою игру и красоты. —

Не знаю, что̀ дало догадку столь неправу
Конечно не мою мнѣ дерзость приписать;
Я всякую любилъ подобную забаву
Не только выхвалять — участіе въ ней брать.

И нынѣ, признаюсь, не столько оскорбляетъ
Постыдна клевета, какъ то мнѣ досаждаетъ,
Что, можетъ быть, сама повѣрила ты ей.

Ахъ, нѣтъ! въ моихъ глазахъ ты вѣчно будешь
та же,
Какъ Лунина мила — Европою мила же,
Въ кругу московскихъ дѣвъ владычицей моей.

Сіи стихи сочинены мною въ оправданіе мое противъ молвы, прошедшей въ городѣ о томъ, будто бы я выпустилъ какую-то сатирическую рукопись на торжественный прологъ, игранный по случаю взятія Парижа благородными Особами, въ числѣ коихъ г-жа Лунина представляла Европу.

21.

Перовскому.

Перовской очень милъ, тебѣ то всякой скажетъ.
Кто скроменъ, такъ какъ ты, кто такъ же добръ
и тихъ,
Тому ко счастью путь любовь вездѣ покажетъ;
Отъ сердца моего летитъ къ тебѣ сей стихъ,
Отъ сердца, въ коемъ ты пріязни врѣзалъ чувство
Столь сильно, что его и время не сотретъ.
Подъ солнцемъ гибнетъ все — богатство, честь,
искусство;
Любовь — одна любовь и свѣтъ переживетъ.

22.

На день рожденія

П.. П.. Н..

И вамъ ужъ 50!!! — увы, тяжелый грузъ!
Шатаются зубки — и стали за примѣту
Волоски походить на бѣлую монету;
А старость, хоть не радъ, тащитъ къ себѣ въ
союзъ.
Такъ съ чѣмъ же поздравлять? Но должно! —
Поздравляю,
Обычаи храня, присемъ препровождаю,

Въ залогъ моей любви, тѣ самые часы,
Въ которыхъ вы нашли какія-то красы.
Любуйтеся на нихъ, — а въ полдни заводите:
Стрѣла покажетъ вамъ, который въ суткахъ часъ,
А мысли приводить на память станутъ насъ,
Лишь чаще вы на нихъ, пожалуйста, глядите.

23.

Барону

А... С... С...

Желалъ бы вѣчно жить
Въ восторгахъ нѣжной страсти,
Желалъ бы позабыть,
Что въ свѣтѣ есть напасти,
И въ полдень и въ полночь
Въ прекрасный полъ влюбляться;
Гнать всѣ заботы прочь,
Съ однимъ весельемъ знаться.

Желалъ бы, чтобъ друзья
Мои меня любили
Такъ пылко, какъ и я,
И всѣ бъ со мною жили;

Что въ мысляхъ есть у нихъ,
Чтобъ могъ я тотчасъ свѣдать;
И тайны чувствъ моихъ
Безъ страха имъ повѣдать.

Желалъ бы, наконецъ,
Любя васъ, какъ роднова,
Чтобъ всѣхъ міровъ Творецъ
Чудеснымъ перстомъ снова
Коснулся вашихъ глазъ:
Чтобъ ими вы читали,
И въ гости къ намъ подчасъ
Пѣшкомъ бы загуляли.

Чего жъ еще желать
Я въ мысляхъ не встрѣчаю,
И счастья созидать
Иначе я не знаю.
Жить, ближняго любя,
Есть благо превосходно;
Но жить лишь для себя —
Одним звѣрямъ природно.

24.

М. П. Телегину,

изъ Венева.

У тещи мы въ гостяхъ ликуемъ — да и полно!
Погода хороша, — всего у насъ довольно;
Но только какъ бы намъ въ Москву не опоздать:
Спѣшу домой затѣмъ, чтобъ васъ самихъ застать.
Смотри жъ пріятель, ты не торопись на *Во́локъ*;
А то я привезу съ собой горячій щелокъ,
И голову тебѣ день цѣлый буду мыть,
Коль ты до насъ туда успѣешь укатить.
Недѣли двѣ провесть съ пріятелемъ въ разлукѣ,
Но съ добрыми людьми возможно и безъ скуки:
И этого теперь, по совѣсти скажу,
У тещи живучи, я опытъ нахожу.
Но вспомни, что отсѣль, щадя свои доходы,
Мы вплоть до Января поѣдемъ въ антиподы
Верстъ триста отъ Москвы, жить въ кучѣ мужиковъ.
Гдѣ тамъ искать газетъ? — гдѣ взять твоихъ стиховъ?
А мнѣ твое перо такъ нравится, ей-Богу,
Что я листочекъ твой читалъ во всю дорогу.
Итакъ прошу тебя, Телегинъ, не шути,
Дождися насъ въ Москвѣ, чтобъ тамъ я на пути
Съ тобою, милый другъ и братъ во Аполлонѣ,
Хоть разъ повечерять успѣлъ бы на балконѣ,
И такъ, какъ обнялись поѣхавши сюда,
Прижавъ бы къ сердцу вновь, отправились туда.

25.

Отвѣтъ на привѣтствіе В.. С.. П..

Стиховъ привѣтливыхъ и плавныхъ
Спасибо доброму творцу;
Но мнѣ ль похвалъ искати равныхъ
Воспѣтымъ греческу пѣвцу?

Ищу пріязни, а не славы,
Когда я тѣшу здѣсь друзей;
Среди трудовъ, среди забавы
Владиміръ чту семьей своей.

И вы, прибившися судьбою
Къ его заманчивымъ брегамъ,
Пребудьте искренни со мною;
Душой пожертвую я вамъ.

Хотѣлъ бы я, какъ вы сказали,
Подчасъ Купидою вспорхнуть,
Забывъ прошедшія печали,
Съ улыбкой на красу взглянуть;

Но, ахъ! природа возвѣщаетъ,
Что скоро мнѣ заснуть пора,
Предтечу въ гости посылаетъ,
Стучится старость у двора...

26.

Зовъ на обѣдъ.

Ему же.

Сегодни девять лѣтъ Владиміромъ я правлю,
Сегодни девять лѣтъ, какъ плакалъ и тужилъ
О томъ, что я свое гнѣздо — Москву, оставлю;
Но Царь меня воззвалъ — и я покоренъ былъ.

Убо да будетъ Богъ вселенной препрославленъ,
Да дастъ мнѣ тяжкій долгъ во благо совершить;
Да буду отъ людей правдивыхъ не посрамленъ —
И паки возвращусь въ свою обитель жить.

А вы, мой новый другъ! коль будетъ вамъ свободно,
Пожалуйте межъ тѣмъ ко мнѣ на вечерокъ,
Одни, или самъ-другъ, какъ будетъ вамъ угодно;
Въ бостончикъ поиграть и каши съѣсть горшокъ.

27.

Моему пасынку

А... А... П...

Желать и наслаждаться —
Есть дѣйство естества,
Любить и восхищаться —
Внушенье Божества.

Насъ Богъ отъ безсловесныхъ
Восторгомъ отличилъ;
Преддверье благъ небесныхъ
Вкушать здѣсь научилъ.

Минута вожделѣнья
Влечетъ себѣ во слѣдъ
Нерѣдко угрызенья,
Болѣзнь и пропасть бѣдъ; —
Но чувство нѣжной страсти
Нашъ духъ животворитъ:
Оно среди напасти
Отраду намъ даритъ.

Душа съ другой душою
Когда съединена,
Ни самой злой судьбою
Не страждетъ, какъ одна.
Корысть все расторгаетъ
И узы рветъ семей;
Но тронуть не дерзаетъ
Цѣпь свычки двухъ друзей.

О, юноша любезный!
Дней красныхъ не теряй!
Стяжи совѣтъ полезный
И въ вѣкъ не забывай:
Желать и наслаждаться —
Есть дѣйство естества,
Любить и восхищаться —
Внушенье Божества.

28.

Пріятелю

изъ коляски.

—

Напрасно ты въ своихъ мечтахъ
Какой-то рай воображаешь;
Во всѣхъ подсолнечныхъ странахъ
Ошибки грубы повстрѣчаешь
Натуры — случая — людей —
И даже тусклый лучъ блаженства
Придется съ мудростью твоей
Искать въ тѣняхъ несовершенства.

Богъ создалъ рай — другого нѣтъ;
Въ немъ тотъ, кто милъ и кто влюбился: —
Сему преданью вѣритъ свѣтъ,
Въ какой кто вѣрѣ ни крестился.
Отъ предковъ нашихъ и до насъ
Во всѣхъ концахъ земли извѣстно,
Что нѣжный взоръ любезныхъ глазъ
Есть наше царствіе небесно.

29.

На пожалованіе меня въ Т.. С..

Надежа-Государь пожаловалъ мнѣ чинъ;
Прекрасно — но увы! натура подшутила:
Черкнула свой указъ — кровь пылку простудила;
Амуръ сказалъ прости — остался я одинъ.

Что въ чинѣ, если нѣтъ огня и восхищенья!
Лѣтъ двадцать бы назадъ, о! какъ я счастливъ
былъ!
Леталъ бы по Москвѣ, всѣмъ голову кружилъ,
Съ родными на пирахъ вкушалъ бы наслажденья.

Теперь осталась честь, а радость утекла;
Такъ, стало-быть, народъ не по-пусту болтаетъ,
Что служба за Царемъ хотя не пропадаетъ,
Но поздно и корысть, — когда пора прошла.

30.

На праздникѣ въ Митинѣ
В.. А.. К..

Ужъ мѣсяцъ, скромный другъ стыдливыя любви,
Съ полей всѣхъ проводя, ушелъ и въ лѣсъ со-
крылся;
Среди ночныхъ тѣней вновь свѣтъ дневной
явился
И плошками вездѣ уставлены пути.

На *Пекинѣ* въ челнокѣ музыка духовая
Манила на террасъ охотниковъ гулять,
Съ гремушками оркестръ танцовщиковъ склимкая,
Въ огромной залѣ имъ готовилъ поплясать.

На воздухѣ *Тракже*, какъ-будто привидѣнье,
Между вершинъ деревъ раскинувши канатъ,
Чудесныя на немъ творилъ тѣлодвиженья,
Стрѣлялъ, скакалъ и въ мигъ перемѣнялъ нарядъ.

Ракетки, бураки, прозрачныя картины
Сгоняли удалой вокругъ его народъ;
А трусы, кои въ немъ боялись бѣсовщины,
Подъ окнами толпой глазѣли на господъ.

Вотъ, въ Митинѣ какой намъ праздникъ подарили!
Какъ можно было тутъ о чемъ-нибудь вздохнуть!
Всѣ прямо отъ души въ забавахъ ночь убили,
И я, я самъ забылъ, что я привыкъ соснуть.

О, роскошь, милый врагъ моральнаго добра!
Хоть разумъ иногда велитъ съ тобой браниться,
Но въ сердце наше такъ, умѣешь ты вселиться,
Что силъ не достаетъ согнать тебя съ двора.

31.

На праздникѣ въ Дубкахъ

А.. А.. Б..

—

Нельзя, не утерплю — примусь опять за лиру!
Хотѣлъ-было стиховъ совсѣмъ ужъ не писать;
Но какъ не возвѣстить восторгъ мой новый міру,
И тѣмъ, чѣмъ полонъ духъ, какъ всѣмъ не разсказать?

Никакъ Сердечкинъ нашъ опять въ кого влюбился!
Прочтутъ, и про меня всѣ скажутъ это вдругъ.
Ошиблись, господа, — я сѣдъ и истощился,
Амуръ мнѣ чужъ чужой; — не бось, жена, мой другъ!

Свобода и гульба — вотъ чѣмъ я восхищаюсь!
Изъ Митина въ Дубки и въ Митино назадъ;
Тамъ прелестью садовъ, здѣсь роскошью плѣняюсь,
И тамъ и самъ дышу средь нѣги и прохладъ.

Ничто меня въ тѣни лѣсной не безпокоитъ,
На Пекшѣ до меня нѣтъ дѣла никому;
Въ сѣняхъ съ челобитьемъ докучливый не ноетъ;
Чего ни захотѣлъ — здѣсь все по-моему.

Въ поляхъ все хорошо, въ покояхъ все прекрасно,
Хозяинъ bon vivant, — хозяйка безъ чиновъ,
Съ гостьми болтай про все, и смѣйся безопасно,
Сосѣдей не туляись — въ нихъ нѣтъ обиняковъ.

И карты и театръ, и жмурки и горѣлки,
Что хочешь выбирай, лишь тѣшиться изволь:
А подъ вечеръ въ огняхъ и тропки и бесѣдки:
Ликуй на свой манеръ, другого не неволь.

Съ друзьями хохочу, съ родней перебиваю,
То въ кустикахъ сосну, — то въ ваннѣ окунусь,
Иль сидя попишу, иль ходя почитаю,
И весь мой недосугъ — пью, ѣмъ и веселюсь.

. . . .

О, какъ тебя зовутъ, ты, кто всѣмъ міромъ
правишь,
Зевесъ, или Алла, Егова, или Богъ!
Блаженъ, кого своей Ты милостью пробавишь!
А мы сбираемъ здѣсь щедротъ Твоихъ плодъ
многъ.

. . . .

Пусть осень нашихъ дней такъ ясно продолжится,
Какъ красну осень Ты намъ въ этотъ годъ по-
слалъ:
Земля вокругъ меня повсюду богатится, —
И все на ней мое — мое — когда вкушалъ.

. . . .

Да здравствуетъ Монархъ, вина всѣхъ воскли-
цаній!
Его сегодни день — хозяинъ поспѣшай;

Пусть такъ стремятся всѣхъ сердецъ къ Нему
желанья,
Какъ въ честь Ему вино ударило чрезъ край.

Ура! сто кратъ ура! — и дамы и мужчины
И юные птенцы кричите всѣ со мной!
Ни трусить, ни тужить нѣтъ Русскому причины;
Нашъ даръ Царю — любовь, Его намъ даръ —
покой.

32.

Вечеринка въ саду.

Хорошій вечеръ и съ друзьями
Въ забавахъ сельскихъ сущій рай;
Какъ счастливъ тотъ подъ небесами,
Кому Богъ далъ вседневный Май!
Природа солнцемъ щеголяетъ,
Луна играетъ съ нимъ въ волнѣ;
Межъ тѣмъ онъ вѣкъ златой мечтаетъ,
На все любуясь въ тишинѣ.

Подъ скрипку тамъ ребята скачутъ,
Старикъ смѣется въ сѣдинахъ;
Гдѣ глазъ не видно, кои плачутъ,
Тамъ жизнь — какъ мягкій путь въ цвѣтахъ.

Свободой полной наслаждайся,
Не бойся чувствамъ воли дать,
Пріязнью доброй угощайся;
Чины къ натурѣ не подстать.

Игрушекъ разныхъ въ свѣтѣ много;
Ихъ ищутъ люди день и ночь:
Объ нихъ философъ судитъ строго,
Но самъ играть съ дѣтьми не прочь.
Прильнувши лѣтомъ къ хороводу,
Услышавъ нѣжную свирѣль,
Онъ также дастъ глазамъ свободу,
Приложитъ ухо слушать трель.

Оставимъ молодость рѣзвиться,
Пока она среди тѣхъ лѣтъ,
Въ которы сердце не крушится,
Войны еще съ разсудкомъ нѣтъ;
А мы, кружокъ составя съ ними,
Помолодѣемъ на часокъ,
И какъ съ сердцами жить простыми
Возьмемъ въ забавахъ ихъ урокъ.

33.

Балъ въ Кременчугѣ.

Вездѣ народъ живетъ и любитъ веселиться;
Вкусъ роскоши у насъ подѣйствовалъ на всѣхъ:
Богачъ въ Кременчугѣ на ярмаркѣ стремится
Такихъ же, какъ въ Москвѣ, добыть себѣ утѣхъ.

Ему знакомы всѣ столичныя названья:
Редутъ, и лѣтній садъ; то тамъ, то сямъ торчитъ;
И креслы захватя изъ чванства — безъ желанья,
Задумавшися въ нихъ, комедію глядитъ.

Межъ тѣмъ, какъ гордый Днѣпръ свѣтъ лунный отражаетъ,
И кажетъ путь плотамъ, плывущимъ въ чудный Крымъ,
Ракеты, бураки весь берегъ освѣщаютъ,
Среди песковъ его столбомъ клубится дымъ.

Тутъ музыка заразъ *) и пѣвчіе готовы;
Молоденькихъ дѣвицъ, какъ пчелъ кружится рой:
Нехай же Москвичи къ провинціямъ суровы;
И въ нихъ по временамъ бываетъ вѣкъ златой.

31.

На дѣтскій домашній концертъ.

Бѣгите отъ меня уныніе, печаль!
Не здѣсь и не въ сіи сладчайшія минуты
Почувствовать страшусь занозы ваши люты:
Я счастливъ и теперь — мнѣ ничего не жаль.

---

*) *Заразъ* — слово малороссійское — то же, что у насъ тотчасъ.

Двѣ пары милыхъ чадъ вокругъ меня играютъ;
Рѣчей ихъ простота, невинность ихъ забавъ
И образованный самой природой нравъ
Мнѣ молодость мою пріятно вспоминаютъ.

Такіе жъ, какъ они, и мы ребята были;
Но, ахъ! я не грущу, что время то прошло: —
Что̀ въ жизни, если бъ намъ въ ней Небо не дало
Утѣхи слаще всѣхъ, чтобъ мы въ потомствѣ жили?

Родители! ужъ ли въ васъ есть такой несчастный,
Который бы, пришедъ въ кружокъ дѣтей своихъ,
Съ холодностью бы тамъ взглянулъ на рѣзвость ихъ?
Коль есть, — онъ міру врагъ и ада сынъ ужасный.

Летите всѣ сюда, мои любезны дѣти,
Меня и нѣжну мать свободно тормошить;
Игрой своей вы намъ не бойтесь досадить:
Вашъ смѣхъ милѣй для насъ позорищъ всякихъ въ свѣтѣ!

О, время! погоди, смири свой быстрый бѣгъ,
Остановись на сей минутѣ драгоцѣнной!
Тебя уже и такъ всѣ гонятъ во вселенной;
А я бъ хотѣлъ сей мигъ продлить на цѣлый вѣкъ.

35.

Заговѣнье

Когда Москвы въ обширномъ градѣ,
Полночи ожидая часъ,
Вся юность наша въ маскерадѣ
Въ послѣдній вальсируетъ разъ, —
    Тогда я, сидя у огня,
    Раидой мысль свою питаю,
    Въ стихахъ ей сердце посвящаю;
    И кто счастливѣе меня?

Живите люди, какъ хотите,
Играя всякъ своей мечтой,
И въ шумѣ радостей ищите;
Доволенъ я моей судьбой!
    Когда я, сидя у огня,
    Раидой душу восхищаю,
    Всѣ балы въ свѣтѣ забываю;
    И кто счастливѣе меня?

Герои! лаврами вѣнчайтесь,
Растите въ славѣ каждый часъ!
Монархи! скиптрами плѣняйтесь!
Смотрю безъ зависти на васъ.
    Когда я, сидя у огня,
    Рабомъ Раиды быть мечтаю,
    Вселенной царства не желаю;
    И кто счастливѣе меня?

Ты, Крезъ! блаженство въ златѣ видя,
О деньгахъ грезишь и во снѣ,
Считай червонцы дома сидя;
На что твои милльоны мнѣ?
Когда я дома у огня
Раиды взоръ воображаю,
Металла блескъ имъ устыжаю;
И кто счастливѣе меня?

Любовныхъ чувствъ злодѣй прилежный,
На книгахъ вѣкъ свой погубя,
Кляни, мудрецъ! полъ женскій нѣжный;
Противно слушать мнѣ тебя.
Когда я, сидя у огня,
Раидѣ пѣсни вымышляю,
Умнѣе всѣхъ себя считаю;
И кто счастливѣе меня?

Скачите, дѣти! въ маскерады;
Для васъ тамъ радостей соборъ;
Для васъ тамъ могутъ быть отрады:
А мнѣ прискучилъ этотъ вздоръ.
Сто кратъ пріятнѣй у огня,
Когда Раиду вспоминаю,
Дней юныхъ бури забываю;
И кто счастливѣе меня.

Мой уголъ мнѣ милѣй чертога
Царей, царевичей, бояръ;
Молю вселенной щедра Бога,
Да дастъ одинъ мнѣ только даръ,

Чтобъ могъ я, сидя у огня,
Любя Раиду не напрасно,
Твердить тебѣ и сей всечасно:
Ахъ! кто счастливѣе меня?

36.

Вопросъ.

Умны люди! научите
Чувства сердца изъяснять?
Коль любили, такъ скажите,
Какъ любезную плѣнять?
Сколько я ни собирался,
Сколько словъ ни вымышлялъ;
Но съ Раидой какъ встрѣчался,
Я, вздыхая, лишь молчалъ.

Я люблю ее какъ душу,
Часто самъ твержу съ собой;
Что жъ молчанье не разрушу,
Не скажу ей то самой?
Всякой день приготовляюсь,
И лишь молвить захочу,
Она взглянетъ — я теряюсь,
Вздохну крѣпко, и молчу.

Вы, которые вседневно
Увѣряете драгихъ,
Что, предавшись имъ душевно,
Вы не любите другихъ;
То ли чувство къ нимъ храните,
Что̀ къ Раидѣ я храню?
Такъ ли сердце ихъ цѣните,
Какъ Раиды я цѣню?

Нѣтъ, не вѣрю; льзя ли статься,
Чтобы въ искренней любви
Могъ со мной бы кто сравняться
На пространствѣ всей земли?
Я къ Раидѣ полонъ жара,
На всѣ жертвы ей готовъ;
Ея гнѣвъ — мнѣ люта кара,
Ея ласки — рай боговъ.

Мнѣ не надобны богатства,
Славой я не дорожу;
Жизни лучшія пріятства
Лишь въ Раидѣ нахожу.
Все вамъ, люди! уступаю;
Передъ вами вся Москва:
Ни на что не промѣняю
Ея взоры и слова!

Вотъ, какъ я любить умѣю!
Вотъ что ей сказать хочу!
Но сказать того не смѣю,
Въ изступленіи молчу.

Да на что жъ я такъ желаю
На словахъ ей то сказать?
Она можетъ (вѣрно знаю)
И молчанье отгадать.

37.

Письмецо.

Дай съ собой мнѣ повидаться,
Милый другъ души моей!
Чѣмъ мнѣ въ жизни утѣшаться,
Какъ не ласкою твоей?
Я съ тобой терпя разлуку,
Сталъ несчастливъ безъ конца:
Не съ кѣмъ грусть дѣлить и скуку,
Молвить милаго словца.

Не повѣришь, какъ страдаю,
Что не вижу я тебя!
Все тоскую, все вздыхаю
И бѣжалъ бы самъ себя.
Только въ жизни мнѣ веселья,
Занимать тебя собой;
Впрочемъ, вѣрь мнѣ, — все бездѣлье,
Дорогъ мигъ одинъ съ тобой!

Я вчера на балѣ встрѣтилъ
Весь московскій знатный свѣтъ,
И въ разсѣяньи примѣтилъ,
Что тебя тутъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Много видѣлъ лицъ прекрасныхъ;
Твоему всѣ не чета:
При твоихъ глазенкахъ ясныхъ
Чья восхититъ красота!

Какъ ни умничай кто въ свѣтѣ,
Не возможно не любить;
Что ни ставь въ своемъ предметѣ,
Нѣтъ, нельзя безъ милой жить.
Безъ нее жизнь бремя злое,
Она день отъ дня тошнѣй;
Съ милой — ахъ! совсѣмъ иное:
Солнце свѣтитъ веселѣй.

38.

Досада.

Любви оковы тѣсны
Съ себя навѣкъ сложилъ,
Ранды видъ прелестный
Изъ сердца истребилъ.

Бѣжалъ отъ легковѣрной,
Отъ нѣжныхъ скрылся глазъ;
Не страшенъ сей невѣрной
Ужъ болѣе мнѣ гласъ.

Поутру лишь проснулся,
Задумалъ не объ ней;
Въ восторгѣ встрепенулся,
Свободѣ радъ моей.
Слуги я не отправилъ,
Здорова ли, спросить;
Меня мой умъ заставилъ
Дверь сердца затворить.

Тѣхъ книгъ ужъ не читаю,
Что̀ мнѣ она дала;
Цвѣтовъ не сберегаю,
Которые рвала;
И платье, въ чемъ вседневно
Я прежде къ ней ѣзжалъ,
Сегодни, скинувъ гнѣвно,
Въ лоскутья изорвалъ.

Портретъ ея, бывало,
Въ глазахъ моихъ стоитъ;
Сіе любви начало
Мой духъ ужъ не смутитъ:
Теперь же въ кладовую
Снести его велѣлъ,
Чтобъ эту мину злую
И въ краскахъ я не зрѣлъ.

Пойду ли я, поѣду,
Случалося куда,
А къ вечеру заѣду
Туда все, да туда;
Но нынче, слава Богу!
Мнѣ къ ней не по пути,
И въ домъ ея дорогу
Стараюсь обойти.

Насилу сталъ я воленъ
И вправду веселюсь,
Судьбой моей доволенъ,
Раиды не боюсь.
Ея любовникъ страстный
Плачевнѣе живетъ,
Чѣмъ узникъ тотъ несчастный,
Который смерти ждетъ.

Свобода драгоцѣнна!
Навѣкъ пребудь со мной.
Съ тобою жизнь блаженна,
Въ тебѣ души покой.
Тверди ты мнѣ стократно,
Чтобъ помнилъ я всегда:
Любить себя — пріятно,
Любить другихъ — бѣда!

39.

Восторгъ.

О, любовь! твои законы
Тверже всѣхъ ума затѣй:
Имъ подвластны царски троны
И все сонмище людей.
Ихъ безсмертные сложили,
Сердца смертныхъ утвердили;
Женской голосъ возгласилъ:
Кто противу ихъ дерзаетъ,
Тотъ блаженства не познаетъ,
Тотъ не вспомнитъ, что онъ жилъ.

Ты всѣхъ подвиговъ причина;
Ты источникъ славныхъ дѣлъ!
Будь взаимна, будь едина,
О, любовь! ты мой удѣлъ.
Я проснусь всегда съ тобою;
Встрѣчу сонъ съ твоей мечтою.
Буду вѣчно я любить!
Въ тебѣ Бога ощущаю,
Его благость обрѣтаю;
Безъ тебя не могъ Онъ быть.

Ты во всемъ, что глазъ нашъ видитъ,
Свой огонь распространя,
Даже тѣхъ, кто ненавидитъ,
Своей нѣжностью плѣня,

Міръ во всѣхъ концахъ связуешь,
Человѣковъ образуешь;
Отъ тебя ихъ каждый шагъ,
Ты съ младенцами играешь,
Спѣлый возрастъ восхищаешь:
Всякій рокъ съ тобою благъ.

Если въ наши дни развратны,
Когда лесть милѣй всего,
Люди столько коловратны,
Что не любятъ ничего;
Если женщины надменны
Быть умѣютъ драгоцѣнны
И стыдятся воздыхать:
Меньше ль ты, любовь прямая,
Жизни спутница драгая,
Меньше ль насъ должна прельщать?

Нѣтъ! ничто не отвращаетъ
Отъ златыхъ любви оковъ;
Въ ней душа моя вкушаетъ
Неба дни и рай Боговъ;
Въ ней союзъ зрю совершенства,
Безконечнаго блаженства
Она истинный залогъ;
Ею твари всѣ въ движеньи,
Вся природа въ восхищеньи,
Ею радуется Богъ.

Пока гробъ мой трупъ не скроетъ,
Предпочту тебя всему;

Равнодушный пу[illegible]цъ,
Не завидую ему.
Я и въ самый часъ кончины,
Исполняя долгъ судьбины,
Еще разъ тобой дохну;
И въ сей жизни покидая,
Но въ другой тебя жъ встрѣчая,
Тамъ опять любить начну.

40.

Ручей.

Бѣги, ручей, бѣги съ стремленьемъ,
И въ устье той рѣки впадай,
По коей плылъ я съ восхищеньемъ
Туда, гдѣ свой увидѣлъ рай!
Омой тотъ градъ своей водою,
Въ которомъ милый другъ живетъ;
Ударься въ берегъ тотъ волною,
Куда по мнѣ вздохнуть придетъ!

Скажи ты ей, скажи, что видѣлъ,
Какъ я вседневно тосковалъ;
Что солнца лучъ возненавидѣлъ
Съ тѣхъ поръ, какъ розно жить съ ней сталъ;

Что дни мои — дни гроба стали.
Но сколько бѣдъ я ни терплю,
Живу еще въ моей печали
Лишь тѣмъ, что я ее люблю.

Еще ль тебя, еще ль, Глафира,
Велятъ увидѣть Боги мнѣ?
Судьбы дадутъ ли счастье мира
Вкушать съ тобою въ тишинѣ?
Не въ городъ пышный возвратиться,
Къ тебѣ я въ хижину хочу;
Твоей любовью насладиться,
Въ тебѣ всѣхъ благъ своихъ ищу.

Приди на камень тотъ любезный,
Гдѣ рядомъ я съ тобой сидѣлъ!
Пролей на немъ по мнѣ токъ слезный,
Чтобы ручей имъ закипѣлъ;
Чтобъ онъ, любви всемощной силой
Къ своимъ вершинамъ возвратясь,
Вѣщалъ бы мнѣ, какъ другъ мой милой
По мнѣ тоскуетъ, разлучась.

Тошна чувствительности мука
Для сердца склоннаго любить;
Тошна съ любезною разлука:
Блаженъ, кто съ нею можетъ жить!...
Ручей! снеси меня съ собою,
И на ея покинь брегахъ;
Иль я съ печали здѣсь изною,
И смерть найду въ твоихъ струяхъ!

41.

Оправданіе.

Если бъ люди даръ имѣли,
Такъ какъ Богъ, въ сердцахъ читать,
Если бъ также разумѣли
Тайны чувства познавать, —
Ты бъ увидѣла, Глафира,
Душу зря насквозь мою,
Что въ числѣ всѣхъ женщинъ міра
Выше всѣхъ тебя люблю.

Ты бъ узнала безъ ошибки,
Дорожу ли я тобой;
Что въ одной твоей улыбкѣ
Моя радость и покой;
Что твой гнѣвъ меня терзаетъ,
Грозный взоръ совсѣмъ губитъ,
Ласка душу восхищаетъ
И дни райскіе даритъ.

Ты престала бъ подозрѣньемъ
Огорчать меня такимъ,
Будто съ равнымъ восхищеньемъ
Обращаюсь я къ другимъ,
Съ коимъ я къ тебѣ всечасно
Шибче молніи лечу.
Нѣтъ! — ты мыслишь такъ напрасно!
Я вездѣ тебя ищу.

Чѣмъ мнѣ больше въ свѣтѣ льститься,
Жизнь едва не окончавъ?
Поздно, поздно, суетиться
И пустыхъ искать забавъ!
Твои видѣть нѣжны взгляды,
Слышать разумъ милыхъ словъ,
Вотъ однѣ мои отрады!
Съ ними рокъ мой — рокъ боговъ.

Но лишь Небу то извѣстно,
Въ жизни можетъ ли что быть
Для меня толико лестно,
Какъ тебя душой любить!
Коль словами могъ наскучить,
Ты на дѣлѣ испытай;
Если правда — полно мучить;
Если лгу — самъ Богъ карай!

42.

Примѣчаніе.

Какъ жаль, что въ свѣтѣ иногда
Обширный умъ и просвѣщенной,
Водимъ душою оскверненной,
Способенъ только для вреда!

Или нельзя благой Природѣ
Такую доброму дать часть,
Чтобъ онъ могъ, дѣйствуя въ свободѣ,
Лукавства въ сѣти не попасть?

Лукавый мыслитъ часто такъ,
Что мужъ открытый, добродушный,
Движеньямъ чувствъ простыхъ послушный,
Ничто иное какъ дуракъ; —
Обманъ! — И добрый также знаетъ,
Какъ стиснуть можетъ онъ кого;
Но къ симъ трудамъ не прилагаетъ
Ума невинна своего.

Онъ добръ отъ совѣстныхъ началъ,
Отъ правилъ чести и закона;
Не сильна мзда, ниже гласъ трона
Велѣть, чтобъ онъ отъ нихъ отсталъ.
Но тотъ, кто хитростью гордится
И взоромъ ближняго не чтитъ,
Тотъ всуе, всуе веселится,
Когда съ улыбкой зло творитъ.

Мужъ правый ходитъ безъ заботъ,
Его врагъ хитрый не тревожитъ;
Пускай онъ разны средства множитъ,
Собравши всякой черни сбродъ,
Дать сердцу чисту язву люту
Удачи нѣтъ въ его стрѣлахъ;
Онѣ лишь колятъ на минуту,
А злого мучитъ вѣчный страхъ.

43.

Минутная тоска отъ разлуки.

Мучительно любить
И милаго лишаться,
Дни счастья пережить,
Чтобъ съ горестью спознаться!
Любовью жизнь красна,
Любовью долговѣчна;
Вселенна несноснà
Безъ чувствія сердечна.

Что пользы въ домъ зазвать
Къ себѣ народа кучу?
Гостямъ ли разогнать
На сердцѣ черну тучу?
И въ полѣ томъ не въ прокъ
Гулянье повернется,
Гдѣ аленькій цвѣтокъ
Въ глаза не попадется.

Я чувствую себя
И жизнью наслаждаюсь
Тогда лишь, какъ любя
Любовью награждаюсь;
Кой часъ огонь потухъ,
Чтò мы зовемъ любовью,
Пресѣкся жизни духъ
И ледъ смѣшался съ кровью.

44.

Дѣвка въ колясвѣ.

Соренѣ измѣня, отъ глазъ ея бѣжалъ,
И чая, что луна меня не позабудетъ,
За всѣ мои стихи сопутствовать мнѣ будетъ,
Я ночью въ Октябрѣ по почтѣ поскакалъ;
Но, видно, за друзей своихъ луна вступилась:
Лишь встрѣтила мой взоръ, какъ въ облако со-
крылась,
И я, не видя зги, въ коляскѣ трепеталъ.
Что дѣлать? думалъ я: — воздушны ставить башни,
Или напоминать московски стары шашни?
Одно не оживитъ,
Другое утомитъ.
Тоска! — Но вдругъ съ толчкомъ сюрпризъ
пріятный мнѣ:
Сорену, ночь, луну — все видѣлъ я во снѣ.

45.

Хвала вину.

Вино какъ можно не любить?
Оно печальныхъ утѣшаетъ,
Оно веселыхъ восхищаетъ;
Нельзя хмѣльного не хвалить.

Давидъ на тронѣ намъ поетъ:
«Вино веселье человѣка»;
Что пользы жить постясь два вѣка?
Бываетъ годъ милѣй ста лѣтъ.

Мы это видимъ всякой часъ;
А чтобъ словамъ придать примѣры,
Слуга! подай стаканъ мадеры!
Умножь сей опытъ до ста разъ!

Дай рюмку тинто, иль фарсико;
Коль красоту создалъ Богъ природу!
Ужъ ли съ Трехъ Горъ пить лучше воду?
Пусть вѣритъ этому дуракъ.

Вонъ тамъ шампанское вино.
Приблизь къ устамъ сосудъ сей влаги;
О, пары пѣнистый, другъ отваги,
Коль есть блаженство — вотъ оно!

Какая дерзкая строка!
Ее кто женщинамъ разскажетъ,
Тотъ ссору страшную завяжетъ,
Мнѣ будетъ хуже батрака.

Сказать ли тайну женщинъ вамъ,
За что противъ мужей враждуютъ,
Когда между собой ликуютъ,
Предпочитая хмѣль красамъ?

Тутъ ревность сыплетъ много ссоръ,
Онѣ держать желаютъ сами

Торгъ исключительный сердцами,
А Бахусъ входитъ съ ними въ споръ.

По чести, можетъ ли что быть
Хмѣльныхъ пріятнѣе напитковъ?
Не надо золота мнѣ слитковъ,
Когда могу *токай* я пить.

Пусть Римъ, Парижъ и Испагань
Плѣняютъ вкусомъ дамскій дворы;
По мнѣ такъ дрянь все, ахъ! уборы,
Коль погребъ полонъ мой, — я панъ!

Воздавши честь сію Богамъ,
Не стану ихъ хвалить за розы;
Но, ахъ! за виноградны лозы
Хулы во-вѣки имъ не дамъ.

Коль сердце наше веселить
Нѣтъ средства лучше винограду,
Какой плода сего отраду
Обычай силенъ запретить?

Итакъ я въ счастьи и въ бѣдахъ
Клянусь, презрѣвши грезы славы,
Вѣнчать мірскія всѣ забавы
Съ багряной чашею въ устахъ.

46.

Часы.

—

Купилъ часы я золотые;
Но видно дуренъ складъ:
То цѣлый день стоятъ,
То сутки выйдутъ вдругъ такія,
Что чуть лишь заведутъ,
Тотчасъ и побѣгутъ.

Когда я смутенъ и скучаю,
Коль оченьки слезятъ, —
Часы мои стоятъ;
Когда жъ восторги ощущаю
И страсти къ сердцу льнутъ, —
Часы мои бѣгутъ...
Безсонница ль меня замучитъ,
Вотще жду дня отрядъ, —
Часы мои стоятъ;
Но случай ли когда залучитъ
Туда, гдѣ пиръ даютъ, —
Часы мои бѣгутъ.

Когда дѣлами занимаюсь,
Судьбы заботы длятъ, —
Часы мои стоятъ;
А мало-мальски разыграюсь,
Не взвижу время тутъ;
Часы мои бѣгутъ.

Съ Надиной милою въ народѣ,
Когда въ неволѣ взглядъ, —
Часы мои стоятъ;
Но съ ней безъ людства, на свободѣ,
Лишь вздохи грудь сожмутъ, —
Часы мои бѣгутъ.

Въ разлукѣ тяжкой съ ней бывая,
Для вящшихъ мнѣ досадъ —
Часы мои стоятъ;
А въ кой-то вѣкъ ее встрѣчая,
День конченъ въ пять минутъ, —
Часы мои бѣгутъ.

Отнесъ часы къ Ферье обратно,
Возьми, сказалъ, назадъ.
Какъ нуженъ ходъ — стоятъ,
Хотя заводятъ аккуратно;
А какъ ненадо — тутъ
Унять нельзя — бѣгутъ.

Сработай такъ, чтобъ пробѣжала
Стрѣла кругъ годовой,
И на минутѣ той
Остановясь, всю жизнь стояла,
Въ котору молвлю я:
Надиночка моя.

47.

Эпитафія теленку.

Не мужъ и не жена подъ камнемъ симъ лежитъ;
Закормленный телецъ подъ мраморомъ сокрытъ.
Телячьимъ счастьемъ онъ до смерти наслаждался,
И отъ избытка благъ во младости скончался.
Хозяйка изъ своихъ его питала рукъ;
Онъ въ нѣгѣ жилъ при ней какъ самый нѣжный другъ;
Другимъ не въ образецъ, его кормила мѣломъ,
И опытъ не одинъ бывалъ надъ его тѣломъ;
Душистыхъ водъ рѣка къ нему лилася въ ротъ;
Не въ стойлѣ, какъ скоты, въ диванѣ жилъ сей скотъ.
Отецъ его и мать хотя въ хлеву живали,
То было въ старину, — тотъ вѣкъ судьбы промчали, —
Тогда бъ потомокъ ихъ сѣнца клочокъ жевалъ;
А нынѣ алебастръ насущнымъ хлѣбомъ сталъ.
Недуговать ему когда-либо случалось,
Изъ всѣхъ аптекъ Москвы лекарство отпускалось.
Какъ волка ни корми, а онъ все жмется въ лѣсъ;
Телячій аппетитъ современемъ исчезъ:
Пріѣлся ему мѣлъ, ликеровъ пить не хочетъ;
Хоть по уши въ добрѣ, теленокъ все хлопочетъ,

На домъ своихъ отцовъ съ печалію глядѣлъ!
И счастья не стерпя, на шляху сидя околѣлъ.
Вы, кои лишь жевать между сѣномъ средны,
О, тучные быки, коровы многоплодны!
Мычите, проходя сію плачевну весь!
Се рода вашего гніетъ потомокъ здѣсь!

48.

Привѣтствіе малолѣтнаго отцу его, въ день его имянинъ.

Пускай вождямъ даютъ народы
Титулъ отечества сыновъ,
Въ мои младенческіе годы,
Хранимъ отъ стрѣлъ и отъ штыковъ,
Одну лишь славу постигаю
Тебя съ покорностію чтить,
И титламъ всѣмъ предпочитаю
Твоимъ достойнымъ сыномъ быть.

Сегодни, въ день тезоименный,
Въ который дивный твой Патронъ
Нашъ край, язычествомъ прельщенный,
Подъ благодатный ввелъ законъ, —

Прими изъ устъ моихъ нельстивыхъ
Дань мирныхъ отроческихъ лѣтъ,
Не слогъ похвалъ краснорѣчивыхъ,
Но чувствъ признательныхъ обѣтъ.

Да будетъ вѣчно надъ тобою
Отецъ и другъ дражайшій мой!
Самъ Богъ всесильною рукою
Хранитъ незыблемый покой!
За добродѣтели въ награду
Живи вѣкъ долгій въ тишинѣ,
Въ моемъ почтеньи зря отраду
За всю любовь твою ко мнѣ.

ЧЕТВЕРОСТИШІЯ.

1.

НАДПИСЬ

КЪ ВЕНЗЕЛЮ ЕКАТЕРИНЫ II.

Россіи нѣжну Мать, вселенной украшенье,
Въ Тебѣ, премудрая Монархиня! мы зримъ;
Къ Тебѣ обращено все наше помышленье;
Изъ рода въ родъ хвалу Тебѣ мы воздадимъ.

2.

На имянины Кн. В. Ю. Д.

Княжна! чего бы мнѣ въ сей день вамъ пожелать?
Того же, что всегда всѣмъ сердцемъ вамъ желаю,
Чтобъ счастье вы могли въ той мѣрѣ ощущать,
Въ какой я весь вашъ домъ люблю и почитаю.

3.

Люб. Иван. Безо.

Кого жъ на свѣтѣ звать Любовью, какъ не васъ?
Вы милы — какъ она, прекрасны — какъ Надежда,
Я вѣрю Божеству по дѣйству вашихъ глазъ.
Кто въ нихъ его не чтитъ, — тотъ кажется невѣжда.

4.

На село ея Патакино.

Мѣста, гдѣ прежде рай въ картинѣ мы видали,
Куда красѣ во слѣдъ бѣжалъ Владиміръ весь!
Вы тѣ жъ; — но отъ чего всю прелесть потеряли?
Любовь бѣжитъ отъ насъ и жить не хочетъ здѣсь.

5.

На Васильевское.

Мѣста, гдѣ въ первый разъ мой духъ сталъ воспламеняться,
Гдѣ юный возрастъ свой въ забавахъ проводилъ!
Теперь, къ закату дней, пришелъ вамъ поклониться,
Взглянуть на васъ, взглянуть.... и вспомнишь, что я жилъ. —

6.

Лунѣ.

Луна! ты хороша, ты мой плѣняешь взоръ
Не тѣмъ, что съ яснымъ днемъ ты ночь рав-
няешь въ мірѣ,
Не тѣмъ, что вкругъ тебя планетъ горитъ со-
боръ;
Люблю тебя за то, что нравишься Глафирѣ.

7.

Экспромптъ.

Любезное любить
Природа насъ влечетъ;
Нельзя иначе жить
Ни нынче, ни впередъ.

8.

Къ портрету
Кн. Е. С. Д.

Евгенія была изящность естества.
Семнадцать лѣтъ вкушалъ съ ней райскихъ дней
блаженство;
Въ чертахъ ея лица зрѣлъ міра совершенство;
Въ чертахъ ея души — зрѣлъ благость Божества.

9.

Къ моему портрету.

Мнѣ душу далъ Творецъ, дыханіе — природа;
Гласъ сердца — мой законъ, сокровище — свобода,
Родство мое — пріязнь, любви обязанъ всѣмъ,
А проискамъ гнилымъ — не долженъ я ни чѣмъ.

10.

На планъ города Березова.

Подъ стражей мой отецъ на мѣстѣ семъ родился,
Мой дѣдъ и другъ царевъ въ острогѣ здѣсь томился;
А я, какъ Павелъ крестъ, всѣхъ выше титловъ чту
И дѣдовъ эшафотъ и отчу нищету.

11.

А. А. П.

Безъ груши нѣтъ въ саду пріятнаго плода,
Безъ груши земляной нѣтъ вкуснаго стола,
Безъ груши для невѣстъ серегъ нѣтъ драгоцѣнныхъ;
Безъ Груши для меня нѣтъ въ жизни дней блаженныхъ.

12.

Красавицѣ.

Гдѣ мило — тутъ глаза; чему жъ дивиться вамъ,
Что я смотрю на васъ такъ долго не смигая.
Когда на красоту глядитъ любовь прямая,
Тогда и годъ и вѣкъ равняются часамъ.

13.

На бракосочетаніе.

Жилкуру подъ вѣнцемъ Полина вдругъ сказала:
«Ласкай меня всегда, когда тебѣ досугъ.»
Жилкуръ ей отвѣчалъ: — Изволь, но съ тѣмъ, мой другъ,
Чтобъ ты сама другихъ ласкать не успѣвала. —

14.

Эпитафія Н. В. К.

Не въ часъ меня любовь къ отечеству взманила!
Милиція, какъ пить дада — угомонила.
Вотъ то-то, если бъ я не такъ-то прытокъ былъ,
Я бъ, можетъ быть, еще теперь вино курилъ.

15.

Материалисту *).

Богъ далъ мнѣ плоть — и я искалъ
Въ ней разумъ угостить и душу;
Пилъ много, много ѣлъ и спалъ,
И въ землю возвращаю тушу.

16.

Безъименной въ альбомъ.

Княгиня! что мнѣ вамъ здѣсь новаго сказать?
Вседневно, во всю жизнь одно скажу и то же,
Что я васъ такъ люблю, что если бъ былъ моложе,
То чувства къ вамъ мои я страстью бъ могъ назвать.

17.

Е. С. О. на балѣ.

На что въ Парижъ и въ Римъ отсюда намъ кататься,
Чтобъ мраморнымъ тамъ Венерами плѣняться?

---

*) Сіи стихи суть пародія прекраснѣйшихъ стиховъ г. Кар., всѣмъ извѣстныхъ: *Богъ далъ мнѣ сердце, и проч.*

Венеру самую мы видѣли сейчасъ:
Обрѣзкова была на балѣ здѣсь у насъ.

18.

НА ЖУРНАЛИСТА.

До сихъ поръ вѣрить всѣ должны бывали мы
Слѣпою вѣрою однимъ Евангелистамъ;
Явились новой вдругъ конструкціи умы,
И заповѣдь даютъ—всѣмъ вѣрить журналистамъ.

19.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Любить отъ молодости нѣжной
До самыхъ позднихъ жизни дней
Предѣлъ природы неизбѣжной
Для рубища и для царей.

20.

ШУТКА.

Dès ce moment j'arrive отъ дяди,
A sa campagne обѣдалъ я;

De me revoir, ахъ! вы не рады;
Votre froideur крушитъ меня.
Mais, si vous dites: останься съ нами;
Quel bonheur будетъ для того!
Qui veut à tout moment быть съ вами,
Pour qui vous etês милѣй всего.

ПѢСНИ

НА РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

ПРИНОШЕНІЕ

С. Н. Р.

Однажды я спросилъ у сердца своего:
Чей женскій голосъ всѣхъ доходнѣй до него?...
Софіинъ, мнѣ оно немедля возвѣстило,
И пѣсенъ сихъ тебѣ собранье посвятило.

I.

Все съ тобой меня прельщаетъ,
При тебѣ я все люблю,
Грусть души не возмущаетъ,
Мукъ сердечныхъ не терплю;
Безъ тебя я всѣмъ скучаю,
Не люблю я ничего, —
Славу тягостью считаю,
Въ ней нѣтъ счастья моего.

Сладки чувства въ насъ раждаетъ
Одинъ взоръ пріятный твой;
Для меня онъ все вмѣщаетъ. —
Счастье, радость и покой:
Имъ хочу я наслаждаться,
И доколѣ буду жить,
Лишь тобою заниматься,
Лишь тебя одну любить.

Въ томъ свою я поставляю
Честь, богатство и законъ!
Страстью тая, не равняю
Съ твоимъ сердцемъ самый тронъ.
Пусть тщеславцы веселятся
Блескомъ суетныхъ честей;
Мнѣ дано тобой плѣняться, —
Выше всѣхъ чту жребій сей.

II.

Сколько разъ, жестокій, клялся
Лишь одну меня любить!
Сколько разумъ твой старался
Мнѣ одной любезнымъ быть!
Души нѣжной слабость видя,
Ты заставилъ духъ пылать
Въ той, кто, все возненавидя,
Тебѣ тщилась угождать.

Но теперь ту презираешь,
Кого богомъ своимъ звалъ,
И другой все то вѣщаешь,
Чѣмъ меня къ любви склонялъ.
Иль на то тебѣ, невѣрной,
Надъ собой дала я власть,
Чтобъ холодностью безмѣрной
Наградилъ мою ты страсть?

О, любовь, царица свѣта!
Отомщай ты за меня!
Убѣгай того предмета,
Кому жертвой стала я.
Но покой напрасно льщуся
Въ его казни я найтить;
Лишь тѣмъ больше сокрушуся. —
Нѣтъ! ему не въ силахъ мстить.

III.

Ахъ! напрасно мнѣ пѣняешь!
Ты въ невѣрности, мой свѣтъ!
Иль еще ты мало знаешь,
Что милѣй тебя мнѣ нѣтъ;
Что въ тебѣ единой вижу
Всей природы красоты,
И мѣста тѣ ненавижу,
Гдѣ со мною розно ты?

Тщетно духъ твой возмущаетъ
Ревность, нѣжныхъ чувствъ злодѣй,
И меня винить дерзаетъ
Предъ владычицей моей;
Нѣтъ, повѣрь, что не умѣю
Не любя люблю сказать,
Льстить искусства не имѣю;
Чту за грѣхъ тебѣ солгать.

Ты весь полъ свой превосходишь,
Ты милѣй всѣхъ создана,
Путь во всѣ сердца находишь
И съ богами ты равна.
Кинь сіе сомнѣнье ложно,
Что тебѣ я измѣнялъ;
Измѣнить тому не можно,
Кто тобою страстенъ сталъ.

LVI.

Пусть славѣ въ жертву жизнь приноситъ,
Кто сей мечтою зараженъ,
Пусть свѣтъ героевъ превозноситъ,
Дѣлами ихъ ставъ изумленъ;
А я блаженъ моей судьбою,
Хочу въ ней радость находить;
Высокихъ замысловъ не строю: —
Любилъ, люблю, хочу любить!

Скупецъ, сокровища сбирая,
Весьма себя счастливымъ чтитъ,
Коль денегъ куча золотая
Въ карманахъ у него лежитъ;
А я и то все, что имѣю,
Готовъ дражайшей посвятить;
Когда бъ владѣлъ вселенной всею,
Готовъ и ту ей уступить.

Чего мы въ свѣтѣ ни желаемъ,
Все сущій вздоръ и суета!
Игрушки каждый день мѣняемъ,
А все намъ кажется не та.
Здѣсь всякой хочетъ самовластно
На свой маперъ счастливымъ быть;
Я имъ смѣюсь, твердя всечасно:
Любилъ, люблю, хочу любить!

V.

По тебѣ я воздыхаю,
Для тебя хочу лишь жить:
Ничего такъ не желаю,
Какъ тобой любиму быть!
Пусть мечта, пусть слава тлѣнна
Покоряетъ міръ себѣ;
Ты одна мнѣ драгоцѣнна,
Я подвластенъ лишь тебѣ.

Нѣтъ моей подобной долѣ,
Коль тебѣ я вправду милъ;
Я и Бога чту тѣмъ болѣ,
Что тебя Онъ сотворилъ.
Ты природу украшаешь,
Ты вселенной блескъ даешь,
Ты жестокость укрощаешь,
И сердца холодны жжешь.

VI.

О, время дорогое
И лѣтъ моихъ весна!
Какъ легкій сонъ теряю
Тебя я навсегда.
Престалъ ужъ милъ казаться
Я нѣжнымъ красотамъ;
Влюблять ужъ не умѣю,
А самъ еще влюбленъ.

Что можетъ быть тяжелѣ
Судьбы на свѣтѣ сей
Когда взаимной страсти
Уже нельзя вкушать?
Тщеславьемъ обольщаться —
Вотъ мой теперь удѣлъ!
Но сладостямъ любовнымъ
Замѣна ль что-нибудь?

VII.

Меня рѣки разлучаютъ
Съ тою, кто милѣй всего,
Изъ объятій исторгаютъ
Душу сердца моего!

Чѣмъ рѣзвѣй волна мятется,
Чѣмъ быстрѣй струя течетъ,
Тѣмъ сильнѣе сердце бьется,
Тѣмъ милѣй любви предметъ!

Ахъ! почто моихъ стенаньевъ
Ты, рѣка, не можешь внять?
Почто чувствъ моихъ терзаньевъ
Не дано тебѣ понять?

Ты бъ столь сильно не стремилась
Меня гнать отъ береговъ,
Противъ волнъ бы покатилась,
Уставъ презря и Боговъ.

Ты бъ одной моей слезою
Водъ суровость утоливъ,
Возвратилась бы со мною
Къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я счастливъ!

Но, увы! на что напрасно
Возмущаю духъ мечтой?
Тщетно, тщетно сердце страстно
Себя манитъ пустотой.

Воды мрачныя! вамъ можно
Меня съ милой разлучить;
Но успѣть трудитесь ложно
Въ томъ, чтобъ я престалъ любить.

Я скорѣй съ волной сражуся,
Новый адъ пойду искать,
Чѣмъ дражайшей соглашуся
Взглядъ холодный показать.

Утекай, струя, обратно
Къ райской прелести моей,
Съ шумомъ ей вѣщай стократно,
Что мнѣ нѣтъ ея милѣй,

Что я вѣренъ ей пребуду,
Сниду въ гробъ, ее любя;
И за гробомъ жить коль буду,
Ей опять отдамъ себя!

VIII.

Люблю съ тобою говорить,
Къ тебѣ всѣ мысли устремляя;
Люблю твой каждый взоръ ловить,
Въ немъ тму пріятностей встрѣчая;
Люблю вездѣ съ тобою быть,
Твоей во всемъ подвластенъ волѣ,
Люблю тебя одну любить,
Люблю тебя любить всѣхъ болѣ.

Люблю я на тебя смотрѣть,
Когда сонъ сладкой прерываешь;
Люблю у ногъ твоихъ сидѣть,
Когда ты снова засыпаешь;
Люблю твоимъ любезнымъ слыть,
Люблю имъ быть на самомъ дѣлѣ;
Люблю съ тобою все дѣлить,
Люблю во всякомъ жить удѣлѣ.

Люблю себя тѣмъ счастьемъ льстить,
Что ты мила мнѣ вѣчно будешь;
Люблю свой духъ тѣмъ веселить,
Что ты меня не позабудешь;
Люблю ни чѣмъ не дорожить,
Какъ только лишь тобой одною;
Люблю въ твоемъ я сердцѣ жить,
Нося твой зракъ вездѣ съ собою.

Люблю и мыслить и твердить,
Что ты всѣхъ качествъ совершенство;
Люблю то вправду находить,
И ставлю въ томъ свое блаженство;
Люблю во всемъ съ тобой равнять
Царей, боговъ; — но все то мало!
Тебя тебѣ жъ уподоблять, —
Вотъ чѣмъ хвалить тебя пристало!

IX.

Ахъ! какъ скучно жить въ разлукѣ
Съ тою, кто души милѣй!
Нѣтъ ни доли, нѣтъ ни муки,
Чтобъ могла сравниться съ ней!
И несчастіе прелестно
Для того, кто съ дорогой;
А тому ничто не лестно,
Кто не зритъ ее съ собой.

Нѣтъ другого намъ блаженства,
Какъ любя любиму быть;
Нѣтъ и въ счастьи совершенства,
Коль нельзя его дѣлить!
Если бъ я и надъ вселенной
Вдругъ явился господинъ;
Отъ любезной отлученной
Буду я вездѣ одинъ.

Сколько слава ни плѣняетъ,
Хотя тму сулитъ наградъ,
Но такихъ не доставляетъ,
Какъ любовна страсть, отрадъ.
И въ порфирѣ на престолѣ
Міра грозные судьи
У красавицы въ неволѣ
Часто жертвуютъ любви.

Утекайте, злы минуты,
И промчите грусть мою!
Уносите вздохи люты
И съ слезами, кои лью!
О, владыки всего свѣта!
Дайте милую обнять!
У ногъ милаго предмета
Дайте рай скорѣй вкушать!

Нину видѣть повсечасно,
Не страшась разлуки съ ней,
И ее плѣняя страстно,
День отъ дня ей быть милѣй, —
Вотъ какихъ я благъ желаю?
Нѣтъ иныхъ ужъ для меня.
Все вамъ, смертны, уступаю;
Будь лишь Нина вѣкъ моя!

X.

Переводъ съ французскаго.

Я видѣлъ дворъ, поля и грады,
Въ чертогахъ пышныхъ я живалъ;
Но, ахъ! я Нины нѣжны взгляды,
Ни милый зракъ тамъ не встрѣчалъ.

Узналъ, что льзя среди богатства
Въ желаньяхъ чувствовать раздоръ;
А съ Ниной всѣ вкусилъ пріятства:
Мнѣ съ ней златыхъ не надо горъ.

Что здѣсь ни зрю, все въ умъ мѣшаетъ
Объ Нинѣ тму пріятныхъ думъ;
Мнѣ мнится, Нину называетъ
И голосъ птицъ и рѣчекъ шумъ.

Съ зарею зракъ ея встрѣчая,
Я въ Нинѣ Бога воспою;
Къ ней вздохи страстны возсылая,
Красы въ ней новыя узрю.

XI.

Все современемъ проходитъ;
Заблужденьямъ есть конецъ.
Тотъ во тмѣ свой вѣкъ проводитъ,
Кто лишь славы чтитъ вѣнецъ.

Себѣ и сердцу измѣняя,
Мечту лобзаемъ каждый часъ;
Но, ахъ! все вздоръ! Любовь прямая
Одна сильна счастливить насъ.

Безъ любви намъ вся вселенна
Степью кажется пустой;
Горы злата драгоцѣнна
Безъ любви суть прахъ земной.
Любовь и скиптры украшаетъ,
Любовь и бѣдность золотитъ;
Но безъ любви монархъ скучаетъ,
Ничто въ подсолнечной не льститъ.

Даръ любить дала Природа
Намъ въ замѣну нашихъ бѣдъ;
Сія нѣжныхъ чувствъ свобода
Выше царскихъ всѣхъ побѣдъ.
Когда я Нину обнимаю,
Когда ласкаюся я къ ней,
Тогда я все за вздоръ считаю,
Кромѣ голубушки моей.

Нину я люблю, какъ Бога;
Сердце страстно къ ней мое;
Въ ней добротъ я вижу многа,
Паче всѣхъ люблю ее.
Глазамъ призраками мѣняя,
Кажуся я во всѣхъ влюбленъ;
Но, ахъ! все вздоръ, все пыль пустая!
Одною Ниной я блаженъ.

XII.

Безъ затѣй, въ простомъ обрядѣ,
Дома съ Ниной жить мнѣ — рай;
Съ нею въ полѣ, иль во градѣ,
Мнѣ любезенъ всякой край.
        Съ ней убожества не знаю;
        Все по-мнѣ и все на нравъ.
        Нина тутъ, — я не скучаю;
        Нины нѣтъ, — и нѣтъ забавъ!

Мы участье принимаемъ
Съ нею равное во всемъ;
Въ черный день не унываемъ,
Въ красный пляшемъ и поемъ.
        Чужой долѣ не ревнуемъ,
        И природы чтя предѣлъ,
        На Боговъ не негодуемъ,
        Что не знатенъ нашъ удѣлъ.

При зарѣ вечерней, ясной,
Когда думъ нѣтъ въ головѣ,
Съ Ниной милой и прекрасной
Мы гуляемъ на травѣ.
        Тамъ съ ней взапуски рѣзвлюся;
        Она бѣгаетъ за мной,
        Я за нею волочуся:
        Ахъ! чѣмъ купишь часъ такой!

Деньги — бѣдная награда
За свободу, за любовь;
Пышность — слабая отрада,
Когда въ насъ пылаетъ кровь.

Пусть фортуны обольщенье
Весь морочитъ родъ людей;
Нина, ты мое прельщенье,
Ты краса судьбы моей!
Ты краса судьбы моей!

Твоя скромность и пріятство,
Рѣчь, улыбка, страстный взоръ —
Вотъ одно мое богатство!
Все другое въ свѣтѣ — вздоръ.
Кучей денегъ кто гордится,
Тотъ пускаетъ пыль въ глаза;
И сквозь золото катится
Часто горькая слеза.

XIII.

Безъ любви на свѣтѣ можно
Дни счастливы проводить —
Думалъ я неосторожно,
И хотѣлъ ужъ не любить.
Наша жизнь — одна минута;
Надо пользоваться ей;
А любовь есть мука люта!
Ахъ! что въ ней, что въ ней, что въ ней!

Всѣ любовники вздыхаютъ
Безъ удачи, безъ пути;
Всѣ любовницы желаютъ
Тщетно радости найти.

Радость прежде обитала
Безъ любви въ душѣ моей;
Когда всѣхъ любовь сражала,
Я одинъ твердилъ: что̀ въ ней!

Гдѣ любовь, тамъ и досада,
Тамъ неволя, тягота;
Во всѣхъ случаяхъ преграда,
Она горькая мечта.
Я свободой наслаждался
Въ тишинѣ безъ страстныхъ дней,
Надъ любовью насмѣхался,
И пѣвалъ: что̀ въ ней, что̀ въ ней!

Но подслушала Глафира
И, мнѣ брося нѣжный взоръ,
Научила прелесть міра
Находить въ любви съ тѣхъ поръ.
Я, ея познавши свойство,
Нахожу, что въ жизни сей
Счастье, радость и спокойство —
Ахъ! все въ ней, все въ ней, все въ ней!

XIV.

Пусть буду я судьбою
Гонимъ всегда, вездѣ,
Пусть въ злобѣ мнѣ покою
Не дастъ мой рокъ нигдѣ;

Но ежели Глафира
Одинъ мнѣ кинетъ взглядъ,
Я всѣ напасти міра
Сносить охотно радъ.

Вельможа горделивый
Курится похвалой;
Ласкатель торопливый
Гремитъ ему трубой:
А я моей Глафирѣ,
Когда ее хвалю,
Пою, бренчу на лирѣ,
Что я ее люблю.

Люблю — о, слово нѣжно!
О, милый сердцу слогъ!
Ты смертнымъ неизбѣжно:
Тебя сложилъ самъ Богъ!
Тебя рекла Глафира,
Мой духъ вострепеталъ,
Въ краю послѣднемъ міра
Мой духъ свой рай вмѣщалъ.

Твердить его радъ вѣчно,
Коль будешь повторять;
Блаженство безконечно
Ты дашь мнѣ тѣмъ познать.
Цари своей порфирой
И славой дорожатъ;
А я моей Глафирой
И счастливъ и богатъ.

XV.

Безъ тебя, моя Глафира,
Безъ тебя, какъ безъ души;
Никакія царства міра
Для меня не хороши.
Мнѣ повсюду будетъ скучно,
Не могу я быть счастливъ;
Будь со мною неразлучно,
Будь со мной, доколѣ живъ!

Ни богатства не желаю,
Ни въ большіе господа;
Все другимъ то уступаю;
Будь лишь ты со мной всегда —
Вотъ одно мое желанье!
У меня другого нѣтъ;
Безъ тебя — вся жизнь страданье,
Безъ тебя — пустыня свѣтъ.

Я люблю тебя всѣхъ болѣ,
Я люблю одну тебя;
Въ толь пріятной сердцу долѣ
Съ кѣмъ сравняю я себя?
Ахъ! ни съ кѣмъ, ни съ кѣмъ, конечно!
Только ты люби меня:
Буду счастливъ, будешь вѣчно
Ты мой другъ и жизнь моя!

XVI.

Прости! я обнимаю
Тебя въ послѣдній разъ,
Печали вѣкъ встрѣчаю
Утѣхъ за краткій часъ.
Лети въ страну далеку,
Лети другихъ плѣнять;
Счастливу слѣдуй року,
Оставь меня страдать!

Мои красы завянутъ,
Я выучусь тужить;
Тебя хвалить всѣ станутъ,
А я одна любить.
Я къ сердцу мнѣ драгому
Отъ сердца вѣсть пошлю;
Уста мои другому
Не скажутъ: я люблю!

Нѣтъ, чувствъ иныхъ не знаю,
Какъ собственно твои,
И къ нимъ я примѣняю
Всѣ склонности мои.
Коль счастливъ ты — я рада,
Коль грустенъ — я крушусь;
Твой смѣхъ — моя отрада;
Заплакалъ ты — я рвусь.

Вся мысль моя, ты знаешь,
Тебѣ принадлежитъ;
Ты сердцемъ обладаешь,
Оно къ тебѣ лежитъ.

За все мое пристрастье
Одну меня люби;
Почту себѣ за счастье
И видъ одинъ любви.

XVII.

Нѣтъ! 3 не льзя жить мнѣ безъ нее;
Въ ней все счастіе мое!
Гдѣ жъ другую мнѣ найтить?
Кого жъ буду такъ любить?

Нѣтъ! 3 не хочу я ничего,
Кромѣ сердца твоего;
Тутъ всѣ міра красоты,
Гдѣ со мной, Глафира, ты!

Нѣтъ! 3 пусть даютъ мнѣ, что хотятъ;
Ни чѣмъ сердца не взманятъ:
Милый твой, Глафира, взоръ
Всѣхъ отрадъ моихъ соборъ.

Нѣтъ! 3 ни богатствами не льщусь,
Ни честьми не веселюсь;
Всякой счастливъ я судьбой,
Будь Глафира лишь со мной.

Нѣтъ! 3 ни на что не погляжу;
Милу другу докажу,
Что я лучше смерть стерплю,
Чѣмъ иную полюблю.

Нѣтъ! 3 не сердись ты на меня,
Что люблю такъ сильно я;
Ахъ! нельзя съ тобою быть
И слегка тебя любить.

Нѣтъ! 3 владѣй сердцемъ и душой,
Во всемъ власть твоя со мной;
Будь здорова, весела,
Люби такъ, какъ ты мила.

XVIII.

Любовь намъ не въ отраду,
Но въ муку, создана;
Раждаетъ лишь досаду
И грусть въ сердцахъ она.
Любя, нельзя покою
Нигдѣ, ни въ чемъ найтить:
Съ чувствительной душою
Бѣда на свѣтѣ жить!

О, милая Глафира!
Безъ сердца твоего
На что мнѣ царства міра?
Не надо ничего.
Тобой я утѣшаюсь,
Тобою изумленъ;
Ты взглянешь — восхищаюсь,
Ты молвишь — я блаженъ!

За что жъ меня терзаешь
Холодностью своей,
Когда такъ твердо знаешь,
Что ты мнѣ всѣхъ милѣй?

Что власть твою вмѣняю
Во власть самихъ боговъ,
Любовь твою считаю
Всѣхъ выше ихъ даровъ?

Смягчи суровость рока
И скорбь мою пойми;
Или не будь жестока,
Иль жизнь мою возьми!
Тобой — ни кѣмъ иною,
Могу я находить,
Что съ нѣжною душою
Пріятно въ свѣтѣ жить.

XIX.

Нѣтъ! весь трудъ мой безполезной,
Поздно мнѣ себя тѣмъ льстить,
Чтобъ Раиды видъ любезный
Могъ изъ сердца истребить.
Нѣтъ, Раида несравненна
Ни съ какою красотой;
Будетъ сердцу драгоцѣнна,
Пока солнца свѣтъ со мной.

Безъ Раиды жизнь — мученье,
Каждый часъ какъ-будто годъ;
Къ ней всѣхъ чувствъ моихъ стремленье,
Въ ней предметъ моихъ заботъ;
Она разумъ восхищаетъ,
Она душу веселитъ;
Сердце розно съ ней — вздыхаетъ,
А при ней — всегда болитъ.

Ея взоры всѣхъ быстрѣе
Нашли скрытый къ нему путь;
Ея голосъ всѣхъ скорѣе
Во мнѣ душу могъ тронуть.
Тяжело, я это знаю,
Въ мѣру чувствъ моихъ любить;
Но еще лютѣй считаю —
Безъ Раиды въ свѣтѣ жить.

XX.

На что желалъ съ тобой спознаться,
Коль зналъ, что будешь ты мила?
На что, коль должно разлучаться,
Искалъ тамъ быть, гдѣ ты была?
О, счастье всякаго лестнѣе
Съ друзьями сердца вмѣстѣ быть!
О, мука всякой несноснѣе
Въ разлукахъ частыхъ съ ними жить!

Когда не будешь ты со мною,
Кому скажу мою печаль?
Одинъ тогда, лишь самъ съ собою,
Скажу, что мнѣ Ранды жаль;
Что жизнь моя тошна, постыла,
Когда не вижуся я съ ней:
Коль нѣтъ въ глазахъ того, что мило,
То нѣтъ для сердца красныхъ дней.

Куда я дѣнусь безъ Ранды?
Чѣмъ мысль унылу разгоню?
Исчезнутъ всѣ веселья виды,
Которыми себѣ маню;
Исчезнетъ все на это время,
Пока не будетъ здѣсь ее,
И скуки черной люто бремя
Стѣснитъ все чувствіе мое.

Но, ахъ! когда ты возвратишься;
И вновь увижу я тебя?
Лишь ты глазамъ моимъ явишься,
Опять почувствую себя,
Опять мое воображенье,
Съ душой и сердцемъ за одно,
Вмѣститъ безсмертныхъ восхищенье
И оживетъ тобой оно.

XXI.

Чѣмъ я мысль ни занимаю,
А Зюлима всѣхъ милѣй!
Съ ней вседневно я вкушаю
Счастье самыхъ тихихъ дней.
Вспомню ль прежнее то время,
Какъ страстьми волнуемъ былъ,
Я лишь чувствовалъ золъ бремя,
Но такъ сладко не любилъ.

За мечтами я гонялся
И чего-то все искалъ;
Находя, не восхищался,
А теряя, вновь желалъ.
Но теперь въ пріятной части
Я мученья не терплю;
Безъ волненья пылкой страсти
Со всей нѣжностью люблю.

Если мнѣ когда случится
Отъ Зюлимы чѣмъ-нибудь,
Хоть бездѣлкой, огорчиться,
Стоитъ только ей взглянуть; —
Все повѣрю, все забуду,
Чѣмъ старалась досадить.
Сколько въ свѣтѣ жить ни буду,
Мнѣ другой такъ не любить.

XXII.

Пой, соловушка свободной,
Пой на вѣточкѣ своей,
Пока ястребъ, чортъ негодной,
Не склевалъ тебя на ней;
Пока вѣтры бурны съ поля
Не надули на тебя,
Или въ клѣточкѣ неволя
Не дала узнать себя.

Пой, соловушка мой милой,
Сладку пѣсенку свою;
Ты не знаешь той унылой,
Что̀ я всякой часъ пою.
Дней несчастливыхъ на свѣтѣ
Для тебя въ лѣсочкѣ нѣтъ;
Всѣ дни ясны въ цѣломъ лѣтѣ,
Пока зелень есть и цвѣтъ.

Пой, соловушка, ярчѣе,
Чтобъ дрожалъ весь лѣсъ, какъ листъ,
Звучи горлышкомъ громчѣе,
Раздавай за рощу свистъ;
Тебѣ все дала природа:
Ты уютенъ, молодъ, милъ;
Ты краса всего народа!
Затрещалъ — такъ и пѣвникъ.

А я, бѣдный, не умѣю
Такъ понравиться, какъ ты,
Голосишка не нѣю,
Ни крыла, ни красоты.

Станемъ участью меняться!
Или, птичка, вѣчно, знать,
Тебѣ пѣть и наслаждаться,
Мнѣ любить и тосковать.

XXIII.

Я живалъ, живу, жить буду
Друга милаго любя,
Всю вселенную забуду,
Не забуду лишь тебя.

Ты милѣе солнца красна,
Ты дороже жизни мнѣ;
Образъ твой въ душѣ всечасно,
Имъ я брежу и во снѣ.

Ни разлука, ни препятства
Чувствъ моихъ не измѣнятъ;
Всей подсолнечной богатства
Мнѣ тебя не замѣнятъ.

Я владычества не знаю
Выше прелестей твоихъ;
Имъ разсудокъ покоряю,
Рай душевной вижу въ нихъ.

Не ревную пышной долѣ
Знаменитыхъ нашихъ царъ;
Въ нищетѣ, въ бѣдѣ, въ неволѣ
Если милъ тебѣ, — я царь.

Ты мое смягчаешь бедство,
Столь бы ни былъ рокъ суровъ;
Взглянешь — небо зрю отверзто,
Молвишь — внемлю гласъ Боговъ.

Восхищай меня собою,
Пока длится жизнь моя,
Пока смерть ужасной тмою
Не покрыла и меня.

Но и тамъ, гдѣ жизнью вѣчной
Долженъ духъ безсмертный жить,
Въ тебѣ буду, другъ сердечной,
Всѣхъ отрадъ вину любить.

XXIV.

Печаль, души моей подруга!
Питай ее всегда собой;
Кажи вездѣ тѣнь мила друга
Въ живыхъ чертахъ передо мной!

Кажи того, кого любила,
Какъ любятъ ясны небеса,
Въ комъ чувства всѣ животворила
Души и разума краса!

Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ его, всечасно
Въ мѣстахъ, гдѣ я живу одна,
Замучилъ трепетъ сердце страстно
И язва лютая дана.

В собраньяхъ общихъ я не вижу
Малѣйшей радости своей,
Забавы міра ненавижу,
Въ пустыни прячусь отъ людей.

Въ жилищѣ мрачномъ раздается
Повсюду вздохъ унылый мой,
Съ утра до поздней ночи льется
Слеза горячая рѣкой.

И сонъ тоски не уменьшаетъ,
Забыть того мнѣ не даетъ,
Кто весь мой разумъ наполняетъ
И каплю каплю крови жжетъ.

Печаль мнѣ спутница въ дороги,
Вездѣ ея зрю черный слѣдъ;
Меня вѣнчали съ нею Боги
Въ ужасномъ храмѣ лютыхъ бѣдъ.

Она и въ гробъ меня проводитъ,
Раздѣлитъ мракъ его со мной;
Несчастный счастіе находитъ
Подъ крышкой только гробовой.

XXV.

Спой — *Водохти*, Александрина! —
Дай мнѣ жизни райской часъ!
Будь единственна причина
Всѣхъ отрадъ еще хоть разъ!

Спой, напомни мнѣ стократно
Тѣ моихъ восторговъ дни,
Въ кои слышалъ, сколь пріятно
Пѣла пѣсенку: «*Вздохни!*»

Голосъ нѣжный раздавался
Въ повсемѣстной тишинѣ;
Весь хоръ ангеловъ казался
Быть на нашей сторонѣ.

И въ гармоніи небесной,
Среди многихъ звучныхъ лиръ,
Отголосокъ твой прелестной
Распознаетъ цѣлый міръ. —

Кто жъ дерзнетъ съ тобой равняться,
Кто споетъ «*Вздохни*» какъ ты?
Лишь въ тебѣ могли вмѣщаться
Столь безцѣнныя красоты!

Съ симъ сокровищемъ природы
Жизнь блаженну протяни;
Въ чувствахъ мира и свободы
Не вздыхай, — а пой: «*Вздохни!*»

XXVI.

Коль сердца нѣжнаго довольно,
Чтобы любви достойнымъ быть,
Ельфрида! — ты должна невольно
Меня всю жизнь свою любить;

Должна за то, что я съ тобою
Готовъ дѣлить на свѣтѣ все,
Готовъ навѣкъ съ твоей судьбою
Связать все счастіе мое.

Не вѣрь лукавому внушенью
Толпы обманчивыхъ льстецовъ:
Чтобъ дать видъ правды обольщенью,
Языкъ богатъ въ наборѣ словъ.
Я самъ на свѣтѣ прожилъ много,
Страстей тревоги испыталъ,
Страстями былъ наказанъ строго —
Любви прямой не измѣнялъ.

Чета сердецъ и откровенность
Взаимныхъ чувствъ между людей
Такая въ жизни драгоцѣнность,
Какой подъ солнцемъ нѣтъ милѣй!
Любовникъ сто побѣдъ исчислитъ;
Но что въ нихъ толку? — Пустоцвѣтъ!
Уроковъ опыта не смыслитъ; —
Добыча есть — да счастья нѣтъ.

Ельфрида, другъ мой! — восхищаться
Не вѣчно можетъ человѣкъ;
Онъ любитъ жить и наслаждаться,
Его такъ краткокъ, труденъ вѣкъ,
Восторгъ минутный утолится,
Какъ легкій вѣтеръ пролетитъ;
Любовь до самой смерти длится,
Она и прахъ животворитъ.

Любовь и за предѣлы жизни
Надежды якорь утвердя,
Въ небесной ангельской отчизнѣ
Свои отрады возродя,
Зари ждетъ вѣчности прекрасной,
И милый встрѣтя тамъ предметъ,
Не призракъ дѣлитъ съ нимъ опасной,
Но чистый огнь и тихій свѣтъ.

XXVII.

Друзья! пришло дней мирныхъ время,
Нигдѣ не пахнетъ ужъ войной,
Сложилъ и я доспѣховъ бремя,
Въ Москву явился на покой.
Разбивъ толпы враговъ ужасны,
Хочу красавицъ обожать,
Въ романсахъ нѣжныхъ чувства страстны
На скромной лирѣ напѣвать.

Пора геройству утолиться,
Коню и саблѣ отдохнуть;
Пора въ свободѣ волочиться,
И съ милой взапуски вздохнуть,
На грудь, израненну для славы,
Ея грудь нѣжную прижать,
Дѣлить съ ней цѣлый день забавы,
Всю ночь красы ея лобзать.

Крестовъ и лентъ навѣшу кучу,
Мундиръ шнуровкой затяну,
На балахъ вальсами замучу,
Въ восторгахъ сладостныхъ усну;
Меня будить не станетъ ночью
На баттареяхъ барабанъ;
Одной любви чудесной мочью
Въ диванѣ буду я султанъ.

Изъ устъ моей полу-богини
Услышу счастья приговоръ;
Къ очаровательной судьбинѣ
Мнѣ путь ея проложитъ взоръ.
Престану быть слугой Беллоны
И пушекъ нюхать горькій дымъ;
Одни Венерины законы
Пребудутъ правиломъ моимъ.

Видалъ я рыцарей отважныхъ,
Пролившихъ кровь свою за честь,
На костыляхъ неважныхъ
Бродящихъ въ домъ чужой почесть;
Взглянулъ на нихъ и — содрогнулся
По счастью, брани духъ исчезъ,
Я живъ и цѣлъ, — и улыбнулся;
Не буду крови лить и слезъ.

Давайте снова жить друзьями
За круговеньками семей;
Москва, богатая пирами,
Еще становится щедрѣй.

Вездѣ театры, скачки, балы,
Безъэтикетная любовь,
И тороватые покалы
У нашей братьи вспѣнятъ кровь.

Хвала дѣятельной природѣ!
Чего намъ родина не даетъ!
Не страшенъ тамъ капризъ погоды,
Гдѣ съ поцѣлуемъ ждетъ *тойсто*.
Даря и то мнѣ и другое
Богамъ подобна красота,
Яви, что время золотое
Не баснословная мечта!

XXVIII.

Рыцарь! вложи въ ножны свой мечъ
И позавидуй нашей долѣ!
Пора престать ужъ крови течь,
Пора рѣзвиться съ нами въ полѣ.
Увы, пастушки, радъ бы я
Быть вашимъ товарищемъ въ хороводѣ;
Но ужъ дней ясныхъ для меня
Богъ не дастъ нигдѣ въ природѣ.

Я былъ въ красавицу влюбленъ,
Ей въ мірѣ не было подобной;
Вдругъ полкъ въ походъ мой наряженъ,
И сердцемъ овладѣлъ духъ злобной.

Я билъ врага, я грады жегъ,
Я видѣлъ смерть, и не пугался;
Лишь только перенесть не могъ
Того, что съ миленькой разстался.

Слава царю — миръ кончилъ брань,
Воинъ на родину явился,
И я медали славы въ дань
Поднесть красавицѣ гордился;
Но рука сильная Творца
За чью-нибудь, знать, жизнь мнѣ мстила
И вмѣсто брачнаго вѣнца
Путь мнѣ въ могилу проложила.

Моя подруга безъ меня
Тоски терпя недуги люты,
Чувству любви не измѣняя,
Жить не хотѣла ни минуты;
Счастье исчезло съ ней мое,
И я, прахъ милый лобызая,
Кричу въ слезахъ, забывши все:
Спѣши минута роковая!

Спѣши скорѣй сразить того,
Кто благъ не зритъ ужъ больше въ жизни,
Кому не надо ничего
Ни въ чужихъ людяхъ, ни въ отчизнѣ!
Пастушки! мнѣ васъ не видать!
Солнце взойдетъ, меня не будетъ;
Въ одну съ ней землю лягу спать;
Въ одномъ Раю насъ Богъ разбудитъ.

XXIX.

Пока Фатьма меня любила,
Чего мнѣ было пожелать?
Сама судьба меня хранила,
Мѣшая грусти духъ смущать.
Я нѣжной молодости въ цвѣтѣ
Благополученъ вправду былъ;
Ни чѣмъ не дорожилъ на свѣтѣ,
Ее единственно любилъ.

Пока Фатьма не измѣнила,
Мнѣ непонятенъ былъ обманъ,
Душа въ восторгахъ замирала,
Амуръ былъ богъ мой — не тиранъ;
Его отрады скоротечны
Возобновлялись каждый часъ
И наслажденія сердечны
Богамъ уподобляли насъ.

Пока Фатьма не научилась
Искусству всѣхъ плѣнять собой,
Въ простой невинности рѣзвилась
По цѣлымъ днямъ съ однимъ со мной,
Я самъ, блистательной неволѣ
Свободу сельску предпочтя,
Подъ яснымъ небомъ въ чистомъ полѣ
Любилъ играть съ ней какъ дитя.

Не стало жизни той блаженной,
Откуда скука вдругъ взялась,
Фатьма мнѣ сдѣлалась невѣрной
И нитка счастья порвалась;
Съ тѣхъ поръ я сталъ тосклив, — скучаю,
Языкъ не вымолвитъ словца,
И что проснусь, то ожидаю
Нетерпѣливо дню конца.

Съ тѣхъ поръ живу я безъ пріюту,
Въ довольствѣ вижу нищету,
Дѣля съ лѣсами горесть люту,
Питаю сладкую мечту.
О, если образъ совершенства
Фатьма способна измѣнить,
То гдѣ же льзя искать блаженства,
Кого осталося любить?

ГУДОКЪ
ИВАНА ГОРЮНА.

I.

De l'inconstance adieu приманки!
Femme je prends полно дурить:
Jolis tendrons сердца тиранки,
Plus n'est permis мнѣ васъ любить,
Autre fois dès que полночь било,
Aux petits jeux давай, давай!
Autre fois мало ли что было,
Mais aujourdhui прости, прощай!

Всѣ говорятъ c'est un parjure,
Чтобъ любить многихъ à la fois,
Всѣ говорятъ, mais la nature
Шепчетъ мнѣ: нѣтъ — et je le crois;
Когда у насъ santé, jeunesse
A qui mieux, mieux давай, давай;
A какъ пристигнетъ la vieillesse,
Faut dire alors прости, прощай!

Des raisonneurs сыскать не диво,
Qui jour et nuit станутъ кричать:
Qu'on ne sauroit прожить счастливо,
Si nos penchants не умѣрять
Raison le dit, но сердце нѣжно
N'a qu'un refrein давай, давай;
On a beau dire c'est неизбѣжно,
Sans quoi bonheur прости, прощай!

Но между насъ, ma bonne amie
Qu'un autre usage soit заведенъ;
Будь ты всегда la plus jolie,
Moi, je serai всегда влюбленъ;
Tant que notre âge насъ поджигаетъ.
A qui mieux, mieux давай, давай;
Vient un moment жаръ простываетъ
Bongré malgé прости, прощай!

II.

Фекла! семъ-ка мы съ тобою
Станемъ жить, да поживать,
Станемъ мы безъ ссоръ и бою
Себѣ хлѣбецъ наживать.
Мы свой вѣкъ и безъ Амура
Промаячемъ кое-какъ;
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ.

Я наукъ не понимаю,
Съ востряками не вожусь,
Въ рѣчь разумну не вступаю
И въ собраньяхъ не гожусь.
Насъ пустила въ свѣтъ натура
Ни на что, какъ только такъ;
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ.

Въ книгахъ я не обращаюсь,
Ариѳметики боюсь;
Съ Яшкой рыжимъ не якшаюсь *),
Часто съ азбукой бранюсь.
На зубахъ у балагура
Пусть слывемъ мы такъ и сякъ;
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ.

Вѣкъ охоты не имѣю
Ни въ картишки, ни на балъ;
Днемъ сижу, хожу и прѣю,
Ночью дрыхну на-повалъ!
Моей Феклы мнѣ натура
Вѣчно жить велѣла такъ:
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ.

Деньга деньгу въ сумку манитъ,
А за деньгой гроша жди;
Умъ доходу не притянитъ,
Сколько въ книгу ни гляди.
Видно, хочетъ такъ натура,
Чтобъ умъ деньгамъ былъ батракъ;
Такъ пускай ты будешь дура,
Я радъ вѣчно быть дуракъ.

*) Jean Jacques Rousseau.

III.

Я живу и веселюся,
Нѣтъ печали у меня;
Изъ мірскихъ суетъ не бьюся,
И не стражду полюбя.
Если что когда блажное
Въ умъ и въ сердце мнѣ взбредетъ,
Тужить — выйдетъ лишь пустое;
Лягу спать — и все пройдетъ.
Пусть старается, кто хочетъ,
Себя вздоромъ веселить;
Кто другой пускай хлопочетъ
Шпански башни городить.
Мало ль что высокомѣрье
Въ мысли суетны несетъ;
У меня свое повѣрье:
Лягу спать — и все пройдетъ.
Всѣ мы созданы Природой,
Чтобъ чего-нибудь желать;
Кто гудкомъ, кто картъ колодой
Ищетъ время убивать.
Если разумъ меня смучитъ
И сердечушко зажметъ;
Нравъ мой скукѣ надокучитъ,
Лягу спать — и все пройдетъ.

IV.

Мнѣ бы жить въ Москвѣ хотѣлось,
Играть въ карты, танцовать,
Милымъ быть еще бъ умѣлось,
Сталъ бы жить, да поживать;
Но лихъ часто такъ бываетъ,
Что не въ мѣру рокъ суровъ.
Кто жилъ больше, тотъ и знаетъ:
Хоть не радъ, да будь готовъ.

Иной любитъ за пирушкой
Цѣлый вечеръ просидѣть,
Вины крѣпкія пить кружкой,
А напившись, пѣсни пѣть.
Поглядишь, другой порою,
Тотъ же янчикъ, не таковъ;
Гложетъ хлѣбъ сухой съ водою
Хоть не радъ, да будь готовъ.

Иной любитъ въ маскерадѣ
Щегольком себя казать,
Весь въ духахъ, въ большомъ парадѣ,
Любитъ городъ обскакать;
Тотъ же хватикъ сплошь вздыхаетъ,
Сидя дома безъ чулковъ;
Фракъ жилетомъ выкупаетъ.
Хоть не радъ, да будь готовъ.

Другой, къ банку прилѣпяся,
Ставитъ кучи день и ночь.
На фортуну разсердяся,
Самъ себя загнуть не прочь;
Анъ домой какъ заберется,
Ни полѣна нѣту дровъ;
Дуетъ въ ногти, въ уголъ жмется.
Хоть не радъ, да будь готовъ.

Знатный баринъ цугомъ дуетъ
И дивитъ собой народъ;
А народъ, то зря, толкуетъ:
Этотъ всѣхъ знатнѣй господъ!
А другой хоть и смѣкаетъ,
Что вся штука семь скотовъ;
Но съ поклонцомъ забѣгаетъ.
Хоть не радъ, да будь готовъ.

V.

Я любви ужъ не слуга,
Съ ней хочу навѣкъ проститься;
До меня была строга,
Не чѣмъ вовсе похвалиться.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Съ нею будь всегда готовъ
Горько плакать и терзаться;
А съ виномъ я безъ чиновъ
Буду всякой день смѣяться.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Въ любви всякій часъ бѣда
И всего остерегайся;
А въ винѣ къ ней нѣтъ слѣда;
Только чаще напивайся.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Все мнѣ будетъ понутру,
Какъ съ бутылкой подружася,
Буду пьянъ и по-утру,
Буду пьянъ и спать ложася.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Если грусть придетъ ко мнѣ,
Иль о чемъ вздыхать я буду,
Погрузивъ тоску въ винѣ,
Самого себя забуду.

Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Городскимъ смѣюсь молвамъ, —
Къ счастью ближнихъ всѣ ревнуютъ;
Былъ бы радъ и веселъ самъ,
Что хотятъ пускай толкуютъ.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Пускай пьяницей зовутъ
И въ бесѣды не пускаютъ;
Тѣ всѣ долгій вѣкъ живутъ,
Кои женщинъ убѣгаютъ.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

У него та жъ пара глазъ;
Но когда онъ нагрузится,
Что ты видишь въ одинъ разъ,
То въ глазахъ его троится.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Лишь бы мнѣ судьба дала,
Чѣмъ быть пьяну повсечасно;
И вся жизнь моя такъ шла,
Чтобъ въ любви не ныть напрасно; —
Женскій полъ прости, прощай;
Мнѣ съ тобой ужъ не встрѣчаться;
Всѣхъ забавъ для меня край: —
Пить и въ вѣкъ не просыпаться....

VI.

Я безъ Дунюшки не слажу
Ни въ гудокъ, ни поплясать;
Что ни дѣлаю, ни лажу,
Нѣтъ ума ничто начать.
　　Дуня, Дуня дорогая!
　　Ахъ! почто тебя здѣсь нѣтъ?
　　Вся душа во мнѣ другая,
　　Когда ты со мной, мой свѣтъ!

Когда взглянешь ты пріятно,
Я совсѣмъ тогда не тотъ;
Все мнѣ мило, все понятно,
И на сердце нѣтъ заботъ.
　　А какъ Дуня за очами,
　　Не глядѣлъ бы на людей,
　　Бабъ скучаю я толпами;
　　Изъ нихъ Дуни нѣтъ милѣй!

Кинь сторонушку чужую,
Дуня, воротись домой!
Что̀ ты хочешь, я дарую,
И всю жизнь готовъ быть твой.
Безъ тебя на что̀ имѣнье?
Безъ тебя не нуженъ кладъ;
Жить — съ тобою-утѣшенье;
Твой всего дороже взглядъ.

VII.

Шелъ, пошелъ нашъ воевода
Вдоль по Клязьмѣ погулять;
Вдругъ ненастная погода —
Пришлось дома тосковать.
Подъ окошкомъ его скачетъ
Мужикъ съ бабою самъ-другъ,
Не горюетъ онъ, не плачетъ,
Дуетъ клячу во весь духъ.

Ахъ, вы горе-воеводы!
Нѣтъ удачи вамъ въ гульбѣ;
Много чести безъ свободы,
Чортъ ли въ этакой судьбѣ.
У васъ каменны палаты,
Ужъ куда какъ высоки,
Вы и знатны и богаты,
Лишь отъ счастья далеки.

Какъ медвѣдь лѣсной въ берлогѣ,
Къ вамъ и приступу, чай, нѣтъ;
И невольнику въ острогѣ
Поглядѣть даютъ на свѣтъ;
А у васъ тоска, кручина
Изсушила сердце все.
Посмотри-ка ты, дѣтина,
На мое житье-бытье.

Какъ вспашу я десятину,
И домой вернусь къ себѣ,
Браги выпью на полтину,
Подъ бочокъ прижмусь къ женѣ,
Я съ Фетиньею ласкаюсь,
Какъ съ голубкой голубокъ,
Нацѣлуюсь, наиграюсь,
Лягу вздремнуть на часокъ.

Въ праздникъ выйду въ хороводы,
Красныхъ дѣвокъ цѣлый рой;
Не боюсь я непогоды,
На дворѣ и въ дождь и въ зной.
Дѣти живы, жена бродитъ,
Вотъ и все мое добро;
Ко мнѣ скука не заходитъ;
Я не льщусь на серебро.

Такъ-то жить у насъ учися,
Воевода-господинъ!
Въ поднебесну не гнѣздися,
Тамъ, вѣдь, Богъ живетъ одинъ.

До Него не доберешься,
До Царя — куда достать;
А какъ въ полѣ обживешься,
Такъ и полно тосковать.

VIII.

Зачѣмъ мы въ жизни суетимся,
По чести, трудно отгадать;
Едва минутой насладимся,
Какъ должно цѣлый день страдать.
Въ мечтахъ все кажется безцѣнно,
На дѣлѣ — видишь все обманъ.
Позвольте молвить откровенно:
Счастливъ лишь тотъ, кто сытъ и пьянъ!

Природа все вознаграждаетъ, —
Она роскошна и щедра,
И въ самой старости являетъ
Лучи блистательна утра;
Страстями сердце увлеченно,
Въ восторгахъ ловитъ все обманъ.
Позвольте молвить откровенно:
Счастливъ лишь тотъ, кто сытъ и пьянъ! —

Иному разумъ помутила
Огромной славы суета;
Другому душу истомила
Суровымъ взглядомъ красота;

Гдѣ чаемъ благо совершенно,
Тамъ видъ его беретъ обманъ;
Позвольте молвить откровенно:
Счастливъ лишь тотъ, кто сытъ и пьянъ.

Оставимъ сильнымъ все на свѣтѣ,
И отъ лихихъ уйдемъ людей! —
Поставимъ мы себѣ въ предметѣ,
Простое счастье, безъ затѣй;
Оно дано намъ непремѣнно,
И я пою, наливъ стаканъ:
Позвольте молвить откровенно:
Счастливъ лишь тотъ, кто сытъ и пьянъ. —

IX.

Плюнь Фетинья на молву,
Выйдь со мною погулять;
Сядемъ вмѣстѣ на траву
Въ поцѣлуи поиграть.
Было бъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

Я тебя, мой милый другъ,
Больше всѣхъ въ селѣ люблю;
Съ тобой праздничный досугъ,
Съ тобой будни раздѣлю.

Было бъ сыто, да тепло;
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы, любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

За сохою ли хожу,
Бороню ли полосу,
Вездѣ въ мысляхъ и гляжу
На твою, мой свѣтъ, красу.
Было бъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы, любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

Мнѣ не надо за тобой —
Сарафановъ дорогихъ;
Ты въ паневѣ мнѣ простой
Краше всѣхъ сестеръ своихъ.
Было бъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы, любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

Куча денегъ — пустота,
Сердцу тошно безъ любви;
Чуть задѣнетъ красота,
Закипитъ огонь въ крови.
Было бъ сыто, да тепло;
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

Сдайся на мои слова
И не бойсь меня любить;
Все на свѣтѣ трынъ-трава!
Станемъ душа въ душу жить.
Было бъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

ДУРЫЛОМЪ,

или

ВЫБОРЪ ВЪ СТАРШИНЫ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дурыломъ, зажиточный дворянинъ задонскій.

Павлина, } его дочери.
Сусанна, }

Лестигонъ, старинный другъ дома.

Радинъ, любовникъ Сусанны.

Сусекина, пріятельница ихъ дома.

Печалкинъ, молодой человѣкъ, знакомый въ домѣ.

Диксманъ, экономъ редута.

Слуга.

Швейцаръ.

Дворянинъ, безъ рѣчей.

(*Дѣйствіе на Камъ, [illegible] г-на Дурылома.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДУРЫЛОМЪ *(одинъ, онъ въ полу-сюртукѣ, по-домашнему, въ утреннемъ своемъ кабинетѣ).*

О, стѣны, въ коихъ я чрезъ разныя явленья
Всю публику держу лѣтъ тридцать въ изумленьи!
Уже ли съ вами рокъ разстаться мнѣ велитъ,
И купчую на васъ Палата совершитъ?
Уже ли городъ весь, любя мои тревоги,
Изъ вратъ своихъ мнѣ вонъ велитъ искать до-
роги? —
Имѣя на Дону помѣстья за собой,
На Каму привлеченъ нечаянной судьбой,
И новую найдя здѣсь родину издѣтства,
Учился лишь одной наукѣ — раболѣпства,
Здѣсь выросъ, взялъ жену и, къ счастью, какъ-
то съ ней
Я прижилъ нѣсколько прекрасныхъ дочерей;

По нихъ сталъ всѣмъ знакомъ, по нихъ ко мнѣ ласкались,
И дружества со мной какъ счастья добивались;
Редутъ меня своимъ директоромъ нарекъ; -
Семнадцать лѣтъ въ немъ былъ я громкой человѣкъ;
Всѣхъ членовъ имена, чины и лѣта знаю,
И каждому на вкусъ забавы снаряжаю. —
Но, ахъ! колико свѣтъ сталъ нынѣ развращенъ!
Въ невѣжествѣ умы и духъ уничиженъ!
За всѣ мои труды, какихъ никто, конечно
(Могу я самъ съ собой сказать чистосердечно),
Никто изъ равныхъ мнѣ бояръ не оказалъ,
Въ награду изъ старшинъ изверженъ нынѣ сталъ;
И подлый экономъ — бездушна тварь Нѣмчурка,
Который ѣлъ мой хлѣбъ, моя вознла бурка,
Кто? — Диксманъ на носу играетъ у меня!
Нѣтъ, нѣтъ, не потерплю. О, Небо! о, земля!
Поѣду, поскачу искать другого края,
И лучше пусть меня сразитъ судьба лихая,
Чѣмъ долѣе еще такой позоръ терпѣть!
По дудочкѣ чужой не мнѣ плясать и пѣть.

ЯВЛЕНІЕ II.

ДУРЫЛОМЪ и ДИКСМАНЪ.

ДУРЫЛОМЪ (*въ сторону*).

О чортѣ молвь, онъ тутъ; но должно скрыть досаду;
Ему везетъ у насъ.

ДИКСМАНЪ.

Прекрасную помаду
Съ стафетой получилъ сейчасъ я изъ Москвы;
Мнѣ помнится, ее выписывали вы;
И такъ я поспѣшилъ съ нижайшимъ къ вамъ по-
чтеньемъ
Обрадовать вашъ домъ такимъ увѣдомленьемъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Помада?... помню... такъ. — Спасибо.
Что цѣна?

ДИКСМАНЪ.

Червонный за горшокъ она заплачена.

ДУРЫЛОМЪ.

Червонный? — Не ужъ ли? —

ДИКСМАНЪ.

За то и ароматы!

ДУРЫЛОМЪ.

И выдохнутся вмигъ; а добрые дукаты..

ДИКСМАНЪ.

Не пахнутъ и легки, бѣгутъ какъ съ горъ вода.
Духи на головѣ бываютъ иногда
Замѣною тому, чего внутри природа
Не всякому дала.

ДУРЫЛОМЪ.

Пустое, братецъ, — мода;
По модѣ живучи, вскружился цѣлый свѣтъ.
Жесминовъ ты найдешь вездѣ и духъ и цвѣтъ:
У модницъ на груди, у франта на кафтанѣ
И, смѣшанъ съ табакомъ, у старика въ карманѣ;

Нерѣдко я видалъ, сынъ, дочь, весь домъ въ дырахъ,
Отецъ какъ маковъ цвѣтъ, — а матушка въ духахъ.
Но дѣло не о томъ, — снеси горшки къ Павлинѣ.

ДИКСМАНЪ.

Какъ кстати мой товаръ но мнѣ подъѣхалъ нынѣ!
Сегодня всѣ въ редутъ съѣзжаются чины,
Обжорный тамъ обѣдъ — и выборъ въ старшины.
Каштановъ безъ числа и устрицевъ наслали,
Не шуточный мнѣ пиръ въ собраньи заказали;
Какой съ венгерскимъ кремъ, уха — хоть бы царю!
Жена толчетъ миндаль, я пуншъ-рояль варю;
А къ вечеру, дабы короновать забаву,
За рубль съ персоны дать взялся я балъ на славу.

ДУГЫЛОМЪ (*въ сторону*).

Нѣтъ мочи выносить надменности такой!
Ты развѣ членъ, чтобъ могъ дать праздникъ самъ собой?
Мнѣ памятенъ уставъ Дворянскаго Собранья,
Который утвержденъ съ публичнаго желанья,
Подписанъ въ 809 годѣ мной,
Понеже я тогда былъ первымъ старшиной;
Правительствомъ самимъ онъ признанъ превосходнымъ.

ДИКСМАНЪ (*въ сторону*).

Тогда и былъ хорошъ; а нынѣ сталъ негоднымъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Ты дерзокъ не путемъ. — Параграфъ въ немъ
один,
Я помню, такъ гласитъ...

ДИКСМАНЪ.

Вы спорить, господинъ;
Но скоро послѣ васъ уставъ перемѣнился
И новый въ клобѣ здѣсь порядокъ дѣлъ явился.

ДУРЫЛОМЪ.

Прошу сказать, какой? — Не вѣрю, быть не-
льзя!
Меня не оплетешь. — Иль ты забылъ, какъ я
За то, что экономъ спалъ мертвымъ сномъ у печки
И въ пору не успѣлъ зажечь на балѣ свѣчки,
Велѣлъ ему въ сѣняхъ сто палокъ отсчитать,
Нѣмецкіе бока по-русски откатать.

ДИКСМАНЪ.

Да то не Диксманъ былъ. — Задоритесь на-
прасно;
Досады вашей я причину вижу ясно:
Привыкнувъ столько лѣтъ директоромъ все быть,
Вамъ тошно рядовымъ и годъ одинъ прожить.
Вѣдь я не виноватъ, что велъ себя такъ худо
Вашъ прежній экономъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Кто? — *Мовель?* — Это чудо!
Онъ былъ не безъ грѣха, конечно, но за то
Редутъ такъ служить не смыслитъ здѣсь никто.

ДИКСМАНЪ.

А я слыхалъ объ немъ во всѣхъ домахъ иное.

ДУРЫЛОМЪ.

А что бы, напримѣръ, слыхалъ объ немъ худое?

ДИКСМАНЪ.

Извольте; — но прошу заранѣй не пѣнять,
Коль искренность моя васъ будетъ обижать.
Я слышалъ, что за столъ платили всѣ безмѣрно,
А кушали всегда на балахъ очень скверно;
Что часто подавалъ изъ промзглыхъ онъ котлетъ,
Въ лампадномъ маслѣ всѣмъ плавучій винегретъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Неправда! — Винегретъ былъ кусъ наипріятной,
Изъ разныхъ тонкихъ мясъ, и очень деликатной.

ДИКСМАНЪ.

Я то передаю, что публика твердитъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Она все мелетъ вздоръ, къ ней весь пропалъ
кредитъ.
Что далѣе? —

ДИКСМАНЪ.

Еще я слышалъ, будто смѣты
Великой стоили негодные паштеты;
Что будто Мовель вашъ на сальцѣ ихъ каталъ,
И вмѣсто кулчковъ, мышиной хвостъ торчалъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Ты вздоръ несешь. — Я самъ до пироговъ охот-
никъ;

А масло ставитъ къ вамъ и нынѣ мой же скотникъ:
Приспѣшниковъ такихъ, какіе у меня,
Со свѣчкой поискать.

ДИКСМАНЪ.

Вамъ очень вѣрю я;
Но рта всѣмъ не зажмешь. — О винахъ всѣ толкуютъ,
И вспомня прежній клобъ, до-сихъ-поръ негодуютъ,
Что въ нихъ всегда была смѣсь, порча, кислота,
Что даже по чинамъ проведена черта,
И слуги были такъ наметаны вахалы,
Когда вокругъ стола пойдутъ ходить бокалы,
Для первыхъ пяти классъ шампанское нальютъ,
А прочимъ лишь воды смородинной даютъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Трещетка, замолчи! — Всѣ вина были славны;
Выписывалъ ихъ самъ, ручаюсь, что исправны,
А если по чинамъ не всѣмъ былъ равенъ пай,
Такъ что тутъ за бѣда? — Чинъ чина почитай..
Ты, знать, равенства, братъ, нанюхался въ Парижѣ;
Тамъ всякой самъ себя не чтетъ другого ниже:
А здѣсь, у насъ, еще ведется въ людяхъ страхъ.
Поѣзди, посмотри: во всѣхъ ты городахъ
Увидишь, что не всѣмъ шампанское подносятъ,
Иные и медку съ поклонцами попросятъ.

ДИКСМАНЪ.

Прекрасный аргументъ! — Когда маперъ такой,

Такъ, стало-быть, у васъ чиновникъ небольшой
Могъ нюхать осетра, а ѣсть подъ хрѣномъ свинью?

ДУРЫЛОМЪ.

Напрасно, извини; — я самъ крошилъ ботвинью;
И этого никто не скажетъ про меня,
Чтобъ ею обнести кого дозволилъ я.

ДИКСМАНЪ.

Что хуже-то всего, — простите дерзновенье,
Вы знаете мое къ вамъ личное почтенье, —
Весь городъ говоритъ, что будто въ каждый балъ
Всѣ кремы, пироги, вашъ Моведь собиралъ,
Потомъ они къ вамъ въ домъ съ стола переѣз-
жали,
И тамъ на холодку въ подвалѣ ночевали.
Конечно вамъ обманъ столь вкусный не знакомъ;
Но многіе изъ тѣхъ, которы въѣзжи въ домъ,
Увѣрить и меня по совѣсти хотѣли,
Что гости ваши сплошь не безъ догадки ѣли
Тѣ жъ кушанья у васъ на завтра клобна дня,
Которыя сняты съ редутнаго огня.

ДУРЫЛОМЪ.

Не городъ, нѣтъ, не онъ, столь скаредно зло-
словитъ;
Одинъ лишь твой языкъ повсюду пустошь ловитъ!
Но дерзости такой снести я не могу.

ДИКСМАНЪ.

Что всѣ такъ говорятъ, по чести я не лгу.

ДУРЫЛОМЪ.

Съ двора долой, Диксманъ, въ немъ вѣкъ не
попадайся.

ДИКСМАНЪ.

Помаду какъ?

ДУРЫЛОМЪ.

И съ ней ты къ чорту убирайся!

ЯВЛЕНІЕ III.

ДУРЫЛОМЪ. *(Одинъ.)*

Возможно ли снести такого мнѣ туза?
Столь дерзко обругать придти меня въ глаза!
Онъ счастливъ только тѣмъ, и отъ того я плачу,
Что въ клобѣ ничего уже совсѣмъ не значу.
Но кто жъ таковъ Диксманъ? — Въ толпѣ простолюдинъ,
А я родился, былъ у буду дворянинъ;
Задонскіе края, гдѣ все мое имѣнье,
Присягой подтвердятъ мое происхожденье:
Лишь только покажусь — во славѣ буду я!
Здѣсь кинули — а тамъ всѣ выберутъ меня.
Одно ли только здѣсь Дворянское Собранье?
Нѣтъ, нѣтъ, Диксманъ, твое отмстится поруганье!
Хоть въ городѣ я съ годъ шатаюся какъ стень,
Но скоро, можетъ быть, придетъ твой черный день.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПАВЛИНА, СУСАННА и ДУРЫЛОМЪ.

ПАВЛИНА.

Bon jour papa.

ДУРЫЛОМЪ.

Я къ вамъ ужъ заходилъ; вы спали.

СУСАННА.

Проснувшися, сейчасъ сюда мы побѣжали.

ДУРЫЛОМЪ.

Поздненько! — У прыгушь зачѣмъ перенимать
Ложиться по утру, а къ вечеру вставать?

СУСАННА (*Павлинѣ.*)

Поди, просись.

ПАВЛИНА (*Сусаннѣ.*)

Je crains, онъ встрѣтилъ не умильно.

СУСАННА.

Конечно, что-нибудь встревожило васъ сильно?

ДУРЫЛОМЪ.

Пустое, — ничего; мнѣ такъ не по себѣ.

ПАВЛИНА (*Сусаннѣ.*)

Mauvais moment, ma soeur.

СУСАННА (*Павлинѣ.*)

Пророчила тебѣ.

ПАВЛИНА.

Я слышала, въ редутъ курьеръ привезъ помаду;
Какъ ради мы съ сестрой!

ДУРЫЛОМЪ.

И мнѣ какъ быть не раду.
Диксманъ мнѣ сей же часъ такъ нагло нагрубилъ
Что я его съ двора по шеѣ проводилъ.

СУСАННА (*Павлинѣ*).

Прости твой балъ, ma soeur.

ПАВЛИНА (*Сусаннѣ*).

Какой guignon ужасный!

ДУРЫЛОМЪ.

Что скажете еще?

СУСАННА.

Сегодня день прекрасный!

ДУРЫЛОМЪ.

Да только не *для* васъ, — на балѣ не бывать.
За стыдъ сочту туда дѣтей своихъ пускать,
Гдѣ Диксманъ экономъ забавы учреждаетъ
И русское чрезъ то дворянство унижаетъ,
Тамъ дочери мои не будутъ никогда:
Честь — первый мой законъ, я вамъ твердилъ
всегда.

ПАВЛИНА.

Позволите ли намъ хоть съѣздить отобѣдать
Къ Сусекиной?

ДУРЫЛОМЪ.

Зачѣмъ?

ПАВЛИНА.

Чтобъ новости развѣдать.

ДУРЫЛОМЪ.

Некстати, — пустяки. Вдова сира, бѣдна,
Какой у ней прiемъ? — Всегда живетъ одна,

Шатается пѣшкомъ въ хорошую погоду,
Въ ненастье подъ окномъ поетъ свою свободу;
Того гляди, сама тотчасъ явится здѣсь.

ПАВЛИНА (*Сусаннѣ*).

Ma souer, oui c'en est foit, пропалъ проектъ
мой весь.

ДУРЫЛОМЪ.

Сусанна, что тебѣ Павлина тамъ бормочетъ?

СУСАННА.

Боится вамъ сказать, прогнѣвать васъ не хо-
четъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Да что жъ-таки, скажи?

СУСАННА.

Мы слышали, что сталъ
Проѣздомъ возлѣ насъ какой-то генералъ.

ПАВЛИНА.

И отъ Сусекиной къ нему въ окно все видно.
Онъ молодъ и хорошъ.

ДУРЫЛОМЪ.

А вамъ, я чай, завидно!
Павлинушка, мой другъ, куда какъ ты проста!
Въ окошкѣ вѣкъ торчать — что тутъ за красота?

ПАВЛИНА.

Быть можетъ, генералъ къ окошку стулъ по-
ставитъ
И на меня лорнетъ нечаянно направитъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Ребенокъ! — У тебя все бабочки въ умѣ.
Иной и генералъ, а чуть-чуть не въ сумѣ.

Я сколько вамъ твердилъ, но обѣ вы такъ вздорны, —
Въ мужчинахъ хороши достоинства отборны.
Не ленты, не чины, лядунка, патронташъ,
Все это мишура; а главный авантажъ
Имѣть всегда въ рукахъ, чтобъ прямо быть любезну,
Недвижимаго тму и движимаго бездну.

ПАВЛИНА.

Такихъ намъ жениховъ, рара, здѣсь не найтить.

ДУРЫЛОМЪ.

Такъ не за чѣмъ, друзья, къ Сусекиной ходить.
Пошлите-ка, добро, позвать ее къ обѣду;
Пускай поѣстъ у насъ: я радъ всегда сосѣду.

СЛУГА (*входитъ.*)

Печалкинъ у воротъ; прикажете ль принять?

ДУРЫЛОМЪ.

Проси. — Ахти, никакъ его скончалась мать!

СУСАННА.

Она ужъ такъ давно, сердечная, хворала!

ПАВЛИНА.

Сегодня умерла. — Ты развѣ не слыхала?

ДУРЫЛОМЪ.

Откуда, кто и какъ, я не пойму, ей, ей,
Со всѣхъ базаровъ къ вамъ снесетъ такихъ вѣстей?
Воспитываю васъ, всѣ знаютъ, превосходно,
Учу и поступать и мыслить благородно;

А кончится всегда, какъ осмотрюсь, — увы!
Гдѣ сплетня? — У меня. — Кто въ сплетнѣ? —
Я, да вы.

СУСАННА.

Мы слышимъ только то, что дѣвки намъ болтаютъ,
Когда онѣ меня съ сестрами одѣваютъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Какого жъ перенять съ холопами добра?
Подите; — мнѣ принять Печалкина пора.

ЯВЛЕНІЕ V.

ДУРЫЛОМЪ и ПЕЧАЛКИНЪ.

ДУРЫЛОМЪ.

А! здравствуйте. — Что вы?

ПЕЧАЛКИНЪ.

Я матушки лишился
Сегодня поутру, — и зная васъ, рѣшился
Пріѣхать попросить, чтобъ въ горести такой
На счетъ обрядовъ намъ совѣтъ вы дали свой.
И смѣю ль все сказать, коль будетъ вамъ возможно,
Взять милостивый трудъ устроить все какъ должно?

ДУРЫЛОМЪ.

Всѣмъ сердцемъ жаль мнѣ васъ. — Съ покойной я знакомъ

Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, и очень вхожъ былъ
въ домъ.

ПЕЧАЛКИНЪ.

Такъ, слышалъ я, сударь, отъ всѣхъ моихъ
домашнихъ,
Что были вы одни въ числѣ друзей всегдашнихъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Не думайте, чтобъ я похвастаться хотѣлъ;
Но нынѣ у меня своихъ такъ много дѣлъ,
Что, право, ни одной минуты нѣтъ свободной.
Вы знаете, что я, по склонности природной,
Не только что друзьямъ, чужимъ готовъ служить:
Мнѣ все равно, крестить, вѣнчать, иль хоронить,
Лишь только бы я могъ на что-нибудь быть го-
денъ.

ПЕЧАЛКИНЪ.

Кто думаетъ какъ вы, тотъ прямо благоро-
денъ; —
Мнѣ совѣстно въ глаза вамъ это говорить,
(*Въ сторону*)
Но вы у насъ фениксъ.... пришлось болвану
льстить.

ДУРЫЛОМЪ.

(*Въ сторону*) (*Вслухъ*)
Прекрасный молодецъ! — Чѣмъ матушка скон-
чалась?
Позвольте мнѣ спросить; не такъ стара казалась.

ПЕЧАЛКИНЪ.

Три доктора ее лечили цѣлый годъ:
Одинъ предполагалъ въ груди скопленье водъ,

Другой въ ней утверждалъ чахотку несомнѣнно,
А третій параличъ, и всѣ попеременно
Прописывая ей рецепты безъ конца,
Отправили въ чертогъ Небеснаго Отца.

ДУРЫЛОМЪ.

Злодѣи! — Да чему быть доброму, скажите?
Взгляните вы на все; — редутъ лишь покажите,
То видно...

ПЕЧАЛКИНЪ.

Точно такъ; но слышенъ общій гласъ,
Что будете вы вновь директоромъ у насъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Я, право, не ищу.

ПЕЧАЛКИНЪ.

Позвольте же мнѣ снова
Напомнить о себѣ.

ДУРЫЛОМЪ.

Не смѣю дать вамъ слова;
Пороюсь, посмотрю. Есть книга у меня,
Въ которой дачи всѣ записывалъ самъ я;
Изволите ли знать, я очень занимался,
И въ церемоніяхъ весь вѣкъ свой обращался.
Вѣдь можно иногда бездѣлкою, ничѣмъ,
Пустить такую пыль и диво сдѣлать всѣмъ,
Что всякой скажетъ: — Ахъ!

ПЕЧАЛКИНЪ.

Кто такъ, какъ вы, имѣетъ
Способность скрасить все.....

ДУРЫЛОМЪ.

И всякій разумѣетъ,
Что надо мертвеца скорѣе схоронить;
Да сила-то не въ томъ, а надо смастерить,
Чтобъ это было все великолѣпно, славно,
Все къ мѣсту, все на стать, и пышно и исправно.
Я многихъ уже здѣсь, признаться, старожилъ
Отъ скуки лишь одной въ кладбище проводилъ.
Повѣрите ль! при мнѣ не плачутъ и не рвутся;
Лишь только покажусь—всѣ въ запуски смѣются.

ПЕЧАЛКИНЪ.

Вотъ въ томъ-то и секретъ. — Итакъ въ последній разъ
Позвольте убѣдить...

ДУРЫЛОМЪ.

Все сдѣлаю для васъ;
Сынъ друга моего на то имѣетъ право.
Полезнымъ въ свѣтѣ быть мой долгъ, и честь, и слава!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДУРЫЛОМЪ (*Одинъ.*)

Кто что ни говори, а правда въ свѣтѣ есть:
Безчестному—все стыдъ, а честному—все честь.
Какъ въ городѣ меня ни жмутъ и ни поносятъ,
А чуть гдѣ нуженъ блескъ — меня туда и просятъ.

(*Здѣсь входитъ Лестинюкъ.*)

Я здѣсь одинъ, — могу похвастать самъ себѣ,
Что многіе моей завидуютъ судьбѣ.
Богатъ, смышленъ, досужъ, гораздъ на всѣ затѣи,
И буду гдѣ-нибудь, проклятые злодѣи!
Въ редутѣ старшиной, — вотъ буду, буду!...

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДУРЫЛОМЪ и ЛЕСТИГОНЪ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Вздоръ!
Ужъ цѣлый годъ у насъ идетъ объ этомъ споръ.

ДУРЫЛОМЪ.

Ба! это Лестигонъ! — Откуда ни возьмется!
Остеръ какъ лезвее, какъ шмель вездѣ ворвется.
Откуда, не слыхать?

ЛЕСТИГОНЪ.

Пѣшкомъ шелъ изъ суда,
Да водки захотѣлъ и завернулъ сюда.
Я думалъ, что тебя съ закускою застану;
Но ты въ такихъ сердцахъ... Добро — молчать
все стану.

ДУРЫЛОМЪ.

Нѣтъ ... такъ ... сегодня я все утро хлопоталъ.
Не знаешь ли, скажи, какой здѣсь генералъ
Проѣздомъ возлѣ насъ вотъ тутъ остановился?

ЛЕСТИГОНЪ.

Почемъ мнѣ это знать? — Вѣдь я не подрядился,
Какъ ты же, по дворамъ всѣ вѣсти развозить.

ДУРЫЛОМЪ.

Да что тутъ за бѣда? — Нельзя ужъ и спросить!
Ворчанье не отвѣтъ. — Я знаю, что ты скрытенъ;
Мой грѣхъ не потаю: я очень любопытенъ.
Въ редутѣ нынѣ пиръ и выборъ старшинамъ,
Заказный маскерадъ, — ужъ ли же ты не тамъ?

ЛЕСТИГОНЪ.

Ты судишь по себѣ, что будто всѣмъ охота
Толпиться цѣлый день до кроваваго пота;
Взгляни-ка на себя! — Вѣдь ты ужъ посѣдѣлъ
Отъ множества твоихъ непостижимыхъ дѣлъ.
Ты суетенъ какъ червь, и что тебѣ за радость
Всѣ сплетни собирать, подслушать всяку гадость?
И въ будкахъ ужъ кричатъ: рехнулся Дурыломъ!
Взойдешь къ тебѣ всегда какъ-будто въ желтый домъ;
Всѣхъ свелъ вокругъ себя съ ума своимъ редутомъ,
И сталъ ты наконецъ у насъ нарядныиъ шутомъ.
Какъ скоро до тебя коснется рѣчь въ пирахъ,
То клобъ на языкѣ, улыбка на устахъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Ой мнѣ твоя мораль! — Тебѣ я цѣну знаю;
Но въ обществѣ какъ жить ни въ чемъ не уступаю.
Гордиться не горжусь, не нижу и тебя.
Послушай, Лестигонъ! знай всякой самъ себя.
Не хуже я кого другого былъ воспитанъ,

Французскихъ, русскихъ книгъ съ ребячества начитанъ;
За вѣжливость одну покойный мой отецъ,
Желая, чтобы я во всемъ былъ молодецъ,
Пять тысячъ въ годъ платилъ Французу Monsieur Пенги.
Танцмейстеръ удалой...

ЛЕСТИГОНЪ (*хохочетъ.*)

Ну, плакали, братъ, деньги.
По крайней мѣрѣ всѣмъ ты этого не ври.

ДУРЫЛОМЪ.

Еще тебя прошу, учтивѣй говори,
А то...

ЛЕСТИГОНЪ.

Не горячись... меня унять не трудно;
Тѣмъ менше ль поступать ты будешь безразсудно,
Когда я замолчу? — И если бъ не любилъ,
Столь черствыхъ истинъ я тебѣ не говорилъ.
По совѣсти скажи: въ чемъ жизнь препровождаешь?
Дрожишь надъ сундукомъ и деньги въ немъ считаешь;
Въ гостяхъ ты трусъ, — но здѣсь самодержавна власть.
Разумный разговоръ ты сносишь какъ напасть;
А самъ заговоришь — такъ всѣхъ пройметъ зѣвота.
Приспѣшная твоя любимая забота:
Наѣшься, ляжешь спать; проснешся съизнова,
Душа всегда въ потмахъ, — въ угарѣ голова,

А сердце для одной проформы только бьется,
И то какъ параксизмъ редутный навернется.

ДУРЫЛОМЪ.

Не знаю, кто изъ насъ теперь изъ двухъ умнѣй;
По крайней мѣрѣ я стократъ тебя скромнѣй.
Не такъ ли и въ судахъ у васъ дѣла рѣшатся:
Кто шипче всѣхъ кричитъ — тому вольно по-
драться.

ЛЕСТИГОНЪ.

До драки далеко; но, право, мочи нѣтъ
Мнѣ слышать, что вездѣ ты пасквиля предметъ.
Сочти-ка, сколь давно спознались мы съ тобою,
Бранилъ ли я тебя, когда ты жилъ съ женою?
Хотя она ума не рѣдкаго была,
Однако жъ на ногѣ пристойной домъ вела.

ДУРЫЛОМЪ.

Да, каюсь и теперь, что поступалъ не строго;
За то и прожилъ я чрезвычайно много.

ЛЕСТИГОНЪ.

А съ той поры, какъ ты, несчастный, овдовѣлъ,
Въ тебя вселилась блажь — ты будто одурѣлъ:
Внутри семейства шумъ, нелѣпица, раздоры,
А въ городѣ вездѣ почти со всѣми ссоры.

ДУРЫЛОМЪ.

Я такъ хочу. — Уймись, — тебѣ ль меня учить?
Годъ цѣлый все мораль изволишь мнѣ точить.
Но знай, что ни кому собой не дамъ я править;
Итакъ, нельзя ли насъ въ покоѣ всѣхъ оставить?

ЛЕСТИГОНЪ.

Нельзя. — Я не могу дѣтей забыть твоихъ,
И мнѣ ли запретишь участіе брать въ нихъ.
Ты помнишь, какъ твоя супруга умирала,
Подъ клятвою мнѣ ихъ судьбу препоручала;
То вѣдая, что ты, оставшися вдовцомъ,
Поплачешь день, другой, и полно, — а потомъ,
Когда плёрезамъ срокъ ужъ будетъ на отходѣ,
Ты пустишься опять дурачиться въ свободѣ.
Покойница тебя проникла.

ДУРЫЛОМЪ.

Знаю, братъ,
Къ чему ты клонишь рѣчь; да только не впо-
падъ.
Я вѣдаю давно, что сватать вы стакались
За Радина мою Сусанну.

ЛЕСТИГОНЪ.

Догадались;
Худого тутъ и нѣтъ. — Сусанна въ тѣхъ лѣтахъ,
Что можетъ безъ грѣха смышлять о женихахъ.
Вѣдь принца вамъ на ней жениться не заставить;
Кому же, какъ не ей сей выборъ предоставить?
А Радинъ хоть куда. — Дѣтина молодой,
Природный дворянинъ, пригоженькой собой,
Чинъ есть, достатокъ то жъ, — его Сусанна лю-
битъ...

ДУРЫЛОМЪ.

Коль выйдетъ за него, она себя погубитъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Не вижу вовсе какъ; одинъ капризъ напалъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Ни слова мнѣ о томъ.

СЛУГА (*входитъ*).

Пріѣзжій генералъ
Спросить у васъ велѣлъ, когда съѣзжаться кушать
Назначенъ часъ въ редутъ?

ДУРЫЛОМЪ.

Меня?

ЛЕСТИГОНЪ.

Прошу прислушать.

ДУРЫЛОМЪ.

Да что я за швейцаръ? — Вотъ нынче какъ живутъ!
Невѣжливый вопросъ учтивостью зовутъ;
Да что и говорить . . . — Поди, скажи холопу,
Что я не подряженъ часы свѣрять для клобу.

ЛЕСТИГОНЪ.

Вотъ какъ благодари ты самъ себя за то,
Ославился вездѣ, и на-смѣхъ всякой, кто
Сквозь городъ пролётя здѣсь тройку перемѣнитъ,
Узнаетъ про тебя, и чѣмъ-нибудь задѣнитъ.
Прощай!

ДУРЫЛОМЪ.

Провалъ возьми тебя и весь редутъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Съ привѣтствіемъ такимъ меня давно тамъ ждутъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДУРЫЛОМЪ (*одинъ.*)

Лукавый человѣкъ! другъ міра, двуязычный!
Злословить спросту всѣхъ твой промыселъ обычный!
Поди и веселись, — тамъ пиръ готовъ чужой;
Здѣсь каши лишь горшокъ — но мой, и я большой!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Большая гостиная въ убранствѣ.

СУСЕКИНА, СУСАННА, ПАВЛИНА.

СУСЕКИНА (*при входѣ въ двери.*)

Не правда, милый другъ, тебя я увѣряю;
Сегодня балу нѣтъ, я это точно знаю,
А только лишь обѣдъ и выборъ старшинамъ.

ПАВЛИНА.

Не будетъ ли рара?

СУСАННА.

Какая жъ прибыль намъ?

ПАВЛИНА.

A ma ma soeur что мы хоть разъ въ недѣлю будемъ
Людей видать! Ей-ей мы скоро позабудемъ,
Что есть забавы, шумъ, bon ton, отборный свѣтъ;
Такъ жить, какъ мы живемъ, — вѣдь ссылка въ двадцать лѣтъ.
Кто съ нами поутру? — Лишь мамушки, да няни;
Отъ нихъ мы ничего не слышимъ кромѣ дряни.

Придемъ сюда торчать, — здѣсь молвить слово
съ кѣмъ?
И вся день за день жизнь вершится наша тѣмъ,
Что дѣвки насъ къ полднямъ какъ куколокъ одѣ-
нутъ,
И, спать ложась опять, тѣ жъ дѣвки насъ раздѣ-
нутъ.
Сусекина! скажи, не правду ль говорю?

СУСЕКИНА.

Согласна, точно такъ и я на все смотрю.
И ссорюсь и мирюсь, а пользы нѣтъ на грошъ.
Что жъ дѣлать? — Вашъ отецъ упрямъ и свое-
воленъ;
Всѣ люди не по немъ, всѣмъ въ свѣтѣ недово-
ленъ.
Ужъ я ли не ищу, чтобъ былъ со мной хорошъ.
Мнѣ кажется, что онъ, будь сказано межъ нами,
Такъ худо поступать примѣтно началъ съ вами
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ редутъ не выбранъ
старшиной.

СУСАННА.

Ты права! — Ахъ! какъ жаль, что можетъ онъ
мечтой
Столь низкой для него всечасно заниматься
И всячески попасть въ директоры стараться! —
О слабости такой намъ можно сожалѣть;
Но онъ все нашъ отецъ — нашъ долгъ, ma soeur,
терпѣть.

СУСЕКИНА.

Преблагородная, достойная дѣвица!

ПАВЛИНА.

Я знаю, отчего, любезная сестрица,
Ты разсуждаешь такъ красиво и умно.

СУСАННА.

Нѣтъ! съ правиломъ такимъ знакома я давно.
Не будучи, мой другъ, изнѣженнаго нрава,
Помѣнее тебя пригожа и вертлява;
Съ тѣхъ поръ, какъ начала при матушкѣ расти,
Училась у нея я многое снести.

СУСЕКИНА.

Да, подлинно сказать не согрѣшивши можно:
Покойница вела себя преосторожно;
За то у васъ былъ домъ совсѣмъ тогда иной,—
Живали вы съ людьми, пріѣздъ къ вамъ былъ большой;
А нынѣ старики лишь только, да старухи
Изъ денегъ вкругъ отца жужжатъ какъ лѣтомъ мухи;
А батюшка рубля безъ выгоды не дастъ:
Все купитъ ни за что, и дорого продастъ

СУСАННА.

Я, право, не пойму, что пользы суетиться,
И въ кучѣ праздныхъ лицъ всю жизнь свою кружиться?

СУСЕКИНА.

Нѣтъ, мать моя, со мной ты милость сотвори!
Конечно, ты умна, но дѣло говори.
Съ Павлиной въ этомъ я отмѣнно какъ похожа:
Ей публика мила, и мнѣ до смерти то же.

Что̀ радости сидѣть въ углу своемъ одной,
Или читать романъ, иль слѣпнуть за канвой?
Я знаю, что меня записываютъ въ дуры
Изъ зависти, что мнѣ мужчины строятъ куры;
Но, право, клеветы столь низкой не боюсь:
Хоть дура — да мила, дурна — да веселюсь!
И нечего при васъ грѣха таить, — покаюсь:
Когда на званный балъ я выѣхать сбираюсь,
Весь день тотъ занята уборкою своей;
Всѣхъ дѣвокъ прибраню, всѣхъ съ ногъ собью людей;
Кто бѣгаетъ искать помады мнѣ душистой,
Кто розановъ нарветъ, кто шлетъ левкой пушистой.
Пускай кричатъ, что я стара, — но ввечеру,
Со всѣхъ, кто знаетъ вкусъ, я дань любви беру.

СУСАННА.

Да кто же изъ людей порядочныхъ на свѣтѣ
Старухой васъ зоветъ?

СУСЕКИНА.

Есть люди на примѣтѣ,
Которые, меня желая уронить,
Изволятъ язычки на мой сюжетъ острить.

ПАВЛИНА.

А сколько же вамъ лѣтъ?

СУСЕКИНА (*въ сторону*.)

(*Вслухъ*.) Ахъ! какъ бы не проврататься!
Объ этомъ намъ къ чему теперь распространяться?

ПАВЛИНА.

Однако жъ. . . —

СУСАННА.

Taisez-vous пожалуйста, ma soeur.

СУСЕКИНА.

Некстати ты востра, Павлинушка, mon coeur.

СУСАННА.

Что нужды намъ до лѣтъ; — въ годахъ ли наше
счастье?
Частехонько дитя ужъ чувствуетъ ненастье,
Тогда какъ и старикъ съ бѣдою незнакомъ!

СУСЕКИНА.

Таковъ-то вашъ отецъ, надменный Дурыломъ.

СУСАННА.

Блаженство всякъ изъ насъ на свой аршинъ
здѣсь мѣритъ:
Иной, въ толпѣ людей за нимъ гоняясь, вѣритъ
Что дать его одна лишь можетъ суета,
Иль временная честь, богатство, красота; —
Какъ мало, признаюсь, такое обольщенье
Способно волновать мое воображенье!
Видала я не разъ, коль опыты не лгутъ,
Сквозь золото какъ слезъ источники текутъ!
И чуть не отъ того ль весь міръ нерѣдко сто-
нетъ,
Что бабочки никто любимой не догонетъ.

ПАВЛИНА.

Насилу мы дошли до бабочки. — А! а!
Я тутъ тебя, ma soeur, давно жду.

СУСЕКИНА.

Какова? —
Секретецъ, видно, есть, любезная Сусанна?
А мнѣ и не въ-догадъ; — живу я окаянна
Полвѣка...

ПАВЛИНА.

Такъ ужъ вамъ пошло за пятьдесятъ?

СУСЕКИНА (*въ сторону.*)

Ахти, какъ я глупа!

ПАВЛИНА (*Сусаннѣ*).

Ура! — Вамъ шахъ! — (*Сусекиной*) вамъ матъ!
Прекрасно я васъ вдругъ обѣихъ подловила:
Тутъ бабочку поймавъ, — здѣсь крысу подцѣпила.

СУСЕКИНА.

Некстати ты, мой другъ, оскалила зубки;
Не стоишь моего мизинца у руки,
Повѣрь мнѣ — еслибъ я унизиться хотѣла,
Насмѣшку возвратить съ процентами бъ умѣла;
Но дѣвку-сироту безчестно обижать!
А то бы я вездѣ готова разсказать,
Что ты на всѣхъ мужчинъ глаза въ окошки пялишь,
Не смыслишь ничего, — лишь только тѣло рядишь;
Что ты проста, дерзка, нагла...

ПАВЛИНА (*смѣючись*).

Да не стара.

СУСАННА.

Павлина, перестань! Куда какъ ты скора!
(*Сусекиной*) Ужъ ли ты на дитя и вправду раз-
сердилась?

СУСЕКИНА.

Хорошее дитя! — Нѣтъ, матка — оперилась.
Живите, коль умны, какъ знаете, одни:
Пришлете и за мной — придутъ и черны дни.
Я пропасть насказать вамъ новостей хотѣла,
Затѣмъ звала къ себѣ, сама къ вамъ прилетѣла:
Но съ нею, вижу я, и во вѣки вѣковъ
Не́ сладитъ ни отецъ, — ни ты, — ни философъ!
Съ обычаемъ твоимъ никто не уживется,
И всякій мужъ тотчасъ какъ пить дастъ разве-
дется.
Прощайте: — Ничего вамъ больше не скажу;
А что не крыса я, то ясно докажу.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

СУСАННА и ПАВЛИНА.

СУСАННА.

Довольна ли, ma soeur? — Надѣлала ты дѣла.

ПАВЛИНА.

Да, я радёхонька; — она мнѣ надоѣла.

СУСАННА.

Вѣдь это не резонъ! — Твердишь ты все про
свѣтъ,
А жить въ немъ у тебя умѣнья вовсе нѣтъ.
Отборный свѣтъ того невѣжей почитаетъ,
Кто всякому, какъ ты, всю правду отпускаетъ.

ПАВЛИНА.

Напротивъ, никогда не должно лгать; — кто
лжетъ,
Въ отборномъ свѣтѣ тотъ обманщикомъ слыветъ.

СУСАННА.

Изъ крайности зачѣмъ въ другую намъ ки-
даться;
Тебя не учатъ лгать, — велятъ остерегаться,
И людямъ пожилымъ съ почтеньемъ уступить.

ПАВЛИНА.

Да что жъ тутъ за бѣда, прошу мнѣ изъяснить,
Что я сказала ей.....

СУСАННА.

Чего совсѣмъ не должно;
Годами уличать старухъ неосторожно:
Ты новаго лишь тѣмъ накликала врага,
Богъ знаетъ изъ чего! — Молва всегда строга. —
Сусекина тебя начнетъ вездѣ злословить.

ПАВЛИНА.

Тѣмъ хуже для нее.

СУСАННА.

Какъ любишь прекословить!

Ужъ ли тебя и такъ не проняла тоска
Предметомъ сплетенъ быть?

ПАВЛИНА.

Отъ нихъ я далека;
Что хочешь говори. — Нельзя же согласиться,
Что ей пятнадцать лѣтъ.

СУСАННА.

Хоть пять. — За что сердиться?

ПАВЛИНА.

Безъ смѣха не могу я вспомнить и теперь,
Какъ хвастала она.

СУСАННА.

Попробуй же, увѣрь,
Что хуже всѣхъ она одѣта въ клобной залѣ.

ПАВЛИНА.

А! — помнишь, какъ зимой прошедшею на балѣ
Явилась она вдругъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ.
Подъ желтымъ парячкомъ сверхъ бѣлыхъ волосовъ
Чего не прибрала! — Стекло, томпакъ, шумиха,
И съ ногъ до головы нарядная шутиха;
На личикѣ, чтобъ скрыть обиду многихъ лѣтъ,
Квасцы ей дали лоскъ, кирпичекъ — яркій цвѣтъ.
Сквозь всѣ ряды мужчинъ какъ пава выступала,
Головкою трясла и вѣеромъ махала;
Пострѣлъ ее взманилъ какой-то танцовать,
И польской впереди изволила начать. —
Тамъ всѣ ее на смѣхъ мужчины подымали,
До обморока стѣнь несчастную таскали; —

Задохлась наконецъ, — и сынъ ея большой
Насилу отпоилъ униарскою водой.

СУСАННА.

Кто споритъ, — это все и жалко и забавно;
Но ей сказать въ глаза ни чуть не благонравно.
Коль требуемъ къ себѣ почтенья отъ людей,
Должны въ замѣнъ платить учтивостью своей.—
Повѣса!

ПАВЛИНА.

Ну pardon ma soeur, впередъ не буду.

СУСАННА.

А завтра то жъ опять.

ПАВЛИНА.

Нѣтъ, право, не забуду.

СУСАННА.

Повѣрь, Павлина, мнѣ: съ пріятствомъ красоты
Насмѣшкой никогда милѣй не будешь ты.

ПАВЛИНА.

Чу! кто-то къ намъ идетъ; — не батюшка ль проснулся?

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и ДУРЫЛОМЪ *(протираетъ глаза со сна).*

ДУРЫЛОМЪ.

Какъ сладко я поѣлъ; за то едва очнулся.

СУСАННА.

Столъ жиренъ очень былъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Онъ тѣмъ-то и здоровъ;
Такихъ, какъ у меня, не сыщешь поваровъ.
Грѣхъ будетъ, дѣти, вамъ сказать, гдѣ бъ вы ни были,
Что худо въ домѣ васъ родительскомъ кормили.
Да не былъ ли кто здѣсь, покамѣстъ я уснулъ?

СУСАННА.

Никто не пріѣзжалъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Я часъ, другой схрапнулъ.

ПАВЛИНА.

Сусекина одна...

ДУРЫЛОМЪ.

Куда жъ она урыла?
Ахъ! да бишь, позабылъ, — я чаю, покатила
Для балу ввечеру лице подготовлять.

ПАВЛИНА.

Сегодня балу нѣтъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Тебѣ какъ это знать?

СУСАННА.

Сусекина вездѣ объ этомъ разглашаетъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Такъ, видно, Диксманъ плутъ одинъ лишь вздоръ болтаетъ.
Я той же вѣры самъ. — Какъ можетъ онъ, нахалъ,
Нарушить тотъ уставъ, который подписалъ
Со всѣмъ редутомъ я! — Нѣтъ, это быть не можетъ;
Гдѣ денегъ ему взять и кто ему поможетъ.
Не сказывала ль вамъ Сусекина чего
О выборѣ старшинъ? — Какъ мѣтятъ, на кого?

СУСАННА.

Объ этомъ намъ она ни слова не сказала.

ДУРЫЛОМЪ.

Диковинка! я чай вездѣ перебывала.
Чудесная мадамъ! — Едва ль ея доходъ
Исправить можетъ весь домашній обиходъ,
Но всякій день на ней тюрбаны, да капоты,
На всѣхъ пирахъ корпитъ, всѣ знаетъ анекдоты;
А модой до того она заражена,
Что даже собственны французитъ имена,
И съ дѣтками когда въ собранье выѣзжаетъ,
Мирошу то и знай Мондоромъ называетъ.

ПАВЛИНА.

Миронъ! — Ah! quelle horreur! — Какъ дамѣ du bon ton
Такъ подло называть un fils joli garçon.

ДУРЫЛОМЪ.

Того гляди, ей-ей, сударки наши русски
Во вкусъ введутъ давать молитву по-французски.
Пора и мнѣ съ двора; такая тма заботъ,
На цѣлый день суетъ сегодня полонъ ротъ.
Да врядъ еще ли я во всѣ мѣста успѣю:
Къ кандитеру,—въ ряды,—а тамъ къ архіерею!

СУСАННА.

Конечно, онъ васъ звалъ?

ПАВЛИНА.

Не умеръ ли кто?

ДУРЫЛОМЪ.

Да!
Вы знаете, что я готовъ помочь всегда,
И въ радостяхъ беру и въ горестяхъ участье.
Сегодня пріѣзжалъ сказать свое несчастье
Печалкинъ: у него вчера скончалась мать.

СУСАННА.

Ахъ, бѣдная! какъ жаль! — Сиротъ, я чаю, пять?

ДУРЫЛОМЪ.

Все правда; какъ же быть. Сиротъ самъ Богъ устроитъ;

Живымъ пошлетъ Онъ хлѣбъ, а мертвыхъ упокоитъ.
Но мнѣ не до того; онъ проситъ схоронить.
И такъ, чтобъ весь обрядъ получше сохранить,
Достаточекъ-то малъ, а взяться не умѣетъ;
Увидя, что меня просить о томъ не смѣетъ,
Самъ вызвался, сказалъ: «Изволь, любезный другъ,
Ты деньги приготовь, и жди моихъ услугъ.»

ПАВЛИНА.

На что же вамъ, papa, кандитерскія лавки?

ДУРЫЛОМЪ.

Ты слушай, да молчи, — твоей не просятъ справки;
Я знаю самъ, дружокъ, что гдѣ чему на стать:
Чего другого нѣтъ, — ума-то не занять.
Не все могилы рыть, захочешь посмѣяться.
Знакомый вздумалъ мой подъячій обвѣнчаться;
Богатъ онъ не богатъ, но входитъ съ кѣмъ-то въ связь,
Не хочется *себя* лицомъ ударить въ грязь,
А свадьбу онъ сыграть намѣренъ попышнѣе,
И сунулся ко мнѣ, затѣмъ, что смышленѣе
На этаки дѣла не сыщется никто.
Реестръ всему готовъ. — Да не забылъ ли что?
Дай разъ еще взгляну. (*Читаетъ бумагу въ листъ.*)

СУСАННА.

Ахъ! батюшка, скажите,
Зачѣмъ вы такъ себя напрасно тяготите?

ДУРЫЛОМЪ (*Сусаннѣ.*)

Вотъ выскочила вдругъ toujours твердить, du
вздоръ!
Выкалывать поди на пяльцахъ свой узоръ,
А мнѣ не смѣй отнюдь указывать, Сусанна;
Я знаю самъ мораль. — Некстати ты жеманна.
Долгъ всякаго изъ насъ, чѣмъ смыслитъ, услу-
жить;
Не всѣмъ дано судьбой сорокоумнымъ быть.

ПАВЛИНА.

Изъ крайности зачѣмъ въ другую намъ кидаться;
Не лгать вѣдь намъ велятъ, — велятъ остере-
гаться.

ДУРЫЛОМЪ.

Я ѣду. — Если кто пожалуетъ сюда,
Сусанна, ты прими; — гостямъ я радъ всегда.
Павлина! ты со мной. — Заѣдемъ мы къ Никашки;
Я слышалъ, получилъ онъ свѣжія фисташки;
Накупимъ, и велимъ изъ нихъ намъ сдѣлать кремъ;
Признаться, день не въ день, коль сладко не поѣмъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СУСАННА (*одна.*)

Ушли; — дадимъ просторъ душѣ и размышленью.
Что пользы принести все въ жертву просвѣщенью,
Безъ помощи чужой образовать себя,
Жить въ мірѣ, ничего мірского не любя,

Коль надобно еще за крестъ такой въ награду
И дома злыхъ скорбей всегда бояться яду?—
На что намъ Небеса таланты раздаютъ,
Природа съ Божествомъ на насъ щедроты льютъ,
Коль въ самой тишинѣ, рокъ злой готовя муку,
Отъ насъ другимъ и намъ отъ всѣхъ наноситъ скуку?
Разнообразны такъ всѣ нравы у людей,
Что въ точности съ другимъ не сходствуетъ ни чей;
И съ юности терпѣть дни горестнаго вѣка
Есть подвигъ выше силъ простого человѣка!
О, Радинъ! еслибъ ты души моей не зналъ,
Когда бы для меня въ себѣ ты не вмѣщалъ
Всего, что можетъ быть любезно во вселенной,
Минуты бъ не снесла судьбы своей стѣсненной!
Коль некому любви любовью заплатить,
То жизнь не такъ сладка, чтобъ ею дорожить.

(*Слуга входитъ.*)

Зачѣмъ?

СЛУГА.

Пріѣхалъ гость.

СУСАННА.

Кто?

СЛУГА.

Радинъ.

СУСАННА.

Дома, дома.

СЛУГА (*въ сторону.*)

Воротится старикъ, — чтобъ не было содома.

СУСАННА.

Что жъ ты бормочешь тамъ;—ему тебя не ждать.
Поди, скажи, что я сюда велѣла звать.
Какъ случай иногда любви даетъ защиту!

ЯВЛЕНІЕ V.

СУСАННА и РАДИНЪ.

СУСАННА.

А, здраствуйте! — Чѣмъ я обязана визиту
Нечаянну совсѣмъ.

РАДИНЪ.

Хоть рѣдко въ этотъ часъ
Пріемъ бываетъ здѣсь, — но, ѣхавъ мимо васъ,
Не могъ я утерпѣть, чтобъ съ вами не видаться.
А батюшка вашъ гдѣ?

СУСАННА.

Поѣхалъ прогуляться,
Сестрица съ нимъ, и я ихъ скоро жду назадъ.

РАДИНЪ.

Какой счастливый мигъ! — Сусанна! какъ я радъ,
Что можно мнѣ его дѣлить съ тобой одною!
Встрѣчая весь вашъ домъ съ огромною толпою
На балахъ, гдѣ велитъ приличія законъ
Иль съ дамой стать въ кадриль, иль съ картой сѣсть въ бостонъ,
Я жизнь свою тогда лишь только ощущаю,
Когда хоть краткій мигъ съ тобою раздѣляю!

СУСАННА.

Я въ нѣжныхъ чувствахъ сихъ сама не уступлю;
Ты знаешь, какъ тебя я искренно люблю!
Ты знаешь, что одно къ родителю почтенье
До нынѣ длитъ съ тобой мое соединенье;
И вѣрь, что чѣмъ бы свѣтъ мнѣ пышный ни польстилъ,
Ты болѣе всего въ немъ будешь вѣчно милъ!

РАДИНЪ.

Жестокій твой отецъ всю мысль мою смущаетъ!
Хваля меня въ глаза, заочно презираетъ.
Сегодня былъ у васъ поутру Лестигонъ?

СУСАННА.

Не знаю, можетъ быть; старинный другъ намъ онъ.

РАДИНЪ.

Я слышалъ отъ него, что-будто въ разговорѣ
О клобѣ, старшинахъ и въ самомъ жаркомъ спорѣ
Коснулась какъ-то рѣчь до моего лица;
Хотѣлъ онъ твоего усовѣстить отца,
Но тотъ вдругъ зашумѣлъ, и такъ...

СУСАННА.

Обыкновенно;
Мы къ этому давно привыкли совершенно.

РАДИНЪ.

А между тѣмъ меня къ себѣ пускаетъ въ домъ;
Цѣлуетъ и бранитъ, все вмѣстѣ Дурыломъ:
Притворства разобрать не смыслю я такова.
Добро бы говорилъ о немъ я что худова,

Или бы иногда въ пріятельскомъ кругу
На счетъ его шутилъ — нѣтъ, истинно не лгу,
Что я, простя его со мной поступки странны,
Въ немъ вѣчно буду чтить родителя Сусанны.

СУСАННА.

Пріятенъ отзывъ мнѣ такой въ устахъ твоихъ;
Старайся быть учтивъ. — Что нужды до другихъ. —
Повѣрь, что для души чувствительной и нѣжной
Спокойства тишины одинъ залогъ надежной
Есть собственное въ насъ признаніе свое,
Что милое для глазъ — достойно для нее.

РАДИНЪ.

О, вѣрный другъ! будь мой всегда путеводитель!
Ты дней моихъ краса, ты геній мой хранитель!
Давно бывъ обрѣченъ къ несчастію судьбой,
Едва я сталъ дышать, уже былъ сиротой;
И юностью своей господствовать не зная,
Наглядкою одной жить въ свѣтѣ привыкая,
Тебѣ лишь одолженъ развитіемъ ума:
Богатство безъ него бѣднѣе, чѣмъ сума.
Бесѣдою твоей полезной и пріятной
Я такъ былъ увлеченъ, что кинулъ кругъ развратной,
Гдѣ юноша, ни чьихъ упрековъ не стыдясь,
Съ пороками крѣпитъ неразрушиму связь.
Отъ скользкихъ ты путей меня остерегала;
Жизнь дали Небеса, — ты сердце воспитала:
Оно принадлежитъ единственно тебѣ!
Владыкой ставъ его, будь богъ моей судьбѣ!

Свяжи ее съ своей узломъ любви сердечнымъ;
До гроба будетъ твердъ, за гробомъ будетъ вѣчнымъ!

СУСАННА.

Такъ, вѣчнымъ! — Я клянусь не быть женой ни чьей;
Иль жить и умереть супругою твоей!
Я слышу шумъ, — прости. — Любовь не преступленье;
Но въ чемъ у насъ вины не сыщетъ подозрѣнье?

РАДИНЪ.

Прости, сердечный другъ! (*Одинъ*) Чѣмъ намъ смягчить напасть,
Которою грозитъ родительская власть?
Есть способъ... но боюсь... удастся ли — не знаю.
Фортуна! помоги! — Авось! къ тебѣ взываю!

ЯВЛЕНІЕ VI.

РАДИНЪ и ЛЕСТИГОНЪ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Ба! Радинъ! — я тебя совсѣмъ не чаялъ здѣсь.
Что дѣлаешь ты тутъ, когда нашъ городъ весь
Со всѣхъ сторонъ теперь въ свое собранье скачетъ,
А бѣдный Дурыломъ съ печали чуть не плачетъ.

РАДИНЪ.

Вы видѣли его.

ЛЕСТИГОНЪ.

Сейчасъ меня завезъ
Съ Павлиною сюда; и вѣришь ли, безъ слезъ
Не могъ проѣхать клобъ. — Какая, право, жалость,
Что всякой день его крушитъ такая малость.

РАДИНЪ.

Я дорого бы далъ, чтобъ могъ ему помочь.

ЛЕСТИГОНЪ.

Послушай же меня! — Ты любишь его дочь?

РАДИНЪ.

Люблю ли? — Безъ ума!

ЛЕСТИГОНЪ.

Такъ сдѣлай славно дѣло.
Здѣсь должно поступать проворно, быстро, смѣло.

РАДИНЪ.

Совѣту вамъ нельзя безчестнаго подать:
Итакъ скажите, — все готовъ я предпринять.

ЛЕСТИГОНЪ.

Догадкою кривой ты совѣсти не мучай;
Безчестнаго здѣсь нѣтъ, — смѣшной, но вѣрный случай.
Ты знаешь ходъ страстей, тебѣ извѣстенъ свѣтъ;
Удачъ и неудачъ ищи ты въ нихъ секретъ.
Несчастный Дурыломъ на клобѣ повредился;
Сегодня годъ, какъ онъ директорства лишился,
И триста-шестьдесятъ пять разъ мнѣ толковалъ,
Какъ, этимъ оскорбленъ, всѣмъ уши набрюзжалъ;

Тамъ выборъ ввечеру. — Ты въ лучшіе въѣзжъ
домы,
Тебѣ всѣ удальцы редутные знакомы;
Кому перебивать, — барышъ, вѣдь, не великъ;
А въ выборахъ во всѣхъ даетъ побѣду крикъ:
Попробуй какъ-нибудь, нельзя ли ухитриться,
Чтобъ снова старшиной ему въ редутъ явиться.
Не ужъ-то старшина и впрямъ персидскій шахъ!
Пускай съ своей мечтою онъ будетъ въ дуракахъ;
А ежели ему всѣ кинутъ въ пользу балы,
То къ ужину сговоръ, — и полетятъ бокалы:
Увѣренъ въ этомъ такъ, какъ въ томъ, что здѣсь
стою,
И мысленно уже твое здоровье пью.

ГАДИНЪ.

Я самъ-было попалъ на эту мысль и прежде;
Но если обманусь въ толь сладостной надеждѣ,
Коль онъ худой успѣхъ въ вину мнѣ обратитъ,
То, можетъ быть, къ себѣ и ѣздить запретитъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Пустое, — ничего испортить тѣмъ не можешь,
Напрасно лишь себя сомнѣніемъ тревожишь;
Отважься и ступай, — на славу все пойдетъ.
Коль ѣхать, такъ пора, — чу! шесть часовъ ужъ
бьетъ.
Пусть выберутъ его, — ручаюсь совершенно,
Что будетъ за тобой Сусанна непремѣнно.

ГАДИНЪ.

Лечу, мой другъ, лечу свой жребій рисковать.

ЛЕСТИГОНЪ.

Нерѣдко въ жизни мы должны va tout играть.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛЕСТИГОНЪ *(одинъ.)*

Прекрасный молодецъ! — Хоть въ полѣ и не воинъ,
Невѣста жениха, женихъ ее достоинъ,
Но счастью, что ея душевныя красы
Не соблазняютъ здѣсь гусарскіе усы!
Но гдѣ же нашъ старикъ? — куда запропастился?
А, вотъ никакъ и самъ съ покупками явился.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СУСАННА, ПАВЛИНА, ДУРЫЛОМЪ и ЛЕСТИГОНЪ.

ДУРЫЛОМЪ.

Велите все прибрать, и бархатъ и парчи,
Конфекты снесть въ буфетъ, — попу отдать свѣчи;
Къ портнихѣ занеси тафту и нитки съ шелкомъ,
Да молвить не забудь въ поварнѣ нашей толкомъ,
Чтобъ завтра, слышишь ты? замѣть себѣ на лбу!
На свадьбу припасли миндальную трубу;
Для похоронъ кутью...

ЛЕСТИГОНЪ.

Какая смѣсь прекрасна!
Куда такой припасъ?

ДУРЫЛОМЪ.

Печалкина несчастна
Скончалась, и ее мы завтра отпоемъ.

Другой бы наплевалъ; — въ характерѣ моемъ,
Суровости такой Богъ не далъ отъ природы;
О ближнихъ не жалѣть способны лишь уроды.

ЛЕСТИГОНЪ.

Итакъ, чтобъ доказать намъ горести свои,
Для ближнихъ мы должны заказывать кутьи?

ДУРЫЛОМЪ.

Какъ хочешь разумѣй, а я какъ понимаю
Объ этомъ лучше васъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

О, Боже мой! — Я знаю,
Что въ васъ ошибокъ нѣтъ; напротивъ, каждый
[illegible] шагъ
Такъ вѣрно разочтенъ, что тотчасъ и въ оврагъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Сусанна, кто здѣсь былъ?

ЛЕСТИГОНЪ.

А свадьба чья такая,
Къ которой, слышалъ я, печется дорогая
Миндальная труба?

ДУРЫЛОМЪ.

Что слово, то вопросъ!
Не кажется ли вамъ, что пишете допросъ?
Сусанна, кто здѣсь былъ?

ПАВЛИНА.

Papa, вѣдь вы забыли
Для крему захватить двѣ палочки ванили.

ДУРЫЛОМЪ.

Да, въ самомъ дѣлѣ такъ; — но будетъ кремъ,
не босъ.
Ахъ! память у меня становится хоть брось.

ЛЕСТИГОНЪ.

Павлина! свадьба гдѣ?

ПАВЛИНА.

Не мудрые фасоны,
А папеньку съ утра въ отцы звалъ посажёны
Какой-то копіистъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Никакъ онъ вырылъ кладъ?

ДУРЫЛОМЪ.

Вѣдь деньги не твои. — Не бить ли ужъ въ на-
батъ?
Сусанна, кто здѣсь былъ? — Что жъ ты не от-
вѣчаешь?
По-русски говорю, — иль ты не понимаешь?

СУСАННА.

Готова я была вамъ, батюшка, сказать,
Что. . .

ПАВЛИНА.

Папенька, куда жъ прикажете дѣвать?

ДУРЫЛОМЪ.

Павлина, замолчи! — Вы всѣ никакъ рехнулись;
Дай ей договорить.

ЛЕСТИГОНЪ.

Хоть разъ бы улыбнулись;
Сердиться всякой часъ лишь только портитъ кровь
И гонитъ навсегда вонъ изъ дому любовь.

ДУРЫЛОМЪ.

До этого-то я весь вѣкъ свой добиваюсь;
Любовь есть сущій бредъ. Я часто даже каюсь,
Что поводъ дѣтямъ далъ о страсти разумѣть.
Романовъ накупилъ, — теперь куда ихъ дѣть?
Любовь чума въ семьѣ, въ которой дѣвокъ много!

ЛЕСТИГОНЪ.

Любви счастливый путь, и скатертью дорога!

ПАВЛИНА (*сестрѣ.*)

А намъ пришлось сказать: — аминь, и дѣлу край!

ДУРЫЛОМЪ.

Добьюсь ли, кто здѣсь былъ? — (*Павлинѣ*). Молчи
и не мѣшай.

СУСАННА.

Давно на языкѣ сказать вамъ безъ обмана,
Что Радинъ заѣзжалъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Къ чему некстати рано?
А! видно, между васъ давно соглашенось;
Однако жъ вамъ меня не провести, небось!
Тебѣ за нимъ не быть, — даю честное слово.

СУСАННА.

Несчастье для меня испытывать не ново;

Но ежели мнѣ быть за нимъ не суждено,
То въ бракъ вступить со мной всѣмъ будетъ
мудрено.

ДУРЫЛОМЪ.

Такой же далъ отвѣтъ, что вижу я, въ романѣ
Какой-нибудь Эгмондъ, какой-нибудь Марьянъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

И, вѣрно, тамъ же есть, что какъ отецъ ни лихъ,
А дочь была за тѣмъ, кто суженый женихъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Ты скоро дочерей со мной научишь драться,
Лѣтъ двадцать Лестигонъ какъ началъ съ нами
знаться,
И вѣчно не могу тебя я отучить,
Чтобъ за носъ ты меня не пробовалъ водить.

ЛЕСТИГОНЪ.

Дерзну ли я когда разсудкомъ вашимъ править,
И васъ въ числѣ людей обыкновенныхъ ставить?

ДУРЫЛОМЪ.

О, Небо! — Лестигонъ! — не дай всего сказать.

ЛЕСТИГОНЪ.

Трагедію, никакъ, вамъ хочется сыграть.
Исполнить я готовъ боярску вашу волю;
Костюмовъ только нѣтъ, а впрочемъ, знаю ролю.

СУСАННА.

Хоть для ради меня уймися, Лестигонъ,
Для Радина.

ДУРЫЛОМЪ.

Моей рукой погибнетъ онъ!

ЛЕСТИГОНЪ.

Піеса началась.

ПАВЛИНА (*отцу.*)

Увы, ma soeur зачахнетъ!

ЛЕСТИГОНЪ.

Пошире станьте всѣ, — здѣсь смертной казнью
пахнетъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Что слышать ты меня привелъ, ужасный рокъ!
Еще ли жребій мой не до-сыта жестокъ?
Подите обѣ прочь, отъ глазъ моихъ сокройтесь!
Коль стѣнъ не стыдно вамъ, такъ Неба вы по-
бойтесь!
На то ли васъ училъ и пѣть и танцовать,
И разнымъ языкамъ, чтобъ замужъ отдавать
За жителей земли совсѣмъ непросвѣщенной,
Гдѣ клобный позабытъ уставъ мой несравненной!
Самъ Радинъ что за тварь? Породы темный сынъ,
Асессоръ безъ заслугъ, безъ знати дворянинъ:
Задонскія мои всѣ волости что скажутъ,
Когда въ моихъ зятьяхъ имъ Радина покажутъ?
Нѣтъ, нѣтъ, зимой въ Москву, — тамъ графы и
князья.

ПАВЛИНА.

Графиней будешь ты... Принцессой буду я!

ЛЕСТИГОНЪ.

Теперь кинжалъ мнѣ въ бокъ за дерзкія измѣны,
И положенье лицъ прекрасное для сцены.

ДУРЫЛОМЪ.

Подите! — не могу я больше видѣть васъ.

(Онѣ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ДУРЫЛОМЪ и ЛЕСТИГОНЪ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Какъ свѣтъ стоитъ, такихъ не видывалъ проказъ.
Прекрасно съ дочерьми комедію играешь,
Морочишь ихъ съ лица, съизнанки самъ страдаешь,
И думаешь, тебя совсѣмъ здѣсь не поймутъ;
Меня не проведешь: въ умѣ твоемъ редутъ
Всѣ думы помутилъ. Вотъ, не было печали,
Какъ люди говорятъ, да черти накачали.
Спокойся; на ушко скажу пріятну вѣсть:
Сегодня старшины тебѣ воздастся честь.

ДУРЫЛОМЪ (*въ сторону.*)

Уже ли правда то? — О, радость! — восхищенье!
(*Вслухъ*) Пустая лишь молва, которой разглашеніе
Я ставлю ни во что. — Въ моихъ уже лѣтахъ
Спокойство находить не кстати въ суетахъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Напрасно для меня схватился ты за маску;
Довольно на лицѣ твоемъ замѣтить краску,
Чтобъ видѣть, что ты весь отъ радости не свой.
Повѣрься мнѣ, съ души притворство все долой.

ДУРЫЛОМЪ.

Такъ, вижу, что нельзя скрываться мнѣ съ тобою:
Ты вѣчно вынешь все, что спрячу за душою.
Но вѣренъ ли сей слухъ? — Какъ свѣдалъ? —
Отъ кого?

ЛЕСТИГОНЪ.

Пустого не скажу, ты знаешь, ничего.
Несется эта вѣсть съ обѣденнаго часа;
Она вѣрнѣй стократъ оракула *Халхаса*.

ДУРЫЛОМЪ.

Но кто такой *Халхасъ*? — Пожалуй безъ затѣй,
Оракулы всѣ прочь, скажи мнѣ поскорѣй,
Какіе вдругъ пути къ директорству открылись?
Враги мои со мной еще не примирились;
Ихъ партія сильна, — примѣръ ужь былъ та-
ковъ,
И въ ящикъ накладутъ мнѣ черныхъ тму ша-
ровъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Все слажено, — но ты не говори ни слова.
На выборъ взялся просить того, другого
И мнѣніе людей важнѣйшихъ согласитъ
На то, чтобъ старшиной тебѣ въ редутѣ быть,
И промаха не дастъ, — слуга твой безпримѣрный
Со всѣми въ клобѣ другъ, ходатай самый вѣрный.

ДУРЫЛОМЪ.

Ну, кто же?

ЛЕСТИГОНЪ.

Отгадай.

ДУРЫЛОМЪ.

Чай Радинъ?

ЛЕСТИГОНЪ.

Онъ и есть.

Каковъ же?

ДУРЫЛОМЪ.

Молодецъ! въ немъ видны разумъ, честь;
И истинно такихъ талантовъ превосходныхъ
Ни въ комъ не нахожу у нашихъ благородныхъ.

ЛЕСТИГОНЪ (*въ сторону.*)

Вотъ такъ-то въ жизни сей, любя свои мечты,
Мы всѣ и всякой день ворочаемъ листы;
(*Вслухъ*) Теперь, противъ него смягчивъ свою досаду,
Придумать долженъ ты и дочери награду.

ДУРЫЛОМЪ.

Конечно, точно такъ, — тотчасъ увижусь съ ней;
А ты спѣши въ редутъ, и хитростью своей
Пронюхай, какъ пойдутъ дѣла мои въ собраньи,
Чего мнѣ ждать, — мои исполнятся ль желанья?
Пожалуйста узнай, и все мнѣ разскажи,
Что давній мнѣ ты другъ, сегодня докажи.

ЛЕСТИГОНЪ.

Ты Радину, не мнѣ, обязанъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Знаю, знаю;
Скажи, что я его люблю и почитаю,
Что дочь моя, коль я сегодня старшина,
Его.... (*закашлялся.*)

ЛЕСТИГОНЪ.

Ну, что потомъ? —

ДУРЫЛОМЪ.

Жена, сударь, жена!
(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ЛЕСТРИГОНЪ (*одинъ*).

Поѣхать хлопотать! — Я буду радъ сердечно,
Когда свершу свой планъ; — вѣкъ жить нельзя безпечно.
Задонскій дворянинъ хоть чванится казной,
Но смысломъ не богатъ и сущій нуль душой.
Онъ тѣшитъ дочерей тряпьемъ и всякимъ вздоромъ;
Появится женихъ, — откажетъ всѣмъ соборомъ.
Сусанну подъ вѣнецъ пора, да и пора!
Павлина пригожа, но взбалмошна, спора;
Пусть опытомъ она свою познаетъ должность:
Терпѣнье нашъ урокъ, учитель — осторожность!
Но какъ не хохотать надъ странностью такой,
Что для того, чтобъ быть въ редутѣ старшиной,
Отецъ вѣнчаетъ дочь, и самъ въ своей неволѣ
Изъ бѣдъ двухъ лицъ творитъ счастливѣйшія доли?
О, мудрость! аксіомъ ты вѣрный изрекла:
Нѣтъ худа безъ добра, и нѣтъ добра безъ зла.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СУСАННА и ДУРЫЛОМЪ.

ДУРЫЛОМЪ.

Сусанна! я хочу поговорить съ тобою.
Давно пора твоей заняться мнѣ судьбою,
И чувствую, что ты въ такихъ уже лѣтахъ,
Въ которыя кипитъ огонь любви въ сердцахъ.
По совѣсти скажи, — я другъ тебѣ не ложный:
Съ кѣмъ здѣсь находишь ты союзъ себѣ возможный?

СУСАННА.

Сказавъ о томъ вамъ разъ, я видѣла вашъ гнѣвъ;
Что жъ пѣсню повторять на тотъ же все напѣвъ?

ДУРЫЛОМЪ.

Прости, я иногда бываю очень занятъ,
И то и сё меня со всѣхъ сторонъ тиранятъ:
Тамъ ждутъ моихъ трудовъ торжественны вѣнцы,
Здѣсь просятъ моихъ рукъ печальны мертвецы;

Не знаю, какъ меня стаетъ еще доселѣ!
Урвавшись отъ суетъ, поговоримъ о дѣлѣ.
Кто нравится тебѣ изъ здѣшнихъ жениховъ?

СУСАННА.

Отвѣтъ на сей вопросъ для васъ уже не новъ.
Одно скажу всегда, хоть это васъ тревожитъ:
Счастливою меня лишь Радинъ сдѣлать можетъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Не спорю, — Радинъ здѣсь имѣетъ renommée,
Худого слова нѣтъ о нравѣ, объ умѣ,
И я давно твою къ нему замѣтилъ нѣжность,
Его къ тебѣ любовь, къ услугамъ мнѣ прилежность;
Но Радинъ не такой породы человѣкъ,
Чтобъ знатностью своей украсить могъ твой вѣкъ.

СУСАННА.

Для счастія на что вся суетность породы? —
Спокойный уголъ, другъ, и прелести свободы
Лестнѣе для моей чувствительной души,
Чѣмъ знатный алфавитъ. — И въ мирной той глуши,
Въ которой жить себя всегда приготовляла,
Родилася, расла и гдѣ передавала
Мнѣ силу нѣжныхъ чувствъ сама родная мать,
Къ чему породы мнѣ въ супружествѣ искать?
У трона ей цѣна, — вдали совсѣмъ другая;
Порода тамъ трофей, — химера здѣсь пустая.

ДУРЫЛОМЪ.

И вычелъ все романъ! — Ты лжешь сама себѣ,

Какъ будущее знать? — Быть можетъ, и тебѣ
Сто случаевъ такихъ фортуна приготовитъ.

СУСАННА.

Нѣтъ, батюшка, она въ потемкахъ насъ не ловитъ;
А я спокойный духъ такъ много берегу,
Что къ солнцу подъ лучи за ней не побѣгу.

ДУРЫЛОМЪ.

Добро, положимъ такъ, — пускай ты здѣсь загинешь,
И съ мужемъ обнявшись, вселенную всю кинешь;
Но Радинъ не богатъ; — безъ денегъ-то, мой другъ,
Не умилится тебѣ и сладостный досугъ.
Со мною ты взросла на кремахъ, да на тортахъ;
Привыкла щеголять, брянчать на клавикордахъ;
А тамъ на столъ лапшу съ гусятиной подадутъ,
Капоты всѣ прощай, adieu навѣкъ редутъ.

СУСАННА.

Богатство на меня не дѣйствуетъ такъ сильно;
Гдѣ мало прихотей, тамъ въ нужномъ изобильно.
Сколь часто нищета сквозь пышности видна!
Довольства не даетъ сохранная казна;
И если пожелать, что въ разумъ ни попало,
Повѣрьте, всѣхъ владыкъ сокровищъ будетъ мало.

ДУРЫЛОМЪ.

Однако жъ хорошо, когда достатокъ есть:
Накупишь и родни, друзей, — заслужишь честь.

СУСАННА.

Гнилая та родня и всѣ знакомства въ свѣтѣ,

Которыя корысть имѣютъ на примѣтѣ;
Въ нихъ такъ же, какъ моряхъ, приливъ свой и
отливъ:
Волна бѣжитъ туда, гдѣ самъ хозяинъ живъ.
При матушкѣ, когда вы праздники давали,
Друзьями были всѣ; теперь, какъ перестали,
Хоть тѣ же люди здѣсь, но ѣздитъ ли къ намъ
кто?
Забросятъ карту разъ, и полно, да и то,
Когда денекъ хорошъ, дороги сухи, гладки;
Не правда ли?

ДУРЫЛОМЪ.

Все вздоръ, сударыня; — нападки!
Совсѣмъ не отъ того я въ городѣ запалъ;
Редутъ меня, редутъ проклятый доканалъ.
Когда бы кто-нибудь въ немъ форсу снова над-
далъ,
Увидѣла бы ты, какую пыль я задалъ.

СУСАННА.

О Радинѣ, никакъ, у насъ вѣдь рѣчь зашла?

ДУРЫЛОМЪ.

На этомъ пунктѣ ты совсѣмъ съ ума сошла;
Подумай-ка путемъ; съ тобою въ чемъ онъ ро-
венъ?
А мнѣ всего тошнѣй, что онъ малочиновенъ.

СУСАННА.

Рѣшась въ деревнѣ жить, на то ль чиновъ желать,
Чтобъ въ рамахъ за стекломъ сосѣдямъ показать

Патенты на стѣнѣ, и хвастаться въ гостиной
Пустыхъ своихъ заслугъ нарядною личиной?

ДУРЫЛОМЪ.

Ты все несешь свое!—Знай, у кого малъ чинъ,
Въ избѣ ли, во дворцѣ,—тотъ жалкій господинъ.

СУСАННА.

Какъ вамъ угодно!—Здѣсь отъ сердца повторяю,
Что въ мірѣ ни чиновъ, ни знати не желаю.
Дни вѣка своего безъ Радина сгублю;
По васъ я никого столь сильно не люблю;
Онъ честенъ, добръ, уменъ,—мнѣ нравиться умѣетъ.
За нимъ не много душъ,—но душу самъ имѣетъ,
Которая во всемъ съ моею такъ сходна,
Что, кажется, у насъ у двухъ она одна.

ДУРЫЛОМЪ.

Твой Радинъ мнѣ какъ кость сталъ въ горлѣ,—не проглотишь.
Ей! вспомнишь и мои слова, да не воротишь.

СУСАННА.

За тяжкій ставя грѣхъ себѣ прогнѣвать васъ,
Изъ воли вашей я не выступлю ни разъ;
Но долгъ велитъ сказать вамъ,—рано, или поздно,
За нимъ вездѣ мнѣ рай, и адъ — вездѣ съ нимъ розно.

ЯВЛЕНІЕ II.

СУСАННА, ДУРЫЛОМЪ и ПАВЛИНА.

ПАВЛИНА.

Ахъ, папенька! — и къ вамъ, и съ новостью большой!
Вѣдь, знаете ли? — Вы въ редутѣ старшиной!

ДУРЫЛОМЪ.

Откуда, не слыхать, дошли такія вѣсти?

ПАВЛИНА.

Такъ точно, я могу увѣрить васъ по чести.
Сусекиной одна дѣвчонка къ намъ зашла;
Она на шемизетъ узорчики брала
У Диксманши, — а та ей какъ-то проболталась,
Что вамъ дѣйствительно въ директоры досталось.

ДУРЫЛОМЪ.

Умѣла бы держать ты это про себя.

ПАВЛИНА.

Да что жъ тутъ за секретъ?

ДУРЫЛОМЪ.

Молчи, не до тебя!

ПАВЛИНА.

Я думала, papa, вамъ этимъ подслужиться.

ДУРЫЛОМЪ.

Анъ худо разочла! — Зачѣмъ такъ торопиться.
И Диксманша и ты, и дѣвочки всѣ врутъ!
Какъ могутъ онѣ знать, кому шары кладутъ?

Не всякой, вѣдь, молвѣ на свѣтѣ должно вѣрить;
Народъ вездѣ лукавъ, — умѣетъ лицемѣрить.
Нарочно иногда такую пустятъ вѣсть,
Чтобъ послѣ въ дураки ловчѣе было ввесть.

ПАВЛИНА.

Какъ рада буду я, коль это справедливо!

СУСАННА.

Ты сущее дитя!

ДУРЫЛОМЪ (*въ сторону.*)

Какъ жду нетерпѣливо!

ПАВЛИНА.

Я радости, ma soeur, семейной веселюсь.

ДУРЫЛОМЪ.

Вы кровь моя, отъ васъ ни въ чемъ не потаюсь!
Такъ, дѣти! этотъ слухъ въ восторгъ меня приводитъ,
И сердце ходенемъ отъ радости все ходитъ!
Редутъ мнѣ здѣшній милъ, — онъ духъ животворитъ,
Директорскій титулъ превыше прочихъ льститъ;
Мнѣ любо, признаюсь, размашистой рукою
Подписывать себя на картахъ старшиною,
Печатать, раздавать, кому хочу, билетъ!
Какія суеты, когда даютъ банкетъ!
То тотъ меня, другой о распорядкѣ проситъ,
Всѣ кланяются, всѣ до неба превозносятъ!
И этого-то я былъ счастія лишенъ!
Хлѣбъ въ душу мнѣ не шелъ, — и день и ночь смущенъ.
Но если не сшутилъ на счетъ мой кто нарочно,
Коль вправду я опять директоромъ....

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и ЛЕСТИГОНЪ.

ЛЕСТИГОНЪ (*перебивая рѣчь.*)

Такъ точно!
Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ!

ДУРЫЛОМЪ,

О, верхъ моихъ утѣхъ!
О, радостнѣйшій день!

ЛЕСТИГОНЪ.

Съ тобою, право, смѣхъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Скажи, любезный другъ, какъ это все стеклося?

ПАВЛИНА.

Вы видите, мое пророчество сбылося.

ЛЕСТИГОНЪ.

Все такъ произошло, какъ давича сказалъ.
Не вовсе безъ хлопотъ, но ихъ я отгадалъ;
И правду, чтобъ сказать тебѣ чистосердечно,
Обязанъ одному ты Радину, конечно.

ПАВЛИНА.

Ma soeur, vous entendez? — Да что жь ты такъ
блѣдна?

СУСАННА.

Некстати пристаешь, — и шутка не смѣшна.

ДУРЫЛОМЪ.

Кто Радину помогъ?

ЛЕСТИГОНЪ.

Любви всемощна сила!
Такія ль чудеса она производила?

СУСАННА (въ сторону.)

Достойнѣйшій мой другъ!

ДУРЫЛОМЪ.

Все это обиднякъ.
Пожалуй, разскажи въ подробности мнѣ, какъ
Шелъ выборъ въ старшины?

ЛЕСТИГОНЪ.

Не ужъ ли ты не знаешь?
Или моимъ словамъ еще не довѣряешь?
Такъ слушай же!

СУСАННА.

— Едва я духъ перевожу!

ДУРЫЛОМЪ.

Молчите жъ, ни гу-гу!

ЛЕСТИГОНЪ.

Всю повѣсть разскажу.
Тамъ нынѣ былъ обѣдъ, и всѣ перепилися,
По карточнымъ столамъ потомъ разобралися:
Кто въ вистъ, а кто въ бостонъ, — иной пон-
тировалъ,
И пуншемъ каждый свой убытокъ запивалъ; —
Вдругъ въ залу прилетѣлъ, какъ воронъ, жаждущій
крови,
Нашъ Радинъ, — сѣлъ въ углу и понасупилъ брови;
Межъ тѣмъ, какъ хмѣль свои вывѣтривалъ пары,
Диксманъ готовилъ столъ и ящикъ и шары.

Изъ всѣхъ домовъ. тотчасъ съѣзжаться стали
члены,
И разныя въ лицѣ казались перемѣны.
Зашла о старшинахъ неугомонна пря,
И всякой тутъ занесъ чуху свою на зря.
На Радинѣ лице румянцомъ заиграло,
Зардѣлся молодецъ, — и сердце воспылало!
Бросаяся ко всѣмъ, гдѣ крикнетъ, гдѣ шепнетъ,
Хвать ящикъ со стола и самъ шары несетъ:
Отвагою такой собранье изумленно,
Неволею за нимъ какъ-будто увлеченно,
Кидаетъ бѣлый шаръ тому, о комъ просилъ,
И Радинъ наконецъ свой подвигъ совершилъ.
Изъ ящика при мнѣ шары тамъ вынимали,
И члены, ихъ сочтя, всѣ въ голосъ закричали:
Сто-двадцать-пять шаровъ! — директоръ Дурыломъ!
Я бросился сюда. — Тамъ толкъ идетъ о томъ,
Кому явиться здѣсь отъ имени собранья,
Вамъ рѣчью возвѣстить о почести избранья.

ДУРЫЛОМЪ.

Хотѣлъ бы знать, кого нарядятъ, напримѣръ?

ЛЕСТИГОНЪ.

О выборѣ такомъ на выборъ и курьеръ
Пришлется — и я чай, что Радинъ, главный воинъ,
Одинъ лишь чести сей быть можетъ удостоинъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и СУСЕКИНА.

СУСЕКИНА.

Узнавши сей моментъ. . .

ЛЕСТИГОНЪ.

Я васъ предупредилъ.

СУСЕКИНА.

Не можетъ это быть. — Мондоръ мой приходилъ
Въ поту какъ въ мылѣ весь, — меня въ испугѣ будитъ —
Легла было я спать: — ахъ, маменька! кто будетъ
Опять здѣсь старшиной! — Узнайте! — Дурыломъ!

ДУРЫЛОМЪ.

Ай малой! мнѣ его отецъ бывалъ знакомъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Надѣнь, сударь, кафтанъ; — такъ просто не пригодится
Принять къ себѣ посла.

ДУРЫЛОМЪ.

Да, надо нарядиться.
Прошу меня простить! — я выйду на часокъ.
Что дѣлать, — суета! — а скинуть сюртучекъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

СУСЕКИНА, СУСАННА, ПАВЛИНА и ЛЕСТИГОНЪ.

СУСЕКИНА (*въ сторону.*)

Покажемъ, что и мы науку міра знаемъ;
Кому нельзя отмстить, того всегда прощаемъ.
(*Вслухъ*) Вы видите, что я не памятую зла.
Хоть тронули меня сегодня до зѣла;
Но случай не таковъ, — и безъ него бы вѣчно
Не помирилася я съ вами всеконечно.

СУСАННА.

Сусекина! мнѣ жаль, что ты, начавши споръ,
Хотѣла съ нами вдругъ поссориться за вздоръ.

ЛЕСТИГОНЪ.

А что такое?

СУСАННА.

Такъ, не стоитъ повторенья;
Не всякую вину исправитъ извиненье.

ЛЕСТИГОНЪ.

Твои проказы, знать, Павлинушка, мой свѣтъ?

ПАВЛИНА.

Да! — дѣло началось съ того, какихъ мы лѣтъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

О! съ дамами въ годахъ избави Богъ считаться;
Вамъ двумъ не будетъ ста, не правда ль?

ПАВЛИНА.

Можетъ статься.

ЛЕСТИГОНЪ.

По скольку же кому по розницѣ смекнуть?

ПАВЛИНА.

Мнѣ минетъ. . .

СУСАННА.

Ты опять пожаръ готова вздуть.

ЛЕСТИГОНЪ.

Не ссорьтесь, и въ ранжиръ! — Я вижу депутаты
Директору несутъ регаліи богаты:
Ключи отъ погребовъ и ящичекъ съ казной. —
Сусекина! — тебѣ не ѣхать ли домой?

СУСЕКИНА.

Ахъ, батька мой! за что немилость вдругъ такая?
Я также посмотрѣть хочу, какъ и другая.

ЛЕСТИГОНЪ.

Чего?

СУСЕКИНА.

Какъ будутъ рѣчи разсказывать ему;
Вѣдь я-таки, мой свѣтъ, хоть что-нибудь пойму!

ЛЕСТИГОНЪ.

Повѣрь мнѣ, что и тотъ, кто въ школахъ вѣкъ
свой трется,
Въ торжественныхъ рѣчахъ и толку не добьется!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и РАДИНЪ; за нимъ ДВОРЯНИНЪ безъ словъ, ДИКСМАНЪ и ШВЕЙЦАРЪ.

РАДИНЪ *(Сусаннѣ.)*

Сегодня для меня день радости большой!
Да будетъ награжденъ мой трудъ своей цѣной,
И лютая судьба, преставши быть суровой,
Въ сей часъ намъ, можетъ быть, готовитъ жребій новой.

СУСАННА.

Пріятно мнѣ себя той мыслію ласкать,
Что, можетъ быть, тебя супругомъ стану звать;
Но можетъ ли мнѣ быть въ то жъ время и не больно,
Что наглой шуткой здѣсь....

РАДИНЪ.

Виновенъ я невольно!
Понятенъ мнѣ упрекъ любезнѣйшей моей;
Но могъ ли безъ того назвать тебя своей?
Увы! къ намъ времена толико были строги,
Что къ счастію не зрѣлъ иной себѣ дороги,
Какъ ту, которой я въ одинъ рѣшился мигъ
Ударить прямо въ цѣль, и, можетъ быть, достигъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Достигъ, увѣренъ будь; — дано уже мнѣ слово.

СУСАННА.

Какое? — отъ кого? — Не мучь ты насъ....

ЛЕСТИГОНЪ.

Отцово!
Теперь мнѣ объяснять все это недосугъ.

СУСАННА.

О, какъ одолжены тобой, почтенный другъ!

ЛЕСТИГОНЪ.

Что знаете о томъ, вы виду не кажите;
Составьте взоръ, лице, наружностію лгите:
Что дѣлать? — Радинъ пусть комедію свою,
Какъ въ клобѣ затвердилъ, при насъ сыграетъ всю;
Здѣсь въ домѣ все подчасъ зависитъ отъ минуты,
И обстоятельства бываютъ очень круты.

РАДИНЪ.

Да гдѣ же и не такъ? — и счастье и бѣда
Находятъ на людей отъ фарсы иногда,
И выше всѣхъ летитъ, кто сладку пустошь мелитъ,
Или кто жестко спать — а мягко очень стелитъ.

ДИКСМАНЪ.

Извольте по мѣстамъ, — идетъ нашъ старшина;
Просторъ ему! — просторъ!

РАДИНЪ.

Гдѣ жъ рѣчь? — А! вотъ она!

ЛЕСТИГОНЪ.

Ну, Радинъ, возглашай! — мы всѣ протянемъ уши;
Пришлось, никакъ, играть Мольеровъ Мамамуши.

(Во время этой сцены между Лестигономъ, Сусанной и Радинымъ, Павлина и Суровкина суетятся и занимаются приготовленіемъ покоя къ параду.)

ЯВЛЕНІЕ VII И ПОСЛѢДНЕЕ.

СУСЕКИНА, СУСАННА, ПАВЛИНА, ДУРЫЛОМЪ, РАДИНЪ и ЛЕСТИГОНЪ.

(За ними поодаль дворянинъ, Диксманъ и Швейцаръ. — Дворянинъ держитъ ящикъ съ казной, Диксманъ ключи на блюдѣ и билеты, Швейцаръ съ своимъ жезломъ въ ливреѣ.)

РАДИНЪ (*важнымъ видомъ.*)

Въ собраніи дворянъ давно носился гласъ,
Что титло старшины похищено у васъ
Безъ права, безъ причинъ и въ слѣдствіе раздора,
Смутившаго чины гражданскаго собора;
Семнадцать слишкомъ лѣтъ твердили и твердятъ,
Что былъ при васъ редутъ торжественъ и богатъ,
Съ восторгомъ помнятъ всѣ дни вашего правленья;
Но зависть, не храня къ заслугамъ уваженья,
Когда, какъ бурный вѣтръ несется на кого,
Заразою все тлитъ дыханья своего! —
Подобны времена и въ Греціи бывали,
Невинные не разъ въ подсолнечной страдали:
За правду Аристидъ изверженъ изъ Аѳинъ,
Извержены вы здѣсь такъ точно изъ старшинъ!
Преемники по васъ толико важной власти
Редуту нанесли жестокія напасти:
Порядокъ весь исчезъ, — нарушенъ нашъ уставъ,

Жилищемъ сталъ кремлёвъ вседневный храмъ за-
бавъ;
Отвыкли на пирахъ вкушать миндальны трубы,
И членамъ за столомъ давали хлѣбы грубы;
Казался слаще имъ монашескій укругъ;
Страдали чувства всѣ: вкусъ, зрѣніе и слухъ. —
Протекъ искусовъ годъ — и всякой восхищался,
Что выбору старшинъ срокъ новый приближался;
Сегодня собрались — и каждое чело
Чистѣйшей радостью внезапно процвѣло:
Хотѣлось всѣмъ, чтобъ вы вновь были старшиною.
И ящикъ и шары пошли въ походъ со мною; —
Шипѣли кое-гдѣ змѣи издалека,
Но слава вашихъ дѣлъ какъ быстрая рѣка,
Въ ущелины загнавъ сихъ гадовъ ядовитыхъ,
Готовила позоръ для недруговъ сокрытыхъ. —
Въ Царьградѣ не бывалъ столь шуменъ ипподромъ,
При имени твоемъ, почтенный Дурыломъ!
Летѣли въ ящикъ всѣ шары ко мнѣ направо,
И тотъ моментъ, когда я воскликнулъ величаво:
«Директоръ Дурыломъ! вотъ бѣлыхъ сто шаровъ!»
Моментъ сей, признаюсь, въ собраньи былъ та-
ковъ,
Что онъ въ лѣтописяхъ редутъ нашъ воспросла-
витъ,
Потомство нашимъ днямъ завидовать заставитъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Отвѣтствовать теперь я съ духомъ не сберусь, —
Языкъ мой онѣмѣлъ; но внутренно горжусь,
Что честью взысканъ здѣсь толико превосходной!

Хотя я дворянинъ законный и природный,
Хотя я на Дону имѣю семьсотъ душъ,
И множество скота, и яблонь тма и грушъ,
Но, въ знакъ усердныхъ чувствъ къ собранью
преслову̀ту,
До гроба посвятить готовъ себя редуту.

РАДИНЪ.

Теперь позвольте мнѣ отъ сердца изъяснить,
Сколь счастливъ я, что могъ вамъ титло возвѣ-
стить,
Къ которому никакъ нельзя быть равнодушнымъ,
Признаніемъ когда дано единодушнымъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Я чувствую вполнѣ всю цѣну тѣхъ услугъ,
За кои буду ввѣкъ вамъ искреннѣйшій другъ!
Отправя этикетъ, поговоримъ сердечно.

РАДИНЪ.

По сердцу вамъ готовъ принадлежать я вѣчно!
Оно, сударь, меня единственно влекло
Искать удачи въ томъ, что здѣсь произошло.

СУСЕКИНА.

Объ этомъ городъ весь сегодня же услышитъ

ЛЕСТИГОНЪ.

И всѣхъ подъячихъ онъ, чѣмъ свѣтъ, въ редутъ
запишетъ.

ДИКСМАНЪ (*тихо.*)

Пришлось и мнѣ его опять решпектовать.

ДУРЫЛОМЪ.

Ну, Нѣмецъ! подступай.—Ты мастеръ, вѣдь, болтать.

РАДИНЪ (*подводитъ дворянина.*)

Товарища я вамъ представить честь имѣю.

ДУРЫЛОМЪ (*тихо Радину.*)

Увольте отъ рѣчей, — я ихъ не разумѣю.

РАДИНЪ.

Угодно ли теперь вамъ вещи осмотрѣть,
Что въ вѣдѣньи своемъ обязаны имѣть:
Сохранную казну, билеты, списокъ баловъ....

ДИКСМАНЪ.

Ключи отъ кладовой, застольной и подваловъ.

ДУРЫЛОМЪ (*Радину.*)

Покорнѣйше, сударь, за трудъ благодарю.
До завтраго...

СУСАННА.

Узнать судьбу свою горю!

ДИКСМАНЪ.

Прошу принять и мой поклонецъ всенижайшій!

ДУРЫЛОМЪ (*осанисто и важно.*)

Тебѣ бы сдѣлать могъ я выговоръ строжайшій;
Для радости пардонъ. — Но просимъ не забыть:
Въ колодецъ не плевать, — случится въ немъ испить.

ДИКСМАНЪ (*иронически.*)

Я преданъ былъ всегда и буду всей душою!

При васъ пойдетъ редутъ манерою другою,
И славно будетъ все.

ДУРЫЛОМЪ.

Не старая пора!
Прощай, monsieur Диксманъ. (*Экономъ уходитъ.*)

ЛЕСТИГОНЪ (*въ сторону.*)

Вездѣ, какъ у двора,
Есть свѣчка дураку, кадило жгутъ уроду,
И чванамъ и льстецамъ нигдѣ нѣтъ переводу.

ДУРЫЛОМЪ.

Теперь чины всѣ прочь. — Шампанскаго! бокалъ!
Поздравьте всѣ меня, — опять я паномъ сталъ.

СУСЕКИНА.

Бывало, я въ редутъ ни разу не сберуся;
Теперь не пропущу, — и на годъ запишуся.

ДУРЫЛОМЪ.

Вотъ такъ-то, нашихъ знай! — Такъ, барыня, люблю!
Ранехонько съ утра къ вамъ съ Диксманомъ пришлю
За подписомъ своимъ билетецъ на починѣ.

СУСЕКИНА.

Завистниковъ моихъ число прибудетъ нынѣ.

СУСАННА (*въ сторону.*)

И больно, и смѣшно, и весело — все вдругъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Да что жъ ты, Лестигонъ, задумался, мой другъ?

ЛЕСТИГОНЪ.

Я жду, чтобы твои бокалы показались.
Однако жъ, братъ, вѣдь мы еще не расквитались;
Я римскую люблю пословицу твердить:
Давъ слово дворянинъ, въ немъ стоекъ долженъ
быть.

ДУРЫЛОМЪ.

Павлина, прикажи ты старому Ефрему,
Чтобъ подалъ намъ ужо хорошенькаго крему.

ЛЕСТИГОНЪ.

Да кстати слова два примолвьте о кутьѣ.

ДУРЫЛОМЪ.

Спасибо, что объ ней напомнили вы мнѣ.
Хотя не до того, признаться въ этомъ можно,
Но все-таки свой долгъ позабывать не должно;
Я радость и печаль въ одно совокуплю,
На свадьбу попаду, — и выносъ не просплю.

СУСЕКИНА.

Великій мужъ вездѣ занятіе находитъ.

ЛЕСТИГОНЪ (*въ сторону.*)

Какой тому досугъ, кто вѣчно колобродитъ.

РАДИНЪ.

Прекрасная вездѣ видна души черта!
Полезнымъ быть для всѣхъ — похвальна суета!

ЛЕСТИГОНЪ.

Но что ни говори, а подарить-то надо
За добру вѣсть посла!

РАДИНЪ.

Быть имъ — моя награда!

ЛЕСТИГОНЪ.

Прекрасныя слова, — вездѣ слыхалъ ихъ я;
Но баснями у насъ не кормятъ соловья:
По-русски, Дурыломъ, ты съ нами обходися,
И слова не давай, а давши — такъ держися.

ДУРЫЛОМЪ.

И кстати вотъ бокалъ. — Да, сколько ни толкуй,
Пришлося, видно, пѣть: — Ісаіе ликуй!

ЛЕСТИГОНЪ.

Рѣшись и объявляй, — на что такъ долго вздорить!
Гдѣ сердца данъ приказъ, уму не переспорить.

ДУРЫЛОМЪ.

Итакъ, поздравьте всѣ невѣсту съ женихомъ;
Во мзду за то, что ты обрадовалъ мой домъ,
Сусаннѣ быть твоей женою позволяю,
Досаду позабывъ, причину ихъ прощаю.

ЛЕСТИГОНЪ (*пьетъ здоровье.*)

Прекрасно подарилъ! — Виватъ, нашъ старшина!
Налей мнѣ пополнѣй, я выпью весь до дна.

СУСАННА.

Ахъ, батюшка! могла ль я ждать такого счастья?

ЛЕСТИГОНЪ.

Пріятнѣй солнца намъ по многихъ дняхъ ненастья.

РАДИНЪ.

Чѣмъ можемъ мы воздать, дражайшій нашъ отецъ,
За нѣжный сей союзъ влюбленныхъ двухъ сердецъ?

ДУРЫЛОМЪ.

Ну, пейте, пейте, знай! — вино, сударь, прекрасно;
Смотрите, какъ кипитъ!

РАДИНЪ.

Любить такъ буду страстно!...

СУСАННА.

Меня, меня одну, — и будетъ каждый часъ
Казаться рай отверзтъ, мой милый другъ, для насъ!

ЛЕСТИГОНЪ.

Онъ счастливѣй теперь владыки Испагана.

ПАВЛИНА.

Рара, я молода, рѣзва, мнѣ замужъ рано;
Однако жъ и меня вамъ должно подарить.

ДУРЫЛОМЪ.

На радости такой Павлину какъ забыть?
Чего жъ тебѣ? Тюрбанъ? —

ПАВЛИНА.

Нѣтъ, бѣленьку бумажку;
Я шпенсеръ закажу, куплю себѣ фуражку,
И выѣду верхомъ, чтобъ весь кричалъ базаръ:
Смотри, какой летитъ пригоженькой гусаръ!

ДУРЫЛОМЪ.

Ребенокъ! — какъ молодъ ты дряни не соскучишь,
Фуражки не бывать, — а денежки получишь.

СУСЕКИНА (*съ бокаломъ.*)

Дай Богъ вамъ жить да быть, да дѣтокъ наживать,
А вамъ здѣсь старшиной безсмѣнно вѣдовать.

ДУРЫЛОМЪ.

Такіе старшины, за келью здѣсь признаться,
Вѣками на Руси, сударыня, родятся.

ЛЕСТИГОНЪ.

Дошелъ и моего привѣтствія чередъ.
Желаю, чтобы вы и ныньче и впередъ
Свершили весь вашъ вѣкъ вполнѣ благополучно,
Сердцами за одно, другъ съ другомъ неразлучно;
Дѣтей своихъ, внучатъ успѣли воспитать,
И чувства имъ свои прекрасны передать!

РАДИНЪ.

Я слова не найду мое благодаренье
Столь живо изъяснить....

СУСЕКИНА.

Какое восхищенье!

ДУРЫЛОМЪ.

Восторга своего вмѣстить я не могу!

РАДИНЪ (*Сусаннѣ.*)

А я лишь для тебя всѣ чувства берегу.

СУСАННА.

Гдѣ общая любовь, начало тамъ блаженства.

ЛЕСТИГОНЪ.

Такъ точно, безъ любви ни въ чемъ нѣтъ совершенства,

И слабостямъ своимъ, хоть видима бѣда,
Кто дани не платилъ на свѣтѣ иногда?
У всякаго конекъ. — Но тотъ, кто безъ искусства,
Подобно какъ и ты, въ избыткѣ сладка чувства
Умѣетъ дни другимъ пріятные дарить,
Сноснѣе для меня, коль правду говорить,
Чѣмъ геній естества, котораго всѣ страсти
Колеблютъ цѣлый міръ и строютъ лишь напасти.

ДУРЫЛОМЪ.

Разсказчикъ хоть куда, — за то его и взять.
Добро, пойдемъ за столъ. — Ну, будущій мой зять,
Посмотришь, какъ свой чинъ за ужиномъ про-
славлю:
Миндальную трубу съ узорами поставлю.
Наѣмся, и въ постель. — Ужъ то-то отдохну;
Годъ цѣлый такъ не спалъ, какъ эту ночь засну.
Поплакали, — пора приняться и за шутки.

ЛЕСТИГОНЪ.

Сумятицей такой начавъ и кончивъ сутки,
Останется желать хорошаго всѣмъ сна.

ДУРЫЛОМЪ.

Есть правда на землѣ, — когда я старшина!!!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО И ПОСЛѢДНЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ОТЧАЯНІЕ БЕЗЪ ПЕЧАЛИ,

или

ТАКЪ ВОДИТСЯ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Эту комнатную піесу написалъ я въ угодность одному пріятельскому обществу, котораго имѣлъ нѣкогда удовольствіе быть членомъ. Картина людскихъ обычаевъ того времени дала мнѣ матеріялы; но работа была безуспѣшна, потому что ее нѣсколько разъ читали, а ни одного не играли, изъ уваженія къ благопристойности. Не успѣлъ я ее сочинить, какъ дѣйствительно умеръ одинъ родственникъ того семейства, куда собирался кругъ нашъ. Тогда располагались давать на театрѣ того общества благородный спектакль; я самъ былъ въ числѣ актеровъ. Въ назначенный для зрѣлища день пріѣзжаю я въ театръ; со мною вся моя гардероба. Уже предвкушалъ я то удовольствіе, которое производятъ рукоплесканіе зрителей и восторгъ сотоварищей, какъ вдругъ усастый швейцаръ объявляетъ мнѣ, что театръ отказанъ. Какъ?—отъ чего?—На милльонъ вопросовъ слышу одинъ отвѣтъ: «такой-то скончался.» Между тѣмъ я уже въ гостиной, сопровождаемъ сомнѣніемъ;—тамъ увѣрился я наконецъ, что и подлинно наша комедія не состоится, и что покойникъ слишкомъ близкій дому родня, чтобъ можно было забавляться тогда, какъ око-

ло изсохшаго туловища его приготовляется зрѣлище совсѣмъ другого рода. Quel guignon! сказалъ я; однако гардеробу отослалъ домой, глаза потупилъ внизъ и сѣлъ у печки. О, какую бы написалъ я тогда, по мнѣнію моему, славную диссертацію на счетъ предразсудковъ, если бъ имѣлъ я перо и досугъ заниматься вмѣсто живыхъ, меня окружавшихъ, мертвымъ! — Подлинно! — Онъ никогда не ѣзжалъ въ этотъ домъ, не извѣстенъ былъ лѣтъ тридцать уже никому, и вспомнили въ московской публикѣ о существованіи его нѣкогда въ ней потому только, что объявленіе о смерти его было какъ бы афишей, затворившей входъ въ театръ всѣмъ тѣмъ, кои къ оному съ билетами подъѣзжали, — а прекращать удовольствіе общее для смерти частнаго человѣка, котораго едва ли жаль кому-нибудь, казалось мнѣ тогда самымъ безразсуднымъ дѣломъ. Но въ свѣтѣ водится поступать иначе, и свѣтъ передѣлать трудно; а потому станемъ сообразжаться съ его обычаями, доколѣ они еще не болѣе тягостны, какъ отмѣна комедіи. И такъ, скоропостижная смерть дяди сдѣлала невозможнымъ представленіе моей комедіи, потому что, хотя она написана была гораздо прежде его кончины, и конечно, я не одаренъ былъ, писавши ее, волшебнымъ вдохновеніемъ, однако многіе могли бы подумать, что она сложена послѣ,

и что дядюшкино преставленіе подало причину комедіи. Мое самолюбіе не доходило до той степени, чтобъ потребовать пожертвованія себѣ сего подозрѣнія; и если оно обратилось только въ предлогъ къ отказу разыграть такую піесу, которая, кромѣ того, не достойна была никакого вниманія, то я долженъ пріятелямъ моимъ остаться обязаннымъ навсегда и за то, что они такъ нѣжно пощадили авторскую щекотливость. — Вотъ исторія сей комедіи! Если почитать справедливымъ то, что мы наслаждаемся жизнью гораздо болѣе въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ, нежели ощущеніемъ настоящаго, относя мысль сію къ однѣмъ забавамъ, то, можетъ быть, старые мои друзья прочтутъ комедію эту въ печати съ нѣкоторымъ чувствомъ удовольствія, въ лестномъ ожиданіи чего я умножилъ ею последнюю часть моихъ сочиненій.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Госпожа Индолантова.

Манна Евтроповна Самотрядова.

Амура Аполлоновна Искоркина, дочь ея.

Г. Бостонкинъ, игрокъ.

Г. Мазуркинъ, франтъ.

Викулъ Меркулычъ Засыпаквъ, bel esprit.

Господинъ Комифо.

Швейцаръ.

Царапка, служанка.

Парикмахеръ, Филька.

(Дѣйствіе въ домѣ г-жи Индолантовой.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ будуаръ г-жи Индолантовой, въ которомъ всякое щегольство комнатнаго убранства придумано. Она лежитъ на дюшесъ и почиваетъ; проснувшись, звонитъ и начинаетъ сцену.

Индолантова. Ахъ, какъ я долго проспала! Параша! что жъ ты меня не разбудила?

Параша. Я, сударыня, и не знала, что вы заночивали; я васъ оставила за книгой.

Индолантова. Который часъ?

Параша. Еще рано; только семь часовъ било сію минуту.

Индолантова. Не былъ ли кто здѣсь?

Параша. Тотчасъ, сударыня, спрошу Швейцара.

Индолантова. Позови его самого.

ЯВЛЕНІЕ II.

ИНДОЛАНТОВА, сперва одна, потомъ входитъ ПАРАША и ШВЕЙЦАРЪ.

Индолантова. Нѣтъ, всѣ эти книги мнѣ не нравятся. Г-жа Радклифъ пугала привидѣніями, а нынѣшнія сочинительницы на метафизикѣ съ

ума сошли. Я хочу читать что-нибудь повеселѣе; я и такъ часто въ ипохондріи. Какъ душно здѣсь, что ужасть! Подойди сюда. Кто здѣсь былъ?

Швейцаръ. Пріѣзжали, сударыня, молодые, господинъ Развѣнчаевъ съ супругою, и оставили карточки.

Индолантова. Ахъ, какіе они несносные! *(Беретъ билеты.)* Дай сюда!

Швейцаръ. Викулъ Меркуловичъ заѣзжалъ и велѣлъ доложить, что чрезъ часъ онъ къ вамъ будетъ, а теперь-де, сударыня, не досугъ — ѣду на скачку.

Индолантова. Ахъ, какой онъ тошной!

Швейцаръ. Сейчасъ принесли письмецо отъ вашей сестрицы.

Индолантова. Что жъ ты мѣшкалъ мнѣ его подать; ты долженъ былъ этимъ начать глупую свою реляцію. Поди — Какіе люди! Они такъ глупы, что имъ ничего не втолкуешь. *(Читаетъ)* «Я спѣшу, моя милая Cousine, тебѣ сказать, что завтра маскерадъ; ты догадываешься у кого. Ахъ! ma chere, выпроси у Maman, чтобъ она меня avec vous туда отпустила; тамъ будутъ славности; o, vous n'avez pas d'idée, что это такое будетъ! Сегодня меня Maman завезетъ chez vous, чтобы ѣхать на балъ. Adieu, je vous embrasse.» — Я хочу быть damnée, ежели я знаю, у кого этотъ балъ; ma cousine такая верченая, что это удивительно. — Параша!

Параша. Чего изволите, сударыня!

Индолантова. Приготовь мнѣ амарантовое

платье, да вели парикмахеру поправить на головѣ.

Параша. Тотчасъ, сударыня.

ЯВЛЕНІЕ III.

Начинается туалетъ г-жи ИНДОЛАНТОВОЙ. ПАРИКМАХЕРЪ ее чешетъ. ПАРАША поминутно то за тѣмъ, то за другимъ бѣгаетъ. ШВЕЙЦАРЪ анонсируетъ ЗАСЫПАЕВА.

Швейцаръ. Господинъ Засыпаевъ. . . .

Индолантова. Зови сюда. Ахъ, здравствуй мой милой! Я знаю, что ты ко мнѣ заѣзжалъ. Гдѣ былъ, что видѣлъ? Усядься хоть на минуту и все мнѣ разскажи.

(Во время этой сцены Индолантова, не внимая рѣчамъ Засыпаева, отвѣчаетъ ему на-вътеръ и занимается своею ческой.)

Засыпаевъ.

Куда бы я ни шелъ, куда бъ ни заѣзжалъ,
Подобной бы я цѣны нигдѣ не отыскалъ.

Я былъ, сударыня, на скачкѣ. Ахъ, какъ тамъ скучно! вы себѣ вообразить не можете. Одна лошадь другую нагоняетъ, такъ insipide, что мочи нѣтъ! Правду сказать, въ Москвѣ часъ-отъ-часу тошнѣе, и я готовъ хоть застрѣлиться.

Индолантова. Пожалуй-ста послѣ балу, а не теперь; ты мнѣ сдѣлаешь, mon coeur, истерику,

и я потеряю случай промальпировать прiятно цѣлую ночь. — Долго ли тебѣ драть волосы?

Парикмахеръ. Да вѣдь я, сударыня, не философъ, кругъ пальца не обернешь.

Индолантова. Онъ же и умничаетъ! Какъ ты глупъ; прошу молчать и дѣлать свое дѣло.

Засыпаевъ. Что, сударыня, ежели бы я и впрямъ застрѣлился: вамъ бы жаль меня было только изъ приличiя.

Индолантова. Конечно! Въ какомъ же свѣтѣ ты живешь? Пишешь des vers всякую минуту, и до-сихъ-поръ не знаешь, что первое правило общежитiя состоитъ въ томъ, чтобы сердце похоже было на вѣтреную мѣльницу, и управлялось однимъ зефиромъ. А, кстати! господинъ ученый! какъ сказать Zephyr по-русски?

Засыпаевъ. Не ужели вы думаете, что для меня всякому французскому слову нужно истолкованiе? Вы забыли, конечно, пѣсенку, которую я вамъ поднесъ на вашемъ любимомъ нарѣчiи?

Индолантова. По ней-то я и сужу, что ты меня безъ переводу не поймешь.

Засыпаевъ. Смѣйтесь, сударыня, смѣйтесь надъ моимъ невѣжествомъ; но кто при васъ не подверженъ затмѣнiю.

Индолантова. Ахъ! слышалъ ли ты о сегодняшнемъ балѣ?

Засыпаевъ. Не только слышалъ, но и званъ;

Тамъ будутъ, говорятъ, и танцы и огни;
Сюрпризы безъ числа и радости одни.

Индолантова. Ты не можешь вообразить, какъ все это будетъ interessant..

Засыпаевъ. А съ кѣмъ вы ѣдете? Нельзя ли мнѣ пожаловать мѣстечко въ вашей каретѣ?

Индолантова. Нѣтъ, право; вѣришь ли, что насъ и такъ шестеро въ каретѣ: я, ma cousine, ея cousin, дядюшка. . . .

Засыпаевъ. А все четверо; — потомъ?

Индолантова. Можетъ быть, еще кто-нибудь набѣжитъ.

Засыпаевъ. Да я, кажется, и очень набѣжалъ.

Индолантова. Полно, mon cher, пустяки говорить. Посмотри, тамъ на столикѣ новые стихи лежатъ; сегодня только ихъ ко мнѣ прислали, самые свѣженькіе.

Засыпаевъ. Чьего сочиненія?

Индолантова. Прочти напередъ, а тамъ я и скажу. *(Парикмахеру)* Какъ ты меня тиранишь! Будетъ ли конецъ?

Засыпаевъ. Извольте слушать:

Видалъ ли дамъ на нашъ манёръ,
Когда онѣ между собою
Кричатъ, сцѣпясь одна съ другою:
Ахъ! я въ отчаяньи, ma chere!

Я пари держу, что ихъ написалъ г. Комифо: вездѣ желчь и насмѣшка..

Индолантова. Анъ не отгадалъ; мнѣ ихъ прислала Бездѣлушкина; она ихъ вырѣзала изъ книжки, которую ей поднесъ Любушкинъ, а издатель ея Дружбинивъ.

Засыпаевъ. Ахъ, какая исторія! Скажите-ка

мнѣ лучше; какова вамъ кажется выпущенная мною на свѣтъ пѣсня? *(Сказываетъ куплетъ.)*

Все прекрасно я сказалъ,
И къ саду мой путь направилъ;
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ я Лизаньку оставилъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и КОМИФО.

Комифо. Какъ это, по сю пору вы дома и еще не убраны? Я удивился, найдя у васъ карету; скоро восемь часовъ, и вы еще не на балѣ?

Индолантова. Кто же такъ рано на балъ ѣздитъ? Сверхъ того, я жду кузины; а между тѣмъ прекрасные слышу стихи.

Комифо. На какой сюжетъ?

Индолантова. Какъ можно спрашивать! На любовь, сударь, на любовь! Разскажи, пожалуй, еще!

Засыпаевъ *(перечитываетъ.)*

Комифо. Не ваши ли они, сударь?

Засыпаевъ. Отгадали. — — —

Комифо. Прекрасные! Авторъ ихъ, конечно, похвалы достоинъ.

Засыпаевъ. Я весьма вамъ благодаренъ.

Комифо. Конечно, за автора?

Засмилеев. Однако ъ самомъ дѣлѣ поздно; мнѣ еще надо въ одно мѣсто завернуть до балу. Скоро опять увидимся, сударыня. Богда ради пріѣзжайте на балъ поранѣе!

Тамъ безъ васъ, какъ безъ души,
Мы скучать лишь только станемъ;
Ахъ! пожалуй не круши!
А не то, мы всѣ завянемъ.

Индолантова. Я и такъ всегда другихъ жду.

ЯВЛЕНІЕ V.

ИНДОЛАНТОВА и КОМИФО.

Индолантова. Понялъ ли онъ твою насмѣшку на его счетъ?

Комифо. Я, право, этого не примѣтилъ.

Индолантова. Ну, сударь, безпрестанный нравоучитель, куда ты дѣнешься: на балъ, или на валъ?

Комифо. То есть, кто ни туда, ни сюда не попадетъ, — тому ужъ и дѣваться некуда? Ошиблись, сударыня; я поѣду отъ васъ домой, погуляю по саду, отужинаю и лягу спать.

Индолантова. Ахъ, какой несносный! Жалость, жалость! Ты по чести на себя блажь напустилъ; — какъ это можно на балъ не ѣздить и отъ публики бѣгать?

Комифо. Я, сударыня, ни отъ кого не бѣгаю; а не ѣзжу въ ваши большія собранія для того,

что ни я отборному свѣту, ни онъ мнѣ ни на что не надобенъ. Въ карты я не играю, танцовать отвыкъ, что жъ я тамъ буду дѣлать?

Индолантова. Какъ что? Тамъ такъ много оккюпацій для всякаго пола и возраста; но у тебя какой-то amour propre находитъ все ридикюльнымъ, что̀ другимъ нравится.

Комифо. Повѣрьте, что подобное дурачество мнѣ и въ голову не входитъ. Только скажите же мнѣ и вы, много ли между такъ называемыми умными людьми найдете вы людей благоразумныхъ?

Индолантова. Развѣ это не la même chose?

Комифо. Думаю, что нѣтъ; потому что умными часто слывутъ и злодѣи, а благоразумными они, конечно, не бываютъ.

Индолантова. Параша, подай сюда письмецо моей кузины; прочти пожалуйста! — Завтра маскерадъ, и ты, что хочешь пой, только надѣвай маску и будь мой кавалеръ.

Комифо. Охотно, съ тѣмъ только, чтобы не ѣхать домой ночью, — я боюсь потемокъ.

Индолантова. Какая abomination! — Да этого опасаться, впрочемъ, нечего; мы, конечно, тамъ дождемся утра.

Комифо. А на этомъ договорѣ еще меньше согласенъ. Хотя я и увѣренъ, что вы всякой безпорядокъ умѣете сдѣлать пріятнымъ, однако...

Индолантова. Однако я никакой не люблю контрадикціи; прочти и ни слова больше.

Комифо. *(Читая, говоритъ)* Скажите, за что

такія прекрасныя дѣвушки, какъ ваша сестрица, думаютъ, что коли онѣ письмо напишутъ по-русски, такъ онѣ провинятся; или вы ставите себѣ простительнымъ недостаткомъ, и даже превосходнымъ дарованіемъ не умѣть ни читать, ни писать, потому что вы любезны?

Индолантова. Все мораль! — Какъ ты мнѣ надоѣлъ! Тѣмъ-то, сударь, мы и головы вамъ кружимъ.

Комифо. А безъ того вы бы насъ привязывали.

Индолантова. Не о томъ рѣчь; что жъ въ маскерадъ ѣдешь ли?

Комифо. На этотъ? Нѣтъ, потому что я къ нимъ въ домъ не ѣзжу.

Индолантова. Какъ! Да давно ли ты отъ нихъ былъ безъ ума; бывало, что слово, то объ нихъ. Или я ошибаюсь. Мнѣ кажется, этотъ балъ собираетъ Богачевской.

Комифо. Точно такъ; но развѣ я не человѣкъ, и не могу заблуждаться? — Они мнѣ неосторожно дали почувствовать своимъ обращеніемъ, что я имъ не на иное что̀ былъ надобенъ, какъ на ихъ забавы; а такъ какъ я не ремесленникъ, котораго отпускаютъ, когда онъ свою работу кончилъ, то я пересталъ къ нимъ ѣздить прежде, нежели они успѣли мнѣ показать, что я у нихъ лишній.

Индолантова. Ужъ ли ты на нихъ сердишься?

Комифо. О, нѣтъ, сударыня, право нѣтъ; я никогда не требую невозможнаго; — всякой об-

ходится такъ, какъ онъ смыслитъ, и что ихъ на другое обращеніе не стало, въ томъ не они, а натура ихъ виновата.

Индолантова. Какъ ты милъ, что ужасть! Видѣлъ ли новые стишки на женщинъ?

Комифо. Какіе?

Индолантова. Вотъ они.

Комифо *(прочтя про себя.)* Не г-нъ ли Засыпаевъ ихъ сложилъ?

Индолантова. Конечно, нѣтъ; у него есть замашка выдавать себя сочинителемъ чужихъ произведеній; такъ какъ и давешняя пѣсня, вѣрно, не его пера.

Комифо. Что не онъ ее сочинилъ, въ томъ я васъ могу увѣрить, — я знаю ихъ автора; онъ имѣетъ прекрасный талантъ. Да хотите ли объ закладъ, что онъ и эти стихи за свои выдастъ?

Индолантова. Не спорю, je connois mon homme.

Комифо. Странный обычай всегда въ чужія лица наряжаться.

Индолантова. Вѣчный маскерадъ; ужъ ему-то par exemple никогда не скучно.

Комифо. Однако я у васъ засидѣлся; прощайте, — девятый часъ.

Индолантова. Нѣтъ, я до тѣхъ поръ тебя не отпущу, пока сама со двора не поѣду. — *(Парикмахеру)* Уже ли совсѣмъ?

Парикмахеръ. Готово. — —

Индолантова. Параша, я иду одѣваться. Пожалуйста подожди меня, и ежели пріѣдетъ кузи-

на, или кто-нибудь, такъ faites les honneurs за меня. (*Швейцаръ подаетъ записку*) От кого!

Швейцаръ. Отъ Амуры Аполлоновны.

Индолантова (*читая.*) «Я въ отчаяніи, ma cousine; ma mère prie, чтобы вы къ ней заѣхали, — у ней какъ-то старинная amie и ей некогда меня завезти chez vous; ma charmante, mon adorabe, сдѣлай эту amitie. Ахъ! какъ я трифонирую. Adieu au revoir.»

Комифо. Записочка въ самомъ послѣднемъ вкусѣ. (*Смѣется.*)

Индолантова. Я отъ балу два шага, а поѣзжай къ нимъ, Богъ знаетъ куда, на край свѣта! Ей-Богу, моя тетушка престранный человѣкъ! Нѣтъ, я къ нимъ напишу, чтобы она прислала ко мнѣ кузину съ няней, если одну отпустить не смѣетъ; нѣтъ ничего несноснѣе этихъ старыхъ прюдовъ. Еще посолъ, еще записка!

Комифо. Сегодня у васъ никакъ дождикъ письменной.

Индолантова. Я ужъ ничего не разберу; — lisez пожалуйста, что тамъ еще такое.

Комифо. La visite est finie; какъ я рада, maman, тотчасъ sera chez vous.

Индолантова. Не уже ли обѣ записки вдругъ пришли?

Швейцаръ. Минутъ черезъ пять одна послѣ другой.

Комифо. Видно, вашей кузинѣ очень суетно.

Индолантова. Ахъ! если бъ ты зналъ, какъ

мнѣ недосугъ! Ну, Параша, одѣваться, одѣваться. — Ты не уѣдешь однако, я надѣюсь.

Комифо. Не опасайтесь, у меня нѣтъ такихъ страшныхъ недосуговъ, чтобы я не могъ еще у васъ посидѣть. Странный обычай! Днемъ спать, а ночь всю пропрыгать; — и что они пріятнаго находятъ въ такомъ безпорядкѣ, не понимаю. Всѣ люди съ умомъ толкуютъ имъ, что это предосудительно, медики увѣряютъ, что вредно для здоровья, ни одна путная книга нынѣшнихъ обрядовъ не хвалитъ, злорѣчіе кидаетъ въ нихъ поминутно язвительныя стрѣлы, и при всемъ томъ жены наши и дочери успѣли выворотить все на изнанку; вотъ и удальцы бонъ тону зачали сюда слетаться! Посмотримъ издали на ихъ любезность.

ЯВЛЕНІЕ VI.

КОМИФО, БОСТОНКИНЪ и МАЗУРКИНЪ.

Мазуркинъ. По чести, братецъ, моей мочи нѣтъ, а еще надобно скакать на балъ и всю ночь котильонить. Слуга вашъ, сударь; а гдѣ г-жа Индолантова?

Комифо. Она тотчасъ выйдетъ, пошла одѣваться.

Бостонкинъ. Представьте же себѣ, что мнѣ надобно еще сыграть нѣсколько туровъ въ бостонъ у одной имянинницы, да на балъ поспѣть.

Комифо. Когда жъ это будетъ? около утра, я думаю?

Бостонкинъ. Что жъ прикажете дѣлать? — Не поспѣть — вездѣ сѣтуютъ, поспѣть — способу нѣтъ; живучи съ людьми большого свѣта, надобно подлаживать ихъ обычаю.

Мазуркинъ. Вообразить нельзя, что я сегодня обскакалъ: это удивительно!

Бостонкинъ. А я-то гдѣ былъ, — это невѣроятно!

Мазуркинъ. Сперва дернулъ въ строй, изъ строя къ разводу, обѣдалъ у шефа, послѣ обѣда былъ на скачкѣ, оттуда въ театръ, и чуть засталъ комедію. Ахъ, какъ мерзко играли, этого разсказать нельзя! Какъ сравнить съ Парижемъ! Вы, вѣрно, видали Talma и du Chenois parlez moi de cela; а здѣсь гадко, мерзко Изъ театра съѣхались мы съ нимъ на валу. Жаль, что и ѣздили: тамъ никого нѣтъ, опричь этого сочинителя, какъ бишь, Викулъ — — — ахъ! да, — вотъ, Засыпаевъ, который стихи какіе-то намъ свои читалъ; да лишь только прочелъ, я ударился скакать сюда. Спасибо, что коротки, — отсюда на балъ; лошадей совсѣмъ измучилъ. Да что объ нихъ говорить, это скотъ, онѣ же ямскія.

Комифо. О! такъ стало-быть онѣ совсѣмъ другой натуры; вѣдь ямскія лошади никогда не устаютъ, не такъ какъ свои.

Бостонкинъ. Нѣтъ, сударь, мое-то вообразите положеніе; я вездѣ тамъже былъ, гдѣ онъ,

да сверхъ того въ одномъ домѣ сыгралъ 24 тура въ бостонъ, — индо въ глазахъ зарябѣло.

Мазуркинъ. Зато вѣдь ты, братецъ, слывешь хватикомъ; à propos, видѣлъ ли ты новомодную кадриль?

Бостонкинъ. Вотъ хорошо; а вчерась-то мы вмѣстѣ ее репетировали.

Мазуркинъ. Ахъ! да бишь, comme je suis bete!

Комифо *(беретъ книгу.)*

Бостонкинъ. Что жъ мы здѣсь будемъ дѣлать? Поѣдемъ!

Мазуркинъ. Она тотчасъ выйдетъ, и la cousine скоро сюда будетъ; — ахъ! какая она распремилая!

Бостонкинъ: Божество. — — —

Мазуркинъ. Который ты съ ней танцуешь контрдансъ?

Бостонкинъ. Второй.

Мазуркинъ. А я—мазурку.

Бостонкинъ: Что это какъ несносно танцуетъ Мигалова! Я бы ей заказалъ вовсе на балы ѣздить; совсѣмъ вальсировать не умѣетъ.

Мазуркинъ. Нѣтъ ужъ, братецъ, какую я вчера подцѣпилъ танцовщицу, вотъ оказія! Вообрази: ухватится за шею и вертится кругомъ такъ вотъ точно, какъ на винту.

Бостонкинъ. Помнишь ли ту кадриль, которую мы танцовали на масляницѣ — Сыграй ее пожалуйста.

Мазуркинъ. Ахъ! какъ забыть это благопо-

лунное время! Помнишь ли je gave? Надо признаться, что тогда весело было (играютъ). Ахъ! какъ декорде, играть способу нѣтъ!

Бостонкинъ. Не правда ли, что весело было и во время святокъ?

Мазуркинъ. Охъ, братецъ, не говори мнѣ объ этомъ времени; гусарскіе усы такъ было насъ доѣхали, что помилуй Господи. Пожаловали сюда съ разнощвѣтными песнками наши парижскіе побѣдоносцы, дамы чуть не слегли всѣ въ бѣлую горячку.

Бостонкинъ. Слава Богу, что скоро ихъ изъ Москвы вызвали къ полкамъ; а то бы они намъ, вольнопрактикующимъ даноёрамъ, задали работы.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и МАННА ЕВТРОПОВНА съ падчерицей.

Самопрядова. Здравствуй, мать моя! — Да гдѣ же наша хозяйка?

Комифо. Она, сударыня, тотчасъ выйдетъ; проситъ васъ ее подождать.

Самопрядова. Оправься, Амура, ты дорогою-то волосы помзмяла.

Амура. Нѣтъ, maman, я хорошо-съ.

Самопрядова. Вотъ, бывало въ старину, такъ ужъ мы спать ложимся въ эту пору; а теперь такъ молодые-то люди только лишь жить начинаютъ. Я право насилу дотащилась: да что жъ

будешь дѣлать, молодыхъ людей надо потѣшить, вѣкъ на вѣкъ не приходитъ.

Комифо Вѣдь вы, сударыня, на балъ не поѣдете?

Самопрядова. И, батюшка, ужъ до балу ли? Мнѣ бы вотъ ее руками сдать сестрицѣ, да и домой. Однако ты, Амура, не очень засиживайся; пріѣзжай домой поскорѣе.

Амура. Это, maman, не въ моей волѣ, какъ ma cousine захочетъ.

Бостонкинъ. А сестрица ваша, конечно, постарается уѣхать послѣдняя.

Мазуркинъ. Съ такимъ сокровищемъ, съ какимъ она ѣдетъ, она не можетъ опасаться слишкомъ долго пробыть на балѣ. — Боже мой, какъ она мила!

Амура. Вы вѣчно мнѣ комплименты дѣлаете, — это удивительно.

Бостонкинъ. Не забыли ли вы, сударыня, о второмъ контрдансѣ.

Амура. Да-съ, я съ вами ангажирована.

Мазуркинъ. А со мной мазурку.

Амура. Ахъ, какъ вы insupportable, — конечно съ вами.

Самопрядова. Амура, не забыла ли ты чего; осмотрись заранѣе, мать моя, чтобы послѣ не турить понапрасну Фомку домой съ балу: я вѣдь не знаю, гдѣ у тебя твои наряды лежатъ.

Амура. Нѣтъ, maman; какъ вы милы! — все со мной.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и ИНДОЛАНТОВА.

Индолантова. Ахъ, здравствуйте тетушка! Не прогнѣвайтесь, что я васъ заставила подождать! Здравствуй Амура. Боже мой! какъ ты авантажна: сюпербъ, могу сказать. Здравствуйте господа! Что это, тетушка, такъ давно васъ не видать было?

Самопрядова. Ахъ, мать моя, я такъ на дняхъ расперепростудилась, что не могла съ постели встать, и къ тебѣ первой выѣхала.

Индолантова. А ты, Амура, что ко мнѣ вчера не заѣхала; мы бы вмѣстѣ на прудахъ побывали. Ты нынче совсѣмъ избалничалась, mon coeur, мочи нѣтъ!

Самопрядова. Нѣтъ, матка моя, въ этомъ она не виновата; правду тебѣ сказать, я ее вчера не пустила: танцмейстеръ пріѣзжалъ ей лекцію давать.

Комильфо. *(Въ сторону)* Вѣдь не бось, я думаю, старуха-то считаетъ, что она по модѣ изъяснилась.

Индолантова. Какъ вы милы, что пріѣхали; мы вмѣстѣ поѣдемъ на балъ. — Скажите пожалуйста, былъ ли кто изъ васъ на валу этими днями? Я цѣлые два дня не удосужилась туда заѣхать.

Бостонкинъ. Мы сейчасъ оттуда, сударыня, и никого не встрѣтили кромѣ г. Засыпаева.

Индолантова. Ахъ, не читалъ ли онъ вамъ стиховъ своихъ, которые у меня тамъ, на столикѣ; тутъ есть отчаяніе, ma chere!

Мазуркинъ. Точно ихъ-то онъ намъ и натачивалъ, говоря, что самъ ихъ сочинилъ.

Комильфо. Ну, вотъ, сударыня, не правду ли я вамъ сказалъ?

Индолантова. Могу сказать, что онъ забавенъ.

Бостонкинъ. Онъ настоящій Вануль.

Самопрядова. Ну, мать моя, прощай; сдаю тебѣ мою Амуру съ рукъ на руки.

Индолантова. Будьте увѣрены, что я ее въ цѣлости вамъ отдамъ.

Амура. Dittes lui donc ma chere объ маскерадѣ.

Индолантова. Ахъ, тетушка! позвольте сестрѣ со мной завтра ѣхать на балъ къ Богачевскимъ.

Самопрядова. Да я, мать моя, отъ роду у нихъ въ домѣ не бывала.

Индолантова. Въ знакомствѣ нужды нѣтъ; они люди очень хорошіе; на балѣ у нихъ всегда и людно и весело. Впрочемъ, я постараюсь васъ рапрошировать; она зашлетъ къ вамъ карточку, — и дѣлу край.

Самопрядова. Помилуй, мать моя, что мнѣ въ ея карточкѣ; я и безъ нее знаю имя ея и отечество. Въ нашъ вѣкъ не важивалось ѣхать туда, куда не просятъ; это называлось нахальствомъ.

Комильфо. Напрасно вы такъ, сударыня, это-

го бойтесь; что было безчинно въ ваше время, то нынѣ позволено, и даже въ достоинство вмѣняется.

Индолантова. Какъ ты радъ, что можешь дать просторъ своей мизантропіи.

Комифо. Да развѣ я не правъ, сударыня! Вѣдь нынче на балъ никого не зовутъ, а кличъ кличутъ. Ѣздитъ ли кто къ кому, или нѣтъ, какое до того дѣло; слуга развезетъ карточки — вотъ и знакомство. Хозяинъ зажжетъ пропасть свѣчъ, музыка гремитъ во всѣхъ углахъ дома, народъ валитъ со всѣхъ концевъ города, всякой дѣлаетъ, что хочетъ; и вотъ что называется нынче дать балъ, вотъ въ чемъ состоитъ пріятная свобода.

Мазуркинъ. Какъ этотъ фолософъ мнѣ надоѣлъ!

Бостонкинъ. Настоящій проповѣдникъ.

Самопрядова. Вѣкъ на вѣкъ не придетъ конечно; да мнѣ ужъ не подстать плясать по чужой дудкѣ. Прости, мой свѣтъ! (*Цѣлуетъ Амуру.*) Смотри, ты не очень рѣзвись у меня на балѣ.

Амура. Нѣтъ, maman! я буду очень смирна.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ САМОПРЯДОВОЙ.

Амура. Ну, ma bonne amie, она, вѣрно, меня не отпуститъ!

Индолантова. И, милая, полно врать; если

васъ сегодня позовутъ на балѣ, какъ я и увѣрена, то я тутъ же за тебя слово дамъ, и bongré, malgré, она тебя отпуститъ, а къ старухѣ чѣмъ свѣтъ отправимъ карточки

Амура. Bien imaginé! ахъ! какъ ты мила!

Индолантова. Да скажи пожалуй, что вы такъ дома сегодня мѣшкали, что у васъ была за нерѣшимость?

Амура. У maman, моя жизнь, были des visites, я вѣдь тебѣ писала. Ахъ, ma cousine, что я тебѣ ужо разскажу про одного кавалера и даму,—это невѣроятно, — это удивительно.

Индолантова. Я тебя давно знаю; ты всегда себѣ надѣлаешь такія фикціи.

Мазуркинъ. Ахъ, сударыня! что можетъ быть лучше пріятной иллюзіи? Прямое счастіе такъ рѣдко, что весьма простительно иногда на обманы его польститься

Индолантова. Ахъ, какъ ты любезнишься!

Комифо. Однако, чтобы и балъ вашъ не превратился въ фикцію, — десять часовъ уже.

Индолантова. Какъ ты mauvais genre! какъ это неучтиво выгонять дамъ изъ своей компаніи, Я увѣрена, что ежели бы мы были одинакихъ лѣтъ съ Амурой, ты бы, вѣрно, не торопился отъ меня уѣхать.

Комифо. Ошибаетесь, сударыня, вы любезны, а любезнымъ людямъ, особливо женщинамъ, вѣку нѣтъ; въ разговорѣ съ ними всякой лѣта забываетъ.

Индолантова. Благодари жъ меня, что я те-

бѣ дала случай такъ хорошо извиниться. Я бы право сейчасъ уѣхала, да на зло тебѣ еще промѣшкаю съ полчаса. Параша, вели провѣдать, съѣзжаются ли на балъ; вѣдь это отъ меня два шага.

Мазуркинъ. А вы, сударыня, ежели бъ до тѣхъ поръ сыграли намъ что-нибудь и пропѣли!

Амура. Я право безъ нотъ ничего не играю.

Индолантова. Ну, полно дѣлать la petite bouche, моя милая; терпѣть этого не могу; сыграй что-нибудь, что знаешь.

Амура. (*Играя, поетъ арію.*)

Индолантова. Браво, Амура, мастерскій!

Комифо. Какъ нѣжно и прекрасно!

Бостонкинъ. Чрезвычайно! — Съ какой экспрессіей! нельзя лучше!

Мазуркинъ. Короче сказать, распребезподобно!

Параша. На балѣ, сударыня, каретъ съ двадцать.

Индолантова. Видите ли, что мы не такъ-то еще опоздали. Параша! ridicule, перчатки; à propos! Мнѣ вздумалось собрать у себя концертъ изъ короткихъ пріятелей, и самой маленькой: арфа, гитара и фортепіано; это будетъ совсѣмъ въ новомъ вкусѣ, не правда ли?

Мазуркинъ. Я думаю, что это подлинно пріятный сдѣлаетъ эффектъ.

Бостонкинъ. Какія вы мастерицы на всякія затѣи; другой этакой выдумщицы на забавы право нѣтъ, какъ вы.

Индолантова. За этотъ комплиментъ я съ тобою буду сегодня въ бостонъ играть.

Амура. Ахъ, ma cousine, онъ со мною engagé la seconde contredance.

Бостонкинъ. Я, сударыня, въ это время другого за себя попрошу сѣсть, если вы позволите.

Индолантова. Дайте лишь доѣхать, мы все это аранжируемъ въ каретѣ! Велите, Параша, карету подвезть. Итакъ готовьтесь завтра на балъ!

Мазуркинъ. Безъ сомнѣнія, сударыня.

Бостонкинъ. Счастливо бы было для насъ, если бъ также, какъ сегодня, могли ѣхать туда съ вами.

Индолантова. Для чего жъ нѣтъ? — Я вездѣ и всегда вамъ рада; — я думаю, Амура одного со мною мнѣнія; не такъ ли?

Амура. Ты знаешь, ma chere, что я все то люблю, что тебѣ нравится.

Индолантова. Surtout пикникъ лѣтомъ, а зимой маскерадъ, для меня всѣхъ забавъ лучше.

Мазуркинъ. А! хороши и воксалы.

Бостонкинъ. А клобъ! Какое райское удовольствіе!

Амура. А для меня гдѣ есть балъ и танецъ, тамъ и счастіе жизни.

Комико. Воля ваша, я не могу утерпѣть, чтобы не укорить васъ въ непостоянствѣ. Еще сегодня для васъ не прошло, а ужъ вы о завтрашнемъ думаете, и скучать начинаете баломъ отъ того только, что пора уже туда ѣхать.

Индолантова. Не хотите ли вы, чтобы я въ постоянствѣ поравнялась съ вашимъ сосѣдомъ Дурыкинымъ, который, вообрази ma chère, такъ constant, что кромѣ Энциклопедіи ничего не читаетъ: Прочтетъ, да съизнова, и говоритъ, что очень volage перемѣнять книги, а надо все одну читать. Каковъ мальчикъ!

(Въ сторону.) Ха, ха, ха, ха! — —

Швейцаръ. Карета готова, сударыня!

Индолантова. Ну, поѣдемъ-те, пора; прощайте, сударь, суровый любитель женщинъ, желаю вамъ une bonne nuit и хорошій сонъ. *(Идетъ и ворочается.)* Ахъ, постойте, постойте на минуту! Боже мой! какъ я affèerai, что ужасть. Цѣлый вечеръ одѣвалась, и что ни лучшее забыла, а вы господа не примѣчаете.

Мазуркинъ. Мнѣ кажется, все при васъ.

Бостонкинъ. Вы все взяли съ собою.

Амура. Il ne vous manque rien, ma chère.

Индолантова. И! какіе вы несносные! Вѣкъ около дамъ вертитесь, у пяти туалетовъ въ день перебываете, а не умѣете догадаться, что было я дома забыла.

Бостонкинъ. Не марки ли бостонныя?

Индолантова. Такъ, кто чѣмъ занятъ, у того то и въ головѣ.

Комифо. Позвольте мнѣ отгадать!

Индолантова. Извольте! — — —

Комифо. Съ вами нѣтъ сантиману.

Амура, Бостонкинъ. Ахъ! и подлинно, il a raison.

Индолантова. Отгадали, сударь. Я его забыла дома для того, что вы въ немъ оставались.

Комифо. О, женщины! какъ вы милы, когда вы хотите нравиться!

Индолантова. Параша! ты такъ засовалась, что забыла мнѣ сантиманъ подать; принеси поди.

Параша. Который прикажете?

Комифо. (Смѣется) О, безподобный вопросъ!

Индолантова. Вчерашній! — — —

Мазуркинъ. Какъ, два дни сряду все одинъ.

Бостонкинъ. Это слишкомъ постоянно.

Комифо. Позвольте же теперь спросить, который сантиманъ вы для меня оставляли дома?

Индолантова. Вы слишкомъ mechant, чтобъ я вамъ отвѣчала, — оставляю на догадку. Adieu! поѣхали! поѣхали!

Амура. Я думаю, что мы пріѣдемъ послѣднія.

Индолантова. Я по чести этого бы желала. Вообрази! въ полночь на балъ, два кавалера съ нами, а мы только-что изъ-за туалета: какъ это будетъ interessant.

Амура. Безподобно! —

Мазуркинъ. Прекрасно! —

Бостонкинъ. Чрезвычайно! —

(Бостонкинъ ведетъ Индолантову, а Мазуркинъ Амуру, и всѣ выходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Комифо. *(Одинъ)* Прошу искать въ этихъ сердцахъ привязанности; прошу ожидать отъ нихъ чувствительности въ замѣну любви страстной; прошу выискивать способы тронуть ихъ душу и возбудить въ нихъ хотя малѣйшее къ себѣ вниманіе. О! какъ умно ты сказалъ, милый и справедливый писатель:

O femmes, comme on s'abuse,
En esperant vous enflammer;
Tout vous distrait, tout vous amuse,
Vous n'avez pas le tems d'aimer.

(Уходитъ; а на театръ выходятъ Швейцаръ, Параша и Филька и прибираютъ комнату.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПАРАША, ШВЕЙЦАРЪ и ФИЛЬКА.

(Во всю эту сцену свѣчи гасятъ и оставляютъ одну, или двѣ, и лѣнивымъ образомъ прибираютъ вокругъ.)

Параша. Слава Богу, насилу поѣхали! Вели же прибрать кому-нибудь.

Швейцаръ. Эка жизнь какая проклятая! Цѣлый день торчи въ сѣняхъ, дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай, инда ногъ не услышишь; легко ли сегодня какъ меня турили!

Парикмахеръ. Нѣтъ, а мнѣ такъ ужъ больше всѣхъ досталось. Давеча барыня не даетъ гребнемъ тронуть, вертится то туда, то сюда, да еще требуетъ скорой чески; нѣтъ, тутъ развѣ какого Француза дай, такъ и тотъ ротъ разинетъ.

Параша. Ужъ мнѣ эти подбѣгатели, да волокиты тошнѣй всего; отъ нихъ и я насилу могу уйти, — то и дѣло что пристаютъ, и у меня у самой цѣна у рту. Вѣдь вотъ теперь часовъ до пяти тамъ просидятъ, я должна раздѣть ее, а завтра готовить новое платье въ маскерадъ.

Швейцаръ. Вамъ обоимъ все хоть утромъ можно отдохнуть, вѣдь госпожа проспитъ до вечеренъ.

Парикмахеръ. А ты что, небось, также не проспишь.

Швейцаръ. Нѣтъ, посмотрѣлъ бы ты, какъ съ утренней зари молокососы-то давешніе зачнутъ турить, то тотъ, то другой; иной письмо шлетъ, иной на словахъ приказываетъ; ну какъ же ты отойдешь? Спокою нѣтъ!

Параша. И что у нихъ за разговоры и за пересылки, понять не могу; всякой день вмѣстѣ и все не наговорятся. — Чу кто-то пріѣхалъ!

Швейцаръ. Кому пріѣхать теперь, и, чаю

все [illegible] до кровавого поту; а оттого, знать, кареты отпустили сюда стоять по близости.

Парикмахеръ. Ну, у Мазуркина какая хватская четвертка, все бѣгуны.

Швейцаръ. Слуга сказывалъ, что по двѣсти платитъ на мѣсяцъ.

Параша. Лошади щегольскія, а ѣздить — экава труса и не сыщешь.

Швейцаръ. А ты почемъ знаешь?

Параша. А вотъ недавно барыня моя куда-то съ нимъ ѣздила за городъ и меня брала съ собой, — такъ чуть не плачетъ назадъ ѣхавши; знаешь, темно стало на дворѣ, а мѣсяца-то нѣтъ, такъ не радъ ни чему.

Парикмахеръ. Охъ, какъ-то онъ одинъ разъ съ слугой своимъ схватился, такъ я животики надорвалъ смѣючись. Поѣхали, видишь ты, они въ гости къ кому-то въ деревню, да далеко что-то ему показалось, а ночь-то ихъ захватила; кучеръ на лошадей кричитъ, а лошади пристали; онъ кучера въ спину, а слуга прижался на запяткахъ, да и кричитъ ему: знавши, сударь, свой обычай, вы бы лучше не ѣздили никуда въ деревню. Мало вамъ мѣста въ Москвѣ; — слава Богу, есть куда ѣздить-то; понеси васъ Господь за городъ, да ночью; ужъ бы вы лучше не затѣвали. — Ну, я, слышь ты, какъ онъ разсказывалъ, помираю со смѣху.

Швейцаръ. Нѣтъ, съ нашей барыней врядъ кому угоняться; то и дѣло кричитъ: пошелъ, и

нужды ей нѣтъ, оврагъ, канава, что ли, скачи, да и полно.

Параша. Что жъ мы здѣсь заговорились: кажется, все на мѣстѣ, пора и отдохнуть, вѣдь теперь ихъ не жди до утра.

Парикмахеръ. Что это имъ за радость этакъ поздно сидѣть; кабы я былъ баринъ, я бы все ложился съ курами вмѣстѣ.

Параша. Ну, ужъ захотѣлъ ты чего; — твоей ли рожѣ быть бариномъ!

Парикмахеръ. А что жъ такое? Небось, развѣ я хуже Мазуркина? Что въ немъ толку? Только ногой дрягаетъ, да мизинцемъ шевелитъ и улыбается, такой истощенной, кости, да шкура, какъ-будто усопшій.

Параша. И — — дуракъ, дуракъ! Да что въ дородномъ-то? Какъ къ намъ ѣздитъ низовой-атъ, тотъ, какъ бишь его зовутъ?

Швейцаръ. А! Раздувайко.

Параша. Да! Пудъ во сто, да ни краснаго словца отъ него, ни смѣшной шутки; сидитъ, ѣстъ, да прѣетъ: куда какая забава!

Парикмахеръ. Что жъ дѣлать-то, матушка Прасковья Парамоновна, вѣдь не всѣмъ-то намъ умнымъ быть, какъ вы, сударыня.

Швейцаръ. Охъ! этотъ чудакъ Раздувайко анамеднись въ жаркой день насилу вылѣзъ изъ кареты; ужъ онъ шелъ, шелъ, никакъ въ часъ добрелъ до гостиной, и отдувается, какъ изъ воды буйволъ.

Параша. Ну, куда этакой уродъ годится? А

вѣдь нынѣшняя-то молодежь, что ни говори, а любо слушать, какъ соловьи поютъ, одинъ другого востреѣе.

Парикмахеръ. Что съ вами дѣлать-то; хлѣбомъ не корми, да по-французски лепечи.

Параша. Пошелъ бы ты, добро, провѣдалъ про собаку; госпожа пріѣдетъ, ужъ, вѣрно, про нее хватится, а ее что-то давно не видать: она безъ нея не ляжетъ.

Швейцаръ. Посмотришь на господъ — затѣй-то, затѣй, конца нѣтъ! Выдумали собакъ въ постель себѣ класть, эка невидаль! Пойти жъ и мнѣ въ самомъ дѣлѣ схраннуть.

Параша. Да пожалуйста вели тамъ ночникъ въ сѣняхъ поставить.

Швейцаръ. Да гдѣ его теперь взять? Нѣмцато-управителя и съ собаками не сыщешь! Господа въ карету, а онъ на дрожки; а безъ него не отпустятъ.

Параша. За что же ему даютъ по 500 рублей въ годъ?

Парикмахеръ. За что! Спроси у барыни.

Швейцаръ. Чего спрашивать? Извѣстно дѣло, Нѣмецъ; небось Русскому не дадутъ. Нашимъ барямъ хоть осла дай, да иноземца, такъ и ладно. — Э! да не онъ ли ѣдетъ: что-то зашумѣло.

Параша. Нѣтъ, это никакъ карета, а не дрожки.

Парикмахеръ (глядитъ въ окно.) Господа, господа пріѣхали!

Швейцаръ. Вотъ тѣ на! А меня тамъ нѣтъ; ну, управитель-атъ меня отдѣлаетъ же.

Параша. Еще разговорился; бѣги скорѣе внизъ. Ахти, ужъ не занемогла ли барыня!

Парикмахеръ. Пойдетъ потѣха! Гадали до утра просидѣть, а пріѣхали прежде полночи; ужъ будетъ пыли, только лишь святыхъ неси вонъ.

Параша. Отворяй двери, да зажигай свѣчи поскорѣй, голубчикъ!

Парикмахеръ. А! теперь голубчикъ, какъ пришла бѣда; а давеча, такъ и мѣры нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

ИНДОЛАНТОВА, АМУРА, ПАРАША, ПАРИКМАХЕРЪ и ШВЕЙЦАРЪ.

Индолантова. *(Парикмахеру)* Вели намъ дать чего-нибудь ужинать: ко мнѣ тотчасъ будутъ Мазуркинъ и Бостонкинъ; *(Швейцару)* пошли къ г-ну Комифо сказать, что я воротилась и что мнѣ до него крайняя нужда.—Это такъ несносно, что я въ себя придти не могу.

Параша. Не сдѣлалось ли вамъ, сударыня, чего-нибудь? Здоровы ли вы?

Индолантова. Ахъ, Параша, не говори; я въ такую приведена конфузію по милости ея матушки, что ни съ чѣмъ не соображу!

Амура. Maman, право, могла бы ее passer намъ такую дурную nouvelle, и такъ не кстати прислать.

Параша. А что такое-съ?

Индолантова. Мы только-что пріѣхали, и почти не успѣли гостямъ откланяться, какъ вдругъ къ намъ отъ нея гонецъ, что какой-то у Амуры дядя умеръ, и чтобъ я тотчасъ ее съ балу къ ней завезла; я принуждена все бросить и уѣхать. Ей-Богу, такъ досадно, что я бы этого дядю за это не велѣла хоронить, что онъ такъ mal-à propos умеръ.

Амура. Что бы ему стоило, ma cousine, дотянуть до завтри? Il est insupportable.

Индолантова. Какъ до завтра? ужъ лучше бы до послѣзавтра, а то бы всему помѣшалъ; все равно. Не вели, Параша, кареты откладывать: она съ тобой доѣдетъ домой.

Амура. Ахъ, ma chere! я хоть отужинаю съ тобой! не такъ ли моя милая, incomparable?

Индолантова. Ужъ ли же я тебя до ужина отпущу? Нѣтъ, то ужъ извините; пускай маменька твоя кричитъ до заутрень, а я съ тобой прежде бѣла свѣта не разстанусь.

Мазуркинъ (входитъ.) Помилуйте, что съ вами подѣлалось?

Индолантова. Спроси у Амуры.

Амура. Какой-то дядюшка у меня скончался.

Мазуркинъ. Какъ же вамъ не стыдно для такой пустой причины уѣхать съ балу и ее съ собой увезти! Вѣрно, его смерть ни кого такъ не

огорчила, какъ вашъ отъѣздъ меня дѣволировалъ. Я только-что повернулся, велѣлъ играть контрадансъ, и пошелъ васъ искать, анъ васъ — и слѣдъ простылъ.

Амура. А я какъ фаше, что вы вообразить себѣ не можете.

Мазуркинъ. Да скажи пожалуйста, развѣ дядюшка вашъ воскреснетъ отъ этого, что вы домой уѣхали?

Индолантова. Что жъ дѣлать съ старинными людьми. Мать ея прислала записку, хоть тресни; да вези ее домой! Она такъ несносна съ своими капризами!

Бостонкинъ (*входитъ.*) Могу сказать, очень мило вы со мной поступили! Я за вами съ часъ бѣгалъ по залѣ съ винновой двойкой, а васъ не тутъ-то было!

Индолантова. Я въ отчаяніи.

Амура. А я еще больше.

Бостонкинъ. Да отчего же? Можно сказать.

Индолантова. У нее вдругъ дядя умеръ.

Бостонкинъ. Потомъ?

Индолантова. И ей велѣла мать домой ѣхать.

Бостонкинъ. Только! Смѣшны вы, воля ваша, что послушались. Развѣ мы бы не умѣли всякій своимъ манеромъ ему поминки отправить, — вы за бостономъ, она въ кадрили; а матушка ея тамъ, какъ бы знала, такъ бы на просторѣ и рюмила.

Индолантова. Вамъ все шутки, а мнѣ право досадно.

Бостонкинъ. Отчего? Что дядюшка-то ея, умеръ?

Индолантова. Ахъ! какой ты несносный! Нѣтъ, сударь, нѣтъ; мнѣ досадно, — ахъ! что и говорить! — Я чаю, тамъ очень весело!

Бостонкинъ. Такъ скачутъ и балъ такъ animé, что я рѣдко этакой видалъ.

Амура. Ахъ! ma cousine, какъ я malheureuse!

Мазуркинъ. И я не меньше вашего. У меня приготовлена была для контрдансу съ вами такая прекрасная фигура, совсѣмъ въ новомъ genre.

Бостонкинъ. А я было собрался лабетовъ десять у васъ сорвать.

Амура. Поэтому, ma cousine, мы и завтра не поѣдемъ?

Индолантова. Я право ничего не знаю; меня такъ твоя maman демонтировала, что я ничего не придумаю.

Засыпаевъ (входитъ.) Разобидѣть и растерзать человѣка нельзя больше, какъ вы меня! Какъ это можно, — лишь только въ двери, да и вонъ! Вы какъ тигръ съ нами поступили.

Индоландова. Право и намъ не легче вашего.

Амура. Я въ отчаяніи.

Засыпаевъ. Я слышалъ, какой-то дядюшка у васъ умеръ? Если я ему не сдѣлаю такой эпитафіи, отъ которой онъ. . .

Индолантова. Съизнова умретъ, — не правда ли? Quelle tête!

Амура. Ахъ! сдѣлайте такую, чтобы онъ воскресъ: мы бы опять поѣхали на балъ.

Мазуркинъ. Charmant, какъ вы милы!

Бостонкинъ. Удивительно! — —

Индолантова. Какъ мнѣ ни грустно, а съ тобой нельзя не разсмѣяться: ты такъ забавенъ, что мочи нѣтъ!

Комифо. Посланный вашъ, сударыня, такъ меня испугалъ, что я безъ души бросился сюда узнать, что съ вами случилось.

Индолантова. Я въ жизнь мою не была такъ разстроена! я въ такомъ отчаяніи....

Амура. И я.

Мазуркинъ. И я.

Бостонкинъ. И я.

Засыпаевъ. И я отъ общей ихъ напасти растерзанъ весь на мелки части!

Комифо. Надобно думать, что отчаяніе самое важное, когда и стихи на него поспѣли. Да что такое, пожалуйте скажите?

Индолантова. У ней дядя умеръ.

Бостонкинъ. Сейчасъ. — —

Мазуркинъ. Скоропостижно.

Амура. Какъ на смѣхъ.

Засыпаевъ. Онъ такъ умѣлъ свой вѣкъ пригнать, что имъ не удалось ни сколько поплясать.

Комифо. Конечно, вамъ жаль его, сударыня, и смерть такая неожиданная васъ огорчила? Чувствительное сердце такимъ случаямъ часто подвержено бываетъ.

Индолантова. Ахъ, нѣтъ, совсѣмъ не то, вы насъ не понимаете.

Комифо. Что жъ такое?

Амура. Намъ дядюшки pas du tout не жаль.

Комифо. Отчего же вы всѣ погружены въ такое отчаяніе?

Индолантова. Какъ же, mon cher, я принуждена съ балу уѣхать, на которомъ до смерти хотѣлось остаться!

Комифо. Зачѣмъ же не остались?

Амура. Maman пишетъ, чтобы меня увезти съ балу, и ma cousine такъ была complaisante, что и сама уѣхала.

Бостонкинъ. А я, сударь, только за бостонъ садился, анъ не тутъ-то было; принужденъ разорвать партію и сюда уѣхать: это до смерти досадно.

Мазуркинъ. А я ни вальса, ни мазурки не имѣлъ удовольствія протанцовать съ Амурой Аполлоновной; я отъ этого съ досады внѣ себя.

Засыпаевъ.

А было хотѣлъ настроить свою лиру
Чтобъ дамъ сихъ расхвалить на балѣ всему міру;
Но лишь хватился ихъ, — о, страшная бѣда!
Уѣхали они — уѣхали сюда.

Комифо. Какъ! такъ все ваше отчаяніе происходитъ отъ того только, что вы не на балѣ?

Индолантова. Что жъ, развѣ для васъ мало этого кажется?

Амура. Я никогда не была такъ malheureuse!

Мазуркинъ. Это перестаетъ быть потѣхой.

Бостонкинъ. Я не знаю, что можетъ случиться de plus noir.

Засыпаевъ. А я-то, сударь, а я потѣлъ, трудился, сочинялъ свою оду, хотѣлъ ею похвастать, — и все къ чорту.

Бостонкинъ. Ни одного тура не сыграть, — это слишкомъ несчастливо.

Мазуркинъ. Слышать котильонъ, и самому не кружиться; отъ этого, чортъ меня возьми, можно въ воду броситься.

Амура. Будто шутка наряжаться цѣлый день для того, чтобъ безъ успѣха домой возвратиться!

Индолантова. Я бы твою maman удавила!

Амура. Я бы mon oncle Богъ знаетъ какъ за это.

Комифо. Онъ и такъ ужъ умеръ, сударыня.

Бостонкинъ. Умираютъ же умные люди, да вовремя; а этого дядюшку догадало не въ пору такъ скончаться.

Засыпаевъ. Да и скоропостижно, какъ-будто гонятъ!

Комифо. Онъ, я думаю, очень бы желалъ вамъ не дѣлать этой тревоги.

Засыпаевъ. И все, небось, скупость; я чаю, толковалъ съ управителемъ, какъ прихватило, послать ли за докторомъ, дать ли за визитъ два рубли, — вѣдь онъ скряга былъ.

Индолантова. Какъ же, я его знала; такой кащей, что свѣтъ этакого не производилъ.

Бостонкинъ. То правду сказать, самый былъ ледащій человѣкъ, — въ карты, бывало, никогда не садится.

Комифо. Пошли дядюшкѣ поминки.

Засыпаевъ. Такъ и должно, чтобъ покойнику дядюшкѣ отъ беспокойной племянницы доставалось.

Мазуркинъ. Съ-роду не видывалъ, чтобъ онъ протанцовалъ что-нибудь, — такой былъ странный!

Комифо. Короче сказать, онъ былъ самый худой человѣкъ, потому что разстроилъ балъ, хотя, впрочемъ, въ этомъ его вины и нѣтъ ни малой.

Индолантова. Сколько ты ни умничай, я отнюдь не стыжусь говорить, что я въ отчаяніи.

Амура. Ахъ, ma chere! и я то же.

Бостонкинъ. Да какъ не быть въ отчаяніи!

Мазуркинъ. Особливо мнѣ.

Засыпаевъ. Что лежитъ до меня, то я въ самыхъ терзательныхъ обстоятельствахъ отъ того же, отъ чего и вы.

Параша. Кушать, сударыня, готово. Я столъ накрыла въ вашемъ диванѣ.

Индолантова. Хорошо. Ну, господа! пойдемте за столъ, и по крайней мѣрѣ вымѣстимъ хоть тѣмъ, что дадимъ полную волю языкамъ нашимъ на счетъ мертваго ея дядюшки и живой матушки.

Бостонкинъ. Я не прочь.

Мазуркинъ. И я то же.

Засыпаевъ. Куда вы, туда и я, безъ сомнѣнія.

Амура. Какъ бы я теперь je m'en serois donnée на балѣ!

Мазуркинъ. Я нахожу, что вы отъ этого сакрифису вдвое помилѣли.

Комифо (*въ сторону*.) Надо это словцо записать.

Индолантова. Какъ бы ты меня этимъ словомъ обрадовалъ, если бъ я не была de mauvaise humeur.

Засыпаевъ.

Чѣмъ намъ уже нельзя на свѣтѣ забавляться,
О томъ и въ разговоръ напрасно лишь пускаться.

(Всѣ уходятъ ужинать.)

Индолантова. Я надѣюсь, что ты меня не оставишь въ такомъ отчаяніи и отужинаешь съ нами.

Комифо. Очень охотно, сударыня! я боюсь провиниться. (*Къ партеру.*) Вотъ настоящее отчаяніе безъ печали.

Параша (*одна.*) Не у насъ у однихъ этакія живутъ выходки. Г. Комифо дивится, что они всѣ въ отчаяніи, а печали нѣтъ на грошъ; нынче какъ поглядѣть на господъ, такъ у нихъ и все на этотъ манеръ: любви нѣтъ, а влюблены; красавицъ нѣтъ, а всѣ безподобныя; диковинъ нѣтъ, а все удивительно; безпокойство чуть набѣжитъ хоть маленькое, то всѣ растерзаны! Долго ли это продлится, Богъ вѣдаетъ; а теперь, видно, такъ водится, того не перехитришь, а между тѣмъ, дай Богъ, чтобъ и всегда люди были въ отчаяніи безъ печали!

ЛЮБОВНОЕ ВОЛШЕБСТВО.

ОПЕРА

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Aujourd'hui ce qui ne vaut pas la peine d'être dit, on le chante.

BEAUMARCHAIS.

Тобой, жена и другъ, любви познавши путь,
Тебѣ твоихъ чудесъ картину посвящаю!
Въ любви твоей ко мнѣ блаженство обрѣтаю;
Моею ты къ себѣ равно счастлива будь!

ДВА СЛОВА ДО КОМЕДІИ.

—

Время страстей молодого человѣка есть то же для сердца, что бѣлая горячка для головы. Никто не избѣжалъ этого припадка; одни лѣта и опытъ вылечиваютъ насъ отъ онаго. Но, къ несчастію, въ этомъ случаѣ здоровье часто скучнѣе болѣзни.

Въ самыхъ жестокихъ пароксизмахъ вздумалъ я написать оперу, и вылилось — Любовное Волшебство. Какова причина, таково и слѣдствіе: въ бреду сочиненъ бредъ. Я пропелъ ее Евгеніи, — она улыбнулась; это было для меня вѣнецъ славы. Я, не размышляя, тотчасъ отдалъ оперу въ печать и посвятилъ Евгеніи, очаровательницѣ моего сердца — этому двадцать лѣтъ; я былъ тогда въ самыхъ пылкихъ годахъ сердечнаго чувства.

Но сіе уродливое порожденіе любовнаго жара не получило желаемаго успѣха. Оперу никто не

покупалъ; она попала въ кучу тѣхъ произведеній, кои лежатъ въ лавкѣ до тѣхъ поръ, какъ смякнетъ бумага и пригодится хоть на обертки, спасая часть убытковъ книгопродавца. Скажу объ ней, какъ сказалъ о многихъ одинъ счастливый стихъ:

Ужъ въ оперѣ моей и ваксу продаютъ.

Но какъ не всѣ люди въ мірѣ постигли таинственныя красоты Эврипида и Озерова, какъ не всѣ плѣняются кистью Рафаэля, и многіе любуются на каррикатуры, украшающія прилавки Спасскаго Моста, то и мое Любовное Волшебство нашло своихъ охотниковъ: его стали играть на одномъ провинціальномъ театрѣ. Зрѣлище удалось, понравилось. Вотъ болѣе десяти лѣтъ, какъ опера моя не сходитъ съ репертуара; дирекція тамошняя даетъ ее раза три въ годъ; театръ всегда полонъ, сборъ удовлетворителенъ. Я самъ видѣлъ свое дитятко во всемъ его блескѣ; это меня взманило; изъ благодарности къ снисходительной публикѣ, при новомъ изданіи моихъ сочиненій перепечатать и ее.

Присемъ покорнѣйше прошу всякаго читателя вспомнить нѣсколько строкъ моего предисловія и замѣтить, что я печатаю свое собственно для себя и для того, чтобъ сохранить подъ старость въ свѣжей памяти восхитительныя минуты бы-

тія моего; а та эпоха, во время которой чертилъ я это драматическое чудовище, была одна изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни.

Разборчивая публика можетъ покупать и не покупать книги, цѣнить и осмѣивать мои труды, какъ ей угодно; я прежде всѣхъ охотно смѣюсь самъ надъ собою, и привыкъ глядѣть съ одинакимъ равнодушіемъ на хвалу и на сатиру, зная изъ опытовъ очень твердо, что въ поэзіи, какъ во всякомъ другомъ дѣлѣ, часто зовутъ многое и худое изящнымъ, когда автору везетъ, и хорошее дерется на завиточки, если сочинитель, какъ говорятъ Французы, дю простой.

Впрочемъ, позвольте и мнѣ нѣсколько пріосаниться. Когда играютъ Русалки, Чортовы мельницы и проч. и проч., то для чего же и моей сумбурной оперѣ не рекомендоваться въ люди?

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гипполитъ, дворянинъ достаточный, уединившійся въ свои помѣстья.

Глафира, бѣдная дворянка, сирота, сосѣдка Гипполиту по землямъ.

Весельчакъ, слуга Гипполитовъ.

Амуръ, граціи, игры и смѣхи.

Расплюѣвъ, староста господскаго села.

Смѣяна, дѣвка Глафирина.

Мечтолюбъ, знатный господинъ.

Поддакинъ, секретарь его.

Нина, его пѣвица.

Изотъ, мужикъ Гипполитова села.

Домна, жена его.

Даша, дочь ихъ.

Толпа крестьянъ и крестьянокъ.

Дѣйствіе въ помѣстьи Гипполита близь Камы рѣки, на берегу которой расположены нѣкоторые Гипполитовы потѣшные домики.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ съ одной стороны Гипполитовы поля, жнитво и сѣнокосъ, съ другой стороны видны селенія и часть земель, принадлежащихъ Глафирѣ. На Гипполитовыхъ лугахъ косцы поютъ хоръ, староста надсматриваетъ, а въ концѣ хора выходитъ и Гипполитъ съ слугою.

ГИППОЛИТЪ, ВЕСЕЛЬЧАКЪ, РАСПЮТѢЕВЪ и МУЖИКИ.

ХОРЪ.

МУЖИКИ.

Нутка, други, за-одно
Станемъ барщину работать;
А чтобъ время укоротать,
Станемъ мы тянуть вино.
Намъ трудиться не наскучитъ,
Пока баринъ добрый живъ:
Онъ насъ любитъ и не мучитъ;
О, да будетъ онъ счастливъ!

РАСПОТѢЕВЪ.

Ну, ребята, поживѣй;
Богъ далъ красную погоду.

ДѢВКА.

Кончимъ поле поскорѣй;
Послѣ баринъ дастъ свободу.

МУЖИКЪ.

А тамъ къ вечеру домой
За любовь и за покой.

РАСПОТѢЕВЪ.

Вонъ и баринъ нашъ идетъ:
Всѣ челомъ ему, крестьяне!
Наша братья съ нимъ живетъ
Словно такъ, какъ бы дворяне.

ХОРЪ.

Нутка, други, за-одно и проч.

Гипполитъ. Спасибо, друзья мои, спасибо; я столько же дорого цѣню ваше усердіе ко мнѣ, сколько живо вы его чувствуете.

Распотѣевъ. Да продлитъ Богъ вашего вѣку! Всѣ ваши мужички и я старшой о томъ Его вседневно молимъ. Хорошій баринъ такое на свѣтѣ для насъ сокровище, такой, слышь ты, кладъ, что....

Гипполитъ. Въ другой разъ спасибо. Сегодня жарко, солнце подходитъ къ полдню, распусти съ работы; я довольно богатъ, чтобъ отъ лишняго ихъ праздника не потерпѣть убытка.

Всѣ мужики. Помилуй те самъ Богъ, какъ милуешь ты насъ! (*Расходятся.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ГИППОЛИТЪ и ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Гипполитъ. Сколько людей меня любятъ.... а я однако несчастливъ.

Весельчакъ. Баринъ мой скучаетъ и что-то про себя бормочетъ. Скука, сударь, худое ремесло, и вы дурно дѣлаете, что съ нею познакомились.

Гипполитъ (*въ задумчивости.*) Что ты говоришь?

Весельчакъ. Я, сударь, люблю говорить, когда меня слушаютъ; а на вѣтеръ слова бросать не охотникъ. Разгладьте свое пасмурное личико и удостойте меня благосклоннымъ взглядомъ, такъ я продолжать стану.

Гипполитъ. Шутки хороши, да не во всякое время.

Весельчакъ. Нѣтъ, сударь, съ тѣхъ поръ, какъ вы сами прозвали меня Весельчакомъ, я времени не разбираю, готовъ всегда врать быль и небылицу, правду наряжать сказкой, а сказку правдой, говорить, болтать, шумѣть, словомъ, дѣлать все то, что можно, чтобы васъ разсмѣшить.

Гипполитъ. Въ чемъ рѣдко успѣваешь.

Весельчакъ. Да скажите пожалуйте, сударь, когда вы перестанете нахмуриваться? когда увѣритесь вы, что, право, вы счастливы?

Гипполитъ. Я счастливъ, я? Развѣ есть на свѣтѣ счастливые люди? Укажи мнѣ ихъ, пожалуй; по крайней мѣрѣ я ихъ не видывалъ.

АРІЯ.

Напрасно, счастіе, тебя
Я гдѣ-нибудь сыскать желаю;
Труды и время лишь теряю
И тщетно мучаю себя.
Нѣтъ, нѣтъ! найти его не можно;
Оно нигдѣ намъ не дано,
И все плѣняетъ сердце ложно,
Такъ Небомъ, знать, учреждено.
Но если, — ахъ! то быть не можетъ, —
Судьба сыскать его поможетъ,
Тогда бѣднѣйшій самый край
Въ эдемскій превратится рай!

Весельчакъ. Перейміте-ка, сударь, у меня. Я пью и ѣмъ вдоволь; волочусь, сколько охоты есть; люблю дѣвушекъ и нахожу какъ-то ненарочно на моей улицѣ всегда по двѣ, по три ко мнѣ склонныхъ; сплю такъ крѣпко, что никакихъ баттарей трескъ — бывало въ Финляндіи, въ память ли вамъ — меня разбудить не можетъ; смѣюсь, хохочу, не тужу потерявши, и, благодаря моей судьбѣ, счастливъ, да, сударь, счастливъ. — Что вы на меня такъ смотрѣть изволите? Ужъ ли же вы думаете, что коли нѣтъ кучи денегъ, такъ и счастливу быть не можно?

Гипполитъ. Твои грубыя чувства, другъ мой, не могутъ вмѣщать того счастія, какого

ищетъ человѣкъ съ просвѣщеніемъ, человѣкъ, испытавшій сладости міра.

Весельчакъ. Поэтому я моими чувствами грубыми не мѣняюсь отнюдь на ваши нѣжныя. Однако я васъ люблю и желалъ бы васъ видѣть веселѣе; вы всегда пасмурны, уѣхали сюда невѣдомо зачѣмъ; имѣя тысячъ пятьдесятъ доходу, прискакали жить въ деревню. Вы къ уединенію не сродны; поѣзжайте въ Москву, сударь.

Гипполитъ. Развѣ я тамъ не жилъ? развѣ не соскучилъ наконецъ я и тамъ? Ахъ! вездѣ исчезли мечты пріятной другъ другу довѣренности слово *я* и *мнѣ* всѣ забавы помрачило; или будь въ толпѣ людей, гдѣ каша кашей, или въ четырехъ своихъ стѣнахъ одинъ сидя, съ досады тресни: нѣтъ иного образа жизни.

Весельчакъ. Имъ съѣздите въ чужіе краи.

Гипполитъ. Я ихъ видѣлъ, тогда три проматался и не въ Россіи; все то же: либо глупость, либо надменность; здѣсь принужденіе, тамъ своевольство; и побывавъ въ разныхъ государствахъ, не видалъ ни одного человѣка, который бы спать ложась, сказалъ самъ себѣ: я сегодня былъ доволенъ.

Весельчакъ. Ну, такъ примитесь за хозяйство: стройте, ломайте. Напримѣръ, сударь, гдѣ у васъ поставленъ храмъ Вѣрности, поставьте шалашъ; гдѣ убѣжище Терпѣнія, туда перенесите Вѣрность, а на мѣсто Вѣрности.... словомъ: сдѣлайте, сударь, въ строеніяхъ вашихъ производство.

Гипполитъ. Какая радость будетъ мнѣ въ томъ, коль нельзя имѣть удовольствія посядѣть въ никъ не одному.

Весельчакъ. О, такъ женитесь на хорошенькой, пригожей, а особливо молодой дѣвушкѣ.

Гипполитъ. Не хочу; женитьба зависимость, изъ всѣхъ неволь самая безпокойная неволя; въ этомъ состояніи не только найти счастіе, и послѣдній слѣдъ къ нему потеряешь.

Весельчакъ. Сталъ въ пѣнь! По-моему, такъ каждое изъ этихъ средство сдѣлало бы меня счастливымъ, если бъ я уже имъ не былъ; а вамъ все не то, да не въ такую силу. Неуже ли же-таки мать натура не проложила вамъ нигдѣ никакой будто тропинки ко счастію? Взглянитe, сударь, на всѣхъ! Кто до фортуны не доходитъ большой столбовой дорогой, тотъ навѣрно, какъ червякъ, кривыми дорожками доползетъ, какъ доползетъ.

Гипполитъ. Пойду въ этотъ лѣсокъ. Какъ скучно чего-то хотѣть и не знать самому чего!

Весельчакъ. А сказать ли, сударь, наконецъ, чего вамъ хочется?

Гипполитъ. Скажи чего?

Весельчакъ. Вы признаетесь, ежели я отгадаю?

Гипполитъ. Ты знаешь, что я притворствовать не умѣю.

Весельчакъ. Вамъ хочется влюбиться.

Гипполитъ. Влюбиться! влюбиться! Какое, право, смѣшное состояніе: бѣгай или за новет-

кой, которая измучитъ, или за разумницей, которая безъ вѣсу и мѣры не поцѣлуетъ. Нѣтъ, влюбиться не мое дѣло. Влюбиться! Любовь въ нѣкоторыя лѣта ни что иное, какъ сумасбродство, а влюбленные—посмѣшище. Я силѣ этого пламеннаго божка, коего зовутъ Амуромъ и которому вселенная кланяется, никакъ не вѣрю; Амуръ есть изчадіе нашего воображенія, и сердце наше едва ли горѣло когда вправду его пламенемъ.

Весельчакъ. Въ самой вещи, сударь, подите-ка прогуляться, вы что-то помудреному говорите; я и половины словъ вашихъ въ толкъ не возьму. Мое дѣло любить весь свѣтъ: и мужчинъ и женщинъ, любить солнышко днемъ, ночью мѣсяцъ, лѣтомъ птичку, зимой сани, словомъ, нѣтъ дня, часа, мѣсяца, года и погоды, въ которыя бы я чего-нибудь не любилъ. Безъ любви жить на свѣтѣ! Да какъ это можно? Она наша сударушка, голубушка, жизнь, богатство; она все; безъ нее, по-моему, такъ и огромныя-то барскія палаты ни лучше, ни краше пустого амбара.

(Во время этого монолога Ипполитъ выходитъ, а между тѣмъ Весельчакъ поетъ слѣдующую арію. На дворѣ располагается погода къ ненастью и ходятъ громовыя тучи.)

АРІЯ.

Я скукѣ врагъ навѣки!
Люблю хорошую дѣвченку,
Люблю пригожую бабёнку,
И все, что женщины, люблю.

Со мной въ ладу всѣ человѣки,
Я всякую ночь покойно сплю.
Со старухой не вожуся,
Съ молодкой волочуся,
Съ ребятами шучу,
Влюбляться ихъ учу.
Я скукѣ врагъ навѣки!

(*По окончаніи аріи Гипполитъ подходитъ на сцену съ веселымъ видомъ, и слышенъ громъ вдали.*)

Гипполитъ (*про себя.*) Какая странная мысль!

Весельчакъ. Баринъ идетъ назадъ веселъ; видно, надумался о чемъ-нибудь пріятномъ, или не такъ ли, какъ всѣ богатые люди, которые отъ привычки къ перекорамъ и съ самимъ временемъ живутъ въ разладѣ; давеча было ясно, господинъ мой былъ пасмуренъ; а теперь, чу, громъ гремитъ, такъ онъ распотѣшился.

Гипполитъ. Если бъ это подлинно случилось...

Весельчакъ. Что, сударь, такое, не можно ли мнѣ знать?

Гипполитъ. Я гулялъ задумавшись въ этой липовой рощѣ, гдѣ разбросаны у меня статуи нѣсколькихъ лжебоговъ, и глядя на нихъ, мнѣ вдругъ захотѣлось, чтобы, по древнему обычаю, кто изъ нихъ сошелъ къ намъ сюда; эта мысль меня очень забавляетъ.

Весельчакъ. Вотъ на, сударь; да я думаю въ старину это бредили.

Гипполитъ. Что нужды, что то былъ бредъ; имъ такъ казалось, и они были счастливы. Ча-

сто сонъ привидится такой хорошій, что вѣкъ бы не проснулся.

Весельчакъ. Положимъ, сударь, чтобы эти боги и сошли къ намъ — вотъ-таки сюда прямо въ поле по новому, или старому манеру, какъ имъ угодно; ну, что же въ томъ прибыли было бы, пожалуйте скажите?

Гипполитъ. Я бы спросилъ у нихъ, гдѣ счастье, гдѣ его сыскать, какъ сохранить, какъ во всю жизнь имъ пользоваться?

Весельчакъ. Опять-таки за счастье! Нѣтъ, а я бы у нихъ ничего не спросилъ, а ушелъ бы очень далеко. Видалъ я, какъ земные полубоги нашу братью-мелочь ломаютъ и коверкаютъ; а цѣлая-то полновѣсная какъ слетитъ по вашему съ неба туша, такъ-то ли пить дѣло будетъ?

Гипполитъ. Однако гроза усиливается; пойдемъ домой, пока дождь не пошелъ.

Весельчакъ. Нѣтъ, уже поздно никакъ; экъна, какой пошелъ! Вотъ, сударь, каково богами-то шутить; вы лишь молвили про нихъ, анъ и гроза. Съ часъ тому не было и тонкаго облачка, а теперь посмотрите какое черное небо!

Гипполитъ. Поспѣшимъ, поспѣшимъ; градъ и дождь престрашный.

Весельчакъ. Нѣкогда бѣжать, сударь; войдемте лучше въ этотъ шалашъ, и тутъ дождемся, чтобъ туча прошла.

(*Оба входятъ въ шалашъ; громъ и гроза страшная, дождь и градъ, а къ концу ду-*

эта небо прочищается и время становится прекрасное.)

ГИППОЛИТЪ.

Ахъ, если бы могло то статься,
Чтобы сходили боги къ намъ,
Тогда бы было льзя ласкаться
Сыскать конецъ всѣмъ злымъ бѣдамъ.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Какая страшная погода,
Пресильный въ небѣ шумъ и трескъ!
Одѣлась въ тучу вся природа,
Глаза слѣпитъ ужасный блескъ!

ГИППОЛИТЪ.

Иль дождикъ перестать не хочетъ?

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Нѣтъ! онъ насъ любо какъ промочитъ.

ГИППОЛИТЪ.

Намъ, видно, здѣсь весь день сидѣть.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

На тучи съ молніей глядѣть.

ГИППОЛИТЪ.

Но нѣтъ, опять ужъ стало ясно.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Вотъ небо время дастъ прекрасно.

ГИППОЛИТЪ.

И тучи, кажется, прошли.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Опять за рощу всѣ ушли.

Вмѣстѣ.

ГИППОЛИТЪ.

Но нѣтъ! опять ужъ стало ясно,
И тучи, кажется, прошли.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Вотъ время небо дастъ прекрасно;
Опять за рощу всѣ ушли.

ЯВЛЕНІЕ III.

Те жѣ и АМУРЪ.

(Амуръ спускается при ясномъ видѣ неба, гроза перестаетъ; въ различныхъ облакахъ со всѣхъ сторонъ слетаютъ Игры, Смѣхи и Забавы. Лишь только Амуръ съ облака ступитъ на землю, то птицы всѣ запоютъ и начнется въ воздухѣ волшебной хоръ; пока Амуръ вьется со свитою своею въ облакахъ, Ипполитъ и Весельчакъ, его не примѣчая еще, выходятъ изъ шалаша.)

Весельчакъ. То-то, сударь, была нарядная трескотня! Никакъ на Олимпѣ отъ отца Юпитера прочимъ богамъ приходило жарко.

Гиппол итъ. Это такъ не рѣдко бываетъ; на верху бранятся, а внизу трещатъ.

(Амуръ входитъ и начинается хоръ, подъ которой Игры, Смѣхи и Забавы танцуютъ балетъ; во время хора Гипполитъ и Весельчакъ стоятъ въ изумленіи.)

ХОРЪ.

Амуръ! тебѣ вселенна служитъ,
Природа вся уставъ твой чтитъ,

Твой гласъ сердца всѣхъ смертныхъ движетъ,
Огнемъ безсмертнымъ ихъ палитъ.

Ты скиптромъ всѣхъ краевъ владѣешь
Превыше свѣтскихъ всѣхъ царей;
Во всѣхъ народахъ ты имѣешь,
Сколь тамъ сердецъ, столь алтарей!

(Пока поютъ хоръ и балетъ танцуютъ, Амуръ подходитъ къ деревьямъ, къ лавочкамъ, и гдѣ палочкой ни тронетъ, вездѣ видно превращеніе, и шалашъ украшается розами и сверху являются два сердца пылающія, съ надписью: Вотъ счастье.)

Весельчакъ *(тихо Гипполиту.)* Вотъ, сударь, накликали вы и боговъ; смотрите, какая ихъ стая слетѣла. Я уйду.

Гипполитъ *(удерживая его.)* Такъ что жъ? Тѣмъ лучше; какое благополучіе! Подойдемъ къ этому юному божку; это никакъ Амуръ; я его никогда не видывалъ.

АМУРЪ *(важно.)*

Желаніямъ твоимъ Олимпъ сей день внимая,
И на судьбу твою сокрытый ропотъ зная,
Послалъ меня сюда надменный духъ смирить,
И выучить тебя любя любимымъ быть.

(Въ воздухѣ слышно эхо: любить.)

Чего желаешь ты, скажи мнѣ откровенно?
Мнѣ все покорено: адъ, небо и вселенна.

Гипполитъ. Желаю счастія.

АМУРЪ.

Коль хочешь быть счастливъ, ты долженъ полюбить.

(Въ воздухѣ повторяется слово: полюбить.)

Гипполитъ. Любить!

АМУРЪ.

Найдя предметъ любви, старайся милымъ быть.

Гипполитъ. Нельзя ли отъ любви меня избавить? Я владычество твое знаю, могущества твоего страшусь; но думаю...

Весельчакъ. А! а! трусу праздновать.

АМУРЪ.

На свѣтѣ безъ моихъ нѣтъ счастія оковъ.
Взгляни на сей шалашъ и судъ прочти боговъ!

Гипполитъ *(читаетъ.)* Вотъ счастье!

(Игры и Смѣхи, окружа Амура, указывая на него, кричатъ то же: вотъ счастіе.)

(Игривая толпа Геніевъ во время аріи танцуетъ, а по окончаніи каждаго куплета первые четыре стиха поются хоромъ.)

АМУРЪ *(поетъ.)*

На свѣтѣ блаженство
Одно, чтобъ любить,
Всѣхъ благъ совершенство
Любя милымъ быть.
Богатствъ обольщенье
И славы прельщенье
Моихъ стрѣлъ, колчана
Не стоютъ отнюдь.

Въ любви тая страстной,
Хорошъ всякой край,
Съ подругой прекрасной
Вездѣ сыщешь рай.
Безъ женщинъ мужчина,
Жена безъ мужчины

Блаженной судьбины
Нигдѣ не найдутъ.

Гипполитъ. О, сынъ веселыюй красоты, повсюду чтимый Купидонъ! или во множествѣ различныхъ человѣческихъ состояній нѣтъ ни одного такого, въ которомъ бы я могъ, почитая могущество твое издалека, быть счастливъ, покоенъ, веселъ, не сгарая твоимъ страстнымъ пламенемъ?

Амуръ (*смѣючись.*) Ахъ! какъ же ты смѣшонъ съ своими высокопарными разсужденіями! Однако я тебя потѣшу; ты наконецъ признаешься и самъ, что безъ меня земной шаръ плачевное жилище. Смотри, тотъ ли видъ при мнѣ имѣетъ твое селеніе, какъ прежде? Птички повсюду поютъ и рѣзвятся, деревья одно къ другому приклоняютъ свои вѣтви и листочки ихъ вьются вмѣстѣ; но когда все это для тебя не убѣдительно, когда гордость и тщета влекутъ тебя за собою, то я дамъ тебѣ случай самому познать свое заблужденіе.

Гипполитъ. Такой даръ для меня стократъ будетъ любезнѣе стрѣлъ твоихъ; на нихъ и безъ меня такъ много охотниковъ, что господину Амуру не малой ихъ запасъ ежедневно потребенъ: на что терять ихъ напрасно?

Амуръ (*принимая отъ двухъ Грацій кружку.*) Вотъ тебѣ кружка изъ самаго чистаго хризолита; въ ней вода рѣки забвенія. Изъ этой кружки Юпитеръ пьетъ всякой разъ, когда онъ отъ одной любовницы бросается въ объятія другой;

но такъ какъ онъ сегодня подарилъ себя Юнонѣ, то до завтра это ему не понадобится. Вотъ тебѣ еще изумрудное колечко, которое я употребляю только на небѣ, когда между богами какая баламутка. Употреби эти двѣ вещи въ свою пользу. Надѣвъ кольцо на правую руку, ты сдѣлаешься всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пожелаешь; надѣвъ на лѣвую, очутишься тамъ, гдѣ вздумаешь, и будешь невидимкой; а когда надоѣдятъ тебѣ превращенія, и ты, найдя судьбу по сердцу своему, захочешь, чтобъ волшебство совсѣмъ исчезло, выпей тогда изъ кружки, да смотри, поберегай ее и исчерпи напередъ всѣ твои затѣи.

Гипполитъ. Ахъ, какимъ восхищеніемъ, крылатый божокъ, ты меня наполняешь!

Амуръ. Скоро, скоро всѣ эти подарки тебѣ наскучатъ, и я надъ сердцемъ твоимъ восторжествую.

(Во все это время Весельчакъ заигрываетъ съ прислужницами Амура и Геніями.)

А ты, бѣднякъ, также, я чаю, чего-нибудь хочешь?

Весельчакъ. Благо можно попросить, семъ попытаюсь и я *(Подходитъ робко и тихо)* Великой, большой, ужасной, преузорочной, отецъ,... дитя....

Амуръ *(расхохотавшись.)* Ха, ха, ха! Оставь пожалуй эти вычуры; я до нихъ не охотникъ. Я беру на себя иногда видъ важный, когда бесѣдую съ людьми знатными, степенными и неприступными; а съ такими добрыми простяками,

каковъ ты, я всегда обхожусь безъ чиновъ, и для нихъ у меня особыя водятся стрѣлы.

Весельчакъ. Такъ изволь же знать, господинъ Амуръ, что мнѣ двухъ вещей, помилуй Богъ, какъ хочется; а впрочемъ, я всѣмъ, по милости твоей ли, или другого какого вашего брата, верхняго жителя, доволенъ.

Амуръ. Ну скажи, чего?

Весельчакъ. Во-первыхъ, кабы у меня была женушка, которая бы меня любила ни больше, ни меньше, какъ я ее любить буду.

Амуръ. Изволь. Потомъ?

Весельчакъ. Кабы имѣлъ я въ карманѣ такую бутылку вина, въ которую бы, сколько изъ нея выпью, столько бы опять наливалось; то есть даромъ, безъ платежа.

Амуръ. Изволь, я тебя этимъ подарю за твое добросердечіе. Я не замѣшкаюсь привести тебѣ такую дѣвочку, съ которой ты будешь жить, какъ рыба съ водой, а вина, когда ни пожелаешь, всегда получишь. Господинъ твой пускай до вечера помается, ха, ха, ха, и пусть узнаетъ, что сколько ни есть на свѣтѣ людей, и сколько ни различны ихъ состоянія, все въ мірѣ любитъ, все мнѣ кланяется и изъ этого колчана летаютъ стрѣлы такъ же давно, какъ и люди водятся.

(Амуръ, проговоря сіе, даетъ сигналъ: облака во множествѣ спускаются, Игры, Смѣхи и Забавы группами садятся и поднимаются вверхъ; Амуръ на легкое облако восходитъ, и пока этотъ отлетѣ на

театръ дѣлается; поется тотъ же волшебный хоръ, который и прежде. По окончаніи же онаго, и когда Амуръ изъ виду и съ свитою своею пропадаетъ, то театръ приходитъ въ первобытное состояніе, превращенія исчезаютъ и шалашъ прежній видъ получаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГИППОЛИТЪ и ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Весельчакъ. Никакъ, сударь, тысяча и одна ночь въ очью совершается?

Гипполитъ. Ахъ, какая нужда изслѣдывать сонъ ли то, или истина! Сегодняшній день вѣчно изъ памяти моей не выйдетъ. Если все на свѣтѣ обманъ, то можетъ ли мечта быть прелестнѣе моей! Пойду, полечу, обтеку мысленно всѣ предѣлы свѣта, употреблю въ пользу свою сіи очарованные подарки и посмотрю, есть ли на свѣтѣ счастіе.

Весельчакъ. Однако, сударь, пока вы еще кольца своего съ пальчика на пальчикъ не перебрасываете и изъ угла въ уголъ по свѣту не мычитесь. . . .

Гипполитъ (*съ нетерпѣніемъ желая уйти, пока тотъ его держитъ.*)

Ну! . . .

Весельчакъ. Пока изъ кружки не зачали еще цѣдить воду забвенія, которую, по частой перемѣнѣ вашихъ склонностей, скоро, я думаю почнете. . . . .

Гипполитъ. Ну! . . .

Весельчакъ. Такъ же пока я не пожелалъ, не получилъ и не почалъ своего съ неба спадшаго ренскаго. . . .

Гипполитъ. Договоришь ли ты безчисленныя свои *пока?*

Весельчакъ. Не можно ли, сударь, намъ отобѣдать? Громъ, лучи и слѣпое дитятко Амуръ такъ насъ засовали, мы такъ засуетились, что давно полдень прошелъ, а мы еще не ѣли.

Гипполитъ. Вотъ еще какая диковинка! Сколько людей отъ Амура, и не видавъ его совсѣмъ, по нѣсколько дней вовсе не ѣдятъ, а мы по крайней мѣрѣ его видѣли.

Весельчакъ: Правда, сударь, что это велико дѣло; да только брюхо ничего этого не разумѣетъ. . . . .

Гипполитъ. Добро! пойдемъ обѣдать, и выпьемъ за здоровье Амура.

ЯВЛЕНІЕ V.

(Театръ представляетъ селеніе Глафиры; вдали театра англійскій садикъ, а направо, ближе къ оркестру, бесѣдка съ площадкой, на которую Глафира изъ бесѣдки выходитъ.)

ГЛАФИРА (*одна.*)

АРІЯ.

Стократъ счастливое уединенье,
Гдѣ я живу безъ скуки, безъ досадъ!
Въ тебѣ мой духъ находитъ утѣшенье,
Какого дать не силенъ знатный градъ.
Тамъ шумъ, тамъ все противится природѣ
Все ею здѣсь и дышетъ и живетъ:
Здѣсь птички рѣзвятся въ свободѣ
И соловей играючи поетъ.

Стократъ счастливое уединенье, и проч.

СМѢЯНА (*вбѣгаетъ съ крикомъ.*) Ахъ! ахъ! ахъ! сударыня.

ГЛАФИРА. Что ты?

СМѢЯНА. Вонъ тамъ какое-то дитя за мною гонится.

ГЛАФИРА. Что жъ тутъ страшнаго?

СМѢЯНА. Ничего; да лишь я его взвидѣла, такъ вся стала не своя и сердце такъ бьется. . . .

ГЛАФИРА. Какъ же она испугалась! . . . (*Амуръ вбѣгаетъ съ завязанными глазами и съ лукомъ*) Что за хорошее дитя! — Откуда ты взялся, мальчикъ?

АМУРЪ. Я не мальчикъ.

Глафира. Дѣвочка что ли?

Амуръ. Нѣтъ.

Смѣяна. Не ужъ ли ты родился отъ грому и молніи давешней?

Амуръ. Нѣтъ, я шуму не люблю.

Глафира. Для чего ты зажмурившись ходишь; вѣдь ушибешься.

Амуръ. Не бойтесь, я не ушибусь; а зрячіе, на меня заглядываясь, часто спотыкаются.

Смѣяна. Да скажи намъ, милое дитя, что ты такое?

Амуръ (*развязывая очи*) Я божокъ; меня зовутъ Амуръ.

Глафира. Такого гостя я право дарно къ себѣ не ожидала.

Смѣяна. А зачѣмъ пожаловалъ? Развѣ тебѣ на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ насъ, мѣста нѣтъ? Иль отъ тебя и въ глуши не уйдешь?

Амуръ. Отъ меня! отъ Амура уйти! ха, ха, ха!

АРІЯ.

Нѣтъ въ свѣтѣ участи такой,
Нигдѣ нѣтъ края, ни пути,
Гдѣ бъ отъ стрѣлы моей любой
Умѣлъ бы человѣкъ уйти;
Я жгу огнемъ, бью тетивой:
Со мной пожалуй не шути
И старой и малой
И трусъ и удалой,
Кто холостъ, или кто женатъ,
Кто бѣденъ, или кто богатъ,
Отличной разумъ кто имѣетъ
И трехъ кто счесть не разумѣетъ, —

Все мнѣ, все покорено,
Все любить осуждено.

Итакъ я сошелъ съ неба тронуть твое сердце, Глафира, и дать тебѣ силу мою почувствовать.

Глафира. Я готова тебѣ повиноваться.

Амуръ. Подлѣ васъ живетъ важный и знатный господинъ; онъ богатъ, а потому и гордъ, ни въ чью бьетъ, и власти моей противиться смѣетъ. Сегодни я умножу имъ число моихъ подданныхъ, сегодни Глафира будетъ его женою.

Глафира. Чья? Гипполита? — Я его очень мало, а онъ меня, я чаю, вовсе не знаетъ; и какъ мнѣ такой высокой степени льститься: онъ знатенъ, а я темной породы.

Амуръ. Эту темную породу красота ангельская дѣлаетъ свѣтлѣе солнечныхъ лучей.

Глафира. Онъ богатъ, а я ничего не имѣю.

Амуръ. Скромность и разумъ замѣняютъ всѣ сокровища вселенной.

Глафира. Онъ любитъ пышность, почесть, славу, а я уединеніе.

Амуръ. Въ уединеніи съ тобой онъ все забудетъ. Слава его будетъ — тебѣ нравиться, почесть—владѣть твоимъ сердцемъ, а пышность—вымышлять тебѣ забавы.

Смѣяна. Правду говоритъ Амуръ. Наше дѣло, пригожихъ и молоденькихъ дѣвушекъ, прихотничать и нѣжиться, а ихъ—за нами ходить, да лисой около насъ увиваться.

Глафира. Я больше ничего сказать не смѣю.

Когда Амуръ судьбой моей хочетъ править, то мнѣ остается. . . .

Амуръ. Хохотать? . . . ха, ха, ха! О! я люблю веселить и веселиться. . . . Вашъ околотокъ весь я превращу сегодни въ райское селеніе: всѣхъ женю, всѣхъ выдамъ за-мужъ; Гименею дамъ работы дни на три; нагоню сюда Грацієвъ, забавъ и смѣху пропасть, важность за порогъ вышлю; спѣсь и чванство только трону, такъ они у меня, какъ стекло, въ дребезги разобьются; а самъ погощу на каждой свадьбѣ минутъ пять, — да и поминай какъ звали.

Смѣяна. Какъ же весело и смѣшно будетъ; а я великая хохотунья. Да, господинъ Амуръ, мнѣ-то что?

Амуръ Тебѣ я приготовилъ жениха кровь съ молокомъ; ты тотчасъ его увидишь. . . . Твой преважный, престепенный Гипполитъ мыкается теперь, по моей волшебной милости, за тридевять земель, невѣдомо гдѣ; пускай онъ уетанетъ хорошенько, а къ вечеру, и прежде нежели солнышко кончитъ бѣгъ свой, прежде чѣмъ Юпитеръ надѣнетъ свой ночной колпакъ и мать моя, Венера, поясъ свой положитъ на яшмовую полку, Глафира будетъ въ объятіяхъ нѣжнаго любовника.

(Уходитъ, и Смѣяна съ Глафирой за нимъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

(Театръ первую декорацію представляетъ.)

Весельчакъ (*одинъ.*) Имѣть 50 тысячъ годоваго доходу и мыкаться по бѣлу свѣту съ волшебной кружкой, да съ перстнемъ,—такая диковинка въ башку мою не лѣзетъ. Заѣхать на Каму! Худо однако я сдѣлалъ, что не просился у Амура въ Москву; баринъ мой теперь, можетъ, стрѣляетъ и гораздо за Москвой, а мнѣ-такъ и Сухаревой башни не видать. Ну, да не ужъ ли похожденіе наше кончилось? Нѣтъ, еще дюжины двѣ-три красавушекъ сверху къ намъ, конечно, налетятъ; вѣдь имъ, я чаю, такъ же тамъ скучно, какъ намъ здѣсь. Что за причина, какъ подумаешь: кто внизу, тому все вверхъ хочется, а кто вверху, тотъ нарохтится какъ бы на низъ спрыгнуть, и выходитъ это русская побаска: Тамъ-де и хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. Амуръ обѣщалъ мнѣ дѣвчонку, да все это буки. Семъ-ка покамѣстъ попробую я съ небеснаго погреба винца. Явись мнѣ бутылочка бѣлаго, нѣтъ, краснаго, нѣтъ, смоленаго. (*Является вдругъ бутылка шампанскаго*) То-то кладъ, то-то рай, то-то небесная сладость! Стану тянуть и пѣть, и пѣть и тянуть. (*На колѣна ставъ*) О, великіе того свѣта боги, цари, князья, графы, бояры, знатные и простые господа, боярченки и наша братья, челядь! всю эту бутылочку выпью за здоровье ваше; а

вы между тѣмъ готовьте другую: такъ Амуръ приказалъ.

(*Садится въ шалашъ и пьетъ припѣвая.*)

АРІЯ.

Пусть всякъ живетъ и мычется, какъ знаетъ,
Одинъ, съ женой, иль съ множествомъ подругъ;
Меня ни то, ни сё не раздражаетъ:
Всѣ люди мнѣ друзья и я всѣмъ другъ.

Мало ли, что кого изъ насъ забавитъ,
Я про себя всегда и сытъ и пьянъ;
Кто какъ горазДъ, тотъ счастьемъ такъ и правитъ,
А я, за кружкой сидя, знатный панъ.

Всѣ на судьбу, посмотришь, губу дуютъ,
Для чего свѣтъ идетъ всегда вверхъ дномъ;
Все трынь-трава, напрасно лишь толкуютъ:
Мнѣ то и рай, коли въ избѣ содомъ.

(*Допиваючи, онъ становится очень пьянъ.*)

Ну, бутылочка, мой другъ, спасибо. . . . распотѣшила ты меня. . . . утро-то такъ меня смутило Э! да что красавушка моя не катитъ. . . . Видно, Амуръ подъ нее голубей подпрягаетъ. . . . То-то, я чай, преузорочное дѣло будетъ. . . . Ну, Весельчакъ. . . . въ сорочкѣ родился. . . . Эка невидаль. . . . и въ Москвѣ. . . . Да. . . . ну-тани слышь. . . . Вся недолга.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ФИНАЛЪ.

АМУРЪ, СМѢЯНА и ВЕСЕЛЬЧАКЪ *(Спитъ.)*

АМУРЪ.

Подь сюды, подь сюды,
Подь сюды, моя красотка!
Тебя ждетъ твоя находка;
Не бось со мною ты бѣды.

СМѢЯНА.

Амуръ находку обѣщаетъ;
Знать, жениха мнѣ припасаетъ:
Бояться съ нимъ нельзя бѣды.

АМУРЪ.

Анъ вотъ молодчикъ мой сонливой,
Любовникъ прямо нестыдливой,
Какъ разнѣжившись лежитъ,
Какъ убитый съ хмѣлю спитъ.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Заспался некстати я,
Не взбудилъ никто меня;
Ай житье, ай да раздолье!
Харча, вина, всего приволье.
Амуръ, спасибо, братъ, тебѣ!
Но вотъ и самъ онъ здѣсь явился;
Съ какой красоткой очутился!
Супруга, знать, моя никакъ?
А я стою тутъ, какъ дуракъ!

ВМѢСТѢ.

АМУРЪ.

Насилу другъ нашъ встрепенулся.
Вотъ твой женихъ, смотри, проснулся;
Его тебѣ я подарю,
Но не сейчасъ, а ввечеру.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Но вотъ и самъ онъ здѣсь явился;
Съ какой красоткой очутился!
Моя жена при немъ, никакъ?
А я стою тутъ какъ дуракъ!

АМУРЪ.

(Видя, что Весельчакъ порывается обнять Смѣяку, удерживаетъ его.)

Потише, молодецъ, такъ близко къ ней не суйся;
Бутылка тебя ждетъ, — поди съ ней поцѣлуйся.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Не только что вина, ты женку мнѣ сулилъ.

АМУРЪ.

Чего ты напередъ, припомни-ка, просилъ?

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Не помню, хоть убей. . . .

АМУРЪ.

Жены тебѣ хотѣлось;
А къ дѣлу какъ пришло, пилось бы лишь, да ѣлось.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Пустое, братъ, Амуръ; голодной у кумѣ,
Слыхалъ я, что не ты, а хлѣбъ лишь на умѣ.

АМУРЪ.

За то ты даромъ сей красотки не получишь;
Трудомъ ее купи, и если не соскучишь,

Такъ къ вечеру ее ты будешь цѣловать;
А безъ того ее вовѣки не видать.

СМѢЯНА.

Почто ты мнѣ узнать велѣла
Любви желаемый предметъ;
Иль въ злобѣ ты своей хотѣла,
Чтобъ мнѣ омерзилъ цѣлый свѣтъ?

АМУРЪ.

Дай мнѣ взбѣсить его свободу.

СМѢЯНА.

А ты мнѣ дай мою свободу.

АМУРЪ.

Пускай, въ замѣнъ вина, пьетъ воду.

СМѢЯНА.

Напрасно такъ тѣснить природу?

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Я пилъ какъ-будто бы во снѣ,
А на яву похмѣлье мнѣ;
Нельзя ли, батюшка Амуръ,
Мнѣ безъ хлопотъ ей строить куръ?

АМУРЪ.

Богамъ угодно, чтобъ, въ отмщенье
За сдѣланное предпочтенье
Вину предъ женской красотой,
Ты искусился бы водой.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Какой мнѣ рокъ готовятъ слезной!
Спасибо, баринъ мой любезной!
Амура съ неба ты сманилъ,
А самъ отъ нихъ тотчасъ урылъ.

СМѢЯНА.

Что мучить насъ тебѣ охоты?
Жени скорѣй, иль разлюби.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Свои ты инде найдешь счеты,
А насъ, пожалуй, не губи.

АМУРЪ.

Нельзя того перемѣнить,
Богамъ нельзя мнѣ измѣнить.

СМѢЯНА И ВЕСЕЛЬЧАКЪ (*на колѣнахъ.*)

Амуръ! отъ ногъ твоихъ не встанемъ,
Молить тебя не перестанемъ;
Нѣтъ, нѣтъ, конечно не отстанемъ,
Пока ты счастья намъ не дашь.

АМУРЪ.

На что у ногъ моихъ стоите?
Того, чего теперь хотите,
Сыскать отнюдь себя не льстите.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Какая это яролашь!

Всѣ трое.

АМУРЪ.

Водою ты, а ты терпѣньемъ
Готовьтесь выучены быть.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ И СМѢЯНА.

Взаимнымъ сердца привлеченьемъ
Успѣлъ довольно научить.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Итакъ, сударь Амуръ, шальливое владыко,
Которому всегда плати ремень за лыко.

АМУРЪ.

Не хочешь ли меня ты бранью испужать?

(*Смѣется*)

Ворчи, дружокъ, ворчи. . . .

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Тебя коль не чѣмъ взять,

Скажи же, какъ достать ее повелѣваешь?

АМУРЪ (*важно.*)

Коль подлинно владѣть дѣвицей сей желаешь,
Ты долженъ здѣсь въ рѣкѣ всю воду возмутить,
И сряду девять разъ девяту волну пить.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Девяту волну пить и девять разъ и къ ряду!
И впрямь, Амуръ, въ тебѣ ни складу нѣтъ, ни ладу.

(*Амуръ уходитъ и Смѣяну съ собой уводитъ.*)

ВОЛШЕБНЫЙ ХОРЪ.

(*Во время онаго Весельчакъ стоитъ изумленъ, надумывается и уходитъ.*)

Амуръ, Веперинъ сынъ прекрасный!
Лети ты къ небесамъ опять,
И съ нихъ смѣлѣй стрѣлою страстной
Спѣши вселенну поражать.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Театръ представляетъ первую декорацію.)

ЯВЛЕНІЕ I.

ГИППОЛИТЪ *(одинъ.)*

АРІЯ.

Амуръ, тиранъ сердечный,
Спокойныхъ душъ врагъ вѣчный!
Увы! почто я зрѣлъ тебя!
Всѣ мысли наши возмущаешь,
Страдать всечасно заставляешь
И жить, разсудокъ погубя.
Отъ стрѣлъ твоихъ что ни родится,
Что только въ голову вселится —
Химера выйдетъ и мечта.
Нѣтъ, я тебѣ не покорюся,
Всей силою вооружуся,
И для меня ты суета.

Два раза я надѣвалъ кольцо на правую руку, и два раза превращался; нѣтъ, или волшебство мнѣ не благопріятствуетъ, или подлинно нѣтъ участи счастливой.

ЯВЛЕНІЕ II.

ГИППОЛИТЪ и ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Весельчакъ. Ну, сударь, благодарю покорно; изрядную вы мнѣ милость оказали!

Гипполитъ. Что жъ такое? Или вина тебѣ не стало?

Весельчакъ. Какъ бы не вина, сударь; за мои грѣхи пришлось и воду пить.

Гипполитъ. Какъ это?

Весельчакъ. Препроказливый этотъ божокъ, или сатана, давешній Амуръ, нашелъ меня какъ-то здѣсь въ расплохъ на-веселѣ, показалъ мнѣ красавицу, которую я такъ полюбилъ, какъ.... какъ мужчины любятъ дѣвокъ, и собрался-было ее поцѣловать такъ .... какъ мужчины цѣлуютъ дѣвокъ; но мой Амуръ разсердился не вѣдь за что и изволилъ мнѣ приказать эту незнаемую красотку выслуживать, какъ-будто чинъ какой, и какъ бы вы думали, чѣмъ?

Гипполитъ. Чѣмъ бы то ни было, ты такъ влюбчивъ, что для тебя все будетъ бездѣлица.

Весельчакъ. Нарядилъ меня этотъ воздушный сорванецъ идти къ рѣкѣ, возмутить воду, ловить девятую волну и выпить ее девять разъ къ ряду. (*Гипполитъ смѣется*) Вамъ, сударь, смѣшно, а мнѣ и полсмѣха нѣтъ.

Гипполитъ. Не веселѣй и мнѣ, повѣрь. Я два раза превращался и все по пустякамъ.

Весельчакъ. Ништо вамъ; сами блинъ спекли, сами и кушайте. Однако, сударь, на маломъ нашемъ роздыхѣ нельзя ли узнать, гдѣ и чѣмъ изволили побывать?

Гипполитъ. Сперва вздумалось мнѣ пожить въ кожѣ стихотворца.

Весельчакъ. Я чаю, слова ваши, сударь, полились какъ сыта.

Гипполитъ. Я въ этомъ состояніи испыталъ страсть доселѣ для меня новую и въ мукахъ ея и заботахъ: я сталъ самолюбивъ, возмечталъ, что лучше меня никто не пишетъ, потѣлъ долго, писалъ много, сказалъ мало, завалили меня ругательствомъ и насмѣшками, и я съ досады выскочилъ вонъ изъ стихотворнаго туловища.

Весельчакъ. И попали куда?

Гипполитъ. Въ густую судейскую тушу; сдѣлался судьею, разсердился на плутовъ и лихоимцовъ, погналъ ихъ грудью и перомъ, зачиналъ уже одолѣвать, какъ вдругъ одинъ, и больше меня, судья на меня разсердился и далъ мнѣ такого туза, что почувствовалъ я себя и къ судейству человѣкомъ негоднымъ; разлилась во мнѣ желчь, я взбѣсился и скинулъ посредствомъ волшебнаго кольца судейскую съ себя маску.

Весельчакъ. Потомъ, сударь?

Гипполитъ. Потомъ пришелъ сюда.

Весельчакъ. Воля ваша, сударь, вы не знаете, чего хотите. 50 тысячъ у васъ доходу, — одно это, кажется, звонкое слово: 50 тысячъ рублей счастливѣе всѣхъ вашихъ превращеній,

отъ которыхъ вы къ концу дня ни на волосъ выше не подыметесь.

Гипполитъ. Я не знаю, право, что мудренаго въ моихъ желаніяхъ. Я счастье полагаю въ самыхъ легкихъ пріобрѣтеніяхъ. Что въ богатствѣ, когда дѣлить его не съ кѣмъ! Я хотѣлъ бы имѣть товарища, который бы встрѣчалъ величественную зарю утра, сидя рядомъ со мною, который ввечеру, смотря вмѣстѣ жъ со мной на закатъ солнца, благодарилъ бы Небо одними со мной устами за то, что къ протекшимъ счастливымъ днямъ еще день счастливый приложился, который бы задумывался вмѣстѣ со мною, вздыхалъ въ одно время и о томъ же, любилъ бы меня паче всего на свѣтѣ.

Весельчакъ. Ха, ха, ха! и вышло на моемъ, сударь: вамъ влюбиться хочется; вы любовницу ищете, да не найдете, вотъ и запятая.

Гипполитъ. Все влюбиться, да влюбиться; развѣ другъ не превосходилъ бы стократъ любовницы? Прошло то благополучное для смертныхъ время, въ которое человѣкъ, всегда юный въ страстяхъ своихъ, равняющійся въ непорочности ангелу, любилъ пламенно и нѣжно, душа его горѣла огнемъ чистымъ и незазорнымъ; а нынѣ любви нѣтъ; нынѣ все дѣвки, да дѣвки, вчера такая, завтра иная — вотъ любовь нашего вѣка; я въ ней счастія своего никогда не найду.

Весельчакъ. Вишь вотъ на всѣхъ какъ угодить! А мнѣ то-то и любо, что все перемѣнки: вчера Арина, сегодни Марина. Поѣдемъ-те, су-

дарь, въ Москву: тамъ красавицъ, какъ лѣтомъ мухъ, любую выбирайте; а здѣсь пей пожалуй девятую волну.

Гипполитъ. Нѣтъ, воспользуюсь теперь другимъ подаркомъ Амура: надѣну кольцо на лѣвую руку и предстану невидимкой, куда вздумается; посмотрю на вельможу, найду въ избѣ грубаго поселянина, и если не сыщу счастія нигдѣ, по крайней мѣрѣ не упрекну себя, что я его не искалъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ *(одинъ.)*

Ну, Весельчакъ, пить такъ пить девятую волну. Сбылась со мной побаска: хоть не радъ, да будь готовъ; что дѣлать, иногда трафится, что и радъ, да не готовъ: свѣтъ штука большая, что о томъ и говорить; э, да мало ли что въ немъ мудренаго. Станемъ-ка жить и курныкать сегодни, а завтра что Богъ дастъ.

АРІЯ.

Всякъ, чего желаетъ,
Самъ того не знаетъ;
Свѣтъ таковъ
Ужъ не новъ.
Много въ свѣтѣ
На примѣтѣ
Дураковъ.

Нынче все хохочетъ,
Завтра плакать хочетъ
Человѣкъ
Весь свой вѣкъ;
Такъ живется,
Такъ ведется
Цѣлый вѣкъ.

Милую находку
Нѣжную красотку
Кто сыскалъ,
Кто досталъ,
Тотъ удачливъ,
Тотъ и счастливъ
На вѣкъ сталъ.

Много и умнѣе
Меня и знатнѣе
Про себя,
Не шутя,
Тотъ же клятой
Пьютъ девятой
Валъ, какъ я.

ЯВЛЕНIЕ IV.

(Театръ перемѣняется и представляетъ кабинетъ вельможи, въ которомъ Гипполитъ невидимкой.)

ГИППОЛИТЪ и МЕЧТОЛЮБЪ.

Гипполитъ (*сперва одинъ.*) Итакъ я очутился въ Москвѣ; въ этомъ домѣ, говорятъ, безпрестанныя собранья. Хозяинъ богатъ, знатенъ, мо-

лодъ, уменъ, пріятенъ, слѣдовательно и счастливъ; увижу, даютъ ли благополучіе чины, слава и почесть, когда всякой день испытываю, что роскошь дать его не можетъ.

Мечтолюбъ. Какой скучной обѣдъ! какое несносное принужденье! Малой! (*слуга входитъ*) дай сюртукъ. Насилу въ цѣлый годъ нашелся такой вечеръ, который я могу провести по-своему. (*Надѣвъ сюртукъ*) Дома ли жена?

Слуга. Изволила съѣхать и карету отпустила; вотъ отъ нея письмо.

Мечтолюбъ (*читаетъ.*) Гей! Скажи, чтобы музыку приготовили; сегодни жена не будетъ дома во весь вечеръ, и я на свободѣ повеселюсь.

Гипполитъ. Изрядное супружество.

Мечтолюбъ. Позовите сюда секретаря моего; завтра еще прибавятся наружные знаки моихъ почестей, и женинъ визитъ, балъ и всѣ его послѣдствія обѣщаютъ мнѣ впередъ много лестныхъ преимуществъ.

Гипполитъ. А самое вѣрное — рога.

Мечтолюбъ. Пусть голодные писатели и изсохлые моралисты поютъ, что хотятъ; кто выситься желаетъ, тому всѣ средства хороши, лишь бы достигалъ удачи.

Гипполитъ. Самая добрая философія!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ же и ПОДДАКИНЪ съ бумагами.

Мечтолюбъ. Здравствуй, господинъ Поддакинъ! Что это ты съ бумагами пришелъ?

Поддакинъ. Вашему Сіятельству недосугъ было давеча.....

Мечтолюбъ. Да, я ѣздилъ на званый пиръ.

Поддакинъ. Не угодно ли что приказать по этимъ бумагамъ? Тутъ есть довольно важные приговоры....

Мечтолюбъ. Нѣтъ, мой другъ, все это завтра; мнѣ сегодня недосугъ. Я остался дома слушать музыку, а не дѣла дѣлать; завтра.

Поддакинъ. Не угодно ли на нѣкоторыя, времени нетерпящія, письма хотя краткіе отвѣты начертать?

Мечтолюбъ. Еще разъ, мой другъ, нѣтъ. Или я не могу иногда забавы мои почесть недосугами для отправленія дѣлъ? Я тебя позвалъ, чтобы спросить тебя, нашелъ ли ты мнѣ денегъ занять?

Поддакинъ. Ваше Сіятельство, денегъ достать нынѣ и трудно и дорого. Если бы онѣ и были, то бы я осмѣлился доложить Вашему Сіятельству изъ отлично глубокаго моего почтенія....

Мечтолюбъ. О чемъ?

Поддакинъ. Объ удовлетвореніи многихъ должниковъ, кои неотступно платежа просятъ, и

сколько я сего утра ни хлопоталъ съ ними изъ отсрочекъ, но всѣ ссылаются на вашу роскошь и ждать не хотятъ ни дня; простите мнѣ.

Мечтолюбъ. Такъ, мой другъ, я знаю, что мои столы, мои пиры, а особливо музыка, всѣмъ въ глаза кидаются, всякой меня почитаетъ ежеминутно въ деньгахъ; но ты знаешь, что нынѣ весьма вошло въ обыкновеніе не имѣть гроша въ карманѣ и кормить сто человѣкъ гостей. Вотъ таки напримѣръ я: у меня нѣтъ теперь 25 рублей въ кошелькѣ, а ежели завтра получу я извѣстіе, что произведенъ, то не далѣе, какъ черезъ два дни у меня маскерадъ, и вся Москва будетъ угощена. Итакъ, мой другъ, о дѣлахъ и долгахъ станемъ говорить завтра, а о деньгахъ сегодня, сей же часъ.

Поддакинъ. Если бы смѣлъ я предложить вамъ способъ получить ихъ?

Мечтолюбъ. Какой, скажи?

Поддакинъ. Посѣщающій васъ купецъ.....

Мечтолюбъ. Понимаю; съ охотою, завтра дѣло его будетъ сдѣлано, а ты постарайся о томъ, чтобъ.....

Поддакинъ. Это не забудется и не пропадетъ, Ваше Сіятельство; онъ бы кромѣ и случайной сей своей послуги готовъ съ вами въ общія коммерческія дѣла войти, какъ-то въ откупъ, въ подряды: подъ именемъ вашимъ всякая монополія меньше была бы страшна; но онъ опасается и въ разговоры даже о семъ войти съ столь знаменитою особою, какъ ваша.

Мечтолюбъ. Пустое, другъ мой, чего онъ боится. Многіе изъ насъ лишь публику стращаютъ надутымъ своимъ видомъ, а въ самомъ дѣлѣ въ кабинетахъ своихъ они право не такъ-то казисты.

Гипполитъ. Спасибо, хоть чистосердеченъ.

Мечтолюбъ. Много дѣлаетъ въ свѣтѣ личина.

Поддакинъ. Подлинно, Ваше Сіятельство, мало ли что кому кажется золотомъ, гдѣ вправду только мѣдь.

Мечтолюбъ. Такъ, господинъ Поддакинъ, насъ возводятъ и губятъ не дѣла, а молва. Прослыветъ дуракъ умнымъ, всѣ его премудрости дивятся; умный ли попадетъ въ дураки, всѣ закричатъ: такого скота и не бывало. Хитра наука въ свѣтѣ жить, мой другъ!

Поддакинъ. Кто одаренъ такими достоинствами, какъ вы, Сіятельнѣйшій, тотъ владѣетъ во всякое время ниткою этого лабиринта.

Мечтолюбъ. На что достоинства? Чтобъ счастливу быть не надо быть добру, а осторожно быть дурну.

Гипполитъ. Какая тонкая чернота, какой уродъ въ порокахъ!

Поддакинъ. Мѣтко разсуждать изволите, Ваше Сіятельство!

Гипполитъ. Кури свой идолъ, о, пребезчестный ласкатель!

Мечтолюбъ. Возьмемъ въ примѣръ кого-нибудь; я о себѣ не стану говорить. Мало ли ты знаешь людей въ свѣтѣ, которые чѣмъ больше

сдѣлали хулы достойныхъ дѣлъ, тѣмъ легче получили всякія степени преимуществъ.

Поддакинъ. Не говоря о Вашемъ Сіятельствѣ, и я скажу, что ихъ довольно.

Мечтолюбъ. Сколько же, напротивъ, мнѣ извѣстныхъ людей, кои отъ неумышленности, отъ неосторожнаго подвига молодого разсудка, можетъ быть, и хорошаго, по крайней мѣрѣ не пакостнаго, платили дорого за самыя извинительныя шалости; молва объ нихъ доходила до какой-нибудь мелкой твари; эта гадина внушала и вѣсточку и свои толки тутъ же въ уши какого ни на-есть скареда; тотъ скажетъ двумъ, или тремъ другимъ, и пошло въ славу; наконецъ молодой человѣкъ безъ всякой вины часто претерпѣваетъ самыя лютыя поношенія, теряетъ хорошее имя и какъ ключъ ко дну канетъ.

Поддакинъ. Все, что ни изволите сказать, все очень справедливо; слова изъ устъ вашихъ какъ рѣка льется.

Гипполитъ. А на сердцѣ сажа; что не договариваешь?

Мечтолюбъ. Однако я заговорился; пора бы за музыку. А ты-таки все за бумаги.

Поддакинъ. Въ нихъ есть одна такая, которая меня собственно корыствуетъ, и ежели бы смѣлъ.....

Гипполитъ. Подай, подай; что такое?

Поддакинъ. Письмо къ одному губернатору о представленіи къ мѣсту неботатаго человѣка, коего жена.....

Мечтолюбъ. Родственница тебѣ, или ?...

Поддакинъ. Она, Ваше Сіятельство, отпущена мужемъ погостить ко мнѣ; за такое его одолженіе былъ бы я неблагодаренъ.....

Мечтолюбъ. Конечно..... еслибъ не оказалъ чрезъ благодѣтеля своего ему услуги. А хороша ли эта госпожа? Виноватъ; я много спрашиваю; мое дѣло подписать письмо, прочее для меня секретъ. *(Подписываетъ.)* Вели послать ко мнѣ мою пѣвицу. *(Приносятъ ему карточки.)* Вотъ еще одна изъ тѣхъ забавъ, кои меня крайне веселятъ. Около большого праздника прославятъ кого-нибудь въ новое достоинство, или въ новый случай у двора, то и бросятся всѣ наперерывъ съ визитами, кто поутру, кто наканунѣ, кто ввечеру. Завтра я жду эстафеты, а сегодня вся Москва валитъ въ гости.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и НИНА, пѣвица.

Мечтолюбъ. Здравствуй, Нина! Какъ же ты авантажна сегодня! Ты не догадаешься, зачѣмъ я тебя позвалъ?

Нина. Для клавикордъ, конечно, Ваше Сіятельство?

Мечтолюбъ. А ежели бы не для нихъ..... Сыграй мнѣ что-нибудь, только прошу не арію, а простую русскую хорошую пѣсенку; я тер-

пѣть не могу вашихъ италіянскихъ взвизговъ. Всякій имѣетъ свой вкусъ.

АРІЯ.

НИНА.

Все со временемъ проходитъ,
Заблужденьямъ есть конецъ;
Тотъ во тмѣ свой вѣкъ проводитъ,
Кто лишь славы чтитъ вѣнецъ.

МЕЧТОЛЮБЪ.

Себѣ и сердцу измѣняя,
Мечту лобзаемъ каждый часъ;
Но, ахъ! все вздоръ; любовь прямая
Одна сильна счастливить насъ.

Мечтолюбъ. Вотъ настоящая правда!
Гипполитъ. Да ты ее не чувствуешь.

НИНА.

Безъ любви намъ вся вселенна
Степью кажется пустой,
Горы злата драгоцѣнна
Безъ любви суть прахъ земной!

МЕЧТОЛЮБЪ.

Любовь и скиптры украшаетъ,
Любовь и бѣдность золотитъ;
Но безъ любви вся тварь скучаетъ,
Ничто въ подсолнечной не льститъ.

Мечтолюбъ. Продолжай, продолжай; я хочу ее всю прослушать.

НИНА.

Даръ любить дала природа
Намъ въ замѣну нашихъ бѣдъ;

Сія нѣжныхъ чувствъ свобода
Выше царскихъ всѣхъ побѣдъ.

МЕЧТОЛЮБЪ.

Когда я Нину обнимаю,
Когда ласкаюся я къ ней,
Тогда я все позабываю,
Кромѣ голубушки моей.

(Въ это время входитъ слуга съ запиской. Мечтолюбъ, который хотѣлъ поцѣловать Нину, отскакиваетъ и беретъ записку; пока онъ ее читаетъ, Гипполитъ про себя.)

Вотъ прекрасно! Забываетъ все, кромѣ голубушки, а вмѣсто того бросается изъ объятій ея къ запискѣ, которой еще и содержанія не знаетъ! Что жъ будетъ съ этакой голубушкой, когда онъ прочтетъ ее?

Мечтолюбъ (*прочтя и въ смущеніи.*) Гей! карету! Боже мой! распустить музыкантовъ! Не было никакой перемѣны, и я чаемаго повышенія не получилъ. Я знаю, кто это спроворилъ; я вѣдаю, чьимъ проискамъ я обязанъ за теперешнее мое внутреннее страданіе. О, люди, вы, кои завистливыми на насъ смотря очами, желаете быть на нашемъ мѣстѣ! благословите вашу участь! Вы никогда не покупаете вашихъ забавъ такою дорогою цѣною, какъ мы; и этотъ мигъ пріятный, который я себѣ доставилъ между тягостнымъ обѣдомъ и стократъ несноснѣйшимъ вечеромъ, не стоитъ вѣкъ очарованныхъ счастіемъ дней, кои вы проводите съ своими подру-

гами, насмѣхаясь намъ и нашимъ замысламъ. Ну, теперь женѣ у князя дѣлать нечего; поѣду за ней.

Ипполитъ. И спѣши, чтобъ не опоздать. Вотъ счастье знатнаго господина!

(Снимаетъ кольцо и театръ представляетъ селеніе Глафиры.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

(Театръ представляетъ Глафирины дачи.)

ГЛАФИРА и СМѢЯНА.

Глафира. Какая въ чувствахъ моихъ перемѣна! Ни одинъ день еще не казался мнѣ такъ дологъ, какъ сегодняшній.

Смѣяна. Что со мной подѣялось! Бывало, все хохочу съ утра до вечера, а сегодня вовсе не могу смѣяться.

Глафира. За что ни примусь, ни что на умъ нейдетъ.

Смѣяна. Что ни возьму въ руки, все изъ никъ валится.

Глафира. Давешнее дитя изъ мыслей не выходитъ.

Смѣяна. Этотъ пастушокъ, котораго я видѣла, овладѣлъ мною совершенно.

Глафира. Ахъ! это ты, Смѣяна?

Смѣяна. Я не видала васъ, сударыня.

Глафира. Какой прекрасный день! какой вечеръ!

Смѣяна. Кабы поскорѣй онъ прошелъ.

Глафира. Что жъ онъ тебѣ такъ наскучилъ?

Смѣяна. Мнѣ Амуръ обѣщалъ къ закату солнца такого прекраснаго, такого пригожаго молодчика, что я жду не дождусь его назвать мужемъ.

Глафира. Развѣ ты его видѣла и говорила съ нимъ?

Смѣяна. Видѣть видѣла, говорить не говорила, а ужъ влюблена въ него по уши.

Глафира. Итакъ ты меня рѣшилась оставить?

Смѣяна. Я васъ очень, очень люблю, моя милая барыня; а этого молодца, не потаю вамъ, что люблю побольше.

Глафира. Какъ же ты скоропостижно влюбляешься!

Смѣяна. Такъ-то и надобно, сударыня; я дѣвка не свѣтская, выросла въ деревнѣ. По нашему обычаю: взглянула, полюбила, по рукамъ, да и за-мужъ; мы вашихъ благородныхъ вычуръ не знаемъ. Признайтесь, что много есть между вами въ городахъ такихъ, которыя до тѣхъ поръ разсватаются и задятъ сговорами, помолвками и прочими дурачествами, что при отпускѣ приданаго едва любятъ уже того жениха, на котораго глядя за мѣсяцъ передъ тѣмъ, съ радости умирали.

Глафира. Мой другъ! всякая жизнь имѣетъ свои правила. Ты сама знаешь пословицу: что городъ, то норовъ; что село, то обычай.

Смѣяна. Стало, мое село, или родина, всѣхъ вашихъ столичныхъ городовъ милѣе. У насъ обычай — природа, правило — любовь. Я по рядной несу за собою красоту, женихъ мнѣ вмѣсто знати даетъ сердце. Мы по вашему, по-городскому, другъ за другомъ не волочимся, да любимъ всѣмъ сердцемъ.

Глафира (*про себя.*) Какъ близко ея разсужденіе къ моимъ чувствамъ! (*Вслухъ.*) Ты очень чистосердечна, мой другъ.

Смѣяна. А на что жъ мнѣ притворяться? Я влюбилась—въ этомъ стыда еще нѣтъ; я хочу замужъ—это и подавно не стыдно. Спросите и вы у своего сердца, чуть не на моей ли оно также сторонѣ.

Глафира. Ахъ, правда! Я отъ тебя не скрою, что съ тѣхъ поръ, какъ Амуръ произнесъ имя Гипполита, языкъ его поминутно сложить хочетъ, и кажется мнѣ, что я такъ же его люблю, едва издали раза два видѣвши.

Смѣяна. Итакъ, сударыня, оставимъ принужденіе, послѣдуемъ въ полной свободѣ нашимъ чувствамъ и. . . .

Глафира. Что ты, Смѣяна? развѣ Гипполитъ меня любитъ? Я и думать объ этомъ не отваживаюсь; да и жилище мое еще не такъ мнѣ прискучило.

Смѣяна. Полноте, сударыня, какъ можетъ не прискучить что-нибудь безъ мужчинъ? Полгода мы здѣсь живемъ однѣ одинехоньки; сады и птички, лѣса, бесѣдки, все это хорошо и прелестно,

да только тогда, когда хорошій любовникъ вмѣстѣ съ нами въ кусты прячется.

(*Слышенъ голосъ.*)

Глафира! Небеса твой жребій премѣнили,
Оставь на время ты убѣжище свое;
Поди туда, гдѣ мы съ Смѣяной нынѣ были:
Тамъ ждетъ тебя Амуръ и счастіе твое.

Глафира. Какое чувство поселилось въ душѣ моей! какой трепетъ всѣ члены мои въ движеніе приводитъ! Любовь! я силу твою ощутила! Царствуй надъ моимъ сердцемъ, награди меня предметомъ, страсти моей достойнымъ, и вложи въ него ко мнѣ постоянное чувство! А вы, мѣста моихъ увеселеній, страна моихъ забавъ! простите. Когда я люблю, то уже вы для меня пусты стали.

АРІЯ.

Прости навѣкъ моя свобода,
Прощай мой садъ, прощай лѣсокъ,
И ты, прозрачный милый токъ,
Гдѣ царствуетъ одна природа,
Гдѣ всяка мнѣ погода
И всякій былъ пріятенъ рокъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

(*Театръ представляетъ избу. Даша сидитъ за станкомъ, и Гипполитъ невидимкой.*)

Даша. Что это батюшка такъ долго домой нейдетъ?

Гипполитъ. Вотъ еще родъ людей, коихъ участь мнѣ не извѣстна; ужъ ли и здѣсь нѣтъ счастья безъ любви? Посмотримъ.

ДАША (*поетъ.*)

Гдѣ ни йду, гдѣ ни гуляю,
Скучно, скучно мнѣ вездѣ;
Все грущу и все вздыхаю:
Знать, мнѣ счастья нѣтъ нигдѣ.

Выйду ль къ берегу крутому
Прогуляться на часокъ,
Вдругъ явлюся противъ дому,
Гдѣ живетъ мой милъ дружокъ.

Я кричу ему въ окошко:
Ваня, Ваня, выдь на дворъ,
Или дай взглянуть немножко
На себя черезъ заборъ.

Гипполитъ. Ой ужъ эта мнѣ любовь! все она, да она.

(*Входятъ Изотъ и Домна.*)

Изотъ. Здорово, здорово, Даша. Я чаю, ты всѣ глаза просмотрѣла, насъ ждавши?

Даша. И вѣдомо, батюшка; а матушка гдѣ?

Изотъ. Вонъ она за мной идетъ.

Даша. А! здравствуй, матушка.

Домна. Здорово, мой свѣтъ. Отгадай, дѣвка, гдѣ мы по се мѣсто прогуторили съ отцомъ ѳвоимъ?

Даша. Гдѣ мнѣ это знать.

Изотъ. А вонъ были за рѣкой у Авдея, Ивановa отца.

Даша. Что бы вы тамъ дѣлали, батюшка?

Изотъ. Мы съ старикомъ тянули брагу, а мать твоя все прокалякала съ Иваномъ; вотъ-де скоро Петровки на дворѣ, пора-де молодцу жениться.

Даша. Я чаю, онъ, батюшка, не хочетъ?

Домна. Врешь дурочка; кто жениться не хочетъ? У насъ, спасибо, у крестьянъ, не завелось еще таскаться по вашимъ сестрамъ-дѣвкамъ, да ихъ позорить, а себя срамить; Богу благодаренье! у насъ за-частую женятся, да и ладно.

Изотъ. Нешто, вотъ какъ мы съ матерью-то твоей обвѣнчались, тому будетъ гораздо за два десятка, а еще мы и теперь другъ друга любимъ; не такъ ли, Домна?

Домна. Да кого же мнѣ и любить, что не Изота своего; да мнѣ хоть цѣлый хороводъ приведи молокососовъ-те городскихъ, да я ни на одного не промѣняю своего друга Изота Савельича.

Изотъ. Тьфу врагъ! да и хорошъ я былъ съ молоду.

Гипполитъ. И въ такой простотѣ любовь обитаетъ?

АРІЯ.

ИЗОТЪ.

Помнишь ли, какъ я влюбился;
Это было на святкахъ.
Ты каталась на горахъ,
Я къ тебѣ тутъ мигъ подбился:

То взгляну я на тебя,
То ты взглянешь на меня,
То мы оба взглянемъ вдругъ;
Изъ-подтиха и съ оглядкой
Проберусь къ тебѣ украдкой;
Парни всѣ сберутся вкругъ:
Съ тѣхъ поръ, въ добрый молвить часъ,
Нѣтъ въ селѣ счастливѣй насъ.
Поемъ, куримъ и веселимся;
Мы барь покойнѣе сто разъ,
На мигъ не загрустимся.

Даша. Что жъ, батюшка, Ивана-тъ хочетъ, или нѣтъ, жениться?

Изотъ. Что-то ты объ Иванѣ-то поговариваешь больно часто.

Домна. Эхъ, эхъ, Изотъ, ну что дѣвку попустякамъ мучить? Не горюй, Даша, отецъ тебя просваталъ за Ивана.

Даша Ахъ, батюшка! ахъ, матушка! какъ я рада! Пойду низанье низать, рубахи шить; Ваня мой, я Ванюшина — все тутъ.

Гипполитъ. Какая привлекательная непорочность!

Домна. Экъ она стрѣльнула! Ну, ладно, что мы это дѣло свахляли; малой-то хорошъ, дѣвка-то наша будетъ за нимъ счастлива.

Изотъ. Хорошій мужъ, да добрая жена—кладъ на землѣ; что кто ни бай, а лучше того нѣтъ на свѣтѣ, какъ жениться, да замужъ идти. Вонъ, я посмотрю, господинъ нашъ Гипполитъ....

Гипполитъ. Я въ своемъ селѣ; тѣмъ пріят-

нѣе будетъ мнѣ узнать истинное обо мнѣ мнѣніе моихъ крестьянъ.

Изотъ. Человѣкъ онъ добрый, честный; мы всѣ его любимъ отъ мала до велика, всѣ имъ довольны....

Домна. То ужъ нече говорить, старикъ, развѣ некошной какой въ селѣ-то его не хвалитъ; а то Богъ намъ его послалъ.

Гипполитъ. Ахъ! какая сладкая для меня минута!

Изотъ. Ну, а вотъ онъ вишь холостъ, жены нѣтъ, дѣтей то же, скучаетъ; помыкается по свѣту, да и умретъ, какъ свѣча погаснетъ; что родясь принесъ, то и въ могилу унесетъ, ну, что въ этомъ проку! Не люблю я холостыхъ; кабы моя была воля, всѣхъ бы женилъ.

Гипполитъ. Какія правды я сегодня слышу, и отъ кого? Отъ мужика! Всякое его слово остается въ умѣ моемъ.

Домна. Что ты, батюшка! Онъ еще не старъ; бываетъ, и женится; можетъ, богатой ищетъ.

Изотъ. Богатой! богатой! что у нихъ это у бояръ за богатство въ головѣ? Самъ онъ бѣднякъ что ли? Слава Богу, есть чѣмъ жить. Не вѣдаютъ они развѣ, что сквозь золото слезы текутъ. Вонъ какъ сосѣдъ Парамонъ богату взялъ, да теперь и животу не радъ; а мы съ тобою какъ женились, такъ изъ обоихъ кармановъ елееле сколотили, чтобъ попу заплатить, да слава Богу живемъ двадцать лѣтъ, не чужой хлѣбъ ѣдимъ, свой. Знаешь ты, баба, что бѣднакъ-то

всегда богатова сытѣе; богатому-то надо много; да и самъ доставай, а бѣдному-то Богъ посылаетъ.

Гипполитъ. Вотъ сущая правда!

Домна. Почемъ знать, можетъ, и знатной невѣсты хочется.

Изотъ. Вотъ еще новая причина, новый обморокъ не лучше прежняго! Ну, пусть деньги что-нибудь,—кинь рубль, такъ зазвенитъ; а знатность-та ихъ, по моему—пыль. Пожалуй наряди и меня, да назови, какъ по ихъ, принцомъ што ли, или кавалеромъ; что, я отъ того буду умнѣй, дороднѣй, краше, здоровѣй ли? Все, баба, пустое! Тотъ же буду я Изотъ, да въ цвѣтномъ кафтанѣ; а какъ еще по какимъ грѣхамъ да платье-то придетъ не къ лицу, да сошьютъ не по костямъ, такъ еще изъ порядочной рожи выйдетъ смѣшная харя. Провались оно совсѣмъ; не съ мошной жить, али не съ нарядной куклой: женѣ нада мужъ, а мужу жена, а тамъ все фу.

Гипполитъ. Заблужденія мои мнѣ открываются.

Домна. И ты, Савельичъ, то же любишь меня, такъ и думаешь, что всѣмъ Домна нада.

Изотъ. Хоть Домна, хоть Фитинья, да надобна жена; слышь ты, безъ бабы жить нельзя. Хоть какъ не изволь, нѣтъ ужъ намъ Неба-та не перемудрить.

Домна. Какой ты, право, шутникъ мужъ!

Изотъ. Нѣтъ, тутъ не до шутки. Я своего господина люблю; мнѣ, право, скучно, что онъ

холодѣтъ. Изведется у насъ такъ не за денежку, а мы тамъ доставайся чортъ знаетъ кому. Кабы онъ моего совѣту послушалъ, я бы ему сыскалъ невѣсту.

Домна. Кого же бы, скажи?

Изотъ. А чѣмъ не по немъ сосѣдка наша Глафира?

Гипполитъ. Глафира? О, нѣжное имя!

Домна. И вѣдомо.

Изотъ. Чѣмъ она и впрямъ ему не жена? Дѣвица благородная, скромная, добрая, живетъ въ своей дачѣ, водой не замутитъ.

Домна. Во всѣмъ околоткѣ и малой и большой всѣ ее хвалятъ.

Изотъ. И она тоже изсохнетъ какъ лучинка. Смѣшны, право, бояра, а подчасъ и жалки. Холостой дѣтина и дѣвка живутъ другъ отъ друга въ верстѣ, а не видаются; привыкли къ городскому — безъ свахъ и свадьбы нѣтъ. А у меня какой обычай: взялъ въ руку лучину, а въ другую огонь, раздулъ, да сложилъ—такъ и вспыхло.

Гипполитъ. Нѣтъ! противъ такой истины никакое умствованіе не сильно.

Даша (вбѣгаетъ.) Батюшка! у меня ужъ низанье готово; когда же къ вѣнцу?

Изотъ. Вотъ жена, ты дѣвку-то взбударажила, она теперь и станетъ на ушахъ у насъ лежать; а вѣдь Иванъ-атъ чужой помѣщицы Глафиры, вѣдь надо еще у барина спроситься, какъ онъ изволитъ. Ой бабы, бабы! Коли что взду-

мано, такъ вотъ давай, давай. Пойдемъ, добро, все къ старосте.

Гипполитъ (*снимает кольцо.*) Вотъ мое последнее превращеніе!

ЯВЛЕНІЕ IX.

(*Театръ представляетъ дачу Гипполитову попрежнему.*)

ВЕСЕЛЬЧАКЪ (*одинъ.*)

Ухъ! какъ же я усталъ! Бегалъ ко всемъ речкамъ, протокамъ, прудамъ, озерамъ, мутилъ вездѣ воду, ловилъ девятую волну; да нетъ не поймаешь: утечетъ, какъ утечетъ. Дуракъ я, право, что попросилъ у Амура женщину, какъ-будто диво какое; да полно, что говорить: кто на свѣтѣ безъ ошибки; на всякаго мудреца довольно простоты.

ПѢСНЯ.

Всѣмъ на свѣтѣ ошибаться
И въ желаньяхъ заблуждаться
Ужъ не новое, я чай;
Всякой строитъ здѣсь свой рай.
Иной любитъ жениться,
Другой любитъ волочиться;
Кому хочется чего,
Тотъ и бьется изъ того.

Въ городахъ я натаскался
И отъ многихъ наслыхался,

Будто, что на свѣтѣ кладъ,
Коль съ женой у мужа ладъ.
Всѣ хоть эту пѣсню пѣли,
Анъ посмотришь такъ въ недѣли
И у женъ и у мужей
Не пройдетъ дня безъ затѣй.

Если бъ въ свѣтѣ хоть для шутки
Всякъ плясалъ по своей дудки,
То-то вышелъ бы раздоръ,
Ни чему не равный вздоръ?
Чортъ ли въ этакой намъ воли;
Лучше нѣту нашей доли!
Всякой такъ въ струну брянчитъ,
Какъ гуслистъ ему велитъ.

Что мнѣ нужды знать учиться,
Какъ на свѣтѣ все кружится,
Какъ богачъ кого давнулъ,
Какъ бѣднякъ когда вздохнулъ;
Мое дѣло жить смирненько,
Съ милой женкою дружненько;
Какъ придетъ веселый часъ,
Цѣловаться по сту разъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ГИППОЛИТЪ и ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Гипполитъ. Глафира, Глафира! это имя съ мыслью моею не разстается.

Весельчакъ. Что, сударь, нагулялись ли до сыта?

Гипполитъ. По многимъ превращеніямъ познавъ ошибку человѣческихъ о счастіи заключеній, готовъ былъ почти рѣшить, что его нѣтъ, бросить кольцо, разбить кружку, какъ вдругъ нашелъ его, и гдѣ жъ? о боги! въ избѣ моего мужика.

Весельчакъ. Который-то это? Вы бы, сударь, около его потерлись.

Гипполитъ. Тамъ я услышалъ имя Глафиры. Она меня плѣнила; я хочу ее видѣть, хочу ее любить, хочу ей все отдать, что я имѣю.

Весельчакъ. Вотъ, сударь, какъ Амуръ-атъ тѣшиться изволитъ надъ вами: давеча вы не хотѣли вовсе женщинъ любить, а къ вечеру влюбились въ одно женское имя.

Гипполитъ. Это имя мнѣ предвѣщаетъ собранье качествъ и добротъ, это имя счастье мнѣ обѣщаетъ.

Весельчакъ. Итакъ, сударь, изъ Амурнаго фейерверка выпала одна ракета и на вашъ счетъ. Поздравляю васъ; только берегитесь, чтобы не купить вамъ своей добычи такъ же, какъ и я ее достаю девятою волною.

Гипполитъ. Хотя бы моремъ и всѣмъ его волненіемъ.

Весельчакъ. О, такъ васъ, сударь, повидимому, порядочно задѣло! Часъ вамъ добрый! А я пойду въ послѣдній разъ попытаться удачи; и либо всю здѣсь воду выпью, либо она меня проглотитъ.

(Слышенъ голосъ.)

Я дерзости твои охотно забываю,
Съ Глафирою тебя навѣки съединяю,

Любовь ея къ тебѣ съ твоею къ ней сравню.
Довольно, что тебя стрѣлой своей сражаю;
Познай и помни вѣкъ, мой ядъ разлившп въ кровь,
Что всей вселенной связь, душа и жизнь — любовь.

Гипполитъ. Я въ такомъ смущеніи, въ робости, въ непостигаемомъ состояніи! ... А! это мои пастухи идутъ съ поля. Оставлю ихъ строить свои хороводы, а самъ пойду искать Глафиру.

ФИНАЛЪ.

(*Распотѣевъ со всѣми мужичками поютъ.*)

ХОРЪ.

Давайте пѣть, играть, рѣзвиться,
Заботы всѣ, досады прочь;
Пускай всякъ парень веселится;
Скачите дѣвки во всю ночь.

ДАША.

Ванюша! мнѣ одинъ милѣй ты всѣхъ!
Въ тебѣ моя отрада,
Съ тобой играть я рада.
Ванюша! мнѣ одинъ милѣй ты всѣхъ!
Нигдѣ не вижу безъ тебя потѣхъ.
Давайте, пѣть, играть, рѣзвиться, и проч.

МУЖИКЪ.

Вотъ я тебя, постой,
Въ горѣлки изловлю.

ДАША.

Поди-ка ты къ другой;
Другого я люблю.

2-й МУЖИКЪ.

Семъ въ жмурки платъ давай.

3-й мужикъ.

Ну, что ни затѣвай,
Хороводу не мѣшай;
Не тронь насъ, не замай.

ВАНЯ.

По мнѣ во что бы ни играли,
Съ тобою быть лишь не мѣшали.

ДѢВКА.

Вѣдь вотъ нельзя собраться,
Ни къ парнямъ показаться.
Что это за игра;
Пора домой, пора.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

— . —

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

(Театръ представляетъ первую декорацію.)

ЯВЛЕНІЕ I.

ГЛАФИРА, СМѢЯНА и послѣ АМУРЪ.

Глафира. Куда же мы идемъ?

Смѣяна. Куда велѣлъ Амуръ. Вотъ, сударыня, то самое мѣсто, гдѣ я съ нимъ давеча была — тотъ шалашъ, тотъ кустъ, роща, рѣчка.

Глафира. Одну только была минуту, а все такъ хорошо примѣтила.

Смѣяна. А, сударыня, гдѣ Амура въ первый разъ увидишь, тамъ всѣ урочища сдѣлаются знакомы.

Глафира. Я далѣе не пойду. Здѣсь дачи Гипполита; онъ можетъ насъ встрѣтить, и что подумаетъ?

Смѣяна. Подумаетъ, что мы гуляемъ, и за честь поставитъ, я чай, что двѣ дѣвушки пришли въ его помѣстье.

Глафира. Нѣтъ, это непристойно; воротимся:

Смѣяна. Что же мы все ходить будемъ съ мѣста на мѣсто?

Глафира. Да откуда мы пришли? Я и слѣду не найду.

Амуръ. Да его и не бывало. Не я ли вашъ вожатый? А кто за мной ходитъ, тотъ слѣду не разбираетъ; идетъ зря, куда глаза глядятъ.

Глафира. Что тебѣ за удовольствіе насъ мучить?

АМУРЪ.

Что вы стали? Не страшитесь;
Съ вами я, пойдемъ смѣлѣй;
Путь любви другихъ милѣй,
На меня въ томъ положитесь.
Кто по немъ зажмурясь ходитъ,
Тотъ хохочетъ и поетъ,
Ко мнѣ на голосъ идетъ,
И блаженство тутъ находитъ.

Приходитъ дѣло къ развязкѣ. Глафира! поди ты по этой дорожкѣ; тамъ въ бесѣдкѣ ты найдешь гитару, и по нѣкоторомъ времени приди назадъ сюда, сядь въ этотъ шалашъ и зачни на ней играть, что тебѣ на умъ придетъ.

Глафира. Да я играть не умѣю.

Амуръ. Любовь тебя научитъ.

Глафира. Ну, ежели онъ спроситъ, зачѣмъ я въ его бесѣдкѣ сижу?

Амуръ. Онъ этого не спроситъ; онъ давно уже знаетъ, зачѣмъ женщины однѣ въ бесѣдки садятся.

Смѣяна. Да со мной-то скоро ли конецъ будетъ?

Амуръ. А ты поди со мной къ этому источнику; тамъ ждетъ тебя твоя побѣда: Весельчакъ въ него придетъ пить девятую волну.

Смѣяна. А я что буду дѣлать?

Амуръ. Дожидаться.

Смѣяна. Чего? Чтобъ онъ при мнѣ захлебнулся, или утопился?

Амуръ. Какіе странные вопросы! Ну, вѣдь ты его полюбила? Такъ ежели онъ въ воду, и ты за нимъ.

Смѣяна. О, нѣтъ, я благодарна! Любить его люблю, только на сухомъ пути, а плавать не охота.

Амуръ. Чу! Гипполитъ идетъ; уйдемъ скорѣй.

(Амуръ машетъ стрѣлой, деревья разступаются и видна къ рѣкѣ дорога.)

ЯВЛЕНІЕ II.

РАСПОТѢЕВЪ и ГИППОЛИТЪ.

Гипполитъ. Два раза я встрѣтилъ ее, и она какъ молнія изъ глазъ моихъ сверкнула. Ахъ, какъ она прекрасна! Я всю ея дачу обошелъ кругомъ, и сыскать ее не могъ. Я видѣлъ то убѣжище, гдѣ она въ свободѣ дни свои ведетъ;

мнѣ все въ немъ показалось прелестно. Но гдѣ ее теперь искать?

Распотѣевъ. Милостивый государь! какой нарядъ работѣ къ завтрему будетъ? Сегодня додѣлали храмъ Славы на крутой горѣ, по плану вашего архитектора.

Гипполитъ. Завтра его срыть.

Распотѣевъ. Срыть? Что же на мѣсто его поставить?

Амуръ (*из-за куста.*) Храмъ Любви.

Гипполитъ (*въ сторону.*) Чей это голосъ?

Распотѣевъ. Не вслушался, сударь.

Гипполитъ. Амуръ повелѣваетъ въ моемъ владѣньи; да будетъ здѣсь воля его во всемъ соблюдена.

(Во весь этотъ разговоръ ходитъ задумавшись и слушаетъ лишь то, что говоритъ Амуръ.)

Распотѣевъ. На берегу, сударь, пруда галерея зачата и стѣны уже выведены; остановилась работа за тѣмъ, что не знаютъ, что̀ наверху поставить?

Амуръ. Купидона.

Распотѣевъ. По галереѣ приказывали вы статуевъ наставить, такъ какихъ изволите вы именно назначить?

Амуръ. Глафиру.

Распотѣевъ. Глафиру? Да у насъ, сударь, никакъ ее нѣтъ. А въ оранжереѣ надъ фонтаномъ?

Амуръ. Глафира.

Распотѣевъ. Еще Глафира! На китайской башенкѣ также, милостивый государь, архитекторъ говоритъ, весьма бы кстати поставить что-нибудь пригожее, казистое.

Амуръ. Поставь Глафиру.

Распотѣевъ. Опять Глафиру! Да гдѣ ихъ набрать такую кучу? Не прикажете ли подновить убѣжище размышленія?

Амуръ. Срыть.

Распотѣевъ. А на мѣсто его?

Амуръ. Храмъ Любви.

Распотѣевъ. Еще другой, милостивый государь?

Гипполитъ (съ укоромъ.) Что еще?

Распотѣевъ. Изотъ проситъ дочь отдать въ чужое село за-мужъ; велишь ли?

Гипполитъ. Хорошо, пусть отдаетъ. Я его семью люблю; дайте ему на свадьбу сто рублей, да вели ко мнѣ придти.

Распотѣевъ. То-то онъ благодарить будетъ!

Гипполитъ. Ну, ты слышалъ мои приказанія? Вотъ тебѣ мой нарядъ къ завтрему. (Уходитъ.)

РАСПОТѢЕВЪ.

Сколько ни соображаю,
Власть его не понимаю.
И тамъ и сямъ
Глафиру ставь;
Срой Славы храмъ,
Любви построй.

Изъяну будетъ тутъ не мало;
Жаль денегъ мнѣ господскихъ стало.
Нѣтъ, я за это не примусь,
А завтра сызнова спрошусь.

То-то, правду говорятъ, воино-то время переходчиво. Цѣлая кладовая навалена старинныхъ этихъ богатырей въ латахъ, да колдуновъ; то было до насъ, а теперь ненадо ихъ; за все про все будь Глафира: что день, то затѣя, что годъ, то новая кукла.

ЯВЛЕНІЕ III.

РАСПОТѢЕВЪ и ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Весельчакъ. Голубушка моя, какъ кладъ, мнѣ не дается, а солнце уже на закатѣ; коли Амуръ не лжетъ, пора бы быть и концу этой суматохѣ.

Распотѣевъ. Скажи, дружокъ, что барину сдѣлалось?

Весельчакъ. Пить девятую волну.

Распотѣевъ. Послушай-ка! онъ велѣлъ все срыть.

Весельчакъ. Девять разъ къ ряду.

Распотѣевъ. Да что ты мелешь за сумбуръ? Говорятъ тебѣ: срыть велѣлъ храмъ Славы.

Весельчакъ. Пей девятую волну.

Распотѣевъ. Али у васъ сегодня какая вѣдьма была, что вы всѣ на людей не похожи.

Весельчакъ. Пойду пить девятую волну.

(Уходитъ къ рѣкѣ.)

Распотѣевъ. Баринъ все ломать велитъ, а слуга только и мелетъ: пей девятую волну, да девять разъ къ ряду; никакъ они угорѣли? Однако побѣжать мнѣ порадовать старика Изота. Говорятъ Русскіе люди: утро мудренѣе вечера; посмотримъ, что-то завтра будетъ, а сегодня па барскомъ дворѣ сумерки очень глупехоньки.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГЛАФИРА *(съ гитарою.)*

АРІЯ.

Вездѣ меня находитъ
Твой образъ дорогой;
Онъ каждый шагъ мой водитъ
Туда, гдѣ былъ и твой.

Въ пещерѣ дикой, мрачной
Убѣжища мнѣ нѣтъ,
Въ струѣ воды прозрачной
Твой взоръ меня найдетъ.

(Отпѣвши уходитъ; а Ниппблитъ на тотъ же голосъ поетъ, выходя на театръ.)

Лишь только разнесется
Твой голосъ по горамъ,
То въ слѣдъ ему несется
Мой вздохъ, вся мысль, я самъ.

Я снова, прервавъ унылый
Моихъ вздыханьевъ стонъ,
Лечу къ тропѣ той милой,
Гдѣ слышался мнѣ онъ.

(Отпѣвши, онъ уходитъ искать Глафиру.)

ГЛАФИРА *(приходя на театръ.)*

Ты страстныхъ чувствъ волненья
За счастіе не чтишь,
Ты вздоховъ изъясненья
Понять не дорожишь.

(Подходитъ къ шалашу, садится и засыпаетъ.)

Глафира. Какъ я устала; какой вдругъ сонъ на меня нашелъ! Гдѣ найти пристойное убѣжище? А, вотъ шалашъ!

(Театръ представляетъ мѣсячный блескъ и вечеръ.)

Гипполитъ. Гдѣ она? Голосъ ея повсюду мнѣ слышенъ, а найти ее не могу. Нѣтъ, прекрасная Глафира, упрековъ твоихъ я не заслуживаю; нѣтъ, я люблю, и тебя одну вѣчно любить стану! Но гдѣ она? Хотя я бѣгу, но мнѣ все кажется, что я на одномъ мѣстѣ. О, любовь! еще ли ты мало отмщаешь мнѣ за мою холодность? еще ли долженъ я, и почувствовавъ тебя, страдать? (*Увидя Глафиру.*) Боже! что я вижу? это она! Ахъ, какъ она прекрасна! какъ сонъ ея сладокъ! Каждая черта божественной ея красоты въ душѣ моей изображается! вся природа купно съ нею покоится! Подойду къ ней; но что сказать? какъ осмѣлиться прервать такой

сладкой сонъ? Она теперь въ мечтахъ своихъ съ геніями играетъ; подобіе смертнаго отъ нея далеко. Нѣтъ, я глядѣть на нее стану, я въ безмолвственномъ восторгѣ ангелу такому дивиться буду!

Глафира (просыпаясь.) Гдѣ я? что за голосъ слышится вкругъ меня? Ахъ, милостивый государь! простите моему неосторожному поступку! Я гулявши зашла далеко въ ваши дачи, сонъ.... усталость.... (Про себя.) Что мнѣ сказать ему?

Амуръ (изъ-за куста.) Люблю.

Гипполитъ (въ сторону.) Какое пріятное смятеніе! (Вслухъ.) Не страшитесь, сударыня; вы почти въ своемъ помѣстьѣ. Мнѣ жаль, что шалашъ этотъ не сдѣлался къ услугамъ вашимъ великолѣпнѣйшимъ храмомъ; мнѣ жаль, что простота его не соотвѣтствуетъ величеству вашей красоты; мнѣ жаль.... Что я ей скажу?

Амуръ (изъ-за куста.) Люблю.

Глафира. Чѣмъ простѣе наши жилища, тѣмъ они ближе къ природѣ, которая никакой пышности не любитъ; самый этотъ шалашъ для многихъ чувствительныхъ людей богатѣе покажется всѣхъ великолѣпнѣйшихъ зданій.

Гипполитъ. Ахъ! почто, кромѣ теперешней минуты, не могу я въ немъ найти такихъ достоинствъ? Или отъ того, что я въ немъ не бываю....

Амуръ (изъ-за куста.) Самъ-другъ.

Глафира. Кто же, сударь, помѣшалъ бы вамъ сидѣть въ немъ....

Амуръ (изъ-за куста.) Со мною?

Глафира. Что за отголоски такіе? Въ этомъ мѣстѣ мнѣ все что-то слышится иное, нежели что мы говоримъ между собою.

Гипполитъ. Если бы чувства сердца и произношенія языка вашего согласовались со звуками воздуха, какъ бы я счастливъ былъ, какъ бы я былъ благодаренъ обвороживающему селенія мои...

Амуръ. Амуру.

Глафира. Слышите ли?

Гипполитъ. Слышу, сударыня; а вы что слышите?

Амуръ. Люблю.

Глафира. Люблю.

Гипполитъ. Я то же люблю.

Глафира. Не струны ли этой гитары отъ ударенія воздуха поражаютъ слухъ мой?

Гипполитъ. Но какъ бы онѣ могли произносить вмѣстѣ съ звукомъ и слова? (*Берется за гитару.*) Боже мой! что за ядъ по жиламъ моимъ мгновенно разлился! я внѣ себя! я забываю всѣ благопристойности, я падаю къ ногамъ твоимъ, Глафира!

Амуръ. Давно бы такъ, прегордый мой ослушникъ! Гдѣ я замѣшался, тамъ всѣ жеманства ваши свѣтскія должны исчезнуть. Какъ вы смѣшны, когда вы важнымъ видомъ сбираетесь другъ другу сказать: люблю! Что простѣе этого быть можетъ, что естественнѣе? Но вамъ бы все не уронить чести; все бы съ краснорѣчіемъ, котораго я часто, какъ рѣзвое дитя, испугавшись,

отъ васъ бѣгаю и оставляю васъ въ тоскѣ и скукѣ. Ну, что стали? Не всю форму сохранили! Ха, ха, ха! не въ полномъ обрядѣ познакомились? Ха, ха, ха!

Гипполитъ. Я всѣ притворства оставляю, и когда судьба даетъ мнѣ сердце Глафиры. . . .

Глафира. Оно тебѣ давно принадлежитъ; Амуръ тебѣ его отдалъ.

ДУЭТЪ.

ГИППОЛИТЪ.

Боги! что я ощущаю?
Что за ядъ въ моей крови?
Я свой рокъ теперь свершаю
И подвластенъ сталъ любви.

ГЛАФИРА.

О, любовь! коль ты умѣла
Слабый духъ мой возмутить,
Довершай свое ты дѣло,
Научи любимой быть.

Вмѣстѣ.

ГИППОЛИТЪ.

Въ объятіяхъ нѣжныхъ и безцѣнныхъ
Той, которой взоръ плѣнилъ,
Дай, чтобъ всѣхъ сердецъ влюбленныхъ
Я весь жаръ въ себѣ вмѣстилъ.

ГЛАФИРА.

Въ объятіяхъ нѣжныхъ и безцѣнныхъ,
Въ коихъ ты меня плѣнилъ,
Дай, чтобъ всѣхъ сердецъ влюбленныхъ
Въ насъ огонь бы не простылъ.

(Сіи слова они поютъ, относя ихъ къ Амуру, который стоитъ между ними по срединѣ театра.)

Амуръ. Я свое дѣло сдѣлалъ: гордаго и неприступнаго врага смирилъ, а уединенную мизантропку также ввелъ въ мою дорогу. Клянитесь вы Гименею, въ чемъ вы хотите; онъ любитъ, чтобъ ему божились. Я его къ вамъ сведу тогда, какъ все мое волшебство исполнится, а теперь мнѣ недосугъ; не вы одни въ мое подданство попали.

Глафира. Пойдемъ, пойдемъ вмѣстѣ взглянуть на мое прежнее убѣжище; теперь я въ немъ новыя прелести увижу.

ЯВЛЕНІЕ V.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ, потомъ АМУРЪ и СМѢЯНА.

Весельчакъ. Ну, господинъ колобродъ всесвѣтный, гдѣ ты? Дай мнѣ мою красавицу! Насилу я девятую волну досталъ и выпилъ. Явись мнѣ лебедушка, явись передо мной, какъ листъ передъ травой!

Амуръ. Вотъ она. Я охотно награждаю тебя ею за то, что ты готовъ былъ на жертву жизни; а ее тобой за то, что, за-мужъ захотѣвши по утру, до вечера перетерпѣла; рѣдкое въ дѣвочкѣ воздержаніе.

Весельчакъ. Ну, моя павочка, королева, или какъ тебя назвать, не знаю, будешь ты мнѣ жена, а я тебѣ мужъ.

Смѣяна. Какъ посмотрѣть на все это, такъ, право, мы будто безъ ума: не знаемъ другъ друга вовсе, а ужъ влюбились по уши.

Весельчакъ. Это, моя душа, нерѣдко бываетъ. Я часто въ сумерки, не разглядя лица, влюблялся, а до разсвѣта и разлюблялся, также не видавши милой рожицы; да что мудренаго? Его божеское превосходительство что изволитъ, то и творитъ.

Смѣяна. То ужъ задалъ онъ намъ сегодни хлопотъ; сумятицы такой я и не видывала.

Весельчакъ. Еще то ли будетъ, моя перловая раковинка, когда мы повѣнчаемся; тутъ-то ты увидишь и не такія диковинки.

Амуръ. Прежде времени не хвались; добро, не забудь давешняго.

Весельчакъ. О! нѣтъ, не забуду; всегда напередъ стану жену цѣловать, а тамъ и за вино.

Смѣяна. Что это значитъ?

Весельчакъ. Такъ, моя птаха; завтра все узнаешь.

ДУЭТЪ.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Кто съ нѣжностью любить умѣетъ,
Тотъ, вѣрно, добрый человѣкъ.

СМѢЯНА.

Кто вздохи страстны разумѣетъ,
Блаженъ тотъ будетъ весь свой вѣкъ!

ОБА.

Что можетъ лучше въ свѣтѣ быть,
Какъ { милу женушку / мужа милаго } любить!

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Жены любезное названье
Тебѣ хочу навѣкъ я дать.

СМѢЯНА.

Равно мое съ твоимъ желанье
Хочу тебя я мужемъ звать.

ОБА.

Уйдемъ отъ скуки, отъ суетъ,
Въ своемъ углу найдемъ весь свѣтъ:
Я и ты, ты и я,
Вотъ для насъ вселенна вся.

Весельчакъ. Преотмѣнная моя Смѣяна!

Смѣяна. Преузорочный мой Весельчакъ!

Весельчакъ. Пойдемъ же теперь по всему селу разсказывать о нашемъ счастьи; я не люблю никакой радости одинъ; дай все раздѣлить съ друзьями — такова моя натура.

Смѣяна. Все раздѣлить?

Весельчакъ. Кромѣ жены однако жъ, слышишь ли, Смѣяна?

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГЛАФИРА и ГИППОЛИТЪ.

МЕЛОПЕЯ.

ГИППОЛИТЪ.

Итакъ, отнынѣ впредь я буду при тебѣ,
Благодаря боговъ, въ счастливѣйшей судьбѣ;
Восторгомъ равнымъ ихъ я наслаждаться стану!
Доколѣ живъ, тебя любить не перестану!

ГЛАФИРА.

И ты, всѣхъ чувствъ моихъ любезнѣйшій предметъ,
О, райская душа, о, милой другъ, мой свѣтъ!
Уставы вѣрности я сохраню не ложно:
Узря тебя, любить другого не возможно!

ГИППОЛИТЪ.

Съ тобою Гипполитъ вездѣ увидитъ рай.

ГЛАФИРА.

И ты представишь мнѣ прекраснымъ всякой край.

ГИППОЛИТЪ.

Небесны красоты въ земномъ познавши мірѣ,
Я образъ божества зрѣть буду во Глафирѣ.

ГЛАФИРА.

Твой взглядъ, сей страстный взглядъ, что́ кровь мою палитъ,
Съ безсмертными меня во счастіи сравнитъ!

ГИППОЛИТЪ.

И нѣжныя твои стократныя лобзаньи,
Біенье двухъ сердецъ, прерывныя вздыханьи
Да будутъ жертвою достойной алтаря
Амура нѣжнаго, вселенной всей Царя!

ДУЭТЪ.

ГЛАФИРА.

Небо здѣсь свидѣтель вѣрный
Тому будетъ навсегда,
Что мой жаръ къ тебѣ чрезмѣрный
Не погаснетъ никогда.

ГИППОЛИТЪ.

И я равно здѣсь обѣщаю
Любви не чувствовать иной;

Я ново сердце посвящаю
Тебѣ, Глафира, лишь одной.

ГЛАФИРА.

Съ тобой судьбы насланьи люты
Меня не смогутъ испужать.

ГИППОЛИТЪ.

И дня и ночи всѣ минуты
Мы будемъ радостьми считать.

ОБА.

Союзомъ вѣчнымъ съединимся,
Отдавъ другъ другу мы сердца,
Душами вѣкъ не разлучимся,
Счастливы будемъ безъ конца.

ГИППОЛИТЪ.

Познай надъ нами ты Любви опредѣленье!
Донынѣ я страстей различныхъ искушенье,
Кромѣ любви прямой, подробно испыталъ.
Чего хотѣлось мнѣ вседневно, самъ не зналъ;
Купидо наконецъ съ Олимпа мнѣ явился,
Я прелестью его тотчасъ обворожился.
Волшебно отъ него кольцо принявши въ даръ,
Искалъ счастливымъ быть, гася любовный жаръ;
Изъ возраста въ другой, изъ страсти въ страсть бросался,—
Или несчастливъ былъ, иль въ счастьи сомнѣвался.
Узналъ я, что любить есть должность естества,
Что міра связь любовь, въ ней воля Божества;
Но счастливымъ совсѣмъ, сказалъ Амуръ, не буду,
Доколѣ всѣхъ моихъ премѣнъ я не забуду.
Тебя лишь въ сердцѣ я хранить хочу всегда
И въ мысляхъ не сотру, Глафира, никогда;
А впрочемъ, все теперь навѣкъ забыть желаю
Забвенья воду пью и нову жизнь вкушаю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

(Онъ пьетъ воду забвенія и отдаетъ, положа въ кружку кольцо, Генію, который относитъ Амуру. Театръ перемѣняется и кажетъ Амура въ торжествѣ на изумрудномъ тронѣ; вокругъ его Гименей, Дружба и Конкордія, а далѣе Игры, Радости и Смѣхи.)

АМУРЪ.

Олимпа приговоръ свершился,
Любви возставленъ здѣсь законъ,
Въ пріятну правду обратился
Волшебный нынѣшня дня сонъ.
Фортуны колесо хотя давно вертѣлось,
Но все, Глафира, твой билетъ не выпадалъ;
Сегодни Гипполитъ и твой и свой досталъ,
Найдя, мнѣ покорясь, чего и вамъ хотѣлось.
Чету сію я вамъ вручаю,
Согласье, Дружба, Гименей!
Свое вамъ дѣло поручаю
Надъ нѣжною четою сей.
Одинъ вѣнцомъ пусть ихъ вѣнчаетъ,
Другой да свяжетъ ихъ узломъ,
А третій подъ своимъ щитомъ
Да вѣкъ ихъ въ мирѣ сохраняетъ!

(Амуръ летитъ наверхъ, а свита остается на театрѣ и танцуютъ балетъ.)

ХОРЪ.

Восторжествуй на долги вѣки,
Амуръ, Амуръ, природы сынъ!
Тебѣ всѣ служатъ человѣки;
И правишь ими ты одинъ.

ГИППОЛИТЪ И ГЛАФИРА.

Почто любви страшиться!
Ея законъ легокъ:
Любить и веселиться —
Какой счастливой рокъ!

ХОРЪ.

Восторжествуй на долги вѣки, и проч.

ГИППОЛИТЪ И ГЛАФИРА.

Отъ скучна принужденья
Мы чувства свободимъ,
Любовна обольщенья,
Вкушать всѣ услажденья
Мы волю имъ дадимъ.

ХОРЪ.

Восторжествуй на долги вѣки, и проч.

ГИППОЛИТЪ И ГЛАФИРА.

Удалясь отъ досады,
Ненавидя обманъ,
Въ любви лишь отрады
Найти безъ преграды
Тобой способъ данъ.

ХОРЪ.

Восторжествуй на долги вѣки,
Амуръ, природы сынъ!
Тебѣ всѣ служатъ человѣки,
И правишь ими ты одинъ.
Восторжествуй на долги вѣки,
Амуръ, природы сынъ! 2.

(Свита вся пропадаетъ и театръ приходитъ въ прежній видъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ГИППОЛИТЪ, ГЛАФИРА, ВЕСЕЛЬЧАКЪ, СМѢЯНА и РАСПОТѢЕВЪ.

Весельчакъ. Ба! и господинъ мой самъ-другъ! Ныньче, видно, въ воздухѣ женятся! Сегодняшній день намъ доказалъ, что счастье не по лѣсу ходитъ, а по людямъ.

Гипполитъ. Правда, больше всего его ищемъ, а часто оно ближе къ намъ, нежели мы чаемъ. Сегодни по утру я никакъ не воображалъ найти его въ двухъ шагахъ отъ себя.

Глафира. Также, какъ и я.

Распотѣевъ. Такое дѣло, милостивые государи! Вотъ и въ нашемъ быту ино занадобится какая вещь, безъ коей обойтись не можно; ищешь ее вездѣ и въ своемъ-то и въ чужомъ-то селѣ, посуешься, посуешься гораздо, и найдешь то же самое либо у себя, либо у шабра.

Глафира. Примѣръ этотъ весьма кстати. Кто счастья своего или самъ себѣ, или около себя не сыщетъ, тотъ тщетно гдѣ-либо искать его будетъ. Да гдѣ тебѣ, Смѣяна, попался этотъ молодецъ?

Гипполитъ. Это мой слуга, мой потѣшникъ, словомъ, мой въ скукѣ до васъ товарищъ; я вамъ его осмѣливаюсь представить.

Весельчакъ. Пока вы изволили съ богами, сударыня, вести компанію — ваше дѣло знатное, я простой холопишка—подхватя свою, тѣми же

богами данную за усердное девятой волны хлебанье голубушку, мыкался съ нею по деревнѣ, пилъ вездѣ брагу, при всякомъ стаканѣ желая вамъ здоровья.

Гипполитъ. Смотри, Весельчакъ, не напей себѣ новой послуги; будь остороженъ.

Смѣяна. Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.

Весельчакъ. Правда ваша, сударь. Съ одного вола ты говоришь, то такъ съ вола, а съ маленькаго бычка и зачастую то и дѣло, что шкуру дерутъ; не по винѣ глядя наука, а по виноватомъ.

Распотѣевъ. Умна рѣчь слуги вашего, милостивый государь! Я иногда въ городъ съ капустой ѣзжу, такъ сплошь видалъ: некорыстная клячонка пошалитъ въ оглобли съ дуру и не очень, такъ ее школютъ, школютъ разъ десять; а иной борзой конь и дышло и колымагу-то сломаетъ, и лягнетъ такъ, что Боже упаси, а посмотришь,—ему лишь овса подсыпаютъ, да прихоливаютъ.

Гипполитъ. Понимаю, господинъ Распотѣевъ, понимаю. За твою загадку надобно и тебя чѣмъ-нибудь да повеселить. Чего бы ты хотѣлъ, мой другъ, у насъ попросить?

Распотѣевъ. Денегъ, сударь.

Глафира. Это скоро и надежно сказано.

Распотѣевъ. Я, сударь, отъ старика-отца своего Евтрота Ѳаддеича слыхалъ пѣсню, да и

вамъ ее вмѣсто поздравленія униженно сиповатымъ моимъ голосомъ спою:

Счастье деньги, деньги счастье;
Все другое дребедень.
Пусть кошель — такъ и ненастье,
А какъ полонъ — ясный день.

Все за деньги достается
У господъ, какъ у крестьянъ,
Все межъ нами продается,
Такъ же, какъ у насъ жупанъ.

У кого звенитъ въ карманѣ,
Тотъ боярамъ другъ и братъ;
Не погнѣвайтесь дворяне,
Что вамъ правду спѣлъ Филатъ.

Гипполитъ. Браво! Вотъ тебѣ за пѣсню. (*Даетъ денегъ.*)

Глафира. И моя доля.

Весельчакъ. Жди меня на брагу.

Смѣяна. А меня на пляску.

Гипполитъ. Поди же, скажи всѣмъ въ моей вотчинѣ, что я женюсь на Глафирѣ, и чтобы они пришли ей отдать свой поклонъ.

Расноткевъ. Слушаю, сударь; а! да, вотъ по приказанію вашему, идетъ и Изотъ благодарить за деньги, и за нимъ цѣлый хабаръ нашей братьи.

Гипполитъ. Хотя я ни денегъ, ни приказанія не помню, однако сегоднишній день, видно, пошелъ на колдовство; ничему не надобно дивиться.

(*Мужики входятъ и поздравляютъ; Изотъ, подведя дѣтей, кланяется до земли; Даша съ Иваномъ цѣлуютъ у господъ руки.*)

Гипполитъ. Здравствуйте, друзья мои. Я принялъ намѣреніе жениться; вотъ будущая ваша госпожа!

Изотъ. Ну, слава Богу, сударь! давно бы такъ. Я давеча о томъ баялъ съ женой: вотъ кабы баринъ-атъ нашъ женился на своей сосѣдкѣ; анъ такъ и вылилось во святой часъ.

Глафира. Какая хорошенькая дѣвочка! Я тебѣ лентъ на голову подарю. Какъ тебя зовутъ?

Даша. Дашей, сударыня.

Глафира. Ты очень жениха своего любишь?

Даша. И вѣдомо; какъ же не любить?

Гипполитъ. Подите, мои друзья, играйте и веселитесь — ночь такъ свѣтла и хороша; а завтра. . . .

Весельчакъ. Завтра, сударь, станемъ отдыхать, кто отъ женъ, кто отъ волшебства.

Гипполитъ. Едва и вся жизнь наша не походитъ ли на сегодняшнія сутки! Все грезы и мечты, одинъ сонъ слѣдуетъ другому, и часто человѣкъ просыпается не прежде, какъ къ ночи.

Весельчакъ. Что, сударь, объ этомъ толковать много; быть бы лишь счастливу, а какъ, что за нужда. Вы этого хотѣли и нашли; стало-быть дѣло вершено; а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

(Актеры поютъ водевиль, а крестьяне отходятъ вдаль театра и приготовляются къ балету.)

ВОДЕВИЛЬ.

ВСѢ.

Забудемъ всѣ печали,
Пріятны дни настали!
Самъ-другъ мы станемъ жить,
Другъ друга вѣкъ любить.
Всѣ вокругъ
Насъ здѣсь вдругъ
Веселѣе стали:
Все цвѣтетъ,
Все поетъ;
Чему же лучше быть?

ГИППОЛИТЪ И ГЛАФИРА.

Почто любви стрѣламъ
Противиться стремился,
За что пѣнялъ богамъ,
Не зналъ и самъ.
Тобой когда плѣнился,
То вѣрить научился,
Что въ свѣтѣ не любя
Прожить нельзя.

ВСѢ.

Забудемъ всѣ печали, и проч.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ И СМѢЯНА.

Случилось съ нами то,
Что многи чтутъ за диво;
Кромѣ боговъ никто
Не зрѣлъ здѣсь ничего;
То было только лживо,
А вотъ что справедливо:
Любовь на свѣтѣ всѣхъ
Милѣй утѣхъ.

ВСѢ.

Забудемъ всѣ печали, и проч.

РАСПОТѢЕВЪ *(одинъ.)*

А я вамъ пропою
Погудку стару снова;
Послушайте мою
Вы пѣсню всю:
Женитьба вамъ обнова,
Лишь помните два слова:
Хвалите сонъ тогда,
Какъ сбудется когда.

ВСѢ.

Забудемъ всѣ печали,
Пріятны дни настали!
Самъ-другъ мы станемъ жить,
Другъ друга вѣкъ любить.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО И ПОСЛѢДНЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ РУКОПИСЕЙ,

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ.

1810 года.

I.

ОПИСАНІЕ БОГОЯВЛЕНСКАГО.

—

Поживи Потемкинъ, — и Николаевъ сталъ бы шире Москвы: отъ города до Богоявленскаго считается 12 верстъ, — а все это пространство было уже разбито на кварталы. Дорога лежитъ по берегамъ Буга. Подобно петергофской, на ней розданы были мѣста подъ загородные домики многимъ приближеннымъ. Иной строился для своего, иной для его удовольствія Мѣста безлѣсныя, но быстрый токъ воды утѣшаетъ зрѣніе. Вельможа умеръ — и все исчезло!

Въ самомъ Богоявленскомъ — прелесть! Я туда ѣздилъ, и не могъ довольно налюбоваться этимъ мѣстомъ. Я нигдѣ не видалъ такого соединенія вдругъ богатства природы, роскоши искуственной и нищеты. Потемкинъ любилъ это мѣсто, и разводилъ тутъ сады. Всякое растеніе и дерево, какое только въ томъ климатѣ достать можно около Крыма, — все сюда привезено было на подводахъ и посажено безъ пощады человѣческаго поту; все принялось и пустилось, а послѣ — все поросло тростникомъ и облеклось въ пустыню. Тутъ уже не садъ теперь пышный и пространный, а дичь одна необработанной природы.

Посреди сада видна еще купальня. Она изъ дикаго камня на 8-ми столбахъ. Нѣсколько сту-

пеней сводитъ васъ въ чистую и прохладную воду; подъ сводомъ гранитнымъ васъ солнце не печетъ. Тутъ орошался нѣкогда исполинъ, и никто, кромѣ Нимфъ, приблизиться къ нему не смѣлъ. Дабы сохранить и нынѣ, сколь возможно, сей памятникъ роскоши отъ суровости погоды, а паче соблюсти источникъ въ чистотѣ, поставлена бѣдная избушка, нестоющая ничего, изъ хворосту и тростника. — Одинъ широкій шагъ поставитъ васъ на ея кровлю; но взгляните вкругъ этого убогаго шалаша, въ которомъ старичокъ-сторожъ плететъ лапти и куритъ табакъ, — взгляните: около его разраслись не рябина или черемуха, нѣтъ! тутъ вѣтви, отягченныя абрикосами, бергамотами, осѣняютъ верхъ его и обвиваютъ столпы его ограды. Высокій кустъ грецкихъ орѣховъ царствуетъ надъ прочими плодами; съ нимъ сблизила природа и каштановое дерево. Старикъ глядѣлъ на насъ съ изумленіемъ; онъ не понималъ, отъ чего мы такъ дивимся, — столь для него сіе зрѣлище было обыкновенно! Гдѣ жъ вы найдете такъ тѣсно вмѣстѣ рѣдкія прозябенія лучшихъ странъ свѣта, нищету хижины, вросшей въ землю, и великолѣпную купальню? — О деревьяхъ обыкновенныхъ, какъ то: грушѣ и яблонѣ говорить ужъ нечего: — пропасть!

Сердце ноетъ, когда видишь въ такомъ все запущеніи. Садъ этотъ отданъ одному фабриканту, который тутъ содержитъ суконную фабрику, и все мѣсто получилъ изъ казны въ аренду. Онъ печется о своемъ промыслѣ и, конечно, ма-

ло думаетъ о садѣ. Я весь его исходилъ съ конца до другого, неоднократно возвращался къ банѣ, близъ которой обрывалъ бергамоты, запивалъ хорошимъ виномъ и задумывался о скоромъ теченіи случаевъ и всей жизни нашей.

Я сидѣлъ на самой той скамейкѣ, на которой П. . . . сматривалъ рано поутру, какъ возятъ въ садъ щебень, песокъ, деревья, какъ все шевелится для прихоти его и ищетъ его благосклоннаго взора. Натура, думалъ я, все та же, но снятъ съ нея нарядъ; душа сихъ мѣстъ удалилась въ другія селенія; — все мертво было около меня.

Садъ при немъ назывался Витовской. Въ то время, какъ онъ убиралъ его, г-жа Витъ кружила ему голову. — О! я въ томъ стою, умру съ тѣмъ, что въ жизни нашей то только время и можно счесть блаженнымъ, въ которое любовь сводитъ насъ съ ума!. . .

Меня водилъ по дорожкамъ, кои трудно отыскать уже въ густой травѣ, одинъ современникъ П . . а, и тѣхъ самыхъ дней, когда Богоявленское во всей красѣ своей сіяло. Одинъ морской офицеръ былъ въ нашемъ обществѣ, который видѣлъ здѣшнія мѣста въ 89 году. Онъ намъ казалъ тамъ сухіе рвы и болотистыя тинныя мѣста, гдѣ я никакъ не повѣрилъ бы, что были когда-либо токи свѣжей воды, если бъ онъ не засвидѣтельствовалъ намъ, что тутъ прорыты были вездѣ каналы, и столько наполнены водою, что князь плавалъ на нихъ въ

раззолоченныхъ лодкахъ. — Гребцы пѣли, кричали; весла отражали лучи яркаго дневнаго свѣтила; вода сливала съ нихъ крупные свои перлы, а князь не вмѣщалъ своихъ восторговъ. Вездѣ тутъ нынѣ илъ, камышъ, и на каждомъ шагу увязнешь. Вмѣсто торжественныхъ пѣсенъ и кликовъ народныхъ, одинъ слышенъ крикъ неугомонныхъ лягушекъ. Ахъ! что печальнѣй сей картины!

Домъ княжескій сломанъ; но онъ былъ такъ великъ, что изъ матеріяловъ его вышелъ прекраснѣйшій лазаретъ для морскихъ силъ; — онъ тутъ же расположенъ. Ничто не заслуживаетъ такого прилежнаго вниманія; его построилъ маркизъ де-Траверсе, и къ зимней огромной больницѣ присоединилъ лагерный госпиталь, какого я еще нигдѣ не видывалъ. Самое спасительное изобрѣтеніе для недужныхъ, истинный, а не тщеславный только опытъ человѣколюбія! — Сказывали мнѣ, что и во всѣхъ портахъ настроены такіе же. — Вотъ его расположеніе:

Все строеніе состоитъ изъ стѣны деревянной, не выше полуаршина, и съ самой крутой и высокой крышкой, которая уподобляется полотняному намету. Эта кровля не доходитъ до земли, слѣдовательно воздухъ не стѣсненъ и проходитъ между нею и стѣнами чрезъ всю галерею. Кровать больного поставлена головою къ стѣнѣ, и въ крышкѣ надъ каждой слуховое окошко, которое занавѣсомъ защищаетъ больного отъ солнца. Полъ земляной, но крѣпко убитъ, усыпанъ зе-

лепью и всегда свѣжъ, чистъ и сухъ; больному покойно, прохладно и просторно: выгодная замѣна зимнимъ лазаретамъ, въ коихъ лѣтомъ такъ сгущается воздухъ, а между тѣмъ двоякая польза; ибо когда хворые переносятся сюда, тогда зимнія казармы больничныя провѣтриваются и дѣлаются въ нихъ необходимыя починки; самая перемѣна мѣста столь часто для больного служитъ отрадой. При насъ было ихъ здѣсь до 100 челов., а иногда накопляется до 400. При больницѣ 6 лекарей, декторъ одинъ и, сверхъ того, инспекторъ. Все содержаніе этого лазарета, относительно пищи, бѣлья, опрятства и чистоты около постелей, отмѣнную честь дѣлаетъ надзирателямъ. Рѣдко немощное человѣчество видитъ подобныя о себѣ попеченія.

Итакъ, кромѣ сада, есть въ Богоявленскомъ и полезныя заведенія. Я упомянулъ о больницѣ; скажу нѣчто о фабрикѣ. Арендаторъ на многихъ станахъ точетъ здѣсь сукно изъ тонкой испанской шерсти въ свою пользу. Чтобъ доказать, пріѣхавши домой, что можно уже обходиться и безъ иностранныхъ суконъ, я здѣсь купилъ на фракъ по 6 руб. аршинъ сукно, которое выткано было изъ шерсти не совсѣмъ испанской, но снятой съ породы отъ смѣси крымскихъ нашихъ овецъ съ мериносами, т. е. отъ métis происшедшей. Оно нѣсколько сурово, но носить можно; за то, какая же разница въ цѣнѣ съ иноземными сукнами! — Передъ нашими щеголями тѣмъ-то оно и виновато, что дешево. Хозяинъ

фабрики работаетъ съ усердіемъ и успѣхомъ; становъ много; заведеніе обширное; строеніе казенное; работники вольные. Есть тутъ машина, посредствомъ которой одинъ ткачъ очень легко отдѣлываетъ сукно въ 3 аршина слишкомъ ширины; но онъ не ломается, какъ тотъ, о которомъ я говорилъ, бывши въ Полтавѣ. — Этотъ просто одной кистью руки шевеля рукоятку, посылаетъ челнокъ съ удивительною скоростью чрезъ всю основу съ края стана на другой. Главный предметъ этой фабрики — выдѣлка солдатскихъ суконъ. Бывъ въ Богоявленскомъ, надобно зайти и ее посмотрѣть, какъ заведеніе, достойное примѣчанія.

Но я, не будучи смышленъ въ этой промышлености, все обращалъ глаза мои на сады, источники и купальню. Сколько разъ я обошелъ ее вокругъ, сколько разъ пилъ тутъ воду, подставлялъ голову подъ фонтанъ, — и въ тѣни пожилого орѣшника оплакивалъ мысленно разрушеніе такихъ драгоцѣнныхъ прелестей! — Изъ сада пошедши къ коляскѣ, я еще наполненъ былъ тѣми идеями, которыми мѣстоположеніе и исторія его наполняли мое воображеніе, какъ наступилъ на что-то мягкое. — Ай! закричала жена. — Что такое? — Убитая змѣя. Онѣ часто, говорятъ, изъ густыхъ травъ вытягиваются и шипятъ. Согласимся, сказалъ я своимъ товарищамъ, что вездѣ есть добро и зло: прекрасенъ садъ, но змѣя не хороша.

Гдѣ чижъ поетъ вверху, тамъ змѣй шипитъ въ травѣ;
Не все то хорошо, что взоръ прельщенный хвалитъ.
Червь точитъ алый цвѣтъ на мягкой муравѣ,
И прежде чѣмъ ѣсть медъ, пчела тебя ужалитъ.

Правда, правда! закричали мои товарищи, сѣли въ коляску и поскакали въ Николаевъ. Отъѣхавъ съ версту, я кинулъ еще взоръ на вѣтвистый орѣшникъ и на куполъ великолѣпной ванны. Витовка! мѣсто безподобныхъ очарованій! — если ты и нынѣ дивишь любопытныхъ, что жъ была ты тогда, какъ вельможа сыпалъ въ тебя всѣ свои сокровища? — конечно, рай земной!

II.

ХЕРСОНЪ.

От Николаева Херсонъ очень близко, только 60 верстъ; дорога ровная и степная. Мы двое съ женой послѣ обѣда туда поѣхали и ранѣе вечера прибыли. На пути нѣтъ никакого жилья, кромѣ почтоваго сарая, въ которомъ на половинѣ дороги мѣняютъ лошадей. Полиція тутошная позаботилась о нашей квартирѣ и отвели намъ ее въ лѣсной конторѣ г. Пер. * * * у одного Жида. Вездѣ намъ судьба судила стоять въ его домахъ; но вездѣ такіе у него хозяева, какъ

въ Николаевѣ. Поздно было ходить по городу; тотчасъ съ пріѣзда мы отужинали и легли спать; но разныя твари, коихъ пыль и нечистота производятъ, не дали намъ заснуть хорошенько.

На другой день пріѣзда нашего, 19 числа, дождь пошелъ пресильный и безъ экипажа нельзя было выйти изъ дома. Окошки наши на дворъ; итакъ, сидя въ четырехъ стѣнахъ, въ скукѣ, я имѣлъ досугъ одумать все состояніе неволи, которой подвержены заключенные въ тюрьму, какъ въ клѣтку, и неимѣющіе передъ глазами никакого предмета. Я только могъ замѣтить, не выходя изъ горницы, что здѣсь пропасть Жидовъ и комаровъ: либо перваго увидишь, либо послѣдняго убьешь. Я старался прогонять скуку пріятнѣйшимъ для сердца упражненіемъ. Я писалъ письма къ домашнимъ, къ друзьямъ и готовилъ ихъ заранѣе къ отсылкѣ при случаѣ удобномъ. Около полудня улыбнулось небо; стало ясно, тихо, хорошо, и здѣшній г. губернаторъ посѣтилъ меня. По приглашенію его, я у него обѣдалъ, ужиналъ и весь день пробылъ. Онъ молодъ, но исполненъ усердія къ своей должности; супруга его барыня прелюбезная и мастерица играть на фортепіано, — цѣлый вечеръ слушалъ я ее безъ устали. Съ ними жили тогда, по случаю родинъ ея, нѣсколько ихъ родственниковъ. Они дома въ городѣ не имѣютъ; — онъ еще строится, а между тѣмъ занимаютъ домъ военнаго губернатора верстахъ въ двухъ отъ города въ крѣпости. Это удаляетъ отъ нихъ общество городское,

особливо въ осеннiе длинные вечера, въ которые. такъ нуженъ всякому кто-нибудь: они по большей части одни въ своей семьѣ. Кабинетъ его наполненъ бумагами,—обыкновенная роскошь и убранство внутреннихъ покоевъ дѣловыхъ людей. Боже мой! какая куча пакетовъ! — и когда это все читать! — Я одни сутки провелъ въ ихъ бесѣдѣ довольно прiятно; сожалѣлъ только объ ихъ собственной скукѣ, которую, кажется, никто изъ цѣлаго ихъ дома скрыть не можетъ. И правда, что Херсонъ мѣсто не прекрасное. Губернаторъ далъ мнѣ свой экипажъ и самъ охотно возилъ меня по всѣмъ занимательнѣйшимъ мѣстамъ города. Станемъ говорить объ немъ.

Городъ разбитъ на Днѣпрѣ, но очень непрiятенъ: улицы нечисты, строенiе скверное. Ни одного нѣтъ хорошаго дома, кромѣ, такъ называемаго, Обжорнаго-Ряда, который выстроенъ изъ городскихъ доходовъ. Мнѣ сказывали, что Херсонъ имѣлъ въ пользу свою весь собираемый съ него въ тогдашнее четырехлѣтiе откупный доходъ. Онъ населенъ людьми, сборными со всѣхъ сторонъ. Крѣпость, хотя еще не стара, однако требуетъ уже значительныхъ поправокъ, и только-что поддерживается отъ совершеннаго разрушенiя. Внутри много разныхъ каменныхъ строенiй, какъ то: домъ военнаго губернатора, комендантскiй, и Ордансъ-гаузъ: тутъ же и соборъ. Я объ немъ говорилъ въ другомъ мѣстѣ; а теперь добавлю то только, что въ этомъ великолѣпномъ и огромномъ храмѣ нѣтъ ника-

кой примѣчательной утвари. Иконостасъ сведенъ круглымъ куполомъ на 8 столпахъ голубого цвѣта; ризница не важная; — показывали мнѣ ризы и стихарь, кои приложены Екатериной; впрочемъ, отличнаго богатства нѣтъ; и если бъ не снабдила здѣшній соборъ многими драгоцѣнными вещами Г-жа Мр.* * *, коей сынъ, убитый на ратномъ полѣ, похороненъ здѣсь, то бы и похвастать не чѣмъ было; ея приклады всѣ роскошны и со вкусомъ въ отдѣлкѣ.

Сколько знаменитыхъ гробницъ около собора! Тутъ увидите вы храбраго Миллера. Я остановился подлѣ его мавзолея. Шишакъ надъ нимъ столько жъ чистъ еще понынѣ, какъ и слава его. Она сохранилась безъ пятна: рѣдкое счастіе для воина! Тамъ, подалѣе, лежитъ его сынъ, достойный такого отца. Тутъ князь Волконскій: кто не знаетъ его кончины подъ Очаковымъ? кто не оплакалъ отважности его геройской? Я впервые тогда почувствовалъ восторги славы. Кончина его и Горича восхитили мою душу, еще прикованную къ школьнымъ теоріямъ; силы мои развернулись, и я осмѣлился первые мои стихи выдать въ свѣтъ на смерть послѣдняго. Здѣсь предана землѣ нѣжная отрасль царскаго дома. Въ молодости красной принцъ виртембергскій переселился въ вѣчность. — Камень надгробный его только-что огроменъ, но мало красоты.

Корабельная верфь любопытна. При насъ отстраивали тутъ одинъ корабль 74 пушечный; — такого же размѣра дѣлались еще два, и одинъ

100 пушечный былъ заложенъ. Капитанъ надъ портомъ Г. Т... всѣ работы намъ показывалъ. При насъ корабль обивали мѣдью. Это предосторожность необходимая отъ морскихъ червей, кои, какъ говорятъ, въ Черномъ Морѣ очень скоро проѣдаютъ корабли. Какое страшное зданіе на берегу, а на морѣ лукошко! Подъ него готовятся уже и камели для спуска къ тому мѣсту, гдѣ онъ оснащиваться будетъ. Говорили, что онъ полетитъ въ Днѣпръ 8 Августа. На лѣвой сторонѣ рѣки весь берегъ усыпанъ корабельными лѣсами. Они лежатъ на открытомъ мѣстѣ, отъ чего удобно и повреждаются. Видно, что еще лѣсу много, что нѣтъ нужды его беречь, или издержки для предохраненія его болѣе важны, нежели сама цѣна вещи. Въ такомъ случаѣ жаль, что не оставили множества дубовъ и сосенъ на корнѣ: они бы еще пожили и не опоздали стать на своемъ мѣстѣ въ кораблѣ.

Гавань купеческая очень хороша. Въ ней строится много транспортныхъ судовъ по самымъ прекраснымъ образцамъ. Многіе изъ нихъ при насъ были въ отдѣлкѣ. Торговля животворитъ совершенно берега Днѣпровы при скучномъ Херсонѣ. Лѣсная пристань обогащена бревнами и досками. Днѣпръ приноситъ сюда все богатство лѣсовъ бѣлорусскихъ. По сей рѣкѣ чрезъ Кременчугъ приплыло сюда въ 1810 году до 150 тысячъ деревъ. Какое важное пособіе для Крыма и Николаевской степи! — Днѣпръ по берегу убитъ сваями, и отъ пристани саженъ на сто убавили его широты.

Чего не дѣлаютъ искусство и труды!
Каналъ, Азовъ и Понтъ вѣнчаютъ, какъ пруды,
И древній Борисѳенъ, теряя здѣсь свободу,
Сто саженъ отступилъ для пристани народу.

Канатная фабрика помѣщается въ огромномъ строеніи на 240 саженяхъ длины. Внизу крутятъ веревки, а вверху, подъ крышкой на чердакѣ, съ просторомъ прядется пенька. Народъ употребляется ссылочный, осуждаемый по приговорамъ къ каторжнымъ и крѣпостнымъ работамъ. Ни на одно лице взглянуть нельзя равнодушно: у всякаго черты ужасны; печать злодѣйства отражаетъ всякое состраданіе. То ли бы было, подумалъ я, ходя по этой пространной галереѣ и прислушиваясь къ нестройному звону желѣзъ, если бъ по обоимъ концамъ поставили громкіе оркестры и вдоль строенія вытянуть въ два фронта экоссезъ? Всякой, думаю, воленъ дѣлать въ себѣ и про себя, какія хочетъ, примѣчанія. — Вольтеръ гдѣ-то сказалъ: les volontés sont libres; кажется, онъ ошибся! а тому, кто скажетъ: les pensées sont libres, нечѣмъ возразить.

Много здѣсь хорошаго и полезнаго вымыслила Екатерина. Скажемъ же и то, что Потемкинъ многое и исполнилъ хорошо. Память Херсонской Царицы здѣсь незабвенна! Цѣлы еще стѣны того строенія, въ которомъ нѣкогда Она ужинать изволила. Говорятъ, что на столѣ, вмѣсто обыкновеннаго убранства, въ модели изображенъ былъ искусственнымъ образомъ весь ея флотъ, и что, какъ скоро она сѣла кушать, то на немъ

поднялись флаги. Скажемъ тысячу разъ: вѣкъ ея былъ вѣкъ очарованія! — Здѣсь я опять настигъ нитку политическихъ происшествій. Нѣсколько номеровъ прочелъ Сѣверной Почты, и узналъ о новой монетной системѣ. Удалясь столь далеко отъ центра новостей, всякой листочекъ свѣженькой печати читаемъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Я часто испытывалъ это дорогой. Здѣшнему губернатору некогда лишній часъ проспать. Дюкъ опять сегодня проскакалъ въ Крымъ. Видно, флотъ турецкій хоть не страшенъ, да и не забавенъ.

Вездѣ есть диковинки. Почтетъ ли читатель мой ею то, что̀ я готовлюсь ему сказать — не знаю; но для меня весьма удивительно было услышать, что въ Херсонѣ городской голова Французъ, поселившійся здѣсь болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. — Чудо!

Въ день отъѣзда нашего отсюда, 20 числа, я, съ дозволенія господина губернатора, ходилъ купаться въ Днѣпръ. У него закрытая и пловучая ванна. Прохлада не совсѣмъ пріятная, вода мутна и съ зеленью. Въ Володимірской губерніи Нерль, а не Днѣпръ; но какая разница для этого наслажденія! — Мы позавтракали у губернатора, простились съ нимъ, съ его семействомъ; и поѣхали, какъ-будто домой, въ Николаевъ. Въ четыре часа съ половиною мы проскакали 60 верстъ. Лошади не бѣгутъ, летятъ, и ихъ дикія лошади у насъ не отпрягали. Я долженъ

эту строчку объяснить, иначе она будетъ казаться непонятною.

Одинъ путешественникъ, напечатавъ многое объ Одессѣ и здѣшнихъ мѣстахъ, между прочимъ, помѣстилъ слѣдующее извѣстіе: «Сія степь, «сколь ни худа, однако питаетъ дикихъ лошадей, «которыя имѣютъ странный инстинктъ — осво«бождать лошадей, если увидятъ запряженными; «онѣ нападаютъ иногда толпами на запряжен«ныхъ лошадей, разбиваютъ повозки, перерыва«ютъ сбрую, потомъ убѣгаютъ съ новыми то«варищами, если удастся имъ освободить ихъ.»

Я херсонскую степь, т. е. разстояніе между Херсономъ и Николаевымъ, проѣхалъ два раза, и поутру и ввечеру; ни отъ кого я этого не слыхалъ, нигдѣ этого не видалъ. Замысловатыя лошадки! — Видно, и въ ихъ родѣ водятся республиканскія головки, кои узды не терпятъ. — Благодаря Бога, или, лучше сказать, херсонскую Ѳею — ибо это также должны быть ея превращенія! — наши кони очень смирно довезли насъ до Николаева, гдѣ мы нашли всю свою домашнюю бесѣду, и въ ней остатокъ дня весьма пріятно проводили.

III.

ИЛЬИНСКОЕ.

Въ бытность мою въ Полтавѣ, Гр. Б. изъявилъ мнѣ желаніе, чтобъ я заѣхалъ въ его имѣніе, недалеко отъ Николаева, и, дабы я могъ видѣть все то, что въ немъ есть примѣчанія достойнаго, снабдилъ меня письмомъ къ своему прикащику. Село его Ильинское въ 30 верстахъ отсюда. Я поѣхалъ, отобѣдавши въ Николаевѣ и нагулявшись въ Спасскомъ. На Бугѣ ожидала насъ адмиральская шлюпка. Пристань отмѣнно хорошо сдѣлана; мостъ наведенъ широкій до глубины рѣки; по обѣ стороны разставлены фонари—знакъ вниманія къ проѣзжимъ. Небольшой вѣтерокъ колебалъ Бугъ, но онъ былъ попутный: подняли паруса и поплыли. Шлюпка шла на боку отъ естественныхъ причинъ и необходимыхъ; но жена моя, въ первый разъ бывъ на водѣ, этого боялась, тѣмъ болѣе, что мы колыхались какъ въ люлькѣ. — Г. Е., стоя на пристани, не снималъ глазъ съ насъ, доколѣ мы у него изъ виду пропали. Гр. Б. и хозяинъ нашъ, высадивъ насъ на берегъ, еще съ нами простились, и мы поскакали.

Отъ Николаева та же простирается степь, пустая и пространная. Бугъ то пропадаетъ, то опять показывается въ отдаленности: видъ его представляетъ море. Уже поздно было, какъ мы

выѣхали изъ города; сумерки застали насъ на пути. Я сидѣлъ съ женой въ коляскѣ. Мѣсяцъ вошелъ, и изъ-за красныхъ облаковъ, исполненныхъ огня и грома, ударялъ въ синія волны Буга: опять новый предметъ ужаса! Жена скрывала свой страхъ, чтобъ не дать пищи моимъ чернымъ мыслямъ; я дѣлалъ то же въ отношеніи къ ней. Помѣстье Гр. имѣетъ свое тутошное новое имя и, сверхъ того, старинное историческое, вновь ему присвоенное; итакъ мы съ ямщиками не могли другъ друга понять. я спрашивалъ ихъ про Ольбіо; — они твердили мнѣ объ Ильинскомъ. Такое недоумѣніе удвоивало страхи; мы боялись, что насъ не туда привезутъ, куда мы хотѣли ѣхать. То же недоразумѣніе и въ разстояніяхъ. И такъ все насъ безпокоило.

Доѣхали мы до Ильинскаго поздно — почти ночью; однако передовые насъ возвѣстили — прикащикъ ждалъ: я ему отдалъ письмо. Онъ отвелъ намъ двѣ комнаты, изрядно прибранныя, хотя очень маленькія, и съ турецкимъ диваномъ. Б. недавно началъ здѣсь строиться, и предпріятіе его — поставить для своихъ наѣздовъ домъ, идетъ весьма медленно, да и нельзя иначе: мѣсто степное, дикое, безлѣсное. Когда мы вообразимъ, что здѣсь, 25 лѣтъ назадъ, обитали вездѣ Турки, и что война старое все истребила, а миръ непродолжительный ничего новаго устроить не допустилъ: то мы и тому подивиться должны, что нашли уже ѳеленіе русское, христіанскій храмъ, хаты, обитателей и господскій флигель.

Екатерина, отнявъ у Турокъ Крымъ, поспѣшила многимъ завоеваннымъ мѣстамъ дать древнія имена, и одинъ городокъ отъ Нея получилъ наименованіе Ольвіополя; но естественныя открытія заставляютъ думать, что римскій городокъ Ольбіо не тамъ былъ, гдѣ Таврическая Владычица его нарекла, а здѣсь, точно здѣсь, — въ дачахъ, поступившихъ по времени во владѣніе Гр. Б. Сіе доказывается рытвинами, изъ которыхъ безпрестанно извлекаются разныя древности. Я ѣздилъ ихъ осматривать; онѣ раскиданы по берегамъ Буга; но, къ сожалѣнію моему, работы полевыя остановили сіи упражненія, и я ничего не видалъ, кромѣ двухъ небольшихъ отверзтій въ землю. Въ нихъ опускается человѣкъ сажени на двѣ и на три глубины и выноситъ оттуда обломки разныхъ досокъ, мѣдныя и серебряныя монеты. Еслибъ я былъ антикварій, то бы на счетъ ихъ распространился; но я углублялся въ однѣ нравственныя измѣненія, не разсматривая вещей неодушевленныхъ.

По большой части вырываютъ изъ земли горшки глиняные, подобные нашей каменной посудѣ, цвѣта краснаго и содержащіе въ себѣ пепелъ. Ольбіо, по историческимъ преданіямъ, былъ городъ ссыльный. Если вѣрить, что онъ существовалъ на самомъ этомъ мѣстѣ, то сколькихъ злодѣевъ мы доискиваемся остатковъ, и обрадовавшись, когда попадается намъ урна съ ихъ пепломъ, за рѣдкость ее почитаемъ! Вотъ какъ все во времени и отъ времени зависитъ! Графу не-

давно послали до 2,000 монетъ серебряныхъ, величиною съ нашъ гривенникъ, вѣсомъ до полпуда. Я купилъ себѣ у мужиковъ его четыре, и заплатилъ 10 руб. — Онѣ въ большой цѣнѣ. На всѣхъ почти вы найдете чеканъ города Ольбіо. Поселяне, для построенія себѣ домовъ, ходятъ рыть дикій камень и добываютъ монеты вмѣстѣ съ онымъ; онъ продается ими въ ихъ пользу. Мѣсто, гдѣ сдѣланы ямы для сихъ изысканій, какъ-будто городокъ. Тутъ же отрыты разной величины бѣлаго мрамора доски, кои хранятся до пріѣзда ожидаемаго сюда помѣщика. Надписи на нихъ почти на всѣхъ греческія; иныя очень хорошо сохранились. На одной я очень явственно прочелъ имя Аполлона. Другой занялся бы этимъ на-долго, но я взглянулъ, и — виноватъ — прочь пошелъ. Что мнѣ въ камняхъ? кажите мнѣ людей. Камень наипревосходнѣйшій тешется въ одинъ часъ, да и самой грубой рукой, а человѣкъ образуется часто вѣками и цѣлыми поколѣніями.

Около рытвинъ и вышесказаннаго городка начался Лиманъ. Между многихъ бугровъ, или кургановъ, кои это урочище опоясуютъ и даютъ ему наименованіе Сто-могилъ, самый высокій холмъ открываетъ наилучшіе воды по Бугу и за онымъ. Отсель чуть-чуть показывается таврическій берегъ. Лиманъ отъ сего холма до крайнихъ границъ своихъ простирается на пятнадцать верстъ. Въ одну сторону видѣнъ Николаевъ, въ другую Очаковъ, — Рѣдкое мѣсто въ природѣ! Я долго

тутъ гулялъ и смотрѣлъ, какъ отважные рыбаки ловятъ рыбу. При насъ попались только севрюги и мелочь, изъ которой намъ сварили уху: но прикащикъ увѣрялъ, что попадаются иногда и стерляди и осетры; онъ уже утверждалъ, что недавно тутъ изловили бѣлугу въ 8 пудъ и 19 ф. Въ селѣ выстроена каменная церковь во имя Александра Пресвитера и въ честь патрону Кн. Б. — Внутри ея чисто, хорошо и прохладно; ничего нѣтъ, впрочемъ, отличнаго. Утварь церковная не богата, священникъ молодъ и не изъ ученыхъ. Итакъ, все въ Ильинскомъ осмотрѣвъ въ одно утро, мы тутъ отобѣдали и поѣхали въ Очаковъ.

IV.

ОЧАКОВЪ.

На пути къ Очакову, который не въ дальнемъ разстояніи отъ Ильинскаго, двѣ промойны вымачили меня изъ коляски; между ними холмъ на водахъ лиманскихъ: вотъ прекрасная точка земли! Тутъ бы поставить храмъ и славить въ немъ Трисвятаго! Доѣхали въ Очаковъ рано.

Знаменитое мѣсто въ нашей исторіи! Бралъ его Минихъ, бралъ и Потемкинъ. Городъ разоренный! — и нынѣ видны еще грозные слѣды россійской рати. Хуже деревни: вездѣ обломки

бывшихъ строеній; камня груды; часто попадаются подъ ноги сухія кости человѣческія; я думаю, нѣкогда было глубоко прятать побитыхъ. Ни одного не найдете сучка отъ тѣхъ прекрасныхъ садовъ, которые вокругъ Очакова разведены были на нѣсколько верстъ, — сабли все порубили. Что̀ устоитъ противъ острія меча?

Сохранился небольшой остатокъ турецкой крѣпости. У самаго моря стѣна ея свидѣтельствуетъ храбрость полковъ и полководца. Она, какъ вылита изъ одной штуки: нигдѣ не видно шва между дикими камнями. Я съ неописаннымъ любопытствомъ смотрѣлъ здѣсь на все, что̀ представлялось изумленному моему взору. Лиманъ волновался, вѣтеръ дулъ съ моря; я стоялъ неподвиженъ на каменьяхъ, коими усыпанъ берегъ, и волны его сокрушались у ногъ моихъ. Еще есть на отмеляхъ куски турецкихъ каменныхъ ядръ сѣраго мраморнаго цвѣта, коими они заряжали свои орудія и подчивали нашихъ: все тщетно было — Орлу судило Небо смирить гордую Луну

Цѣлъ и Гассанъ, пашинской замокъ. Башня круглая, высокая, старинной архитектуры. Не удержался въ ней паша, и мы осилили чугунные затворы. Я ходилъ внутри его: тамъ настроено много зданій для артеллерійскихъ снарядовъ и разныхъ потребностей; на одномъ изъ нихъ видна старая аспидная крыша. Здѣсь весьма много сего камня. Меня пустили прогуляться на баттарею. На ней и во всемъ Очаковѣ орудій до 100, 18-ти и 24-хъ фунтовыхъ пушекъ.

Кто бы не пришелъ въ восторгъ, обнявъ однимъ взоромъ безподобное здѣшнее мѣсто? Не напрасно Турки называли Очаковъ маленькимъ Царьградомъ или Стамбуломъ. Величественная картина! налѣво Лиманъ, направо Черное Море; противъ глазъ Кинбурнская Коса, какъ языкъ земли, разсѣкающій мрачную волну; подалѣе, въ томъ же морѣ, обложенъ пушками островъ Березань. Какая кисть сниметъ такой рисунокъ съ изящной природы? Ходя по развалинамъ турецкихъ укрѣпленій, я обнималъ вдругъ и небо и воды; уставши, сѣлъ на пушку и далъ волю всѣмъ своимъ мечтамъ.

Здѣсь тѣни Волконскаго и Горича носились передо мною и напоминали гибельное событіе очаковскаго штурма. Я воображалъ, что вижу тотъ путь, тѣ самыя ворота, гдѣ ихъ послѣдній рокъ постигъ отъ руки врага, неумѣющаго щадить жертвъ своихъ. Здѣсь супруги героевъ нашихъ, усугубляя торжество побѣдоносца — цвѣтущія прелестями, летали на быстрыхъ саняхъ по снѣгамъ и кострамъ мертвыхъ тѣлъ, и въ богатыхъ землянкахъ; средь роскоши и нѣги, забывали съ нимъ всѣ ужасы военнаго ополченія; межъ тѣмъ какъ утомленные воины, алкая рѣшительной брани и побѣды, не щадили себя, не щадили ничего, что имъ ни встрѣчалось.

Вѣрьте или нѣтъ, какъ угодно, но помѣщу здѣсь странность. Кто не знаетъ, кто не примѣтилъ, что очень часто облака берутъ разные образы и представляютъ намъ виды земные въ

небесахъ? Средь глубокихъ моихъ размышленій объ очаковскомъ штурмѣ, о войнѣ и ея послѣдствіяхъ, взглянулъ я вдругъ на небо, и увидѣлъ среди самаго чистаго воздуха одно только облако. Что жъ оно представляло? Наковальню, совершенно сходную съ кузнечными. Стройное согласіе идей съ воздушными явленіями? Подлинно, подумалъ я, была здѣсь въ то время наковальня. Сколько пролито крови! — а за что? — за скалу надъ мутною водою.

Теперь нѣтъ ничего въ Очаковѣ, кромѣ самой печальной картины опустошенія. Городомъ правитъ городничій, а военной командой — плацъ-маіоръ, изъ Нѣмцовъ, человѣкъ добрый, привыкшій къ русскимъ обычаямъ; онъ отвелъ намъ у себя квартиру, и мы у него ночевали. Всѣ крѣпости черноморскія въ завѣдываніи Д. де Р. Очаковъ населенъ всякимъ народомъ. Греки и Жиды, въ маломъ числѣ и самые бѣдные, таскаются по городу, какъ бродяги, и ищутъ случая сплутовать для пропитанія. Одни шинкуютъ, другіе днемъ крадутъ. Одинъ Жидъ стянулъ при насъ въ лавкахъ кусокъ свѣжаго сырого мяса, бросился съ нимъ на лодку и отчалилъ въ Кинбурнъ; за нимъ съ пристани гнались и не поймали; видно было, что это не первый опытъ его проворства.

Противъ дома, гдѣ мы остановились, стояла на якоряхъ маленькая флотилія, изъ девяти канонерскихъ лодокъ, подъ командою одного Француза, разумѣется, нашей службы; мы его не

видали, — онъ боленъ глазами и въ городѣ не бываетъ.

Что сказать о самой квартирѣ? Опальный домишко, хуже стократно тѣхъ, кои, по приговору судебныхъ мѣстъ, описываются отъ конкурсовъ за долги и, за неявкой желающихъ, стоятъ лѣтъ по десяти безъ крышъ и починки. — И тутъ окна выбиты, рамы трясутся. Я думаю, онъ не хуже былъ часъ спустя послѣ приступа; съ тѣхъ поръ, конечно, никто его не чинилъ. Не забавный ночлегъ! подъ окошкомъ море; вѣтеръ реветъ какъ осенью; въ добавокъ, весь скарбъ г-на хозяина съ нами помѣщался въ одной комнатѣ, и движимый и недвижимый. Всѣ животные, безъ коихъ добрый хозяинъ въ степи обойтиться не можетъ, какъ то: куры, овцы, индѣяты почивали съ нами вмѣстѣ. Г-нъ плацъ-маіоръ любилъ голубей, и они тутъ же по закоптѣлымъ стѣнамъ летали. Сожительница его охотница до котятъ; тутъ и кошка съ своей семьей подъ ногами бѣгала поминутно. О, сладкія награды любопытства! — Хозяйки не было дома: она отлучилась на то время въ свое помѣстье, чтобъ умножить, пріѣхавши, число безсловесныхъ своихъ постояльцевъ. Всякой можетъ разсудить, что мы тутъ ночь провели не самымъ благопріятнымъ образомъ.

Въ городѣ одна церковь, если можно такъ назвать старую мечеть, на-скоро передѣланную. Это та самая, которую назавтра взятія Очакова П-ъ велѣлъ освятить, и въ которой воспѣтъ

Христіанскому Богу первый на мѣстѣ семъ благодарный молебенъ устами тысячи тысячъ воиновъ. Въ ней очень мало поправокъ; она изъ бѣлаго камня; такія же колонны внутри церкви, какъ и со входа. Иконостасъ писанъ на полотнѣ. Храмъ весьма не богатый, хотя и съ хорами! онъ болѣе похожъ на магометанское разоренное капище, нежели на восточную церковь. На самой той башенкѣ, съ которой турецкій глашатай кричалъ Алла, нынѣ колокольня, и пономарь, ударяя въ маленькій колокольчикъ, сзываетъ на молитву православныхъ. Башенка эта почти не передѣлана.

Хотѣлось съѣздить въ Кинбурнъ; онъ очень видѣнъ изъ Очакова; но не смѣлъ пуститься: я трусъ на большой водѣ. Переѣзду верстъ 9, а погода воздымала очень волны. Съ пристани глядя, я вѣчную память проворчалъ тому непобѣдимому витязю нашего края, который прославилъ себя на этой косѣ и своею побѣдой отворилъ, можно сказать, путь къ Очакову и ко всѣмъ счастливымъ подвигамъ нашего войска, умножившимъ свою славу въ Европѣ. Вмѣсто Кинбурна, я дождался восхода луны, и сколько ни напуганъ былъ ею, однако, по нѣкоторымъ слабымъ остаткамъ въ себѣ романическаго духа, не усидѣлъ дома и пошелъ на берегъ моря, глядѣть на отраженіе мѣсячныхъ лучей въ Понтѣ. Колебаніе волнъ его меня усыпило; я дремалъ, идучи домой, и пришедши, тотчасъ уснулъ.

ЗАПИСКИ
КНЯЗЯ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА
ДОЛГОРУКАГО.

1764 годъ.

. . . . . Годъ сей ознаменовался въ домѣ нашемъ печалью. Въ Январѣ скончался отецъ моей матери *баронъ Николай Григорьевичъ*. О немъ безъ лести можно сказать, что онъ былъ истинный сиротамъ отецъ и бѣднымъ покровъ. Въ Апрѣлѣ Богъ опредѣлилъ мнѣ родиться, и природа произвела меня на свѣтъ 7-го числа въ Великую Среду, передъ полуднемъ. Случилось сіе радостное въ домѣ нашемъ происшествіе въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, во дни царствованія Великія Екатерины. Домъ, въ которомъ я увидѣлъ первый лучъ солнца, испустилъ первый стонъ существа дышущаго, стоялъ близъ Страстнаго монастыря, на Тверской. Роскошь окружила колыбель мою; слезы радости потекли изъ глазъ родителей моихъ при видѣ нетерпѣливо ожидаемаго младенца. Да и какая мать можетъ безъ восторга смотрѣть на сына своего въ колыбели? — Благодать Божія призвала меня къ христіанскому таинству крещенія. Воспріемниками отъ купели были: дядя мой родной баронъ Александръ Николаевичъ Строгановъ и сестра

моя княжна Прасковья Михайловна, пятилѣтній ребенокъ. Имя дано мнѣ Іоаннъ, въ честь и память переселившемуся отъ насъ въ вѣчность дѣду моему. Въ томъ же году родители мои собрались въ Кіевъ. Строгимъ правиломъ поставили они себѣ каждые три года навѣщать тамъ схимонахиню Нектарію. Едва минуло мнѣ три мѣсяца, какъ повезли они и меня туда съ собою: горячность къ дѣтямъ не допустила ихъ разстаться съ нами. Въ концѣ года возвратились мы въ Москву благополучно, и стократныя благословенія бабки моей обогатили мое младенчество.

1765.

Марта 26, сестра моя занемогла оспой; отъ нея пристала оспа и ко мнѣ съ такой силою, что я оглохъ, ослѣпъ и онѣмѣлъ. Тогда еще не умѣли прививать сей заразы и смягчать ея жестокость. Все лице мое покрылось корою, и въ такомъ положеніи оставалось только ожидать смерти. Богъ сохранилъ животъ мой,—да повѣмъ здѣсь дѣла Господня. Его великимъ промысломъ натура открыла вспомогательныя свои средства—и болѣзнь уступила ея силамъ. Тутъ явно совершилось надо мною чудотвореніе отъ иконы Смоленскія Божія Матери, что въ Донскомъ монастырѣ, надъ царскими вратами; когда родители мои, болѣзнію моею огорченные, съ теплою вѣрою прибѣгнувъ къ Богу, подняли икону къ себѣ въ домъ и меня къ оной приложили — то вдругъ получилъ употребленіе всѣхъ моихъ

умершихъ чувствъ: сталъ видѣть и слышать; струпъ свалился съ лица моего, — оспа миновалась. Сіе я всей мыслію утверждаю, ибо вѣрю родителямъ моимъ, меня о томъ извѣстившимъ; вѣрю паче Создателю моему, вся сверхъестественная могущему! и такъ оба мы съ сестрой выздоровѣли въ одно время. Въ Ноябрѣ Богъ благословилъ домъ нашъ новымъ залогомъ щедротъ своихъ: 23 числа родилась вторая сестра моя, княжна Анна; крестные отецъ и мать тѣ же были у нея, что̀ и у меня.

1766.

Ничего достопамятнаго годъ сей не представляетъ, кромѣ рожденія меньшой и послѣдней сестры моей княжны Елисаветы, отъ которой мать моя разрѣшилась Декабря 12 числа. Крестили ее я и сестра моя большая.

1767.

Возрастъ сестринъ требовалъ уже воспитанія. Слѣдуя общему обычаю у Русскихъ, и батюшка принялъ къ себѣ въ домъ Француженку, по имени madame Constantin. Были и до нея у насъ иностранки, но мало держались. Эта послѣдняя жила съ нами долго, и послѣ нея уже не принимали другой. Она была женщина не молодая, очень хорошихъ свойствъ, усердно привязана къ нашему дому, а паче ко мнѣ, и вмѣстѣ съ сестрою пріучила меня лепетать по-своему съ самаго ребячества. Болѣе замѣтить ничего я не

нашелъ въ теченіе сего года; а о вступленіи госпожи Constantin упоминаю потому, что вижу въ ней перваго человѣка сторонняго, котораго попеченіямъ и ласкѣ обязанъ я первоначальнымъ моимъ образованіемъ. Чувство благодарности требовало отъ меня, чтобы я остановилъ на семъ вниманіе дѣтей моихъ, дабы и они, глядя на меня, помнили своихъ наставниковъ. Благодарность есть изящнѣйшая добродѣтель. Человѣкъ, безъ нея возмужавшій, уподобляется хищному звѣрю, который равно пожираетъ того, кто гладитъ, и того, кто его кусаетъ.

1768.

Родители мои, видѣвшіе на мнѣ и сестрѣ моей опытъ жестокости природной оспы, разсудили въ нынѣшнемъ году привить ее меньшимъ моимъ сестрамъ; къ чему представился весьма благопріятный случай. Императрица Екатерина, великая жена во всемъ, жёлая показать примѣръ своимъ подданнымъ, рѣшилась привить оспу Наслѣднику Престола и единственному своему сыну, юному Павлу; но какъ и на ней самой не было оспы, то, преодолѣвъ всякій страхъ, расположилась она вмѣстѣ съ нимъ подвергнуть себя той же операціи. Какой необыкновенный примѣръ всѣмъ отцамъ и матерямъ! всѣ стали ему подражать наперерывъ, и младенцы въ Россіи почувствовали скоро надъ собою спасительное дѣйствіе сего изобрѣтенія. Выписанъ былъ для царскаго дома славный врачъ, по имени

Димздаль. Онъ привилъ оспу Императрицѣ и Великому Князю; оспа принялась, продолжалась и сошла съ вожделѣннымъ успѣхомъ; все миновалось благополучно. Въ память столь счастливаго событія, учрежденъ тогда же праздникъ, и повелѣно было 21 Ноября, въ день выздоровленія царскаго дома, отправлять ежегодно благодарныя Господу Богу молитвы. Тотъ же самый докторъ, прибывъ въ Москву, прививалъ оспу сестрамъ моимъ. Какое вниманіе нашихъ родителей! ничего не жалѣли они на пользу нашу. 25 Декабря сестрамъ сдѣлана операція, и оспа во всѣхъ ея измѣненіяхъ была наиблагополучнѣйшая, даже не оставила необходимаго своего признака, когда природа въ этомъ случаѣ врача предупреждаетъ, ибо ни сколько не обезобразила лицъ у сестеръ моихъ, хотя на меньшей довольно была сильна. Годъ сей ознаменованъ однимъ этимъ происшествіемъ въ домѣ нашемъ.

1769.

Кончина дяди моего, князя Дмитрія Ивановича, нанесла дому нашему чувствительную печаль. Его не стало 26 числа Мая; онъ жилъ въ Кіевѣ, состоялъ послушникомъ въ Никольскомъ монастырѣ; прожилъ, или, лучше сказать, продышалъ 31 годъ. Тѣло его погребено въ преддверіи Кіево-Печерской Лавры. Войдемъ въ краткую біографію сей плачевной отрасли несчастныхъ супруговъ.

Князь Димитрій Ивановичъ родился въ зато-

ченіи и вывезенъ оттуда $1^1/_2$ году. На пути занемогъ оспой и оставленъ во Владимірѣ; оттуда, по излеченіи, привезенъ въ Москву уже двухъ лѣтъ. Тутъ воспитывался онъ вмѣстѣ съ отцемъ моимъ. Войдя въ возрастъ, почувствовалъ страсти и, къ несчастію, предметомъ склонности его сдѣлалась одна бѣдная и незнатная барышня. Родственники вооружились противъ союза съ ней. Князь Димитрій долго боролся съ чувствомъ сильной любви, но сердце превозмогло разсудокъ и онъ лишился ума. Ему было уже 20 лѣтъ, и въ такомъ жалкомъ положеніи не оставалось иного средства помочь ему, какъ удалить отъ свѣта. Подъ присмотромъ матери своей, началъ онъ жить въ Кіевѣ, и въ Никольскомъ монастырѣ проходилъ монашескій искусъ. Жизнь пустынная успокоила, но не исправила разстроеннаго воображенія. Бабушка, ни о чемъ уже не помышлявшая, какъ о душѣ и спасеніи ея, возжелала постричь его и открыть ему тѣмъ надежнѣйшій путь къ Небу. Она прибѣгнула къ Престолу съ прошеніемъ о дозволеніи сыну ея принять монашескій санъ. Екатерина, столь же премудрая, какъ и сострадательная, не согласилась на то, и рескриптъ, писанный ею къ Нектаріи, котораго за симъ помѣстится точная копія, свидѣтельствуетъ, сколь вѣдомо было ей сердце человѣческое, и сколь уважала она душевныя свойства постригшейся княгини Долгорукой. Итакъ князь Димитрій остался послушникомъ, ходилъ въ церковь, постился, и прове-

дя остатокъ дней своихъ во власяницѣ, преселился въ общую отчизну — небо. Наружность его была прекрасна, ростъ сановитый, умъ имѣлъ пылкій, сердцемъ одаренъ былъ нѣжнымъ; съ отцемъ моимъ жилъ въ неразрывномъ союзѣ, и даже, находясь въ поврежденіи ума, когда узнавалъ его, бросался со слезами въ его объятія и не скрывалъ отъ него ни одной своей мысли.

Кто изъ чувствительныхъ людей не раздѣлитъ здѣсь прискорбія бабушки моей и не удивится мужеству, съ какимъ переносила она житейскія напасти, кои даже и подъ схимою не щадили ея сердца и вкрадывались въ сокрушенную ея душу? Мало было — потерять драгоцѣннѣйшаго друга, оплакать его мучительную кончину, оставить свѣтъ, — надлежало еще оплакивать безуміе любимаго сына, видѣть его мученія, да еще наконецъ и схоронить его въ сущей молодости, въ самомъ красномъ цвѣтѣ лѣтъ!!! —

Праведная жена! если, предстоя у престола Царя славы, ты на дѣянія чадъ своихъ долу взирать можешь, то не возгнушайся принять здѣсь отъ меня, недостойнаго твоего потомка, жертву того безпредѣльнаго уваженія, какое душа моя, умъ и всѣ чувства къ тебѣ сохранили, и зри, съ какимъ благоговѣніемъ я внутренно чествую память твою, воспоминая о каждой минутѣ безподобной твоей жизни!

Скоро, по полученіи сей печальной вѣсти, родители мои собрались въ Кіевъ навѣстить страдалицу Нектарію, и всѣхъ насъ взяли туда съ

собою. Такъ-то въ старину дѣти чтили отцевъ своихъ! Ни отдаленность, ни убытки, ни что не удержало ихъ отъ намѣренія летѣть въ Кіевъ, дабы хоть мало уврачевать рану дражайшей матери, видѣть ее, обнять и благословеніемъ ея усладить собственную свою горесть. Мнѣ было только еще пять лѣтъ, и хотя мы прожили тамъ полгода, но я ничего видѣннаго въ тѣхъ мѣстахъ на память себѣ нынѣ привесть не могу, кромѣ кельи моей бабушки и неоцѣненныхъ ея милостей ко мнѣ. Она безмѣрно жаловать меня изволила, и, признаться велитъ наслышка, даже и баловала.

Копія съ Рескрипта:

Честная мать Монахиня!

Письмо ваше Мною получено, на которое, по прошенію вашему, иной резолюціи дать не можно, какъ только ту, что Я позволяю сыну вашему князь Димитрію жить, по желанію его, въ монастырѣ, а постричься въ разсужденіи молодыхъ его лѣтъ дозволить нельзя, дабы время, какъ его въ раскаяніе, такъ и насъ объ немъ въ сожалѣніе не привело.

Доброжелательная

Екатерина.

Въ С. Петербургѣ,
Октября 27 дня 1769 г.

1770.

Въ Февралѣ мы возвратились въ Москву, а въ Іюнѣ новое постигло насъ огорченіе: 16 числа, мать моя родила мертваго младенца мужескаго пола, коему назначалось имя Димитрія. Сіи худые роды матери моей можно почитать несчастіемъ, потому-что отсюда начались всѣ ея болѣзненные припадки, коими она во всю свою жизнь страдала, и съ тѣхъ поръ уже перестала матушка носить дѣтей.

1771.

Сей годъ особеннаго замѣчанія требуетъ не только въ моей лѣтописи, по частнымъ приключеніямъ, въ домѣ нашемъ послѣдовавшимъ, но знаменитую составитъ эпоху и въ дѣеписаніяхъ Россійскаго Государства; а потому изложу сперва вкратцѣ бѣдствія столицы; затѣмъ распространюсь на счетъ собственныхъ нашихъ огорченій.

Въ Москвѣ стала показываться чума — турецкій подарокъ. Сперва носился о томъ глухой гулъ въ народѣ, но молвѣ не вѣрили. Приверженный къ нашему дому лекарь, человѣкъ вообще добрый, по имени Граве, самымъ скромнымъ образомъ извѣстилъ отца моего, что на Суконномъ Дворѣ уже оказались знаки моровой язвы, и совѣтовалъ до вскрытія рѣкъ выѣхать изъ города. Батюшка рѣшился дать ему вѣру, и Марта 24 переѣхали мы всѣмъ домомъ въ подмосковное наше село Волынское. Оно стояло

въ 7 верстахъ отъ Москвы. Домъ большой, старинный, помѣстительный; изъ каждаго окна видна столица какъ на ландшафтѣ.....

Скоро вспыхнулъ огонь въ Москвѣ, и язва зачала косить ея жителей. Зараза, большую получивъ силу, опустошала всѣ домы. На улицахъ поднимали сотни труповъ, ею пораженныхъ; въ Августѣ уже не было отъ нея никакого убѣжища, ежедневно кладбища въ глазахъ нашихъ принимали въ себя кучи мертвыхъ тѣлъ. Въ домѣ нашемъ всякія приняты были предосторожности. Нельзя было прекратить вовсе сообщенія съ городомъ: оттуда доставлялись съѣстные припасы и необходимыя потребности. На половинѣ пути отъ насъ учрежденъ былъ крестьянскій пикетъ. Все привозимое изъ Москвы тутъ складывали, и, окуривъ уксусомъ съ прочими, годными къ тому лекарственными вещами, и вывѣтривъ порядочно, привозили наконецъ къ намъ. Сами мы ни на шагъ отъ деревни не отлучались; и такъ прожили все опаснѣйшее время.

Одно бѣдствіе всегда сопрождается другимъ. Есть и пословица народная: придетъ бѣда, — отворяй ворота; такъ и нынѣ. Чума породила другое пагубное зло. Народъ, видя ежеминутно смерть предъ собою, не имѣлъ другого прибѣжища, кромѣ молитвы предъ иконами Святыхъ; въ это время всѣхъ болѣе прославилась икона Боголюбскія Божіей Матери, на Варварскихъ Воротахъ. Туда кидался народъ толпами. Но чѣмъ болѣе собиралось черни къ одному пункту,

тѣмъ естественнѣе сообщалась между ними зараза и умножались ея успѣхи. Правительство сочло необходимымъ пресѣчь такой притокъ народа къ одному мѣсту,—и въ слѣдствіе сего образъ тихо ночью вывезенъ. Чернь, узнавъ о семъ, взволновалась. Открылся обще-народный бунтъ, и 14 Сентября московскій архіерей, совершавшій въ Донскомъ монастырѣ литургію, убитъ разъяренною сволочью. Шайка бродягъ вломилась въ храмъ. Святитель скрылся за иконостасомъ; ребенокъ это видѣлъ и объявилъ мятежникамъ. Тѣло страдальца погребено въ томъ же Донскомъ монастырѣ.

Милость Божія между тѣмъ явилась снова надъ Москвою. Чума стала терять свою силу. Волненіе народное утихло. Съ зимою вмѣстѣ исчезла гнилость въ воздухѣ, и къ концу года зараза миновалась.

Во все время этой напасти мы прожили въ Волынскомъ. Телескопъ, не снимаясь съ окошекъ, наведенъ былъ поминутно то на Москву, то на кладбище. Все видѣли, все слышали и отъ всякаго слуха содрогались; но Господь помиловалъ насъ, и зло физическое къ намъ не прикоснулось. Всѣ поселяне наши, смирные, какъ овцы, ниже пошевелились и не приняли никакого участія въ возмущеніи. Похвально для нихъ, славно и для помѣщиковъ! Это означало кротость родителей моихъ въ управленіи домовнемъ. Никто подъ крышей нашей и во дворѣ не заразился; всѣ въ деревнѣ были живы, здоровы.

благополучно, преблагополучно протекла для насъ въ семъ отношенiи ужасная для многихъ и прискорбная година. Въ память сего благоволенiя Божiя и въ возблагодаренiе Творцу отъ недостойной твари, учредилъ отецъ мой крестный ходъ въ деревнѣ, который совершается донынѣ, и на источникѣ, близъ села, въ деревнѣ *Давыдковѣ* отправляется водосвященiе 26 числа Августа въ день Владимiрскiя Божiя Матери. На мѣстѣ томъ поставлена тогда же и часовня.

Но увы! Избавившись отъ язвы тѣлесной, не освободились мы отъ язвы сердечной.

Мать моя лишилась брата своего родного, *барона Сергѣя Николаевича.* Потеря сiя тѣмъ для нея была чувствительнѣе, что онъ скончался очень молодъ, оставя послѣ себя жену съ малолѣтнымъ сыномъ. Хотя со стороны достатка ребенокъ былъ весьма обезпеченъ, даже богатъ, но что замѣнитъ отца или мать? Дѣти безъ нихъ при всякомъ избыткѣ всегда сироты.

Приспѣлъ рокъ и бабушки моей, старицы Нектарiи. Она не пережила сего лютаго для Россiи года, и Iюля 3 числа скончалась. Скоро дошло до насъ сiе извѣстiе. Оно всѣхъ поразило. Отецъ мой, привыкшiй чтить ее, любить и повиноваться, такъ тронутъ былъ симъ несчастiемъ, что у него отнялась рука. Всѣ плакали объ усопшей. И какъ иначе? Кого изъ насъ она не жаловала, не тѣшила? Меня ласки ея отъ всѣхъ прочихъ отличали. Часто, держа меня на колѣнахъ, она сквозь слезъ восклицала: Ванюша, другъ мой

чье ты имя носишь? Несчастный супругъ ея безпрестанно жилъ въ ея мысляхъ. Но я, при извѣстіи о кончинѣ ея, въ томъ еще былъ возрастѣ, въ которомъ чего-нибудь другого жаль, кромѣ игрушекъ. За то нынѣ, вспоминая объ ней, я каждую строку сей тетради орошаю слезами. Конецъ ея былъ подобенъ смиренной ея и надежной жизни. Приготовясь вѣрою къ вѣчному животу, она переселилась въ небесныя обители безъ трепета и унынія. Въ послѣднее время у нея часто шла кровь горломъ, и тѣмъ прекратились дни сей необыкновенной женщины.

Она какъ-будто предузнала приближеніе своей смерти и заочно всѣхъ насъ благословила разными иконами. Мнѣ присланъ послѣ нея крестъ съ мощами, а дому нашему вообще пожалованъ ею большой образъ нерукотворенный Спасителя, съ слѣдующей достопамятной для насъ на дскѣ его надписью:

«1771 года Мая 28-го дня образъ сей нерукотворенный Спаса Нашего Іисуса Христа, чудотворный, истинный, неложный, сыну моему князю Михаилу Иванову Долгорукову даю съ тѣмъ благословеніемъ, что 1770 года въ Кіевѣ и во Фроловскомъ монастырѣ въ бывшую моровую язву благодатію того же Спаса Нашего Іисуса Христа отъ сего образа, въ моей кельи въ то время бывшаго, какъ я сама и мои келейныя отъ оной моровой язвы спасены, такъ и съ нимъ, княземъ Михайломъ Ивановичемъ, того же Спаса Христа Сына Божія на семъ образѣ изо-

браженнаго, благодать да будетъ, и его жену и чадъ отъ всякія скорби и болѣзни и весь домъ его всегда да спасетъ; а имѣть сей образъ, яко чудотворный, истинный, дознанный и неложный, въ домѣ его князя Михайлы Ивановича Долгорукаго въ роды родовъ на благословеніе.»

По кончинѣ ея доставлены къ отцу моему разныя ея бумаги, между коими занимательны для каждаго записки ея руки о томъ, какъ она помолвлена, вѣнчана и потомъ отправилась въ Сибирь. Сокращенный журналъ сей, спустя много лѣтъ, былъ напечатанъ. Всѣ читали его въ Москвѣ со слезами, и жалѣть по справедливости можно, что она изволила его кончить на самомъ томъ мѣстѣ, какъ началось пребываніе ея въ ссылкѣ. Думаю, что чувства ея не сильны были выдержать новаго испытанія, и она не разсудила волновать своего сердца такимъ горестнымъ повѣствованіемъ. Изъ переписки ея съ отцемъ моимъ впишу я здѣсь послѣднее ея письмо, которое покажетъ, въ какомъ твердомъ духѣ и съ какимъ благоволеніемъ искреннимъ къ намъ она оставляла свѣтъ и готовилась разорвать земныя узы.

«Князь Михайла Ивановичъ, Княгиня Анна Николаевна!

«Не хотѣла пропустить почты, не давъ вамъ знать о себѣ, что я еще жива. Благодарю Бога, хотя въ слабости нахожусь,—однако все съ радостію пріемлю, и васъ Богомъ прошу не тужить обо мнѣ. Богъ властенъ изъ мертвыхъ вос-

скресить, — вѣдь когда-нибудь умирать! Надо во всемъ повиноваться власти Божіей, только бы Богъ грѣхи мои отпустилъ. Великую нужду терплю въ питьѣ: все сыропы сладкіе, — и тѣ опротивѣли; когда бы можно достать хотя лимоновъ пять, — прислать; тоже моя бѣда, что кашлю не чѣмъ помочь, теплаго нельзя пить.

Препоручаю васъ Богу, оставляю миръ и благословеніе.»

C. N.

Тутъ нѣтъ витійства; но кто прочтетъ первыя строки и не умилится? Кто не заплачетъ? Такая участь смертныхъ: доколѣ мы дышемъ и бѣдствуемъ, насъ уничижаютъ; умремъ, — и тѣ же бѣдствія наши влекутъ общія слезы.

Вмѣстѣ съ рескриптомъ Императрицы Екатерины II на счетъ меньшаго сына ея, князя Димитрія, о которомъ я уже упомянулъ, доставленъ къ намъ и другой, съ котораго не неприличнымъ считаю приложить здѣсь также точную копію; изъ оной видно, сколько уважала сію женщину сама Государыня:

«Честная мать! письмо ваше отъ 12 Іюня я получила, за которое и за присланную притомъ икону Пресвятыя Богоматери, также усердныя желанія ваши, много вамъ благодарна. О сыновьяхъ вашихъ, будьте увѣрены, что по справедливости милостію и покровительствомъ моимъ ос-

тавлены не будутъ. Впрочемъ, поручаю себя молитвамъ вашимъ и пребуду вамъ всегда благосклонная

Екатерина.

Въ Петергофѣ 26 Іюня 1763 г.

Я бы желалъ, не смотря на слабость моихъ къ тому способностей, приняться написать исторію сей героини нашего времени: ибо великіе люди принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ; но недостатокъ рукописей принуждаетъ меня оставить сіе намѣреніе: не чѣмъ руководствоваться, кромѣ слуховъ. Они разсыпаны повсюду, но, можетъ быть, не всѣ достовѣрны. Впрочемъ, весьма довольно и того, что въ разныя позднѣйшія времена было о ней писано и печатано; довольно и самыхъ историческихъ событій, дабы о княгинѣ Наталіи Борисовнѣ Долгорукой сдѣлать заключеніе не ложное, что она одарена была характеромъ превосходнымъ и приготовлена отъ юности къ душевному героизму. Вотъ какъ воспитывали женщинъ въ старинной Россіи!...

Если я и здѣсь повторилъ, можетъ быть, сказанное выше о ней же, то прости, читатель, моему восторгу и чувству сильнѣйшаго къ ней благоговѣнія.

1772.

Мнѣ минуло 8 лѣтъ, и пора приходила уже ввѣрить мое воспитаніе мужескому полу. Мадамъ Constantin, добрая старушка, присмотрѣвъ за мной въ первыхъ годахъ моего ребячества, ста-

новилась для наукъ моихъ безполезною. Много одолженъ былъ я искреннимъ ея попеченіямъ. Она меня отъ души любила: жаль было съ ней разстаться; но вдвое грустнѣе было перестать ночевать въ одной комнатѣ съ мамушкой *Марьей Карпювной*, которая часто прикармливала меня пряниками съ золотомъ, и, по сродной женщинамъ слабости, иногда давала волю блажить. Впрочемъ, съ ней я могъ видѣться въ свободное время отъ уроковъ; она оставалась жить въ нашемъ домѣ, а мадамъ, сдѣлавшись ненужною для насъ, пожелала сойти, — и навсегда насъ покинула. Съ признательностью общей родители мои ее отпустили. Какъ не возблагодарить стократно того добраго человѣка, въ какой бы странѣ онъ ни родился, который оберегаетъ нашу юность отъ всякаго зла рачительнымъ присмотромъ, и къ наставленіямъ въ благонравіи присоединяетъ примѣры добродѣтельной жизни! Имя madame Constantin будетъ всегда въ устахъ моихъ отзываться съ благодареніемъ, любовью и похвалою. Въ сѣдыхъ волосахъ вспомню, что сиживалъ у ней на колѣнахъ, пивалъ изъ рукъ ея чай, и.... поплачу, что ребячество мое, сіе счастливѣйшее время жизни, пролетѣло, какъ мигъ. Всякій возрастъ имѣетъ свои печали; это — первая, которую я испыталъ, умѣя уже чувствовать различіе между словами: *весело* и *грустно*. Я платилъ дань природѣ, какъ младенецъ; а родители мои дѣлали свое дѣло и руководствовались въ образѣ моего воспитанія благоразумными опытами.

Отецъ мой, образовавшись, можно сказать, самъ собою, безъ пособій стороннихъ, чувствовалъ болѣе многихъ, сколь полезно было имѣть въ юношествѣ образователя надежнаго, и сколь трудно изъ собственныхъ опытовъ своихъ извлекать правила для жизни. Ему угодно было предназначить меня къ иностраннымъ дѣламъ. Цѣль сія требовала познаній обширныхъ и уважительныхъ. Необходимы были чужеземные языки. Все это требовало наставника просвѣщеннаго. Ни слова не скажу о тѣхъ двухъ иностранцахъ, кои на первыхъ порахъ вступили въ домъ нашъ, и года два у насъ пожили. Они не могли заслужить довѣренности моихъ родителей; притомъ же разныя обстоятельства препятствовали основательнымъ образомъ предпринять мое воспитаніе. Итакъ я только привыкалъ около г. Руле лепетать по-латини и по-французски и запасался первыми матеріялами къ методическому ученію.

Планъ, предначертанный моимъ отцемъ, обнималъ слѣдующіе предметы: латинскій, нѣмецкій и французскій языки, Исторію, Географію, Поэзію и Математику. По мѣрѣ возраста, предполагалось обучать и другимъ разнымъ то полезнымъ, то пріятнымъ художествамъ. Все это постепенно возьметъ свое мѣсто въ моей исторіи — тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Теперь я замѣтилъ только тотъ годъ, въ которомъ сталъ помаленьку отвыкать отъ женскихъ поблажекъ и споравливать присмотру надзирателя одного со мною пола.

Въ религіи наставникомъ моимъ былъ кроткій

и добрый, пожилой iерей Ал. Ст. — Онъ руководствовалъ совѣсть мою и готовилъ меня исподоволь къ тѣмъ истинамъ, кои по времени должны были озарить мою душу. Изъ его краткихъ христiанскихъ бесѣдъ учился я съ ребячества распознавать что̀ грѣхъ и что̀ добро предъ Богомъ.

1773.

Въ этомъ году не случилось ничего замѣчательнаго съ нами, и потому займусь, какъ бы на досугѣ, сокращеннымъ изъясненiемъ моихъ свойствъ физическихъ и нравственныхъ — отрочества. По наружности я былъ чистъ, румянъ, но дуренъ лицемъ и обезображенъ отъ природы челюстью нижней непомѣрно широкой и толстой губой, по которой, когда я ее распускалъ, называли меня часто *разиней*. Сложенiя я былъ мокротнаго и очень подверженъ золотушнымъ болѣзнямъ: отъ нихъ я терпѣлъ много скорбей различныхъ. Темпераментъ мой съ малолѣтства казался быть по сей причинѣ флегматическимъ; но, напротивъ, я былъ холерикъ. Умственныя мои способности раскрывались медленно; я былъ тупъ, понималъ уроки съ трудомъ; лучшее сокровище мое была память, — твердить наизусть былъ мастеръ. Съ языка лилось какъ у попугая; но все забывалъ назавтра. Душевно былъ открытъ, сердоболенъ, но горячъ и страстенъ, а болѣе всего упрямъ. Отъ этого меня жестоко унимали.

Вмѣстѣ со мной обучались всему, разумѣется, кромѣ латини, и сестры мои, приходя въ возрастъ. Мы воспитывались одинакого, тѣмъ же иждивеніемъ, съ такимъ же попеченіемъ. Чадолюбіе нашихъ родителей простиралось на всѣхъ четверыхъ въ одной и той же мѣрѣ. Знайте сіе разъ на-всегда, безъ повторенія; ибо пишу свою собственную біографію; я пространно говорить буду о себѣ только одномъ и о томъ, что собственно до меня коснется и составитъ необходимый эпизодъ въ моей жизни.

1774.

Соскучивъ отставкой и праздной жизнью, отецъ мой разсудилъ искать упражненія въ службѣ. Иванъ Ивановичъ Бецкій открылъ ему дорогу. Ходатайствомъ его батюшка 20 Января опредѣленъ опекуномъ въ Московскій Воспитательный Домъ въ томъ же чинѣ, т. е. гвардіи капитаномъ, гдѣ и вступилъ въ новое поприще, состоя подъ непосредственнымъ начальствомъ ходатая своего, Бецкаго. Иванъ Ивановичъ былъ тогда однимъ изъ первѣйшихъ сановниковъ въ нашемъ государствѣ. Онъ былъ человѣкъ кроткій, просвѣщенный и благонамѣренный. Вотъ главное! Екатерина II имѣла къ нему отличное уваженіе и, сверхъ многихъ другихъ порученій, особенно ввѣрены ему были столичные сиропитательные домы и достославный Смольный Монастырь, въ которомъ жили и воспитывались бѣднѣйшія благородныя дѣвушки законнаго рожде-

нія на всемъ казенномъ коштѣ. Сіи заведенія вполнѣ процвѣтали при Иванѣ Ивановичѣ Бецкомъ. Общая молва признательна была къ его способностямъ, и онъ къ счастію сиротъ сохраняемъ былъ самимъ Небомъ до престарѣлости, почти необыкновенной уже въ наши дни. Служа подъ начальствомъ его, батюшка находилъ истинное удовольствіе въ трудахъ своего званія.

Отъ дня моего рожденія, которое, какъ сказано, послѣдовало на Тверской, мы до сего времени жили въ разныхъ домахъ и перемѣняли ихъ часто. Батюшка, по приращеніи своего семейства и по другимъ, собственнымъ видамъ своимъ, то покупалъ готовые дома и послѣ продавалъ ихъ, то временно живалъ въ квартирахъ наемныхъ; нынѣ расположился онъ по мыслямъ своимъ выстроить себѣ домъ каменный съ подошвы, — и заложилъ оный 18 Мая на Тверской же. Сіе составило въ семействѣ нашемъ значительное происшествіе, и потому о немъ здѣсь помѣщаю, хотя, нѣсколько лѣтъ спустя, и оно попадетъ въ число мимоходящихъ случаевъ въ жизни человѣческой. Но что въ юдоли земной вѣчно?. . .

Въ теченіе того же года мать моя занемогла горячкой. Сила болѣзни долго боролась со всякимъ врачевствомъ. Даже жизнь ея была въ отчаяніи. Но кто какъ Богъ! — Милостію Его сыскалось и вспомоществованіе. Опытный докторъ, нѣкто г. *Сміадинъ*, Грекъ породою, призванъ былъ на медицинскія совѣщанія, взялъ больную на свои руки, лечилъ и вылечилъ. Весною наступаю-

щаго года мать моя совсѣмъ исцѣлилась отъ болѣзни; но съ того же времени открылись въ ней разныя хроническія немощи, отъ коихъ она уже не освобождалась.

Принявъ намѣреніе писать сію большую книгу болѣе для дѣтей моихъ, нежели для всякаго, я за правило поставилъ себѣ откровенно бесѣдовать съ ними о шалостяхъ моихъ, дабы они, когда современемъ будутъ воспитывать дѣтей своихъ, умѣли въ поступкахъ ихъ различать порочное съ умыслу отъ шалости, свойственной каждому ребенку; и для того не промолчу здѣсь о первой моей уважительной шалости. Monsieur Roulé столько уже научилъ меня по-латини, что я могъ перенять выраженіе латинскаго слова и даже написать его при нуждѣ безъ ошибки. Во время лекарскихъ съѣздовъ, по случаю матушкиной болѣзни, къ намъ въ домъ, наслушался я разныхъ латинскихъ ботаническихъ названій и нагляделся на форму, какой писались рецепты. Вздумалось мнѣ и самому похвастать своимъ мастерствомъ: я написалъ рецептъ, составилъ его изъ разныхъ знакомыхъ мнѣ словъ и, подписавшись подъ руку домового нашего лекаря, отправилъ съ мальчишкой въ аптеку. Составъ былъ, видно, необыкновенно крѣпокъ и, можетъ быть, смертоносенъ. Аптекарь оставилъ рецептъ, а лекарства не отпустилъ. Лекарь нашъ о семъ увѣдомленъ, и въ страшномъ испугѣ кинулся къ къ батюшкѣ. Начался домашній розыскъ; дошло дѣло до меня. Пришлось повиниться и пасть на

колѣна, — но это не спасло моей плоти: меня порядочно наказали, — и по-дѣломъ!...

1775.

Съ новымъ годомъ судьба кинула на нашу кровлю и новыя печали и новыя радости. Дѣло обыкновенное! Дядя мой родной, онъ же и крестный отецъ, *баронъ Ал. Ник. Стр.*, стоялъ съ полкомъ Кирасирскимъ, которымъ онъ командовалъ, въ Польшѣ; при выходѣ оттуда вздумалось ему потѣшить мать мою. Для сего онъ выпросилъ у тогдашняго короля Станислава патентъ мнѣ на чинъ полковничій (который и донынѣ въ бумагахъ моихъ хранится), а съ нимъ вмѣстѣ маіорскій чинъ для моего учителя г. Рулé. Съ сими бумагами присланъ къ намъ отъ него 14 Января полковой адъютантъ. Съ какимъ восторгомъ встрѣченъ гонецъ въ нашемъ домѣ! «*Иванушка полковникъ*» какая радость! какое торжество! Сколько благодарныхъ писемъ написано къ дядѣ-благодѣтелю! сколько подарковъ накуплено для вѣстника! — и вся эта радость по времени обратилась въ дымъ. Патентъ, преогромный, только умножилъ собою число дѣтскихъ моихъ игрушекъ.

На первыхъ порахъ отецъ мой составилъ на счетъ меня слѣдующій планъ: ему угодно было, чтобы я съѣздилъ въ чужіе краи и, конча тамъ науки, явился бы въ Польшу для вступленія въ службу по чину, мнѣ королемъ пожалованному. Но, по зрѣломъ размышленіи, планъ этотъ былъ

оставленъ отцемъ моимъ; патентъ спрятали въ чаяніи, что, можетъ быть, какъ подросту, онъ будетъ мнѣ на что-нибудь полезенъ; умолкли потомъ рукоплесканія семейныя, и столь радостный случай въ первую минуту превратился потомъ въ самый ничтожный, о которомъ намъ послѣ не было даже удовольствія разговаривать между собою. Минутное обольщеніе фортуны уступило мѣсто кореннымъ попеченіямъ моихъ родителей и они прилагали труды къ трудамъ, чтобы какъ можно лучше образовать мои юношескіе годы и сдѣлать меня человѣкомъ достойнымъ.

Весною мать моя освободилась отъ своей опасной болѣзни, и среди лѣта батюшка рѣшился вмѣстѣ съ ней отправиться въ Петербургъ. Нужнымъ казалось отцу моему ознакомиться съ начальникомъ своимъ, Бецкимъ. Поѣхала съ ними и сестра моя большая, а мы, меньшія дѣти, остались въ Москвѣ, подъ присмотромъ: я у Рулé, а сестры обѣ у взрослыхъ нашихъ родственницъ, дѣвицъ Я . . ., находившихся подъ покровительствомъ моего отца. Кстати здѣсь я долженъ сказать, что, по добродѣтельнымъ свойствамъ родителей моихъ, домъ нашъ наполненъ былъ бѣдными дѣвушками. Сверхъ упомянутыхъ двухъ, кои жили подъ кровлей нашей не отъ нужды, но потому, что, лишась родителей своихъ и имѣя братьевъ, воспитывавшихся въ кадетскомъ корпусѣ, онѣ нашли болѣе приличнымъ для себя укрыться у насъ, нежели жить одним въ сво-

емъ домѣ, содержались у насъ еще двѣ, неимущія дѣвушки Гр....вы и барышня Г....а. Вотъ изъ скольких и какихъ лицъ составлялась наша община по отъѣздѣ батюшки съ матушкой; я же съ утра до вечера обучался иностраннымъ языкамъ.

Между тѣмъ поднялась въ низовыхъ предѣлахъ Россіи черная и ужасная туча: она разразилась надъ Казанью и сопредѣльными ей губерніями; чуть-чуть не достигла и до столицы. Простой казакъ, по имени *Емелька Пугачевъ*, собравъ шайку бродягъ, началъ грабить веси и селенія, подбирать къ себѣ народъ, обольщая его свободой. Чернь ему вѣрила и шла за нимъ всюду; толпы его по мѣстамъ стали рѣзать и мучительски истреблять дворянъ. Страхъ овладѣлъ всѣми; у всякаго помѣщика смерть висѣла надъ головою ежеминутно. Всѣ бѣжали изъ вотчинъ и вотчины опустошались. Противъ злодѣя двинулись полки; посланъ графъ Панинъ, мужъ стойкій въ добродѣтели, вельможа прямо русскій, герой на полѣ брани, мечь булатный въ сенатѣ на неправду. Онъ-то наконецъ поймалъ изверга и положилъ конецъ мятежамъ междоусобнымъ. Исторія должна современемъ безпристрастно сказать потомству, сколько тяжелъ былъ сей случай для Россіи. Мое дѣло говорить лишь о себѣ. И мы понесли большую утрату въ своемъ достояніи. Вотчина батюшкина въ Пензенской губерніи — село Царевщино съ деревнями, изобильная пажитями и хлѣбородная, населявшая до 1200 душъ

крестьянъ, увлечена была вся въ этотъ бунтъ. Мужики отложились отъ помѣщика, убили прикащика, разграбили фабрики и заведенія, пропили и свое и господское имущество. Убытокъ нашъ, по вѣрнѣйшимъ справкамъ учрежденнаго потомъ комитета для вспомоществованія разоренному дворянству, простирался до 70 тысячъ....

Непомѣрные убытки и разореніе лучшаго нашего имѣнія въ Пензѣ принудили батюшку поспѣшить возвращеніемъ своимъ въ Москву и оставить Петербургъ прежде, нежели онъ предполагалъ до сего обстоятельства.

1776.

По соединеніи всего нашего дома опять въ кучку, жили мы лѣтомъ, какъ обыкновенно, въ Волынскомъ, и тамъ батюшка имѣлъ несчастіе вышибить себѣ руку. Вотъ какъ это случилось. Онъ жаловалъ кататься по вечерамъ въ линѣйкахъ. Проѣзжая чрезъ лощину, онъ забоялся и думалъ, что лучше будетъ пройти пѣшкомъ: не останавливая лошадей, спрыгнулъ съ линѣйки, споткнулся, упалъ и кость плечная вонъ въ ту же минуту. Насилу его привезли домой; неестерпимая боль его тирански мучила. Матушка была внѣ себя и болѣзнь ея новую получила силу. Всѣ мы были въ тревогѣ чрезвычайной; но терять время въ отдѣхъ суетахъ около больного безполезно; послали за Алексѣевскимъ костоправомъ: мужикъ простой изъ-подъ Москвы славился тогда своимъ искусствомъ. Какъ странно,

что въ такомъ обширномъ столичномъ городѣ одинъ только крестьянинъ способенъ былъ помогать страждущимъ въ подобныхъ случаяхъ!— да и тотъ дѣлалъ свое дѣло почти самоучкой, безъ малѣйшей легкости, что онъ доказалъ и надъ моимъ отцемъ. Но дѣлать было нечего: другой помощи искать было негдѣ. Измучивши отца моего, выправилъ онъ ему руку. Послѣ сей, можно сказать, не операція, а пытки, отецъ мой сутки двои былъ очень опасенъ. Медикъ угрожалъ ему антоновымъ огнемъ; но, благодареніе Богу! крѣпкая старинная натура все перенесла, и батюшка, пострадавши съ полгода, наконецъ выздоровѣлъ; никогда однако же не могъ онъ уже поврежденною рукою дѣйствовать такъ свободно, какъ прежде, и при каждой перемѣнѣ погоды она у него до-сихъ-поръ страждетъ. Это обстоятельство принудило его взять снова отставку и простудило въ немъ на нѣкоторое время желаніе поворотить службою то, что онъ прежней отставкой потерялъ. Замѣтимъ, сколько отецъ мой имѣлъ на пути ко счастію преградъ! сколько сопротивленій встрѣчалъ онъ своимъ предпріятіямъ! неудача за неудачей, убытокъ за убыткомъ; но, твердый въ религіи, онъ не унывалъ, бодрствовалъ и только отъ Бога чаялъ всѣхъ своихъ подпоръ и врачеваній. Учитесь, дѣти, такимъ правиламъ: они тверже суетныхъ покровителей міра, краше злата и топазія!

Здѣсь упомяну я о вступленіи въ нашъ домъ иностранца Совере, которому обязанъ я много

своимъ воспитаніемъ и образованіемъ въ наукахъ. Онъ родомъ былъ Французъ и принадлежалъ къ сословію іезуитовъ, служилъ нѣкогда въ Испаніи и носилъ тамошній мундиръ; человѣкъ былъ умный, свѣдущій и крайне осторожный; сердце имѣлъ доброе и благородное. О! я никогда не постыжусь сказать, что изъ всѣхъ моихъ сторонниxъ наставниковъ, никому я не долженъ такою благодарностью, какъ ему. Онъ жилъ въ нашемъ домѣ до самаго вступленія моего въ свѣтъ и кончилъ образованіе моей юности. Батюшка принялъ его тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Петербурга, не доволенъ будучи предмѣстникомъ его, который отошелъ отъ насъ, сообщивши мнѣ нѣкоторыя первоначальныя свѣдѣнія и приготовивши только къ тому, чтобы я могъ начать съ пользою основательное ученіе.

1777.

Г. Совере, вошедши въ виды моего отца, налегъ со мною на латинь и довелъ меня до того, что я могъ уже заниматься Гораціемъ, Вергиліемъ и прочими писателями. Корнелій Непотъ былъ такъ мнѣ знакомъ, какъ руская книга.

Батюшкѣ хотѣлось теперь проложить мнѣ дипломатическую дорогу, и на сей конецъ онъ располагалъ отправить меня въ чужіе краи на нѣсколько лѣтъ въ хорошій университетъ; но совѣты Ивана Ивановича Шувалова поколебали его въ этомъ намѣреніи болѣе, нежели самая разстройка имѣнія. Шуваловъ былъ изъ числа бли-

нѣйшихъ бояръ, оберъ-камергеръ и Университета Московскаго главный попечитель; — имъ учреждено было сіе училище въ царствованіе Елисаветы, при которой родъ Шуваловыхъ отлично украшался довѣренностью престола: Шуваловъ долго жилъ въ Парижѣ и нагляделся на образъ воспитанія молодыхъ Россіянъ, пріѣзжавшихъ туда обучаться. Лѣта его и опытность давали ему право о предметѣ семъ разсуждать рѣшительно. Онъ, наклоненъ будучи къ пользамъ своего отечества, любя истинное просвѣщеніе и питая почти пристрастное чувство къ россійскому университету, убѣдилъ отца моего записать меня въ оный. Батюшка съ довѣренностью внималъ его совѣтамъ, и скоро согласился съ нимъ. Итакъ проектъ моего путешествія остался безъ исполненія. Я записанъ въ Университетъ Московскій и принятъ по предварительномъ экзаменѣ въ латинскомъ и французскомъ языкахъ.

Около четырехъ лѣтъ обучаясь дома, я могъ уже слушать профессорскія лекціи. Съ одобренія двухъ профессоровъ, Чеботарева и Аничкова, назначено мнѣ ходить въ слѣдующіе классы, а именно: къ профессору Барсову слушать Поэзію, къ Аничкову Логику и Метафизику, къ Рейхелю Всеобщую Исторію, къ Чеботареву Россійскую высшую Словесность, къ Росту — Физику; а у протоіерея Петра Алексѣевича слушалъ я Законъ Божій. Университетъ имѣлъ при себѣ въ одномъ и томъ же составѣ гимназію, гдѣ обучались ученики низшаго разряда разныхъ приуго-

товительнымъ предметамъ. Изъ нея поступали въ вышесказанные классы къ профессорамъ тѣ только ученики, кои заслуживали повышенія въ студенты; и хотя я не былъ еще студентомъ, но удачный мой опытъ на экзаменѣ отворилъ мнѣ входъ на профессорскія лекціи; я началъ ихъ слушать ежедневно отъ 8 часовъ до 12 утра и отъ двухъ до 6 по полудни. Между студентами одинъ только я былъ ученикъ. Г. Совере позволено было являться вмѣстѣ со мной на лекціи; слѣдовательно присмотръ за мной былъ повсюду неослабный. Изъ такого ко мнѣ снисхожденія университетскихъ властей извлекалъ я ту существенную пользу, что по вечерамъ, возвращаясь домой, могъ слышать отъ Совере вновь объясненіе всѣхъ профессорскихъ лекцій того дня, и поелику онѣ преподавались на латинскомъ языкѣ, то мнѣ и нужно было тѣмъ прилежнѣе повторять ихъ дома подъ руководствомъ своего учителя. Слушая профессора при многихъ, не такъ удобно можешь все понять и удержать въ разумѣніи. Такимъ образомъ началъ я учиться съ Сентября мѣсяца. Директоръ университета г. *Приклонскій* оказывалъ мнѣ полное покровительство; кураторъ, престарѣлый и добрый *Мелиссино* являлъ мнѣ часто знаки своего благоволенія; гг. профессоры принимали во мнѣ участіе непритворное; студенты, сотоварищи мои, были ко мнѣ ласковы; оставалось самому не быть лѣнивu и пользоваться временемъ. О, сколь много обязанъ я былъ стараніямъ моихъ родителей и

попеченію моего Совере. Не дерзну приписать успѣхъ моего экзамена и всѣ счастливыя его послѣдствія моимъ отличнымъ талантамъ и трудамъ; сохрани меня Богъ отъ такой гордой мысли. Во всемъ способствовали мнѣ: покровительство Шувалова, вниманіе родителей моихъ къ учителямъ, ихъ услуги и ходатайства неотступныя!

Не отважусь также сказать здѣсь ни слова о томъ, полезнѣе ли былъ для меня такой ходъ воспитанія передъ тѣмъ, какой данъ бы былъ мнѣ въ чужихъ краяхъ. Вопросъ сей рѣшить можетъ одна опытность: моя слишкомъ недостаточна еще, чтобъ произнести рѣшительный приговоръ; думаю только, по неограниченной любви моей къ родителямъ моимъ, что всякое ихъ о мнѣ предположеніе долженствовало быть и лучшимъ и правильнѣйшимъ. Все, что имъ угодно было на мой счетъ придумать и основать, привыкъ я почитать для себя совершеннымъ. Вотъ въ чемъ и донынѣ состоитъ все мое любомудріе.

Между тѣмъ настоящій годъ долженъ особенно быть мною замѣченъ потому, что въ ономъ я первый шагъ сдѣлалъ изъ родительскаго дома въ общее семейство Московскаго Университета; слѣдовательно вступилъ въ міръ и началъ жить съ людьми.

Въ то же время и батюшка опять вступилъ въ службу. Праздная жизнь ему не нравилась. Дѣятельный разумъ его искалъ трудовъ, полезныхъ для общества. Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій извѣстенъ былъ у двора и въ дѣлѣ своемъ

искусенъ, полюбилъ моего отца, сдѣлался его благодѣтелемъ; по его ходатайству, батюшка опредѣленъ былъ Императрицею Екатериною прокуроромъ въ Коллегію, на которую было возложено хозяйственное управленіе имѣній, собранныхъ въ одну массу, подъ названіемъ экономическихъ волостей. При семъ назначеніи пожалованъ ему чинъ Коллежскаго Совѣтника.

1778.

Школьная жизнь доставила мнѣ разныя пріятности и развернула суетныя побужденія самолюбія. По случаю рожденія Великаго Князя Александра Павловича, 12-го Декабря протекшаго года, Московскій Университетъ праздновалъ торжественнымъ академическимъ актомъ въ Январѣ мѣсяцѣ сіе вожделѣнное событіе. Съѣздъ былъ огромный. Вся столица была приглашена слушать стихи и рѣчи, кои на разныхъ языкахъ были произнесены профессорами и студентами. И я удостоенъ былъ чести на сей разъ причислиться къ ихъ сословію. Г. Чеботаревъ сочинилъ краткую на русскомъ языкѣ рѣчь, согласную съ моимъ возрастомъ, которую я проговорилъ наизусть съ каѳедры. Надобно замѣтить, что ученики, произносившіе разные стишки, на каѳедру не становились: это преимущество принадлежало только студентамъ. Пусть вообразятъ, сколь важно было для меня имъ воспользоваться! Сколько же я и трусилъ, приготовляясь къ такой новой почести! — Въ юныхъ лѣтахъ на-

ніяхъ и малость дѣлается важнымъ происшествіемъ. Со мною вмѣстѣ робѣли за меня и всѣ домашніе. — Наконецъ наступилъ знаменитый день! Пришелъ срокъ и я взмостился на каѳедру, съ которой чуть видна была моя головенка, — принялъ видъ важный и заговорилъ. Голосъ мой сначала задребезжалъ; меня всего приняла дрожь болѣзни; но отступать было уже поздно; дѣло начато, — надлежало кончить, — и рѣчь свою я выговорилъ довольно удачно. Разумѣется, она была не велика. Рукоплесканія раздались во всей залѣ. Сколько въ ней было тогда отцовъ и матерей, и могли ли они равнодушно смотрѣть на ребенка, поставленнаго на такомъ мѣстѣ? Какъ услаждался во мнѣ червь самолюбія! Сердце билось, какъ маятникъ. Сошедши съ каѳедры, я бросился въ объятія моихъ родителей. Первые восторги моей радости принадлежали имъ безспорно. Слезы ихъ съ избыткомъ вознаграждали меня за всѣ мои безпокойства. Всѣ были мной и я всѣми доволенъ; и тотъ меня подзоветъ, и другой и третій; кто поцѣлуетъ, кто похвалитъ, кто скажетъ съ улыбкой благоволенія: «bravo, mon prince!» — а мое Я растетъ выше Ивана Великаго.... О, сладкія обновы сердечныхъ радостей! — износитесь вы скоро, — минуты ваши летятъ какъ вихрь, ничто ихъ возвратить не можетъ....

Въ Іюнѣ бываютъ ежегодные экзамены. Университетъ цѣлый мѣсяцъ ими занимается, а 30 числа они оканчиваются публичнымъ торжествен-

нымъ актомъ, на которомъ даютъ награжденія учащимся. Испытанія въ низшихъ классахъ были для меня весьма счастливы: я получилъ награжденіе изъ Русскаго класса г. Чеботарева,— оно состояло въ книгѣ съ надписью золотыми буквами: *за прилежаніе*. Книга эта донынѣ у меня хранится, какъ памятникъ юношескихъ моихъ успѣховъ. Мнѣ даны были нѣкоторыя сочиненія Ломоносова in quarto. Дорогà не книга, но цѣль сего подарка. По экзаменамъ высшихъ классовъ я удостоенъ производства въ студенты; публично провозглашенъ имъ, при многочисленномъ собраніи зрителей, въ аудиторіи и изъ рукъ г. директора Приклонскаго получилъ шпагу, какъ отличительный знакъ студента, получающаго, по установленіямъ университета, вмѣстѣ съ академическимъ симъ названіемъ, право на офицерскій чинъ при выпускѣ. Кто бы на моемъ мѣстѣ не обрадовался такому быстрому полету?

Подъ конецъ года университетъ лишился одного изъ лучшихъ своихъ профессоровъ: г. Рейхель скончался. Онъ былъ мастеръ своего дѣла, и по-латинѣ говорилъ безъ запинки; сладкоглаголивъ былъ въ классѣ и вниманіе наше безъ принужденія за нимъ слѣдовало. Со всею почестью, должной его заслугамъ, погребенъ сей ученый мужъ въ лютеранской киркѣ. Всѣ студенты сопровождали гробъ его и меня съ ними туда же возили. Всѣ о немъ единодушно жалѣли. Вотъ какъ въ наше время умѣли цѣнить достоинства, умѣли оказывать признательность добро-

дѣтельнымъ наставникамъ! Я не могу умолчать о семъ, дабы дѣти мои, которыя, можетъ быть, въ иныхъ временахъ застанутъ иные нравы, видѣли изъ моей исторіи, что благодарность составляла лучшую добродѣтель нашего вѣка, и въ воспитаніи юношества она ставилась существенною обязанностью Дай Богъ, чтобы это правило сохранилось; но сомнѣваюсь. — Мѣсто Рейхеля въ университетѣ заступилъ г. Чеботаревъ, который переведенъ изъ гимназіи, и началъ преподавать намъ Исторію уже не на латинскомъ, а на русскомъ языкѣ; что я нахожу весьма правильнымъ; ибо свой природный языкъ всегда знакомѣе чужого, слѣдовательно и наука вразумительнѣе. Скоро послѣдовали сему во всѣхъ классахъ и Русскій Языкъ сдѣлался наконецъ общимъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ,

Говоря о полезныхъ моихъ трудахъ, не скрою и шалостей. Кто безъ нихъ выросъ на свѣтѣ? Правда, я мало имѣлъ для нихъ досуга; празднаго времени оставалось у меня немного, потому что, кромѣ университетскихъ лекцій, я многимъ предметамъ обучался еще и дома, какъ на прим. Нѣмецкому Языку. Впрочемъ, мнѣ всегда было жаль батюшкиныхъ издержекъ на этотъ предметъ: нарѣчіе германское мнѣ вовсе не давалось, учился года два, и слова не затвердилъ. Славный Matecin училъ меня фехтовать и я принялся за ремесло рубаки прекрасно. Missoly и Grangé выправляли мнѣ ноги, — и я плясалъ изрядно. Старый артиллерійскій сержантъ занималъ меня

математическими упражненіями, но — грѣшный человѣкъ, — дошелъ до дѣлежа, и въ пень сталъ у дробей! — въ манежѣ славный Деккеръ гонялъ меня на хордѣ нѣсколько мѣсяцевъ и, въ угожденіе батюшкѣ, далъ мнѣ стремена и шпоры. — Всю школу выѣздилъ, а верхомъ сидѣть не выучился: что сяду на лошадь, то и долой на полъ, ногами вверхъ. Ходилъ даже ко мнѣ и солдатъ изъ-подъ Новинскаго пріучать меня къ барабанному бою. Я всѣ военные бои вытвердилъ и тревогу задавалъ въ лукошко, ходя по нашему палисаднику, мастерски. Одному рисованію и музыкѣ я не научился, потому что не имѣлъ терпѣнія обводить карандашемъ глаза и носы, также и пальцами не умѣлъ перебирать струнъ. Принимался за то и за другое: тщетно!— чего не дала природа, того не развернешь. Всякое существо имѣетъ свои способности; ихъ однихъ и воздѣлать могутъ труды и воспитаніе.

Казалось бы, что при такихъ неусыпныхъ трудахъ и безпрестанныхъ урокахъ нѣкогда проказъ творить; но ребенокъ на все найдетъ время. Я успѣвалъ между классами во время звонка, сойдя на дворъ будто бы для нужды, столкнуться съ разнощикомъ и нахватать въ-долгъ коврижекъ. У меня завелись потаенные пріятели: *Прошка* кондиторъ и В..... пряничникъ; и когда долги мои обнаруживались, батюшка ихъ оплачивалъ наличными деньгами, а меня сѣкали свѣжими прутьями. Но все это только шалости. Исповѣдую здѣсь откровенно проступки моей

юности, кои нынѣ, приходя мнѣ на память, обращаютъ все мое негодованіе на самого себя, потому что они были порочны,-и,-слава Богу! вѣчная благодарность родителю моему и наставнику Соверѣ! — безъ ихъ строгаго надзора я могъ бы сдѣлаться самымъ развратнымъ человѣкомъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ наблюдать ребенка. Первыя движенія нашего сердца, первые наши помыслы требуютъ бдѣнія за нами неотступнаго. Вотъ нѣсколько случаевъ, которые могутъ служить доказательствомъ сему замѣчанію.

Служба моего отца и мѣсто его въ Коллегіи Экономіи привлекали къ нему разныя лица и чины. Одинъ изъ знакомыхъ батюшки * * *, ѣздилъ къ намъ часто обѣдать и посидѣть. Изъ какихъ-то видовъ желая подслужиться батюшкѣ, онъ сталъ особенно ласкать насъ, дѣтей, въ надеждѣ уловить родителей моихъ слабостью чадолюбія. Меня выучилъ онъ играть въ карты и, не смѣя подвергнуться съ подарками, проигрывалъ мнѣ въ дураки и въ марьяжъ по 5 и по 10 рублей. Появились у меня денежонки; я хвасталъ своимъ счастіемъ въ игрѣ и такъ мало видѣлъ въ ней худого, что даже однажды не утаилъ удачи моей надъ игрокомъ самому Соверѣ. Тотъ смѣтилъ, въ чемъ дѣло, снесся съ отцемъ моимъ и совокупно стали дѣйствовать. Батюшка отказалъ своему знакомому отъ дома, а у меня Соверѣ отобралъ все до копѣйки и строго наказалъ за мою шалость. На то время она была только ребячествомъ, но могла укорениться и сдѣлаться

страстью подлой, низкой. Подобныя покушенія тушить должно съ первой искры. А съ какимъ злодѣемъ можно сравнить человѣка въ лѣтахъ и съ чиномъ, который подобными путями запутываетъ въ свои сѣти и самую невинность? Какая чума для дѣтей люди такого рода!

Долги, въ которые вводили меня пряники и дѣтскія лакомства, хотя не могли быть огромны (всякому это понятно), однако все превышали тотъ рубль, который мнѣ иногда подарятъ, бывало, батюшка и матушка, какъ ребенку, или за хорошій урокъ, или за смирную вечеринку. Задолжавши больше, я боялся сказать и вывертывался обманами. Никогда, никогда не прощу себѣ, что я не стыдился прибавлять счетъ билетовъ часовыхъ учителей и, дѣлавши это въ такое время, когда Совере на нѣсколько мѣсяцовъ отлучался, употреблялъ во зло довѣренность отца моего, который, платя черезъ меня учителямъ деньги, всегда выдавалъ мнѣ по числу билетовъ лишнее противъ того, что̀ должно было; а я сими излишками оплачивалъ мои прихоти и всегда сводилъ прекрасно концы съ концами. Тѣмъ тягостнѣе для меня нынѣ воспоминаніе такой лжи и, скажу безъ прикрасъ, такого мошенничества, что никто о томъ не зналъ, никто меня не усчитывалъ и я за этотъ поступокъ остался не наказанъ. Чѣмъ полнѣе была ко мнѣ довѣренность моего отца, который лучше обо мнѣ думалъ, нежели сколько я сто̀илъ, тѣмъ чувствительнѣе я въ поступкѣ моемъ раскаявался, пришедши въ

возрастъ. И для чего все это дѣлалось? Для какихъ-нибудь бисквитовъ или вяземской коврижки, которыя, бывало, торонлюсь тихонько въ углу гдѣ-нибудь съѣсть, чтобъ не видали! — И самое лакомство теряло свою сладость въ волненіяхъ боязни. О, сколько нужно трудовъ около ребенка!

Какъ камень свалилъ съ души, сказавъ здѣсь о тайныхъ моихъ грѣхопаденіяхъ въ юности! Взявъ намѣреніе писать сію книгу для своего потомства, я тѣмъ откровеннѣе говорю о себѣ, что хочу привлечь къ словамъ моимъ полную вѣру дѣтей моихъ, ежели оными благословитъ меня Богъ; — хочу, чтобы они видѣли меня со всѣми моими недостатками и пороками, и учились бы моими опытами исправлять подобныя слабости въ себѣ. Можетъ быть, и они не избѣгнутъ въ теченіе своей молодости тѣхъ или другихъ проступковъ: желаю только того, чтобъ они въ нихъ раскаявались такъ же чистосердечно, какъ и я, и чтобъ всегда на памяти было у нихъ, даже въ зрѣломъ возрастѣ, признаніе царя Давида, изрекшаго нѣкогда: «Господи, грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни!» —

1779.

По какимъ-то маловажнымъ несогласіямъ добрый Совере оставилъ домъ нашъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять переѣхалъ къ намъ. Тѣмъ временемъ, дабы я не терялъ порядка въ занятіяхъ своихъ, ходили ко мнѣ давать уроки въ свободные часы отъ университетскихъ клас-

совъ г. профессоръ Чеботаревъ, который уже нѣсколько лѣтъ обучалъ меня и сестеръ моихъ Русской Словесности, — студентъ Курика, который проходилъ со мною Латинскій Языкъ и укрѣплялъ въономъ, и студентъ духовной академіи Михайло Гумилевскій, бывшій потомъ подъ именемъ Моисея ѳеодосійскимъ епископомъ: онъ толковалъ мнѣ Церковную исторію и Катихизисъ. Такимъ образомъ я и безъ Совере былъ безпрестанно занятъ. Но, по привычкѣ къ нему, все мнѣ было его жаль, и я обратному его вступленію въ нашъ домъ очень обрадовался.

Въ этотъ годъ развернулась во мнѣ новая способность, ничтожная сама по себѣ, но которая, какъ увидятъ по времени, важное имѣла вліяніе на судьбу мою. Батюшкѣ угодно было, обновя построенный домъ свой, доставить намъ забавы, свойственныя нашему возрасту, и для сего построенъ былъ въ залѣ небольшой театръ, на которомъ я, въ первый еще разъ, сталъ играть и трагедіи и комедіи. Природная склонность тотчасъ оказалась. Никто меня не училъ декламировать, но ужь видно было изъ дѣтскихъ моихъ пріемовъ, что я достигну до нѣкотораго совершенства въ этомъ родѣ, — и признаюсь, что я безъ всякой натяжки самъ пристрастился къ актерскому дѣлу. Къ чему насъ влечетъ природа, то мы и будемъ. Если бъ я попался на руки къ славному тогда Дмитревскому: конечно, я бы вышелъ скорѣй совершенный актеръ, чѣмъ дипломатъ, философъ или что-нибудь другое.

Не стану разсуждать о томъ, есть ли добро или вредъ отъ театровъ въ обществѣ. Всѣ вещи въ мірѣ имѣютъ разные виды. Одобреніе или хула часто происходятъ не столько отъ сущности дѣйствія, сколько отъ того, съ какой точки зрѣнія человѣкъ на него смотритъ. Многіе писали противъ театровъ, многіе за нихъ. Задача не рѣшена; а между тѣмъ отъ самой глубокой древности находимъ въ человѣческихъ обществахъ театры и подобныя имъ зрѣлища. Но воротимся къ себѣ. Мы нѣсколько разъ поиграли зимою въ своей семьѣ, и отъ этого я лишнихъ тысячу стиховъ вытвердилъ наизусть и по-русски и по-французски, коихъ думаю, до смерти не забуду. Все, что въ молодости попадетъ въ голову, врѣзывается въ памяти, какъ на мѣди и едва ли стирается даже подъ старость.

Природа своимъ обыкновеннымъ порядкомъ стала образовать мою физику. Я вступилъ въ юномужество, которое латинская грамота называетъ *adolescentia*, и, какъ просто говорится по-русски, *передъ усами* — занемогъ сильной горячкой. Она была продолжительна, даже опасна. Весь Великій Постъ я не вставалъ съ постели. Лечили меня Скіадань и домовой лекарь Феттеръ. Сей послѣдній много трудами своими вспомоществовалъ моему выздоровленію. Неоднократныя шпанскія мухи замучили меня. Спознался я съ латинской кухней и съ немощами человѣческими; строгая діета, по мѣрѣ облегченія моего, еще болѣе меня охранила, чѣмъ всѣ химическія при-

правы господъ врачей. Тяжело было и мнѣ и родителямъ моимъ. Все около меня плакало. Смерть была, такъ сказать, у меня на носу; но что мы знаемъ, бѣдные человѣки, объ участи нашей? Все отъ насъ сокрыто въ будущемъ. Какъ часто природа, по манію Вседержителя тварей, затягиваетъ въ жизни нашей такіе узлы, отъ которыхъ, кажется, въ минуту вся нить ея перервется, когда, напротивъ, клубокъ дней нашихъ еще великъ и весьма еще далеко до послѣдней — глухой петли. — Благодареніе Богу; спасибо Феттеру! — Я выздоровѣлъ, сталъ опять на ноги, началъ расти и сдѣлался парнемъ. Услышалъ Отецъ Небесный молитвы родителей моихъ и, къ великому дню праздника Христова, я уже могъ съ сестрами свободно катать яица.

Потомъ опять за ученье, опять въ университетъ. Весь Іюнь, по обыкновенію, прошелъ въ экзаменахъ. Къ торжественному акту заданъ былъ въ классѣ высшей словесности латинской и русской отъ г. профессора Барсова предметъ для диссертаціи *laus Ciceronis* Всѣ студенты того класса, въ томъ числѣ и я, обязаны были представить на латинскомъ языкѣ похвальное слово сему великому римскому оратору. Въ университетѣ былъ такой законъ: когда ученики нижнихъ классовъ получали въ награду за прилежаніе книги, рисунки и прочія вещи, тогда студенты высшихъ наукъ награждались за превосходную диссертацію золотой, а за лучшія изъ прочихъ серебряною медалью. Первая готовилась только

одна, а послѣднихъ чеканили три съ особенными на нихъ учеными изображеніями, приличными случаю. Принялся и я за диссертацію и написалъ ее всю самъ. Но надобно было ее отработать и дать ей печать посильной изящности. Въ этомъ обязанъ я былъ попеченію сотоварища моего въ классахъ и учителя въ домѣ, помянутаго Курики. Онъ со мною вмѣстѣ прочелъ ее всю и погрѣшности исправилъ, недостатки пополнилъ, слабыя мѣста усилилъ. Диссертація вышла добра и я за нее получилъ серебряную медаль, которую долго хранилъ, но потомъ потерялъ, какъ-будто бы въ обличеніе, что не единственно самому себѣ былъ ею обязанъ.

При большомъ съѣздѣ въ публичной аудиторіи самъ г. кураторъ вручилъ мнѣ медаль; и потомъ я въ благодарность взмостился опять на каѳедру и произнесъ французскіе стихи подъ названіемъ: le triomphe d'Apollon, которые на сей случай нарочно сочинилъ для меня добрый мой Совере. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ тѣломъ расла и слава моя въ ученомъ вертоградѣ.

Осенью того же года удостоенъ я новой чести въ ученомъ свѣтѣ: принятъ въ *авскультанты* въ Вольное Россійское Собраніе при университетѣ, учрежденное съ цѣлію способствовать усовершенію отечественной словесности. Авскультантъ есть званіе академическое. По-русски можно объяснить его словомъ: протоколистъ; потому что должность моя была, засѣдая въ означенномъ собраніи за секретарскимъ сто-

ломъ, записывать голоса членовъ и пренія ихъ въ особый журналъ. Въ этомъ собраніи присутствовали первостатейные профессоры и другія ученыя московскія знаменитости. Оно составлялось по вечерамъ каждую субботу. Въ мое время происходилъ славный и громкій споръ, о которомъ твердятъ многіе и донынѣ, чтобы литеру ъ, яко букву, неимѣющую своего отдѣльнаго звука, и тѣмъ самымъ ненужную въ письменахъ россійскихъ, исключить изъ азбуки, подобно тому, какъ перестали употреблять *кси*, *пси*, и проч. Преніе сіе произвело множество насмѣшекъ, а пользы никакой.

Зимою матушка опять занемогла горячкой и новый докторъ г. *Пегелау*, принявъ ее на свои руки, очень ей помогъ. Болѣзнь ея, по стеченію разнородныхъ причинъ, была тяжела и продолжительна и, хотя она освободилась теперь отъ горячки, такъ же какъ и отъ прежней, но большую часть жизни своей, томясь въ разныхъ болѣзненныхъ припадкахъ, она стала наконецъ самою хворою женщиной.

1780.

По пословицѣ русской: чѣмъ глубже въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, живетъ и человѣкъ. Чѣмъ больше лѣтъ, тѣмъ больше опытовъ и случаевъ, къ нимъ ведущихъ.

Меня дома занималъ Совере переводомъ прекрасной книги г. Mercier: les songes philosophiques; но книга, ежели смѣю сказать, не соотвѣтство-

вала моему возрасту. Я не могъ понять ее совершенно; слѣдовательно переводъ мой вышелъ болѣе наборъ словъ, нежели смысленное сочиненіе. Домашніе мои учители, подъ руководствомъ коихъ я трудился, сколько ни старались исправить мой переводъ, но желаніе сохранить въ немъ нѣкорыя черты моей собственной работы сдѣлало то, что переводъ мой остался все не хорошъ, и только тогдашнія мои лѣта могли извинить его недостатки. Книга въ томъ же году напечатана. Переводчикъ ея наименованъ *аускультантомъ*. Вотъ первый шагъ къ знакомству моему съ ученой публикой. Я посвятилъ свой трудъ Ивану Ивановичу Шувалову, какъ жертву благодарности за покровительство его и попеченіе о моемъ образованіи. Почтенный вельможа удостоилъ меня привѣтливымъ письмомъ, котораго приложу я здѣсь копію. Это письмо составляло для меня важный трофей: оно обратило на меня вниманіе моихъ сверстниковъ.

Домъ нашъ въ это время вовлеченъ былъ въ необыкновенную разсѣянность. Слѣдующее обстоятельство подало тому поводъ: Императоръ римскій Іосифъ XI, подъ именемъ графа Фалькенштейна, путешествуя по Европѣ, былъ въ Петербургѣ и посѣтилъ Москву. Онъ изъявилъ особенное любопытство видѣть университетъ. Къ посѣщенію сему огромныя были сдѣланы приготовленія. Мы должны были въ присутствіи высокаго посѣтителя слушать наши лекціи и, такъ сказать, выдержать экстраординарный экзаменъ

въ разныхъ предметахъ. Занимательнѣе всѣхъ прочихъ классовъ былъ для путешественника— физическій. Профессоръ Ростъ приготовилъ нѣсколько опытовъ, въ числѣ коихъ назначено было и мнѣ по части воздуха показать и изъяснить одинъ. Мой опытъ состоялъ въ томъ, чтобы силою воздуха наружнаго разбить въ мелкія части гладкую поверхность стекла на металлическомъ стаканѣ, когда изъ-подъ колокола вытянется воздушнымъ насосомъ весь внутренній воздухъ. Насосъ сей называется на ученомъ языкѣ *anthia pneumatica*. Даны мнѣ нужныя орудія. Зала была наполнена множествомъ зрителей. Мой взоръ устремлялся на одно лице императора. Онъ со вниманіемъ смотрѣлъ на дѣйствіе, мною произведенное. Опытъ удался совершенно: стекло треснуло, и путешественникъ, подозвавъ меня къ себѣ, потребовалъ изъясненія причинъ, отъ чего сіе такъ случилось. Я удовлетворилъ его вопросу на латинскомъ языкѣ. Ему угодно было спросить, кто я таковъ, и потомъ онъ, съ благосклонною улыбкой изволилъ меня отпустить. Въ прочихъ классахъ уже дѣло до меня не доходило. Мнимый графъ выѣхалъ изъ университета совершенно имъ довольный и, какъ мнѣ казалось, замѣтилъ мое лице. Въ публичныхъ мѣстахъ, и куда начинали уже вывозить и меньшихъ моихъ сестеръ, императоръ любовался невинностью княжны Анны, ея танцами и часто съ нею говаривалъ, лаская ее, какъ ребенка. Подобные успѣхи въ большомъ свѣтѣ имѣла и другая сестра

моя, княжна Прасковья, какъ въ Петербургѣ во время нашей поѣздки туда, такъ и въ Москвѣ на праздникахъ графа Шереметева, которые давались для прусскаго принца Генриха. И такъ со стороны дѣтей своихъ родители мои были всегда судьбою довольны, а удовольствіе ихъ, отражаясь на насъ, дѣлало и насъ счастливыми и дома, и внѣ нашего семейства.

Отецъ мой видя, что мнѣ уже исполняется 18 лѣтъ, почувствовалъ необходимость записать меня въ службу. Всѣ молодые люди моего состоянія обыкновенно въ малолѣтствѣ записывались въ гвардію и дожидались офицерскихъ чиновъ по домамъ. Средство, общее съ ними, для меня уже было опущено. Тогда, какъ многіе въ мои годы дѣлались офицерами, непріятно было бы батюшкѣ заставить меня служить въ низшемъ чинѣ и нѣсколько лѣтъ ждать одинакихъ преимуществъ съ людьми, мнѣ по всѣмъ отношеніямъ равными. Остался одинъ способъ быть тотчасъ офицеромъ, хотя и не въ гвардіи; — и симъ способомъ обязанъ я университету. При учрежденіи его во времена Императрицы Елисаветы, Шуваловъ, сильный того вѣка вельможа, установилъ съ высочайшей конфирмаціи, чтобы всякій студентъ, изучившій латинскій языкъ, выпускаемъ былъ, по окончаніи наукъ изъ университета, оберъ-офицеромъ, и на основаніи сего узаконенія, я выпущенъ 3 Іюля въ прапорщики. Военная Коллегія выдала мнѣ патентъ и записала меня въ списокъ перваго Московскаго Пѣхотна-

го полка. Итакъ я, вопреки общему обычаю того времени, вступилъ въ службу полевымъ офицеромъ и сталъ между своей братьей, дворянами, нѣчто необыкновенное; потому что, какъ выше сказано, всѣ почти безъ изъятія благородные люди и съ малымъ достаткомъ наполняли гвардейскіе полки. Во всякомъ изъ нихъ считалось по нѣскольку сотенъ унтеръ-офицеровъ, а въ Преображенскомъ даже за нѣсколько тысячъ. Изъ этой толпы юношей, богатые и отличенные породой поступали въ офицеры, а прочіе выходили въ армейскіе полки уже капитанами, или, по крайней мѣрѣ, поручиками. Мнѣ одному суждено было показаться въ свѣтъ прапорщикомъ армейскимъ. Третье число Іюля сугубо сдѣлалось для меня замѣчательнымъ на всю мою жизнь. Въ этотъ день скончалась бабка моя схимонахиня Нектарія, — и въ тотъ же самый день, нѣсколькими годами позже, я вступилъ на службу царю и отечеству!

Здѣсь оканчивается эпоха моего юношества, и, по прямому моему плану, первая часть моей исторіи. О службѣ моей стану говорить въ слѣдующей. Теперь же еще изложу нѣкоторыя подробности о протекшихъ годахъ домашняго моего воспитанія. Не смотря на то, что я уже выпущенъ былъ изъ университета и перестаъ въ немъ слушать лекціи, добрый Совере оставался еще при мнѣ, и я много упражнялся дома съ нимъ и сторонними учителями, обучаясь нѣмецкому языку и Математикѣ, ѣздилъ въ манежъ,

фехтовалъ, танцовалъ и продолжалъ бить въ барабанъ. Батюшка перестал обращаться ко мнѣ съ одними угрозами и управлять мною орудіями страха: онъ допускалъ уже меня до разсудительной бесѣды съ собою, давалъ мнѣ наставленія и укорялъ съ любовію, безъ вспыльчивости гнѣвной. Матушка жаловала меня съ нѣжностью, но безъ поблажекъ. Мамы не прикармливали пряниками тихонько, а дядьки не драли за уши за все-про-все. Совере увѣщевалъ меня, но уже не стращалъ: все перемѣнилось во мнѣ и вкругъ меня!

Странное нѣчто о физикѣ моей передамъ здѣсь моему потомству. Я боялся посреди большой комнаты пройти одинъ, и приходилъ въ робость отъ всякаго насѣкомаго; я блѣднѣлъ и пугался ночныхъ тѣней въ саду, а паче на кладбищахъ. Станется, что мамы съ ребячества моего пугали меня привидѣніями, лѣшими, ворожеями, какъ то часто водится; но, кажется, должно въ подобныхъ случаяхъ при воспитаніи младенца отдѣлять тѣ страхи, кои вселяютъ въ насъ дурной навыкъ отъ естественныхъ отвращеній, кои всякому тѣлу сродны и сопутствуютъ ему до гроба. Эту истину дознал я на себѣ опытомъ. Батюшка хотѣлъ, чтобы я ничего не боялся, и строгія предпринималъ средства; не знаю, удалось ли бы ему исподоволь и съ мягкостью истребить во мнѣ пустые мои страхи: думаю однако, что нѣтъ,— полагая съ своей стороны, что физическое отвращеніе отъ чего-либо, которое мы, по привычкѣ, страхомъ называемъ, не можетъ быть ни чѣмъ

искоренно: по крайней мѣрѣ рѣшительно могу сказать то, что строгость не помогла моему отцу, ибо я до сихъ поръ, будучи уже женатъ и отецъ, все-таки боюсь большого пространства и широкимъ полемъ или залою одинъ никакъ не пройду. Врачи, съ коими я о семъ толковалъ, увѣряли меня, и я на ихъ мнѣнія соглашаюсь, что это происходитъ отъ особеннаго устройства моего зрѣнія. Иные боятся сверху смотрѣть внизъ: — мнѣ нѣтъ нужды; я съ Ивана Великаго глядѣлъ и не робѣлъ; напротивъ же посреди поля, или залы, у меня задрожатъ колѣна и я — ни съ мѣста. Мой взоръ ищетъ около себя границъ: безпредѣльность его смущаетъ. Сколько однако, и все напрасно, наказывали меня за это, приписывая шалости натуральный недостатокъ въ организаціи! Помню я: однажды батюшка приказалъ мнѣ взять жука въ руки, я не послушался отъ страха; батюшка принудилъ,—я взялъ, но затрясся и поблѣднѣлъ. И теперь не могу я видѣть этого насѣкомаго; не боюсь, но чувствую отвращеніе, и непремѣнно измѣнюсь въ лицѣ, когда жукъ попадется мнѣ на глаза. Мало ли людей, которые боятся даже неодушевленныхъ вещей? Подобныхъ примѣровъ множество. Батюшка, живя въ Волынскомъ, посылалъ меня часто одного послѣ ужина, при сіяніи полнаго мѣсяца, на ближнее кладбище, и самъ, стоя на крыльцѣ, смотрѣлъ въ слѣдъ за мною. Никогда не возвращался я оттуда домой безъ трепета и нервической судороги. Я не боюсь мертвецовъ, но, воз-

вращаясь съ похоронъ, бываю и нынѣ смущенъ и задумчивъ, теряю сонъ и все мое воображенiе разстроивается. Довольно сихъ примѣровъ, чтобъ показать, какъ нужно худой навыкъ отличать отъ естественнаго недостатка.

Прощай юность драгоцѣнная! ты летишь отъ меня какъ сонъ, и одна память представляетъ еще тебя моему воображенiю. Скоро и та износится, — изгладятся въ ней черты твои! — Буду еще говорить, что и я былъ ребенокъ, но уже не вспомню, не насладусь твоимъ ощущенiемъ, твоими забавами!

Вѣчная благодарность вамъ, наставники мои и учители! Хвала достопочтенному ментору Совере! Хвала и признательность университетскимъ властямъ за ихъ попеченiе! — До гробовой доски сохраню память о вашихъ трудахъ и благоволенiи ко мнѣ. До послѣдняго издыханiя стану благоговѣть предъ ликомъ добродѣтельныхъ мужей: Шувалова, Мелиссино и Хераскова, кои съ участiемъ сердечнымъ покровительствовали мнѣ въ храмѣ Аполлона и не пренебрегали моими малыми способностями! Да усовершитъ же Богъ толь благiя начинанiя и да ниспошлетъ родителямъ моимъ отраду увидѣть во мнѣ нѣкогда достойную отрасль своего знаменитаго корня. Забывая чистосердечно всѣ преграды, встрѣчавшiяся отцу моему въ его намѣренiяхъ о мнѣ, и покоряясь Промыслу, все устрояющему во благое, стократно возопiю:

Благословенъ Богъ, благословившiй тако: Слава Тебѣ!

Къ сему отдѣленію принадлежатъ два письма, кои особенную принесли честь моему дѣтскому возрасту; объ одномъ я уже упомянулъ: оно отъ Шувалова; другое получено мною при подаркѣ отъ преосвященнаго Самуила, который былъ очень друженъ съ отцемъ моимъ. — Вотъ съ нихъ обоихъ точныя копіи! Первое писано по-русски, послѣднее по-латинѣ. Я ихъ храню, какъ памятникъ не столько слабыхъ моихъ успѣховъ, сколько благосклоннаго вниманія ко мнѣ мужей, прославившихъ вѣкъ свой своими душевными достоинствами.

ПИСЬМО ШУВАЛОВА.

Государь мой!

Съ великимъ удовольствіемъ получилъ переводъ вашъ, мнѣ приписанный, за который приношу вамъ, государь мой, мое благодареніе. Желательно, чтобы благородные люди слѣдовали похвальному вашему примѣру въ ученіи. Ничто не можетъ быть полезнѣе отечеству, какъ знаніе въ людяхъ вашего рожденія, безъ которыхъ чины, знатность и всѣ наружныя преимущества тщетны. Вы, государь мой, именемъ и успѣхами дѣлаете честь нашему училищу.

Примите повтореніе въ моей признательности и почтенія, съ которымъ честь имѣю быть покорный и послушный слуга

Ив. Шуваловъ.

ПИСЬМО ОТЪ САМУИЛА.

Domine princeps Iohannes Michaëlicles!

Librum *), olim a me tibi promissum, tandem nunc mitto tuis usibus. Lege, relege, imo omnia quae in eo tuis commodis inservitura advertes, in succum et sanguinem, ut ajunt latini, converte.

Adjungo hic etiam dissertationem, latinam a Principe Paulo de Daschroff concinnatam, Edimburgi typis evulgatam, nuper ad me e Scotbandia transmissam. Evolve illam diligenter. Ejus stylus magnopere mihi arrisit. Ex animo vellem, ut ei palmam praeriperes. Cetera vale cum tuis carissimis parentibus omnibusque tibi sanguine junctis.

Ita vult et precatur tibi ex animo faventissimus Samuël Archiepiscopus Rostoviensis et Jaroslaviensis.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

*) Лучшій латинскій лексиконъ in guarto.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ

СОЧИНЕНІЯМЪ

ДОЛГОРУКАГО.

ТОМЪ II.

СУМЕРКИ МОЕЙ ЖИЗНИ.

МОИ СУББОТЫ.

С М Ѣ С Ь.

стр.

ЧЕТВЕРОСТИШІЯ.

ПѢСНИ НА РАЗНЫЕ ГОЛОСА.